

ПАНТЕОНЪ

№ 3. — МАРТЬ.

1851.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ.

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. МАЧИХА. Повѣсть *Р. М. Зотова*.

2. СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Второй разсказъ инвалида *П. Шереметевскаго.*
2. Мелодіи *Н. Грекова.*
3. Смотри! *Его-же.*
4. Усопшая *Его-же.*
5. Друзьямъ *Н. Сулова.*

III. ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

Галерея русскихъ художниковъ: **АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУМОРОКОВЪ**, какъ писатель и драматургъ. — Статья 2-я. *Г. И. Лаговскаго.*

IV. МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ТРАГИКА ТАЛМЫ, писанныя имъ самимъ. Книга первая главы 11, 12, 13, 14 и 15.

V. ЮМОРИСТИКА.

РАЗДѢЛЪ СЕРДЦА.

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. Бѣлая камелія, или маскарадъ въ Дворянскомъ Собраніи. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. барона *Ө. Ө. Корфа*.
2. Урокъ шуньямъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Г****.
3. Старина. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *М. К****.
4. Воспоминаніе о Персін. Ералашъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Г. К.*
5. Дочь Карла Смѣлаго, второе дѣйствіе изъ драмы *В. Р. Зотова*.

(*Бенефисъ 2-жи Впры Самойловой 2-й.*)

Замокъ Плесс-Летуръ. Трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, передѣланная *В. А. Каратыгинымъ* 1-мъ, изъ французской трагедіи *Делавиня* «*Louis XI*».

Въ чудомъ глазу сучекъ мы видимъ, въ своемъ не видимъ и бревно. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго *П. С. Федоровымъ*.
Статья **Ө. А. КОКИ.**

VII. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

СИГНАЛЫ МУЗЫКАЛЬНЫЕ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ.

Что такое наша «музыкальная пора»? — Новости нынѣшней музыкальной поры. — Начало съ конца. — Преобладаніе скрипки надъ прочими инструментами. — Еврейская и славянская скрипка. — Генрихъ Венявскій. — Русскій скрипачъ Аюнасьевъ. — Диво-скрипачка Вильма Неруда. — Ея игра и біографія. — Казиміръ Лада. — Концертъ Латышева и трубачъ Гомилюсъ. — Преизобиліе пьянистовъ всѣхъ видовъ и форматовъ. — Амалія Неруда. — Сеймуръ-Шифъ импровизаторъ. — Антонъ Рубинштейнъ. — Юлій Шульговъ, виртуозъ и композиторъ. — Его біографическій очеркъ. — Достоинства и заслуги Шульгофа. — Школа и характеръ его игры. — Сигналы художественные: — Эстампъ литографическій съ картины Штейбена «Христосъ на Голгоѣ», сдѣланный художникомъ Щедровскимъ и отпечатанный Полемъ-Пети. — «Художественный листокъ», издаваемый г. Тимономъ. — Фотографическіе портреты г. Кулиша.

VIII. СМѢСЬ.

1. Музыкально-хореграфическій праздникъ при дворѣ короля Генриха III.
2. Исторія одного носа. Разсказъ *Генриха Берту*.
3. Дикарка.
4. Мелочи.

IX. БАЛАГУРЪ.

Анекдоты, изрѣченія, острия слова, шутки и проч.

X. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ДѢВУШКА-МОРЯКЪ или СВАХА ВЪ НОВОМЪ РОДѢ. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Т. и Б.

Къ этому номеру прилагается: *Le chant de Berger*. Музыкальная элегія для фортепьяно, соч. Юлія Шульгофа. нет

Комедія П. С. Федорова «Старички», назначенная въ этотъ №, не могла войти въ составъ его и будетъ приложена къ слѣдующему 4-му №, независимо отъ пьесъ ему принадлежащихъ.

О П

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Ө. КОНИ.

ПАНТЕОНЪ И РЕПЕРТУАРЪ

ТОМЪ II.

МАРТЪ — КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

1851.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Ленинградская государственная библиотека
имени А. В. ДУНАЧАРСКОГО

уч. 40432
9817
18938.

ПАТЕНТЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 6-го
Апрѣля 1851 г.

Ценсоръ *Н. Ахматовъ.*

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МАЧИХА.

ПОВѢСТЬ

Р. М. ЗОТОВА.

I.

— Нѣтъ ужъ воля твоя, братецъ, — а Румянцевъ великій полководецъ.... Что ты мнѣ рассказываешь о своемъ Бонапартѣ! Велика мудрость побѣждать, когда у него, въ каждомъ сраженіи, тысячь тридцать войска больше противника, и когда его солдаты десять лѣтъ сряду набиваютъ себѣ руку въ военномъ ремеслѣ. Ну, назови мнѣ хоть одно сраженіе, на которомъ бы онъ, подобно Румянцеву при Кагулѣ, разбилъ 150,000 непріятелей съ 17,000 человекъ.

Такъ говорилъ съдой Екатерининскій бригадиръ Дементьевъ сыну своему полковнику Николаю Михайловичу Дементьеву, стоявшему съ своимъ полкомъ въ Москвѣ.

— Но вспомните, батюшка, отвѣчалъ полковникъ, подобную несоразмѣрность въ силахъ можно только допустить съ азіатскимъ, необученнымъ войскомъ. Съ одною ротою хорошо обученныхъ солдатъ можно разогнать тысячу сбродной толпы....

— Какъ мило! вскричалъ старикъ. Такъ ты думаешь, братецъ, что мы дрались съ мужиками и побѣждали бабъ? Нѣтъ, дружище, — извини! Кавалерія спаговъ не разъ врубалась въ наши лучшіе, дисциплированные каре, а янычары... о! янычары дрались славно...

— Я не спорю, батюшка. Но при Кагуль, въ счету 150,000 человекъ было до 80,000, кажется, крымскихъ татаръ, которыхъ вы, конечно, не будете выдавать за благоустроенное войско.

— Да, это правда! Половина была тутъ всякаго сброду. Но, мой милый — и съ остальными 70,000 спаговъ и янычаръ, предводимыхъ Великимъ Визиремъ, ты думаешь легко было справиться намъ, имѣя во фронтѣ только 17,000?

— О нѣтъ, батюшка — Румянцову и всемъ сподвижникамъ его вѣчная слава! Они первые доказали Европѣ, что только слабость западныхъ народовъ сдѣлала турокъ страшными, которыхъ трепетала вся Европа. Минихъ первый постигъ духъ русскихъ солдатъ и отбросилъ рогатки, которыя до-тѣхъ-поръ употребляли въ сраженіяхъ противъ турокъ. „Русская грудь лучше всякой стѣны!“ — говорилъ онъ, — и Румянцевъ вполне оправдалъ слова его. — Но вѣдь мы, батюшка, говорили о европейскихъ войнахъ...

— Въ которыхъ твой Бонапарте, не бойсь, первый полководецъ, по твоему? — прервалъ старый бригадиръ слова своего сына — Эхъ, Никола, дурно, братъ, что ты такъ расхваливаешь этого верхолета, который только тѣмъ и беретъ, что давить силами. Видно, ужъ Богу такъ угодно было, чтобъ этотъ выскочка не попался въ 1799 году нашему богатырю Суворову въ Итали, вмѣсто Макдональда подъ Требией, у Жубера подъ Нови. Тутъ бы нашла коса на камень. И я радъ побожиться, что Бонапарте не повторилъ-бы съ русскими своихъ Лоди, Арколе и Риволи. Но, видишь, смышлень. Улетѣлъ въ Египеть, тамъ, видишь, легче бить мамелюковъ, нежели драться съ Багратиономъ и Милорадовичемъ. Пусть дескать поколотятъ сперва моихъ пріятелей, — а я ужъ вернусь, какъ все будетъ кончено. И точно! прилетѣлъ, перевернулъ все вверхъ дномъ, усѣлся сперва на консульскія кресла, улучилъ цесарцевъ подъ Маренго и заставилъ взбалмошныхъ своихъ французовъ признать себя императо-

ромъ! Человѣкъ, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ былъ подпоручикомъ, началъ мутить всю Европу, и всѣ теперь кричатъ, что это первый полководецъ на свѣтѣ.

— Пусть всѣ говорятъ и думаютъ, что угодно, отвѣчалъ полковникъ. Въ разговорѣ съ вами я ужъ, конечно, говорю то, что думаю, и говорю вовсе не о консулѣ, не объ императорѣ, а о генералѣ, который поставилъ стратегію на высшую степень положительной науки. Я два раза уже дрался противъ него, и битва при Эйлау могла доказать ему, что борьба съ нами идетъ на жизни и смерть. Но, исполнивъ свой долгъ, я теперь сужу, какъ человѣкъ, который любитъ славное свое званіе солдата. Наполеонъ — великій полководецъ.

— Ахъ, перестань, пожалуйста, Никола! — вскричалъ старикъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, до котораго, по удивительной добротѣ характера, почти невозможно было довести его. — Я ужъ закаивался съ тобою говорить объ этомъ человѣкѣ. Но о чемъ говорить старому бригадиру, какъ о не славѣ, не о войнѣ. А съ-тѣхъ-поръ, какъ Наполеонъ появился, нельзя сказать ни слова о чемъ-нибудь военномъ, чтобы не наткнуться на него. Ну, пусть себѣ онъ первый полководецъ, но что-жъ мнѣ дѣлать, если я не люблю его. Это ужъ закоренѣлая мысль, которая, можетъ-быть, и несправедлива, но которую долбней не выколотишь изъ меня. Ну, вотъ не люблю, да и только.

— Я вовсе не виню этого чувства, батюшка, сказалъ полковникъ. Вѣдь и я не говорю, чтобы любилъ его; но только, какъ солдатъ, удивляюсь геніальной его стратегіи.....

— Перестань, говорю я тебѣ, Никола. Мнѣ самому смѣшно, что я такъ горячо принимаю это къ сердцу. Ты знаешь, это вовсе не въ моемъ нравѣ. Я каждаго человѣка радъ, кажется, любить и хвалить. А тутъ!... Прости Господи! Кабы я былъ суевѣрный человѣкъ, то подумалъ-бы, что этотъ Бонапарте лично сдѣлаетъ мнѣ какое-нибудь зло.

— Ну, это, кажется, невозможно, со смѣхомъ отвѣчалъ полковникъ.

— Вотъ по этому-то я и удивляюсь своей нелюбви къ нему. Тѣфу пропасть! даже потъ прошибъ, — прибавилъ старикъ, отирая свой лобъ, осѣненный рѣдкими сѣдыми волосами.—По-

говоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ, Никола. Ну, что твой Миша.

— Очень хорошо окончилъ свой университетскій экзаменъ, и на дняхъ выйдетъ — надѣюсь — со званіемъ кандидата 10 класса.

— Стало-быть, другъ Никола! — сказалъ старикъ, — внукъ Румянцевскаго сослуживца, сынъ заслуженнаго полковника и георгіевскаго кавалера, не будетъ въ военной службѣ?

— Но, батюшка, — отвѣчалъ съ твердостью полковникъ, — мы съ вами выросли на полѣ битвы. Вы меня съ малолѣтства назначили къ славному поприщу воина, и я васъ, отъ всей души, благодарю за это. Кажется, я оправдалъ надежды ваши...

Вмѣсто отвѣта, бригадиръ схватилъ руку сына, дружески пожалъ ее, не чувствуя, что тихая радостная слеза нависла на рѣсницахъ его.

— Но просвѣщеніе идетъ впередъ, — продолжалъ послѣ минутнаго молчанія полковникъ, — каждое новое поколѣніе требуетъ уже бѣльшаго образованія, болѣе обширныхъ свѣденій. Моимъ-же внукамъ надобно будетъ уже гораздо болѣе знать, нежели Мишѣ. Великій преобразователь Россіи Петръ Первый велѣлъ дворянамъ служить и учиться. И то и другое мы съ радостью исполняемъ. Тотъ можетъ съ пользою служить Государю и отечеству, кто обогатилъ свой умъ свѣденіями. Исполненіе долга — первая и важнѣйшая обязанность каждаго гражданина. Но, чтобъ въ полной мѣрѣ постигнуть этотъ долгъ — нуженъ твердый и образованный умъ. — Вотъ для чего я хотѣлъ, чтобъ мой Миша воспитывался въ Университетѣ. Я хочу, чтобъ онъ зналъ не менѣе всѣхъ своихъ будущихъ товарищей по службѣ.

— Но внукъ мой и не военный! прошепталъ старикъ, не поднимая голову.

— Кто вамъ говоритъ, батюшка, — сказалъ полковникъ, — что Миша непременно будетъ въ статской службѣ. Теперь, когда онъ получилъ наилучшее воспитаніе, какое возможно; когда онъ знаетъ все, что нужно молодому человѣку, какое бы поприще онъ ни выбралъ; теперь я предложу ему на выборъ: въ какую службу онъ хочетъ вступить?

— Дай-то Богъ, чтобъ въ военную, Никола! — со вздохомъ, сказалъ старикъ. — Это бы усладило послѣдніе дни моей жиз-

ни. Мнѣ кажется, я помолодѣю вдругъ двадцатью годами, если увижу Мишу въ эполетахъ. Ну, а если...

Старикъ не кончилъ своей рѣчи, но полковникъ понялъ его и отвѣчалъ:

— Тогда, да будетъ воля Божія. Принуждать я его не буду. Притомъ же, вы знаете мои домашнія обстоятельства. Мы съ вами не богаты. Но за покойною моею женою взялъ я порядочное имѣніе. Это имѣніе не мое, а принадлежитъ сыну. Если я его уговорю идти въ военную службу, то женщина родня, пожалуй, подумаетъ, что я хочу безотчетно управлять этимъ имѣніемъ. Я отецъ, а не управитель. Сына моего люблю я больше всего на свѣтѣ, — но въ день его совершеннолѣтія представлю ему отчетъ управленія моего со дня кончины доброй моей Вѣры, и смѣло могу увѣрить, что никто въ свѣтѣ не укоритъ меня утаенною копѣйкою. У меня нѣтъ ничего; у сына моего 500 душъ, но если онъ будетъ порядочнымъ человѣкомъ, то я буду счастливѣе всѣхъ богачей въ мірѣ.

— А все-бы лучше, кабы былъ военный, тихо ска- залъ бригадиръ.

— И будетъ, батюшка, повѣрьте. Но вотъ онъ! легокъ на поминѣ, прибавилъ полковникъ.

Дѣйствительно, въ эту минуту вошли, или лучше сказать, вбѣжали въ комнату два молодые человѣка. Одинъ изъ нихъ бросился обнимать полковника и старика, а другой очень учтиво и свободно съ ними раскланялся. Первый былъ, разумѣется, Миша: взрослый, стройный, красивый юноша, съ умною и выразительною фізіономіею, темнорусыми волосами, отъ природы курчавыми, съ пронизательнымъ взоромъ и привѣтною, хотя не очень частою улыбкою. Главными основаніями его характера была съ малолѣтства любовь къ отцу. Еще ребенкомъ видѣлъ онъ, что мать, которая была образцемъ нѣжности и доброты, любила отца его до безумія. Весь домъ, всѣ служители всегда о немъ отзывались съ любовью и благодарностію. Вступивъ въ учебное заведеніе, онъ и тамъ вездѣ слышалъ похвалы отцу своему. А когда реляція сраженія при Эйлау обнародовала отличный подвигъ его мужества, награжденный георгіевскимъ крестомъ, то Миша уже гордился своимъ отцемъ и еще болѣе сталъ лю-

бить его. Придя въ зрѣлый уже возрастъ юности, когда молодые люди начинаютъ разсуждать о жизни и обществѣ, Миша не разъ задумывался: почему отецъ воспитываетъ его для гражданской службы, а не велитъ слѣдовать по той же стезѣ, которую проходилъ самъ и старый дѣдъ его бригадиръ. Но все это тѣмъ и кончилось. Чтобъ объясниться объ этомъ съ отцемъ и спросить у него о причинѣ такого страннаго, повидимому, обстоятельства: это не приходило ему въ голову. Воля отца была для него священна и неизмѣнна.

Другой молодой человекъ, пришедшій съ Мишею, былъ университетскій его товарищъ и другъ, Григорій Дубицкій. Онъ былъ не такъ высокъ и строенъ, даже не такъ красивъ лицомъ, какъ Миша, но живѣе, веселѣе, игривѣе. Это было олицетворенное простодушіе и любезность. По странности, которая впрочемъ такъ часто случается между молодыми людьми, эти два совершенно-противуположные характера подружились между собою, какъ древніе Орестъ и Пилладъ. Въ Университетѣ иначе ихъ и не звали. Впрочемъ, дружба эта приносила обоимъ пользу. Дубицкій былъ живѣе, скорѣе, вспыльчивѣе, и Миша умиралъ его своею разсудительностію и осторожностію. Но самъ Миша былъ иногда суровъ, несправедливъ, даже повидимому злопамятенъ, и Григорій сглаживалъ все это своею веселостію, добродушіемъ и любезностію. Въ ученіи Дубицкій стоялъ выше Миши, и былъ первымъ ученикомъ. Умственные его способности были удивительны; память непостижима. Самый трудный и длинный урокъ стоило ему прочесть три раза, и онъ лучше всѣхъ зналъ его. Самыя сложныя математическія исчисленія дѣлалъ онъ въ умѣ. Стихи говорилъ экспромptomъ. Миша не завидовалъ ему, разумѣется, но удивлялся однако же способностямъ своего друга, разсуждая о нихъ въ фізіологическомъ отношеніи. Григорій, смѣясь, отвѣчалъ ему всегда на это, что мозговая его камеры похожи на очагъ, въ который положили слишкомъ много сухихъ дровъ. Теперь они горятъ ярко и блистательно, но скоро сгорятъ, и онъ останется въ потемкахъ.

Подобное сравненіе не удовлетворяло любознательнаго Мишу. Онъ допускалъ первую часть сравненія; но сомнѣвался, чтобъ подобный огонь, могъ преждевременно потухнуть.

— Что за вздоръ! говорилъ ему всегда Миша, и тутъ обыкновенно начинались философскіе диспуты, которые оканчивались, какъ и всѣ прочіе на свѣтъ, то-есть — ничѣмъ.

Дубицкій былъ сынъ богатыхъ родителей, проживавшихъ въ Москвѣ. Покойный отецъ его былъ камергеромъ Екатерининскихъ временъ, и хотя Гришѣ было уже десять лѣтъ, когда тотъ скончался, но онъ мало помнилъ виновника дней своихъ. Дѣти воспитывались тогда совсѣмъ иначе, нежели теперь. У Гриши былъ учитель французъ, а у сестры его (у Гриши была сестра, которая была двумя годами моложе его) французенка-мадамъ. У учителя съ Гришею былъ отдѣльный флигель на дворѣ, гдѣ они жили. Вставъ поутру, въ которомъ часу имъ было угодно, занимались они ученьемъ, сколько и какъ угодно. За полчаса до обѣда (тогда обѣдали въ два часа) являлись они оба въ залу. Гриша подходилъ къ ручкѣ къ матери и къ отцу и показывалъ имъ билетъ учителя, на которомъ было выставлено: чѣмъ они въ тотъ день занимались и хорошо-ли ученикъ зналъ урокъ. А какъ всегда на билетахъ стояли *bien, très-bien, parfaitement bien*, то родители и ласкали его всегда за прилежаніе и успѣхи. А какъ Гриша дѣйствительно, по любознательной и словоохотливой своей натурѣ, все безпрестанно болталъ со своимъ учителемъ, то и выучился очень скоро говорить по-французски. Чего-же больше? Это было тогда высшею степенью дѣтскаго образованія. Гости, съѣзжавшіеся всякій день къ отцу его (злослычники говорили, что къ его повару), удивлялись также быстрымъ успѣхамъ Гриши, потому что онъ готовъ былъ съ каждымъ болтать по получасу по-французски. Послѣ обѣда учитель вводилъ Гришу опять въ свой флигель, и до слѣдующаго обѣда ни отецъ, ни мать не заботились уже о немъ. По удивительному счастью мусье-Французъ (какъ его звали во всемъ домѣ) былъ изъ числа полу-порядочныхъ людей. Ужасная революція девяностыхъ годовъ наводнила тогда всю Европу эмигрантами. Вѣрные своему несчастному королю и преданьямъ, эти люди покинули свое отечество, гдѣ владычествовалъ ужасъ и безначаліе. Попытавшись возвратиться на родину съ оружіемъ въ рукахъ, чтобъ возстановить законнаго своего государя, они вскорѣ увидѣли свое безсиліе и разсѣя-

лись по всѣмъ странамъ. Часть ихъ досталась и на долю Россіи. Были между ними благороднѣйшіе и умнѣйшіе люди (каковы Ришелье, Ланжеронъ и другіе); но были и легкомысленные, съ закоренѣлыми идеями о феодальныхъ правахъ среднихъ вѣковъ и съ отуманенными головами философіи энциклопедистовъ. Этихъ людей принимали изъ состраданія, по законамъ древняго славянскаго гостепріимства; и многіе изъ нихъ получали учительскія мѣста въ частныхъ домахъ. Слово *эмигрантъ*, казалось тогда священнымъ для всей Европы. Это былъ типъ гонимаго, благороднаго и несчастнаго сословія. Ихъ вездѣ принимали съ отверстыми объятіями, и на долю русскаго юношества восьмисотыхъ годовъ досталось ихъ не мало.

Мы выше сказали, что у малолѣтняго Гриши была сестра. Ее звали Лизою, и она точно также воспитывалась подъ надзоромъ француженки, которой всѣ уроки, кромѣ французскаго языка, состояли въ томъ, чтобъ держаться прямо и опускать глаза. И Лиза только къ обѣду являлась къ матери, отвѣчала ей на нѣсколько вопросовъ, цѣловала руку, получала нѣкоторыя замѣчанія на счетъ одежды и прически, и только.

Отецъ Гриши уже записалъ было его въ гражданскую службу и говорилъ, что цѣль жизни и службы его сына должна быть таже самая, какую онъ и самъ имѣлъ, а именно сперва камеръ-юнкерство, а потомъ камергерство. Но судьба распорядилась иначе. Отецъ Гриши, слишкомъ аппетитно какъ-то покушалъ грибовъ и отправился къ предкамъ, а мать, поплакавъ обычный шестинедѣльный срокъ, разсудила, что домашнее воспитаніе мальчика безъ отца очень ненадежно, и отдала его сперва въ Университетскій Пансіонъ, а оттуда перешелъ онъ и въ Университетъ, гдѣ, по счастливымъ способностямъ своимъ, сдѣлался первымъ ученикомъ.

— Ну что, Мишель! — спросилъ полковникъ у сына. — Кончились ваши экзамены?

— Все кончено, папа, — отвѣчалъ Миша. — Честь имѣю явиться кандидатомъ съ чиномъ 10 класса, — а друга моего Григорья Дубицкаго позвольте вамъ представить сегодня, какъ перваго кандидата по выпуску, награжденнаго золотую медалью.

— Поздравляю, господа, поздравляю, — сказалъ полковникъ. — Съ этой минуты вы уже не ученики, а граждане

Россіи, которыхъ вся жизнь должна состоять въ томъ, чтобъ быть вѣрными слугами государя и полезными членами общества.

— У меня на это, папа, два прекрасные примѣра передъ глазами. Вы и дѣдушка, кажется, можете служить лучшими образцами, какъ должно служить.

— И мы передъ твоимъ приходомъ только что толковали съ твоимъ дѣдушкою на счетъ будущаго твоего поприща. Мой отцовской долгъ состоялъ въ томъ, чтобъ дать тебѣ наилучшее воспитаніе. А теперь, когда оно кончилось; когда уже ты самъ сдѣлался членомъ гражданскаго общества и когда собственнымъ умомъ знаешь, что цѣль жизни русскаго есть служба и исполненіе долга, — то самъ можешь выбрать поприще, къ которому чувствуешь наиболѣе склонности и расположенія.

— Какъ, папа? — радостно вскричалъ Миша. — Неужели вы такъ добры, что предоставляете мнѣ самому этотъ выборъ?

— Разумѣется, другъ мой. — Человѣкъ можетъ быть полезенъ обществу во всякомъ званіи, лишь бы только онъ исполнялъ свой долгъ добросовѣстно и съ искреннимъ желаніемъ добра и чести. Назначивъ тебя самъ въ какой-нибудь родъ службы, я, можетъ быть, на старости, сталъ-бы себя упрекать за назначеніе, къ которому ты, можетъ быть, не будешь расположенъ, или даже способенъ. По этому я и хотѣлъ ограничиться только тѣмъ, чтобы дать тебѣ такое воспитаніе, съ которымъ ты могъ-бы всегда быть полезенъ. Говори-же, мой милый, и выбирай. Гдѣ хочешь служить?

— Винавать, папа! — сказалъ Миша, съ радостнымъ порывомъ цѣлуя руку отца. — Я еще не могу опомниться отъ удовольствія, что въ самомъ дѣлѣ могу слѣдовать самому пламенному и единственному моему желанію, — объ исполненіи котораго, признаюсь, я не смѣлъ думать О! теперь я еще больше чувствую всю вашу доброту и снисхожденіе.

— Полно, милый другъ, — отвѣчалъ отецъ, обнимая Мишу. — Любя тебя, я только исполняю долгъ мой... Ну, такъ какъ-же ты рѣшаешься?

— Могу-ли я, милый папа, выбрать что-нибудь другое, кромѣ того прекраснаго и благороднаго поприща, по которому

вы сами и добрый мой дѣдушка съ такою ласвою прохо-дили?... Болѣе не могъ уже Миша говорить, потому что съ одной стороны старый бригадиръ, сидѣвшій до-тѣхъ-поръ неподвижно въ креслахъ, съ опущенною головою, вдругъ, какъ бы отъ сильнаго электрическаго удара, вскочилъ и со слезами на глазахъ началъ обнимать его, а съ другой самъ отецъ осыпалъ его поцѣлуями. Нѣсколько минутъ продолжалась эта сцена восторговъ, — и Григорій Дубицкій, бывшій свидѣ-лемъ ея, смотрѣлъ на нее съ равнодушіемъ.

— Ну, Никола! — вскричалъ бригадиръ. — Теперь я по-молодѣлъ, теперь я веселъ, доволенъ и счастливъ. Теперь молю только Бога, чтобъ онъ далъ мнѣ дожить до того, чтобъ увидѣть Мишу въ эполетахъ....

— Послушай, другъ мой, — сказалъ полковникъ сыну. — Ты видишь, какъ твой выборъ радуется насъ. Но я долженъ однако предупредить тебя, что вступая въ военную службу, ты будешь долженъ начать ее съ нижнихъ чиновъ — и толь-ко усердіемъ своимъ достигнуть перваго офицерскаго чина черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. — Не будешь-ли ты раскаяваться въ этомъ?

— Самъ великій преобразователь нашъ Петръ! не подаль-ли всѣмъ русскимъ великаго примѣра, служа съ нисшихъ званій въ арміи и во флотъ? — О, нѣтъ, милый папа! вскри-чалъ Миша. Я все это знаю. Правила дисциплины не иначе можно изучить, какъ подвергшись имъ съ нижнихъ чиновъ. Тотъ никогда не будетъ уметь командовать, кто не учился повиноваться.

Начались новыя объятія и поздравленія, и когда прошелъ первый ихъ пылъ, то и Дубицкій подошелъ къ Мишѣ, про-тянулъ къ нему руку и сказалъ:

— Поздравляю тебя, Мишель, твои желанія исполни-лись наконецъ.

— Ахъ, да! Грегуаръ, вскричалъ Миша. — Ты помнишь, какъ я часто въ дружескихъ нашихъ бесѣдахъ говорилъ те-бѣ; что это единственное желаніе моей жизни, о которомъ я не смѣлъ сказать моему отцу. А теперь судьба такъ устро-ила, что я этимъ еще дѣлаю ему удовольствіе.... можетъ-ли кто быть счастливѣе меня?

— Поздравляю! — повторилъ Дубицкій.

— Благодарю тебя! сказалъ Миша. — Жаль только, что ты не хочешь быть воиномъ; но это не помѣшаетъ намъ остаться друзьями на всю жизнь.

Молодые друзья бросились въ объятія другъ друга, — и братскій поцѣлуй запечатлѣлъ увѣренія ихъ въ вѣчной дружбѣ.

— А вы, конечно, поступаете въ статскую службу? — сказалъ Дубицкому полковникъ, желая измѣнить разговоръ.

— Точно такъ, Николай Михайловичъ, — отвѣчалъ Григорій. Я хочу идти по дипломатической части.

— О! это тоже прекрасное поприще! — сказалъ полковникъ....

Эта выходка дѣйствительно должна была перемѣнить ходъ разговора, какъ вдругъ старый бригадиръ сѣлъ опять въ свои кресла, опустилъ голову и, не слыша уже дальнѣйшаго разговора, вдругъ прервалъ рѣчь полковника и сказалъ Дубицкому:

— А напрасно вы, молодой человекъ, не хотите служить съ моимъ внукомъ. Онъ поступилъ прекрасно.... Я, конечно, не мѣшаюсь въ чужія семейныя дѣла, но все-таки вы бы лучше сдѣлали, еслибъ послѣдовали своему другу и вступили въ военную службу.

— Э, батюшка! — прервалъ его полковникъ. — Всякій хорошій и полезный на своемъ мѣстѣ. Недолжно никого упрекать за выборъ себѣ поприща.... Г-нъ Дубицкій будетъ, можетъ статься, славнымъ дипломатомъ, — а дипломаты также нужны, какъ и хорошіе генералы....

— Конечно, — проворчалъ тихо бригадиръ, — а вы бы лучше....

— Полноте, батюшка. Вы измѣняете всегдашней добротѣ вашего характера, осуждая выборъ г. Дубицкаго. Вашу руку, молодой человекъ! будьте только всегда добры и человеколюбивы, сохраняйте чистоту совѣсти, — и повѣрьте, что во всякомъ званіи заслужите любовь и уваженіе согражданъ.

Дубицкій съ чувствомъ благодарности пожалъ руку полковника — и разговоръ обратился на городскія новости, на театръ, на погоду и тому подобное.

II.

Нѣсколько времени спустя, Миша уже щеголялъ въ юнкерскомъ мундирѣ, а другъ его Дубицкій разъѣзжалъ четверкою въ каретѣ по театрамъ и баламъ. Миша, съ разсвѣта и во всякую погоду, отправлялся, по утрамъ, въ экзерциргаусъ и съ пламенною охотою приучался къ военному званію. А Григорій спалъ до полудня и, за сытнымъ завтракомъ, придумывалъ, какъ-бы ему веселѣе провести каждый день. — Все это не мѣшало однако прежнимъ друзьямъ видѣться почти ежедневно. Окончивъ ученье, Миша приходилъ отдыхать къ Дубицкому и завтракалъ у него, или являлся къ обѣду и проводилъ у него вечеръ.

Мать Дубицкаго была милая, свѣтская женщина, лѣтъ сорока, любившая еще блистать въ свѣтѣ, — а сестра его, Лиза, достигшая тогда шестнадцатилѣтняго возраста была одною изъ прелестнѣйшихъ дѣвушекъ Москвы. Они жили довольно открыто и роскошно. Доходовъ съ двухъ тысячъ душъ достаточно имъ было, чтобъ жить на барскую ногу. — Когда Гриша вышелъ изъ Университета и вступилъ въ службу, то не смотря на видимую свою вѣтренность, потребовалъ у управителя годовыхъ счетовъ, чтобъ видѣть *бюджетъ* своего семейства. Тотъ было сперва сказалъ, что все дѣлается по приказанію маменьки, и Гриша отправился къ ней съ вопросомъ, какимъ образомъ она ведетъ свои расходы?

Это случилось поутру, когда еще маменька занята была своимъ туалетомъ. Съ изумленіемъ посмотрѣла она на сына и отвѣчала, что расходы ведетъ управитель, которому присылаютъ оброки со всѣхъ деревень и которому это дѣло поручено было покойнымъ отцемъ Гриши.

— Но вѣдь этотъ человѣкъ, можетъ быть, васъ обманываетъ, татап, сказалъ Дубицкій, можетъ быть, вы получаете гораздо болѣе, нежели истрчиваете....

— Не думаю, другъ мой, — отвѣчала мать. — Твой отецъ былъ умный и дѣльный человѣкъ. Онъ, бывало, съ гостями все толкуетъ хозяйствѣ.... Такъ ужъ вѣрно онъ хорошо зналъ его.

— Но я его вовсе не знаю. Я хочу поучиться на практикѣ, въ маленькомъ, домашнемъ размѣрѣ. Вы мнѣ позвольте распорядиться, чтобъ управитель состоялъ въ моемъ непосредствен-

номъ распоряженіи, я потребую у него расходныхъ книгъ, сочту, соображу и расскажу вамъ, что найду.

— Дѣлай, мой другъ Грегуаръ, что хочешь, — отвѣчала мать съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, — ты хозяинъ, — имѣнье *твое*. По законамъ мнѣ слѣдуетъ изъ него самая малая часть....

— Седьмая, татап, — прервалъ ее Гриша, — а Лизъ слѣдуетъ четырнадцатая, — то есть, изъ 2000 душъ, вамъ 285, а сестрѣ 142, всего 427, остальные принадлежать, по закону, мнѣ, но какъ я самъ, и по чувствамъ, и по родству, совершенно принадлежу вамъ, — то вы и останетесь навсегда полновластною хозяйкою дома. Всякое ваше желаніе будетъ свято и въ точности выполняемо. Только вмѣсто того, чтобъ приказывать управителю, вы будете отдавать приказаніе мнѣ, а я ужъ передамъ ихъ кому нужно. Позвольте мнѣ, милая татап?

— Съ удовольствіемъ, другъ мой, — сказала госпожа Дубицкая, нѣсколько успокоясь. Только смотри, не запутай самъ своихъ дѣлъ, — управитель чловѣкъ порядочный. И до-сихъ-поръ у него въ концѣ года всегда были кое-какіе остатки, которые ему всегда, разумѣется, дарили и отецъ твой, и я....

— Да! это тѣ остатки, которые онъ показывалъ, я изъ любопытства посмотрю: не было-ли другихъ.

— И! что ты, другъ мой! Вѣдь цифръ нельзя сочинить, — а въ его годовыхъ отчетахъ цѣлыя странницы наполнены были цифрами, тебѣ, я думаю, некогда будетъ и разобрать ихъ.

— Напротивъ, милая татап. Я страстный охотникъ до исчисленія. Въ Университетѣ я славился удивительною способностію быстро обнимать самые огромные ряды цифръ, послѣ этого управительскіе счета мнѣ бездѣлица.

— Ну, какъ хочешь, дружечекъ. Попробуй, я очень буду рада. Мнѣ женщинѣ ужасно тяжела эта работа....

Наговоривъ матери еще множество лестныхъ фразъ, которыми совершенно успокоилъ ее, Дубицкій воротился въ свою комнату и потребовалъ къ себѣ управителя.

— Я былъ у маменьки, — сказалъ онъ, — и она мнѣ передала управленіе всѣмъ домомъ и расходами. Если ей нужно, то она будетъ приказывать мнѣ, а вы ужъ не иначе, какъ отъ меня, будете получать приказанія.

— Слушаю-съ, съ замѣшательствомъ отвѣчалъ управитель.

— А для руководства моего, — прибавилъ Гриша, — принесите мнѣ нѣсколько вашихъ годовыхъ отчетовъ, я просмотрю ихъ, чтобъ ознакомиться съ предметомъ.

— Смѣю доложить вамъ, что прошлогодніе отчеты все покончены и утверждены его превосходительствомъ покойнымъ папенькою, или послѣ него вашею маменькою....

— Я и не думаю провѣрять ихъ, — прервалъ его Гриша, — а хочу только видѣть, прочесть....

— Извините, Григорій Ивановичъ, — я не берегъ ихъ, какъ скоро кончено, то на что хранить непужыя бумаги, — но вы можете спросить у ея превосходительства, вашей маменьки....

— Знаю! она ужъ мнѣ все рассказала. — Ну, если нѣтъ отчетовъ, такъ покажите мнѣ все приходныя и расходныя книги....

— Вы извините, Григорій Ивановичъ, — съ величайшимъ замѣшательствомъ сказалъ управитель, — но я такъ много занять по моей должности, цѣлый день, а иногда и ночь, что ни малѣйшей нѣтъ возможности всякой день вносить въ книги статей прихода и расхода. Все на лоскуткахъ, запискахъ, счетахъ, письмахъ! Берегу ихъ аккуратно, а къ концу года и составляю изъ нихъ самый вѣрный отчетъ.

— Это удивительно! — сказалъ Дубицкой. — Всякій день записывать у васъ не достаетъ времени, а къ концу года вы находите столько времени, чтобъ все написать вдругъ.

Управитель переминался съ ноги на ногу; логическій доводъ Гриши сбиль его съ толку. Онъ только въ полголоса могъ сказать.

— Извините, но такъ уже было заведено его превосходительствомъ вашимъ папенькою.

— Я не смѣю судить, какія причины имѣлъ батюшка чтобъ такъ поступать; но я подражать ему не буду, я хочу полного порядка и отчетности.

— Извините, Григорій Ивановичъ, моя долготѣня и усердная служба.... моя преданность къ его превосходительству, вашему батюшкѣ.... и къ вашему дому....

— Очень благодаренъ вамъ за нихъ, — но это не мѣшаетъ отчетности. Угодно-ли вамъ заняться ею?...

— Это мой долгъ, Григорій Ивановичъ, но... можетъ быть, *вамъ* не угодно, чтобъ я продолжалъ заниматься управленіемъ вашихъ дѣлъ? Можетъ быть у васъ есть кто-нибудь въ виду....

— Э, любезный г. Сусликовъ (такъ звали управителя), неужели вы думаете, что я бы сталъ церемониться съ вами? Совсѣмъ нѣтъ! оставайтесь съ Богомъ на своемъ мѣстѣ. Я знаю, что всякій новый человекъ дороже бы мнѣ пришелся, нежели вы. Но безъ отчетности я жить не могу. Я всякій день хочу знать, что получается и что раздается. — Вы, я вижу, не любите вести книгъ. Ну, такъ я самъ буду вести ихъ. Но прошу васъ сегодня-же представить мнѣ всѣ счета, какъ бы они незначущи ни были, я ихъ буду подписывать, — а безъ моей подписи не смѣйте выдавать ни копѣйки.

— Слушаю-сь.

Тѣмъ разговоръ кончился и Гриша принялся, съ удивительною аккуратностію, вести счетныя книги *и дѣлать экономію*, какъ говорятъ французы. Это была, конечно, рѣдкая черта въ молодомъ и богатомъ девятнадцатилѣтнемъ юношѣ, — но рѣдкости бывають вездѣ. Какъ Григорій былъ совершенно домашнимъ человекомъ у Миши, отца его и дѣда, такъ и Миша считался въ домъ Дубицкаго, какъ-бы принадлежащимъ къ его семейству. Сперва было превосходительная маменька немного поморщилась, увидя тѣсное знакомство сына своего съ юнкеромъ; но когда она узнала, что у него 500 душъ, то махнула рукою и принимала его ласково и радушно.

Сперва Миша ходилъ къ Дубицкому по привычкѣ къ его обществу, — но вскорѣ почувствовалъ, что въ этотъ домъ влечетъ его и другое чувство. Молодой восемнадцатилѣтній юноша, могъ-ли онъ оставаться равнодушнымъ, видя ежедневно Лизу. Еслибъ Москва не знала на перечетъ всѣхъ своихъ богатыхъ невѣстъ и еслибъ Лиза не была подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ на счетъ приданого, то за нею бѣгали-бы всѣ искатели невѣстъ. — Но восхищаясь ею на балахъ, гуляньяхъ и въ спектакляхъ, всѣ молодые люди вели себя очень осторожно въ отношеніи къ ней, чтобъ нечаянно не попасть въ женихи. Одинъ только Миша, не имѣвшій никакихъ ко-

рыстныхъ видовъ, которые такъ портятъ нашу молодежь, любовался ею всякій день отъ души и безотчетно, онъ восхищался ею, какъ прелестнѣйшимъ созданиемъ природы, не думая вовсе о томъ: будетъ-ли она *его*, или чьею-нибудь невѣстою. И Лиза, которая вовсе не понимала, что значить волшебное слово *приданое*, инстинктивно однако видѣла, что всѣ прочіе ею *любуются* только, а Миша *любитъ*. Ей не могло и въ голову придти, что еслибы къ ея 150 душамъ прибавился одинъ нуль, то вся эта молодежь лежала-бы у ногъ ея. Она воображала, что всѣ люди искренны и выражаютъ свои чувства, какъ ихъ ощущаютъ. И потому полагала, что всѣ прочіе молодые люди смотрятъ на нее, какъ на картинку въ рамкѣ, а одинъ Миша, какъ на дѣвушку, которая сама въ состояніи любить. И она полюбила его.

Между ними не происходило никакихъ романическихъ встрѣчъ, никакихъ объясненій и даже намековъ. Они видѣлись ежедневно, — и въ свѣтлыхъ взорахъ этихъ двухъ чистыхъ существъ отражалась истинная любовь, безъ порывовъ страстей и волнованій. Не говоря другъ другу ни слова, они чувствовали, что должны принадлежать одинъ другому — и потому любовь ихъ была спокойна и молчалива.

По заведенному въ повѣстяхъ порядку, надобно теперь чтобъ и другой герой повѣсти поскорѣй влюбился. За этимъ дѣло не станеть.

Однажды Миша съ ученья пришелъ къ Дубицкому и засталъ его подъ влияніемъ какого-то очарованія. Онъ рассказалъ ему, что, бывши наканунѣ въ театрѣ, увидѣлъ прелесть-дѣвушку, сидѣвшую въ креслахъ со старикомъ. Сидя передъ ними, онъ тотчасъ-же замѣтилъ, что это пріѣзжіе провинціалы, которые ни о чемъ сценическомъ понятія не имѣютъ, — и вступилъ со старикомъ въ разговоры, далъ ему афишу, растолковалъ ему все, что нужно, дополнялъ эти свѣденія въ каждомъ антрактѣ. Немного труда стоило, чтобъ познакомиться съ добрымъ и доверчивымъ старикомъ. И когда, при выходѣ изъ театра, разѣзжавшіеся экипажи, показались такъ страшны и опасны для дѣвушки, то Дубицкій предложилъ имъ отвезти ихъ въ своемъ экипажѣ домой. Старикъ съ удовольствіемъ принялъ услугу, и дѣвушка, впервыѣ ѣхавшая четверкою въ роскошной каретѣ, была въ во-

сторгъ отъ любезности Гриши. Когда онъ ихъ довезъ, то старикъ, разумѣется, просилъ Дубицкаго зайти къ нему на чашку чаю, и Гриша очень былъ радъ приглашенію. Тутъ онъ узналъ, что старикъ и дочь дѣйствительно пріѣзжіе, никогда не бывшіе въ столицѣ; что отецъ отставной бригадиръ, жившій со времени своего увольненія въ деревнѣ, гдѣ схоронилъ жену свою и воспиталъ дочь; что теперь, по случаю смерти двоюроднаго брата, не имѣвшаго ни рода, ни племени, но оставившаго богатое наслѣдство, имѣніе его доставалось ему, или лучше сказать его Машѣ, но что другіе оспариваютъ у него это наслѣдство и процессъ по этому дѣлу, производясь уже нѣсколько лѣтъ, долженъ быть окончательно рѣшенъ въ Сенатѣ. Чтобъ хлопотать по этому дѣлу, старикъ и пріѣхалъ теперь въ Москву.

— Ну, разумѣется, ты предложилъ ему свои услуги и стряпческія знанія, — прервалъ его, улыбаясь, Миша, — и теперь ты адвокатъ отца и поклонникъ дочери.

— То-то и бѣда, мой милый, что едвали не *тебѣ* придется исполнять эту должность, отвѣчалъ Дубицкій.

— Это какимъ-образомъ? съ удивленіемъ спросилъ Миша.

— А вотъ такимъ, что старикъ отыскиваетъ здѣсь въ Москвѣ давнишняго своего знакома, бригадира Дементьева, и надѣется, что онъ ему поможетъ.

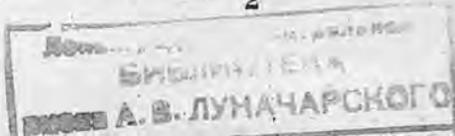
— Мой дѣдушка!

— Ну, да! Эти люди думаютъ, что пріатели остались молодыми, послѣ того, какъ они съ ними видѣлись лѣтъ тридцать тому назадъ. Я, разумѣется, объявилъ, что очень хорошо знакомъ не только съ бригадиромъ и съ сыномъ его полковникомъ Дементьевымъ, но даже съ внукомъ, который вступилъ юнкеромъ въ военную службу. Это привело старика въ восторгъ, и я обязался привезти тебя сегодня поутру къ нему, чтобы потомъ вмѣстѣ отправиться къ вамъ. Я прибавилъ къ этому, что бригадиръ врядъ-ли по старости будетъ въ состояніи ходить по его дѣламъ, а полковникъ по занятіямъ службы, но что ты и я можемъ охотно взяться за это дѣло. Каково? Побѣдемъ-же, Мишель. Только смотри, пожалуйста, не перебивай у меня красавицы Маши.

— Какой ты вздоръ говоришь, Грегюаръ, — сказала, покраснѣвъ, Миша. — Я совсѣмъ не намѣренъ вхвать къ этому ста-

Отд. II.

2

10432 9817
 Aug

рику. Поѣзжай одинъ и привези его къ намъ, а я покуда пойду домой и предупрежу папа и дѣдушку.

— Полно ребячиться, Мишель! — вскричалъ Дубицкій, — я непременно требую, чтобъ ты посмотрѣлъ на Машу.

— Если она будетъ твоею женою, такъ и послѣ увижу. А теперь не хочу.

— Чудакъ! я знаю почему ты не хочешь....

— Не думаю, чтобъ ты могъ знать.

— Ты влюбленъ въ сестру Лизу, и, какъ древній рыцарь, хочешь избѣгать и тѣни подозрѣнія, что смотрѣлъ на другую дѣвушку. Будь спокоенъ, я не скажу.

Миша вспыхнулъ и замолчалъ. Онъ никакъ не воображалъ, чтобъ вѣтренный Дубицкій былъ такимъ наблюдателемъ и проникъ тайну, которую онъ и самъ едва зналъ.

— Ну, что замолчалъ и покраснѣлъ? сказалъ, смѣясь, Гриша. Ты воображалъ, что я спѣшь и ничего не вижу....

Вмѣсто отвѣта Миша крѣпко пожалъ руку Дубицкаго.

— Да ужъ понимаю и буду молчать, — продолжалъ Гриша. — Теперь вы слишкомъ молоды, а вотъ какъ надѣнете эполеты, то мы серьезнѣе поговоримъ объ этомъ, потому что ты, разумѣется, какъ человекъ строгой нравственности, имѣешь въ виду руку и сердце....

Второе пожатіе руки было утвердительнымъ отвѣтомъ Миши.

— Знаю, знаю! сказалъ Дубицкій. Ты не то, что я. Вотъ я, такъ признаюсь, не намѣренъ еще такъ скоро надѣвать на себя цвѣточныя оковы Гименея, который подъ цвѣтами прячетъ иногда тернія.

— Но если тебѣ такъ понравилась Маша?... рѣшился сказать влюбленный юноша, радуясь, что разговоръ перемѣнилъ направленіе.

— Она-то мнѣ очень нравится, — отвѣчалъ Гриша; — но это не резонъ, чтобъ сейчасъ-же и жениться. Нѣтъ, посмотримъ, не встрѣчу-ли выгоднѣе партію, а тамъ — тамъ и увидимъ.

— Какія, братецъ, у тебя дурныя правила, сказалъ Миша съ неудовольствіемъ. — Нѣтъ, Грегуаръ! Мы съ тобою и въ Университетѣ сильно спорили объ этихъ вещахъ, и я далъ себѣ слово не возобновлять съ тобою подобныхъ разговоровъ.

Переувѣрить тебя я не въ состоянїи. Я могу только сожалѣть о твоёмъ ослѣпленїи.

Громкій хохотъ Гриши былъ ему отвѣтомъ. Миша задумчиво покачалъ головою, и продолжалъ:

— Странное дѣло! воспитывались мы въ одномъ заведенїи; учились у однихъ учителей; не дѣлали оба ничего дурнаго, а правила наши такъ различны, что страшно подумать.

— Это оттого, мой милый, что мой любезный французскій гувернеръ открылъ мнѣ всю тайну истинной философїи.

— Бездѣльникъ! съ гнѣвомъ проворчалъ Миша.

— Не вина, братецъ, его. Не онъ, а случай во всемъ виноватъ. Онъ добросовѣстно меня училъ съ начала; но однажды ушелъ онъ на цѣлый день со двора, а я остался одинъ одинешенекъ. Вотъ, братецъ, подивись моему преждевременному любознанїю! Другой-бы мальчикъ былъ радъ, что можетъ цѣлый день ничего не дѣлать и играть, а я такъ вздумалъ пробраться въ его сундукъ, откуда я видѣлъ, что онъ иногда вынимаетъ книги и читаетъ въ то время, какъ я твержу урокъ. Мнѣ хотѣлось знать, что напечатано въ этихъ книгахъ. Я добылъ себѣ нѣсколько книгъ и принялся читать. Не смотря на все мое напряженное вниманїе и любопытство, помню, что я очень мало понималъ. Но, какъ это самое случалось со мною и въ урокахъ учителя, то я полагалъ, что лучшее средство выучиться — вытвердить наизусть. Я это и сдѣлалъ. Всякій разъ, какъ учитель мой куда-нибудь уходилъ, я тотчасъ въ сундукъ, за книги и читать. По удивительной способности моей памяти стоило мнѣ раза два прочесть страницу и я могъ ее пересказать безъ ошибки. Однажды, какъ-то во время моего настоящаго урока, учитель старался мнѣ растолковать не помню что-то. Сперва я его слушалъ не внимательно, потомъ вдругъ началъ ему цѣликомъ говорить фразы о томъ же предметѣ, взятая изъ книгъ, которыя у него читалъ. Разинувъ ротъ, смотрѣлъ онъ на меня и былъ въ совершенномъ недоумѣнїи. Кто тебѣ это все сказалъ? закричалъ онъ. Ваши книги. — Какія? Тутъ я ему объяснилъ все и замѣшательство бѣдняка сдѣлалось невыразимымъ. То онъ хотѣлъ наказать меня; то боялся, что я расскажу все отцу и матери; то радовался моему удивительному уму, постигнутому такія высокія философ-

скія истины; то опасался, что его выгонять за это изъ дому. Наконецъ мы заключили договоръ, я далъ честное слово, что буду молчать, а онъ обязался давать мнѣ читать всѣ книги, которыя у него есть и толковать мнѣ то, чего я самъ не пойму.

— Но что-жь ты узналъ, Грегуаръ? печально сказалъ Миша.

— Первую изъ всѣхъ наукъ: науку разума, мой милый.

— А если это только наука лжи и пагубы?

— Пожалуй, называй ее, какъ хочешь. Дѣло не въ имени, а въ сущности. Когда я подружился съ тобою въ Университетѣ за твой твердый и прямодушный характеръ, то первымъ моимъ стараніемъ было, чтобъ просвѣтить тебя и по-дѣлиться съ тобою моими знаніями. Къ сожалѣнію, я вскорѣ увидѣлъ, что трудъ мой напрасенъ. Въ точныхъ и общихъ наукахъ, ты будешь однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей. Въ умозрительной-же философіи, ты всегда будешь профаномъ.

— И очень радъ! — отвѣчалъ Миша торжественно. — Милый мой Грегуаръ! мнѣ жаль тебя. Ты повѣрилъ какимъ-то вздорнымъ книгамъ и бездѣльнику учителю, который бѣжалъ изъ своего отечества. А я, мой милый, воспитывался у отца и матери. Они безпрестанно мною занимались и развивали дѣтскія мои понятія, на каждомъ шагу видѣлъ я невыразимую ихъ нѣжность ко мнѣ. Могли-ль они отъ меня скрыть что-нибудь, что бы могло содѣйствовать къ моему благополучію и образованію. За что-жь ты хочешь, чтобы я лучше повѣрилъ софизмамъ твоего бѣглеца француза и твоимъ книжонкамъ, изданнымъ съ тѣмъ, чтобъ отуманивать головы легковѣрныхъ людей, нежели доброму моему отцу и незабвенной матери? Нѣтъ! Если бы даже я увѣренъ былъ, что они ошибались, то добровольно хочу подражать имъ, потому что всѣ ихъ любили и уважали, и потому что основаніемъ всѣхъ ихъ дѣйствій была доброта и справедливость.

— Ну, какъ хочешь, другъ Мишель. Я уже тебѣ далъ слово, что не буду ни уговаривать тебя, ни спорить съ тобою объ этихъ предметахъ. Увѣренъ, что со временемъ ты отдашь мнѣ полную справедливость и будешь самъ смѣяться надъ своею легковѣрностію.

— Не думаю, Грегуаръ, ты теряешь напрасно время.

— Ты правъ, мой милый, — со смѣхомъ сказалъ Дубицкій. — Я точно теряю время, меня ждетъ прелестнѣйшая дѣвушка, и мы по-сю-пору еще не ѣдемъ къ ней... Ну, маршъ! поскорѣе.

III.

Радостно встрѣтилъ молодыхъ людей старый бригадиръ (его звали Михайло Иванычъ Гусятинъ) и дочь его. Увидя карету Дубицкаго, они оба выбѣжали на крыльцо, не заботясь о томъ, прилично-ли это, или нѣтъ? Съ любопытствомъ посмотрѣла Маша на молодаго юнкера, и, можетъ быть, въ умѣ ея мелькнуло сравненіе между молодыми людьми, котораго результатомъ было то, что она съ наивною любезностію обратилась къ вчерашнему своему знакомцу и благодарила его за всѣ его одолженія.

Впрочемъ и Миша со своей стороны былъ не разговорчивъ съ нею. Онъ вступилъ въ разговоръ съ отцемъ и рассказалъ ему всю исторію своего семейства въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ, въ которыя оба бригадира не видались.

Печально покачалъ старикъ головою.

— Такъ мы оба состарѣлись, сказалъ онъ. Странно! А мнѣ кажется, что я все тотъ же Михайло Иванычъ, каковъ бывалъ за двадцать лѣтъ назадъ. Какъ жаль! А я было надѣялся, что старый собратъ по службѣ поможетъ мнѣ въ моемъ процессѣ.

— Но судьба дала вамъ между-прочимъ наилучшагостряпчаго! — сказалъ Миша. — Другъ мой Дубицкій молодъ имѣть большія юридическія свѣденія. Онъ будетъ радъ заняться вашимъ дѣломъ.

— Ахъ! какъ бы это было хорошо! — сказалъ старикъ, — но я долженъ говорить откровенно. Не думаю, чтобъ какъ-человѣкъ свѣтскій — другъ вашъ захотѣлъ принять это на себя.

— Полноте, Михайло Ивановичъ. Онъ нечаянно съ вами встрѣтился; узналъ, что вы знакомы съ моимъ дѣдушкою — и радъ хлопотать, какъ молодой человѣкъ, который ищетъ дѣятельности.

Бѣдный бригадиръ рассыпался въ благодарностяхъ, обратясь къ Дубицкому. Тотъ въ это время разговаривалъ съ

Машею и съ удовольствіемъ уволилъ-бы старика отъ выходовъ признательности, но принялъ ихъ однако-же съ любезностію — и вполне очаровалъ старика и дочь.

Черезъ полчаса отправились они къ бригадиру Дементьеву. Здѣсь произошла весьма любопытная и занимательная сцена. Какъ обрадовались они воспоминанію прошедшихъ лѣтъ! Какъ перебрали всѣ событія екатерининскихъ временъ! Какъ переспросили другъ друга о всѣхъ лицахъ, дѣйствовавшихъ на этой сценѣ великихъ происшествій! Какъ горевали о томъ, что большая часть сослуживцевъ ихъ уже исчезла съ лица земли, и они одни почти остались между живыми, чтобъ вспоминать ихъ.

Когда прошелъ первый жаръ воспоминаній, принялись за обсужденіе процесса, и молодые люди, какъ недавніе студенты, всего лучше могли объяснить дѣло по законамъ. Дубицкій рѣшительно принялъ на себя хожденіе по этому процессу, за что его вновь отъ всей души благодарили и бригадиръ и полковникъ. Дубицкій не могъ пропустить этого случая, чтобъ не напомнить дѣдушкѣ сказаннаго имъ въ то время, какъ Миша выбралъ себѣ военное поприще, а Дубицкій статское.

— Вѣдь если-бъ я, теперь, — сказалъ онъ, — былъ-бы юнкеромъ, какъ вашъ внукъ, то не могъ-бы помочь вашему другу Михайлѣ Ивановичу.

Старикъ хотѣлъ было отвѣчать; но полковникъ опять помирилъ ихъ.

Съ-тѣхъ-поръ Дубицкій ежедневно навѣщалъ Машу, чтобъ рассказывать отцу всѣ свои судебные подвиги. А какъ старикъ, по правиламъ преданія, всегда обѣдалъ въ полдень, и потомъ до вечеренъ ложится спать, то Гриша и тогда пріѣзжалъ въ тѣ часы, когда бригадиръ почивалъ и никакъ не позволялъ Машѣ, чтобъ она будила отца, а проводилъ съ нею часа два до пробужденія его. Ни старикъ, ни дочь не находили этого предосудительнымъ. Маша, слѣдуя впечатлѣнію своего невиннаго сердца, не иначе думала о немъ, какъ о человѣкѣ благородномъ.

По счастью, у Дубицкаго, при глубокой испорченности

правиль, не доставало опытности. Всякій день, сидя у себя дома, онъ заранѣ составлялъ искусные планы, чтобъ восторжествовать надъ сердцемъ бѣдной дѣвушки. Но невинность имѣетъ сама съ собою какую-то невидимую, природную защиту. Когда онъ былъ съ нею наединѣ, то вся смѣлость его оставляла; наивность Маши обезоруживала его; самая доверчивость ея очаровывала его. Онъ всегда рассчитывалъ на уловки кокетства, а встрѣчалъ одну скромность.

Изрѣдка завозилъ онъ съ собою туда нарочно и Мишу, чтобъ показать ему свои успѣхи и тотъ, всякій разъ, съ прискорбіемъ твердилъ ему о нравственности и долгѣ; на что Дубицкій всегда отвѣчалъ ему смѣхомъ.

Очень часто старикъ отецъ бывалъ и у Дементьевыхъ, куда по вечерамъ привозилъ и Машу. Она вскорѣ такъ привыкла къ ихъ дому, что почитала стараго бригадира вторымъ отцемъ, а Полковника братомъ. Первый очень радъ былъ имѣть такую милую дочь, но второй былъ весьма недоволенъ титуломъ брата. Красота Маши и наивность ея произвели на полковника глубокое впечатлѣніе. Видя, что она получила очень поверхностное воспитаніе, онъ старался, въ ежедневныхъ бесѣдахъ, развивать ея понятія о свѣтѣ, обществѣ, условіяхъ его и даже о нѣкоторыхъ предметахъ въ наукахъ. Иной-бы дѣвушкѣ показались подобныя бесѣды очень скучными; но Маша понимала всю свою необразованность и очень рада была встрѣтить такого добраго учителя. Она чувствовала, что всѣдневно, уходя отъ Дементьевыхъ, знала что-нибудь болѣе вчерашняго и душевно благодарила его за это попеченіе. Самъ Дубицкій, съ большимъ трудомъ пріискивавшій прежде предметы для разговора съ нею, удивлялся быстрымъ ея успѣхамъ. Онъ, конечно, приписывалъ все это себѣ; но между-тѣмъ самое развитіе образованности дѣлало Машу болѣе и болѣе привлекательною, а Дубицкаго часъ-отъ-часу болѣе робкимъ.

Процессъ Гусятина быстро подвигался къ концу, благодаря стараніямъ Гриши. Вдругъ старикъ захворалъ и слегъ. Дубицкій прислалъ ему лучшихъ московскихъ докторовъ, а Дементьевы, отецъ и дѣдъ, были почти безвыходно у больнаго. Сперва ему сдѣлалось лучше, но потомъ ослабѣвшая семидесятилѣтняя натура стала клониться къ

разрушенію. Никто, конечно, не думалъ, чтобъ болѣзнь была опасна: одинъ старикъ чувствовалъ приближеніе конца и, какъ добрый христіанинъ, съ улыбкою встрѣчалъ смерть.

Былъ темный, осенній вечеръ. Дождь крупными каплями стучалъ въ окна. Вѣтеръ уныло вылъ по узкому переулку, въ которомъ жилъ старикъ. Сама природа клонилась къ зимнему покою. Только она каждый годъ пробуждается опять при возвращающихся теплыхъ лучахъ солнца, а человекъ уже навсегда идетъ на покой, возражаясь къ лучшей жизни не тѣломъ, а душою.

Ненастная погода помѣшала на этотъ вечеръ пріѣхать дѣдушкѣ бригадиру и внуку юнкеру, не было и Дубицкаго: онъ былъ гдѣ-то на балѣ. Одинъ полковникъ сидѣлъ у ногъ больного, а у изголовья печально склонилась на подушки утомленная Маша.

— Спасибо вамъ, добрый Николай Михайловичъ, — сказалъ старикъ, за всѣ ваши попеченія обо мнѣ. — Жаль, что они бесполезны... Мое дѣло кончено, зорю пробили.... Пора на непремѣнный ночлегъ.

— Эхъ, любезнѣйшій Михайло Ивановичъ, — отвѣчалъ полковникъ, — поправитесь, поживете, полюбуетесь еще на Божій свѣтъ....

— Только не на этотъ. Есть другой, лучшей и, право, я не завидую тѣмъ, которые остаются. Одно существо привязываетъ меня къ земли: это моя Маша, но Богъ и добрые люди не оставляютъ ее....

Маша зарыдала, полковникъ почувствовалъ, что на рѣсницахъ его нависли слезы.

— Вотъ видите-ли, Михайло Ивановичъ! Вы своими рѣчами только разстроиваете Марью Михайловну....

— Пусть заранѣе привыкаетъ къ мысли, что разлука наша неизбежна и близка. Эхъ, любезный Николай Михайловичъ! Какъ-бы я весело умеръ, еслибы при жизни успѣлъ пристроить ее и если-бы Богу угодно было дать мнѣ видѣть ее не безпріютною сиротою.

— Михайло Ивановичъ! сказалъ полковникъ съ упрекомъ. — А мы съ батюшкою развѣ не родные ей? Повѣрьте, что Марья Михайловна всегда будетъ намъ своя.

— Ахъ, это невозможно. Старый бригадиръ скоро сойдет-

ся со мною на всемірной перекличкѣ, а вы, полковникъ, уйдете въ походъ, и Маша останется одна-одинешенька...

— Послушайте, добрый Михайло Ивановичъ! Пощадите вашу дочь! она заливается слезами. Будьте увѣрены, что мы ей найдемъ мужа, друга и защитника...

— Это по заказу не дѣлается. На это надо случай, время, а до-сихъ-поръ...

— Если-бъ мнѣ не было сорока-пяти лѣтъ, а Марьи Михайловнѣ двадцати-двухъ, то я бы осмѣлился... то я бы рѣшился самъ просить руки ея... Но она молода... можетъ-быть, любовь пожилаго человѣка странна будетъ для нея...

При первыхъ словахъ полковника, умирающей старикъ, какъ-бы оживленный сверхъ-естественною силою, медленно поднялся на постели и изсохшими руками обвился около шеи Дементьева, обливая его слезами и тихо прошептавъ: „Да благословить васъ Богъ за этотъ благодѣтельный подвигъ!... О! теперъ я умру весело и спокойно!...

Съ безмолвнымъ чувствомъ прижалъ полковникъ руку старика къ своимъ губамъ, потому-что не въ состояніи былъ выразить своего счастья и благодарности... Какъ-же изобразить его изумленіе, замѣшательство и восторгъ, когда въ эту же самую минуту, онъ вдругъ увидѣлъ, что Маша съ безотчетнымъ движеніемъ сердца, опустилась передъ нимъ на колѣна, и схвативъ его руку, съ нѣжностію поцѣловала ее.

— Боже мой! вскричалъ онъ, что вы дѣлаете, Марья Михайловна?

— Мой долгъ! отвѣчала она сквозь слезы. Вы подаете руку помощи сиротѣ, вы обезпечиваете всю жизнь ея отъ несчастій и опасностей. Вы улаживаете послѣднія минуты умирающаго отца моего. Вы нашъ благодѣтель!

— Да благословить васъ Богъ, дѣти мои! твердымъ голосомъ сказалъ старикъ, положивъ руки свои на ихъ головы. Маша! эта минута слишкомъ торжественна, чтобъ ты могла когда нибудь-забыть ее. Помни, что вся жизнь твоя принадлежитъ нашему благодѣтелю. Съ высоты небесъ буду я надзирать за тобою и буду испрашивать всѣ блага міра, если ты будешь доброю и вѣрною женою. Но помни, что въ первую минуту, когда въ сердцѣ твоёмъ возникнетъ какая-

нибудь мысль неблагодарности противу добрейшаго изъ мужей, — и тамъ тебѣ не будетъ моего благословеніе...

— Можете-ли вы подумать батюшка!... вскричала Маша, рыдая и бросаясь въ слезахъ на грудь отца.

Радостныя объятія заключили эту сцену. Больной потребовалъ къ себѣ священника для исполненія долга христіанскаго, — и когда тотъ пришелъ, онъ попросилъ, чтобы прежде былъ свершенъ обрядъ обрученія. Потомъ онъ исповѣдался и причастился.

По утру гробъ его стоялъ уже на столѣ.

IV.

Послѣ похоронъ старика, Маша переѣхала въ домъ къ полковнику, — и какъ насмѣшники ни любятъ сплетни и злословье, но благородный характеръ полковника внушалъ всеѣмъ такое уваженіе, что не нашлось ни одного злоязычника, который бы рѣшился поостриться надъ этимъ переходомъ молодой, прелестной дѣвушки къ будущему ея супругу. Приличіе требовало, чтобъ бракъ не прежде былъ совершенъ, какъ по окончаніи годичнаго траура. До-тѣхъ-поръ, Маша жила въ домѣ жениха, была любима имъ, какъ дочь, занималась хозяйствомъ, и продолжала образовывать свой умъ, какъ наилучшая ученица.

И будущій пасынокъ ея, Миша, много способствовалъ въ послѣднемъ случаѣ, онъ постоянно проводилъ теперь вечера дома и занимался съ прелестною своею мачихою чтеніемъ книгъ и разказами о разныхъ предметахъ, которые могли обогатить умъ молодой дѣвушки.

Дубицкій рѣдко сталъ ѣздить къ Мишѣ, съ-тѣхъ-поръ какъ поселилась Марья Михайловна. Усердно продолжалъ онъ однако ходить по дѣлу ея и благодаря общимъ ихъ усиліямъ съ полковникомъ, дѣло черезъ полгода было кончено въ пользу сироты, которая сдѣлалась чрезъ это обладательницею 300 душъ съ тѣми ста душами, которыя ей оставилъ отецъ.

Въ одно время съ выигрышемъ процесса, произошелъ и другой радостный случай для семейства Дементьевыхъ: Миша былъ произведенъ въ офицеры. Старый бригадиръ плакалъ отъ радости, увидѣвъ внука своего въ эполетахъ и говорилъ, что

послѣ этого ему нечего дѣлать на свѣтѣ, а пора перебраться къ товарищу, покойному Михайлѣ Ивановичу.

Вскорѣ и Дубицкій пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ, и въ блестящемъ своемъ мундирѣ пріѣхалъ однажды въ праздникъ къ Дементьевымъ.

Маша съ удовольствіемъ увидѣла красиваго юношу въ богатой его одеждѣ. Привыкнувъ къ ежедневнымъ его посѣщеніямъ при жизни отца, ей какъ-будто скучно было, что онъ ее забылъ; но она не говорила ему объ этомъ ни слова. Только въ теперешній пріѣздъ, когда ему вздумалось остаться обѣдать у полковника, Дубицкій спросилъ у нее: забыла-ли она его совсѣмъ, или еще помнить?

Покраснѣвъ, Маша отвѣчала, что никогда не забудетъ услугъ, оказанныхъ имъ при выигрышѣ тяжбы.

— Вы очень хорошо понимаете, Марья Михайловна, — сказалъ онъ, — что я говорю не о благодарности вашей. Но все равно, я не смѣю больше спрашивать васъ. Новыя ваши обязанности принуждаютъ меня молчать. Я исполнилъ мой долгъ, — и желаю только одного, чтобъ вы были счастливы.

Съ волненіемъ и замѣшательствомъ отошелъ онъ отъ нея, а Маша долго еще стояла неподвижно, покраснѣвъ и съ нависшими на глазахъ слезами. Приходъ полковника прекратилъ эту сцену; но Дубицкій сдѣлалъ свое дѣло. Онъ заронилъ искру безпокойства въ сердце Маши. Долгъ близкаго замужества и священныя обязанности предстоящаго званія, конечно, вполне обладали ея сердцемъ, и въ воображеніи ея не мелькнуло ни одной виновной мысли; но все-таки она чувствовала необыкновенное волненіе и безпокойство, и это пугало ее до безконечности.

Чтоже касается до Миши, то любовь его къ Лизѣ получила новую силу со времени производства его въ офицеры. Онъ помнилъ, что Дубицкій сказалъ ему, и теперь ожидалъ серьезнаго съ нимъ разговора. Мундиръ и эполеты какъ-бы придали ему вѣсу въ домѣ; даже сама Лиза примѣтно любовалась этимъ нарядомъ. Объясненій между ними все еще не было, да имъ казалось, что давно уже между ними все сказано и никакого объясненія не нужно. Миша даже не говорилъ ни слова отцу своему о любви къ Лизѣ. Ему казалось, что тотъ давно объ этомъ зналъ. Дѣйствительно, нѣ-

которыя шутки Дубицкаго, заставившія Мишу покраснѣть, открыли ему эту тайну, но онъ выжидалъ довѣренности сына и не старался разспрашивать его.

Наступилъ 1812 годъ, весною назначена была свадьба полковника. Но въ скоромъ времени пришло приказаніе, чтобъ полкъ Николая Михайловича выступилъ, — и женихъ Маши съ величайшею поспѣшностію успѣлъ только обвинчаться, даже прежде окончанія траура, и не болѣе трехъ дней пробылъ въ Москвѣ съ молодою своею женою, и то уже долженъ былъ догонять выступившій свой полкъ.

Со слезами провожала его Маша — и нѣсколько времени еще ѣхала съ нимъ и съ бригадиромъ, который съ самаго извѣстія о походѣ не переставалъ бранить Наполеона за его дерзкое нашествіе на Россію.

— Что, Никола! говорилъ онъ. Не моя-ли вышла правда? мои предчувствія сбылись: твой Бонапарте видишь, что вздумалъ! покорилъ всѣ народы, такъ хочетъ тоже сдѣлать и со святою Русью. Нѣтъ! погоди, любезный! мы не поддадимся, и хоть ты, Никола, признаешь его первымъ героемъ, а ужъ воля твоя, здѣсь онъ очень ошибется.

— Всѣ русскіе будутъ исполнять долгъ свой, — отвѣчалъ полковникъ, — и я надѣюсь, что съ Божіею помощію, мы отстоимъ свое отечество. Онъ поступаетъ дурно и дерзко, вторгаясь въ Россію...

— Помѣшалъ тебѣ пожить съ молодою женою. Ну, да это не надолго, мѣсяца черезъ два-три прогонять этого забіяку, — и ты генераломъ воротись въ объятія своей Маши-генеральши.

Настала наконецъ минута разлуки. Всѣ плакали, дали слово писать другъ къ другу всякую почту, и съ полною надеждою, что война кончится къ веснѣ, разстались. Полковникъ пошелъ далѣе со своимъ полкомъ, а бригадиръ съ Машею отправились въ Москву.

Прощанье Лизы и Миши было также трогательно. Когда объявленъ былъ походъ, то Миша рѣшился наконецъ объясниться съ Дубицкимъ на счетъ своей любви.

— Что ты мнѣ, братецъ, говоришь все такія вещи, которыя мы всѣ давно знаемъ, — отвѣчалъ ему Гриша. — Какія тутъ еще нужны объясненія? ты любишь Лизу; она тебя тоже.

Мать моя согласна на этотъ союзъ; *твой* отецъ, вѣрно, не будетъ противиться. Слѣдственно, все зависитъ отъ тебя. Скажи: когда ты намѣренъ жениться? Теперь, до выступленія въ походъ, или по возвращеніи?

— Я не смѣю просить, чтобъ ты ускорилъ мое счастье, — сказалъ Миша, — да мнѣ бы, признаюсь, послѣ свадьбы невозможно-бы было разстаться съ Лизою. Лучше отложить бракъ до окончанія кампаніи, которая, вѣроятно, къ зимѣ окончится. Но я-бы просилъ васъ всѣхъ объ одной милости. Сдѣлайте помолвку и обрученіе до выступленія въ походъ, и я тогда буду самымъ счастливымъ человѣкомъ....

— Пожалуй, братецъ, — пойдемъ сейчасъ къ маменькѣ и уладимъ это дѣло....

Они, дѣйствительно, отправились къ Дубицкой, которая, послѣ нѣкоторыхъ фразъ и общихъ мѣстъ, послала за Лизою, и объявивъ ей, что Михайло Николаевичъ Дементьевъ просить руки ея, потребовала, чтобъ Лиза рѣшила: согласна-ли она на это? Можно вообразить себѣ замѣшательство бѣдной дѣвушки при этой сценѣ. Только, благодаря хладнокровію Дубицкаго, все это кончилось скоро и благополучно. Тотъ соединилъ сестру съ Мишею, подвелъ ихъ къ матери, просилъ ее благословить ихъ, обнялъ ихъ самъ и наконецъ назначилъ формальный сговоръ черезъ три дни.

Онъ былъ совершенъ въ тотъ самый день поутру, когда вѣнчались полковникъ съ Машею. Такимъ образомъ Дубицкій благословлялъ поутру сына, а ввечеру былъ шаферомъ у отца, на свадьбѣ котораго сынъ танцевалъ съ новообрученною своею невѣстою.

При выступленіи Миши, Дубицкіе тоже провожали его, но только до Дорогомиловской заставы. Прощаніе было нѣжное и трогательное.

Наконецъ надобно было разстаться, и Маша съ бригадиромъ, а Лиза съ братомъ возвратились въ Москву. Разумѣется, объ онѣ познакомились и подружились, какъ будущія родственницы, — и начали съ-тѣхъ-поръ видаться почти ежедневно. Лиза всегда посылала карету за Машею, которая, и проводила у нея цѣлые дни. Иногда пріѣзжала и Лиза къ Машѣ въ сопровожденіи своего брата, который теперь неразлучно былъ всегда съ ними. Маша мало-по-малу привыкла къ обще-

ству Дубицкаго, никогда не напоминавшаго ей о прежнихъ отношеніяхъ. Онъ и самъ теперь видѣлъ, что это уже не та наивная провинціалка, съ которою можно обходиться какъ съ ребенкомъ, а умная и образованная дама, которая однимъ взглядомъ могла остановить всякую попытку къ вольности въ обращеніи. Но эта свѣтскость придавала ей еще болѣе прелести. Основаніе характера было тоже, то есть, добродушное и откровенное, но образованіе покрыло его какъ бы прозрачнымъ покрываломъ, отдѣляющимъ уже прежнюю Машу отъ полковницы Дементьевой.

Дубицкій дѣйствовалъ чрезвычайно осторожно, онъ чувствовалъ, что при малѣйшей попыткѣ, или нескромности — Маша навсегда для него потеряна. Какъ женщина, Маша инстинктивно понимала, что Дубицкій любитъ ее; но какъ всѣ слова его и поступки были разбѣрены со всею приличіемъ и строгостію, то она и не видѣла никакой опасности во вседневной бесѣдѣ молодаго человѣка. Напротивъ, женскому ея самолюбію льстила безпредѣльная привязанность Дубицкаго, который старался иногда обнаруживать свою страсть только вздохами, тотчасъ-же подавляемыми. Бѣдная женщина! въ невинности чувствъ своихъ, она не знала, что любовью, какъ огнемъ, нельзя шутить, — и что лучший мореходецъ не можетъ ручаться за то, чтобъ не погибнуть въ минуту внезапной бури.

Каждую недѣлю получали и Маша и Лиза письма изъ лагеря, и хотя видѣли безпрестанное отступленіе русскихъ, но ни малѣйшее безпокойство не тревожило ихъ. Въ особенности бригадиръ увѣрялъ ихъ, что это военная хитрость — и что Бонапартъ будетъ выгнанъ вскорѣ со стыдомъ. Вся Москва раздѣляла тогда эту увѣренность. Одинъ Дубицкій принималъ потихоньку мѣры къ выѣзду изъ Москвы, еслибы, паче чаянія, встрѣтилась въ этомъ надобность.

Она вскорѣ настала. — Паденіе Смоленска отуманило самого бригадира. До-тѣхъ-поръ онъ думалъ, что все это отступленіе взято изъ Сѣверной войны 1708 года, и окончится новою Полтавою. Оставленіе Смоленска разстроило всѣ его разсчеты. Новый Карлъ XII двинулся къ Москвѣ и Бородинская битва стольже славная въ лѣтописяхъ Россіи, какъ

и Полтавская, не имѣла однако-же, повидимому, на ту минуту такихъ же слѣдствій.

Передъ вступленіемъ Наполеона въ Москву между оставшими ея жителями самый упорный и запоздалый былъ бригадиръ. Ежеминутно упрекая Наполеона, онъ все-таки не вѣрилъ, чтобъ въ XIX-мъ столѣтіи непріятель могъ вступить въ Москву. До послѣдней минуты увѣренъ онъ былъ, что подъ стѣнами столицы произойдетъ новое, генеральное, побѣдоносное сраженіе, послѣ котораго вся отраженная Европа отхлынетъ, какъ набѣгъ яростныхъ волнъ отъ гранитной скалы. У Дубицкаго давно уже были взяты всѣ мѣры къ отѣзду. Даже всю мебель перевезъ онъ заранѣе въ Нижній, и самъ съ матерью и сестрою давно-бы отправился туда, но ему не хотѣлось оставить Машу. Онъ всякій день убѣждалъ бригадира къ отѣзду,—но тотъ все отвѣчалъ, что старому екатерининскому солдату стыдно бѣжать отъ непріятелей; только въ послѣднюю минуту могъ Дубицкій убѣдить его, что онъ обязанъ подумать о спасеніи жены своего сына. Онъ тотчасъ-же собрался—и отправился вмѣстѣ съ семействомъ Дубицкаго въ Нижній. Лиза и Маша сидѣли въ одной каретѣ съ горничными; бригадиръ съ Дубицкимъ въ другой. Только выѣхавъ изъ Москвы, могъ бригадиръ убѣдиться, что отѣздъ ихъ не только былъ не преждевременный, но едвали не запоздалый. Всѣ дороги были загромождены толпами идущихъ и ѣдущихъ Москвичей, — и кареты съ трудомъ могли ѣхать шагомъ. Только съ величайшими энергическими усиліями Дубицкаго пробивались они сквозь эти массы людей и повозокъ.—и въ первый день успѣли проѣхать не болѣе 12-ти верстъ. Еслибъ всякій изъ этихъ путешественниковъ не слишкомъ занятъ былъ несчастьями отечества и своего семейства, то взглядъ наблюдателя нашель бы тутъ тысячи картинъ любопытныхъ и занимательныхъ. Куда шли всѣ эти жители? Они сами не знали! До послѣдней минуты убѣждены они были въ невозможности занятія Французами Москвы,—и тогдашнія прокламаціи графа Растопчина были ни что иное, какъ самый отголосокъ всеобщихъ чувствъ и увѣренности. Всѣ смѣялись надъ малодушными людьми, которые подобно Дубицкому принимали мѣры осторожности и выбирались изъ Москвы заранѣе. Безпримѣрное въ лѣто—

писяхъ сраженіе подъ Бородинымъ еще болѣе увеличило всеобщую самонадѣянность,—и только въ послѣднюю минуту, когда великій полководецъ сказалъ знаменитое свое историческое слово, что: *съ потерей Москвы не потеряна Россія*, жители рѣшились на выступленіе. Богъ вѣсть, знали-ль они, что при вступленіи Наполеона во всѣ столицы Европы, послѣ одержанныхъ побѣдъ, все народонаселеніе ихъ оставалось всегда въ домахъ своихъ, и отправляло къ побѣдителю депутатовъ, чтобъ склонить его къ милосердію? Но только всѣ, которые знали и не знали—всѣ почли подобный поступокъ неприличнымъ для русскихъ; судьба могла принудить ихъ оставить свои дома и имущества, предать ихъ на жертву пламени и вражьей корысти;—но она не въ силахъ была заставить поклониться непріятелю, дерзко вторгшемуся въ ея предѣлы и поднести ему *хлѣбъ-соль*. Всѣ они хлынули разомъ изъ города и залили своими массами дороги, ведущія во внутренность Россіи. Остались немногіе, большею частью изъ купцовъ каретнаго ряда; — но и тѣ замышляли самое геройское дѣло, которое имъ казалось чрезвычайно просто и обыкновенно. Какъ скоро непріятель проникъ за Смоленскъ,—то жители и помѣщики, оставляя свои жилища, предавали ихъ пламени. Эта геройская черта распространилась по всей дорогѣ и казалась каждому долгомъ. Потому-то и купцы каретнаго ряда, не успѣвшіе вывезти свой громоздкій товаръ изъ столицы, требовавшій слишкомъ много лошадей, въ которыхъ былъ совершенный недостатокъ, рѣшились истребить его, чтобъ не достался непріятелю.

Отъ этого произошелъ знаменитый Московскій пожаръ, который изумилъ Европу и устрасилъ Наполеона.

На первомъ-же ночлегѣ Дубицкихъ и бригадира видно было зарево вспыхнувшей Москвы,—а на второмъ и третьемъ оно еще сильнѣе было. Горько заплакалъ старый екатерининскій воинъ, видя участь, постигшую родной его городъ, матушку—Москву. Не разъ порывался онъ ѣхать назадъ, чтобъ, съ оружіемъ въ рукахъ, умереть на ея пепелищѣ, но Маша и Дубицкій не пускали его. Да и самъ онъ такъ сильно былъ пораженъ горестію отъ этого событія, что на третій день сдѣлался боленъ и не могъ далѣе ѣхать.

Положеніе этихъ двухъ семействъ сдѣлалось чрезвычайно критическимъ. Не болѣе 50 верстъ успѣли они отъѣхать изъ Москвы и непріятельскіе отряды могли каждую минуту настигнуть ихъ. Дубицкій обязанъ былъ прежде всего пещись о безопасности матери и сестры, — но оставить Машу одну съ умирающимъ старикомъ, — это тоже было безчеловѣчно. — Онъ рѣшился на отчаянное средство. Мать и Лизу отправилъ онъ со всею дворнею въ дальнѣйшее путешествіе, а самъ остался при старикѣ и Машѣ.

Какъ благодарна она ему была за это самопожертвованіе!

Въ бѣдной деревушкѣ, большею частію оставленной жителями, остановились они на большой дорогѣ. Лошадей своихъ и карету отправили въ лѣсъ съ тѣми-же поселянами, у которыхъ пристали и которые давно уже перебрались туда со всеми своими припасами, ожидая ежеминутно прибытія непріятеля. Эти люди всякій день приходили въ избу изъ лѣса и приносили троицъ оставшимся лицамъ все, что могли достать для нихъ. Этою-то скудною пищею довольствовались Маша и Дубицкій. Бригадиру уже ничего не было нужно, отъ тоски и утомленія сдѣлалась у него горячка, — и онъ въ бреду все сражался противу полчищъ вражескихъ, упрекая сына Николю за его всегдашнее къ Наполеону уваженіе.

Увы! болѣзненнымъ мечтамъ его суждено было осуществиться. Однажды вдругъ нахлынулъ отрядъ французскихъ фуражировъ на эту деревню. Жители ея, и безъ того уже большею частію проживавшіе въ лѣсу, узнали о приближеніи враговъ и разбѣжались. Одинъ крестьянинъ забѣжалъ въ избу къ больному бригадиру, чтобъ предъувѣдомить и его. Къ несчастію, въ эту самую минуту Дубицкій отправился въ лѣсъ, чтобъ помочь своимъ хозяевамъ принести припасы и закупить ихъ побольше. Въ хижинѣ оставалась одна Маша и умирающій бригадиръ.

Ужасное положеніе бѣдной женщины! Уже однажды рыдала она надъ умиравшимъ отцемъ. Теперь былъ у нея второй отецъ, — она должна была и тому закрыть глаза, — и въ какихъ обстоятельствахъ! Несчастный старикъ не чувствовалъ бѣды, готовой обрушиться на него — и только что уснулъ. Сонъ въ первый разъ еще во время болѣзни казался спокойнымъ, —

и пробужденіе страдальца должно было быть такое ужасное.

Какъ звѣри вбѣжали французы въ хижину и съ недоумѣніемъ остановились на минуту, увидя спящаго большаго старика и трепещущую прелестную женщину, которой первымъ движеніемъ было протянуть руки впередъ, какъ бы для того, чтобъ защитить умирающаго, но это мгновенное изумленіе тотчасъ-же прошло. Французы были взбѣшены. Они уже обѣгали всю деревню и не нашли ни жителей, ни припасовъ, ни фуража. Съ угрозою приступили они теперь къ Машѣ и требовали отъ нея всего этого.

— «Я сама бѣдная женщина,—отвѣчала она имъ.— Сама принуждена здѣсь скрываться, потому что отецъ мой умираетъ, умилосердитесь, не будите его. Онъ въ первый разъ уснулъ во время своей болѣзни...

Съ удивленіемъ смотрѣли они на женщину, говорившую съ ними по-французски.

— «А! такъ ты *боярыня*, какъ васъ здѣсь называютъ!—вскричалъ сержантъ.—Тѣмъ лучше, значить у тебя есть лошади, деньги и хлѣбъ, давай все поскорѣе,—и мы тебя не тронемъ.

— «У меня ничего нѣтъ, кромѣ этого умирающаго старика—и моей одежды. Если вы не лютые звѣри, а люди, то оставьте насъ.

— «Нѣтъ, душенька, насъ не проведешь. Старикъ твой притворяется, что спитъ, подъ нимъ, вѣрно, спрятаны деньги и брилліанты, отдавайте скорѣе, намъ некогда...

— «О Боже! защити меня отъ этихъ злодѣевъ!—сказала она и упала на колѣна.

Съ наглостію подошелъ къ ней французъ, схватилъ ее за руку, съ силою отдернулъ отъ кровати старика...—и въ ту-же минуту упалъ отъ невидимаго удара.

Маша вскрикнула отъ ужаса при видѣ картины, представившейся ея взорамъ. Умирающій старикъ проснулся. Жаръ горячки миновался въ немъ. Съ безотчетнымъ изумленіемъ увидѣлъ онъ Машу на колѣнахъ и въ отчаяніи, а около нея толпу звѣрскихъ лицъ, инстинктивно поднялся онъ, схватилъ дорожное оружіе, висѣвшее у кровати и съ послѣдними силами ударилъ злодѣя, оскорбившаго ее своимъ прикоснове-

ніемъ. Сержантъ упалъ, обливаясь кровію. Но этотъ видъ привелъ товарищей его въ ярость. Съ изступленіемъ бросились они на старика и на Машу....

Вдругъ въ комнату вбѣжалъ офицеръ, предволившій отрядомъ и остановилъ злодѣевъ, сперва не хотѣли его слушаться, но нѣсколько ударовъ уняли непокорныхъ, — а прочихъ пристыдилъ онъ энергическими словами за ихъ нападеніе на женщину и старика. Всѣ удалились, и офицеръ учтиво объявилъ Машѣ, что она свободна.

Въ это самое мгновеніе вбѣжали еще въ комнату французскіе солдаты и объявили офицеру, что они окружены толпами крестьянъ, высыпавшихъ изъ лѣса и предводимыхъ какимъ-то *бояриномъ*. — Это былъ Дубицкій. Бѣжавшіе изъ деревни крестьяне сообщили ему о нашествіи враговъ на деревню, — и тотъ, чувствуя всю опасность, которой подвергались Маша и бригадиръ, тотчасъ-же уговорилъ крестьянъ идти на выручку. Всѣ двинулись изъ лѣсу и окружили деревню. Но только у одного Дубицкаго была пара пистолетовъ, висѣвшихъ на шнуркѣ на шеѣ. Крестьяне пришли съ вилами, заступами и топорами. Они и не думали о неравенствѣ оружія. Сами они, конечно, не рѣшились бы напасть на отрядъ; но ихъ пригласилъ молодой баринъ на выручку старика и женщины, и они готовы были умереть за *своихъ*.

Еслибъ французскіе кавалеристы, пріѣхавшіе для фуражировки, были еще на коняхъ, то бой былъ-бы слишкомъ невыгоденъ для крестьянъ. Но они спѣшились и разошлись по избамъ. Пистолеты остались въ сѣдлахъ; сами же они вооружены были только саблями, — а сотни топоровъ мелькали въ толпѣ противъ ихъ.

Французскій офицеръ тотчасъ-же собралъ отрядъ свой и построился у хижины, гдѣ лежалъ бригадиръ. Видя, что противу 30 солдатъ его высыпали изъ лѣсу сотни крестьянъ, — онъ сообразилъ все дѣло и смѣло пошелъ на встрѣчу къ Дубицкому, котораго призналъ за предводителя.

— Вы говорите по-французски, — спросилъ онъ его.

— Что вамъ угодно? — отвѣчалъ Дубицкій на французскомъ языкѣ.

— Тамъ въ хижинѣ вѣрно ваше семейство?

— Точно такъ!

— Оно сейчас подвергалось опасности, — но я спасъ и женщину и старика отъ ярости солдатъ. Если вамъ угодно въ этомъ удостовѣриться, то пошлите туда челоуѣка, — и спасенная мною женщина подтвердитъ мои слова. Впрочемъ, даю вамъ честное слово французскаго офицера....

— Этого для меня достаточно, и я благодарю васъ, что еще вамъ угодно?

— Вы пришли съ вашими мужиками, чтобъ сдѣлать на насъ нападеніе. Вы будете защищаться — и въ этой суматохѣ семейство ваше опять подвергнется очевидной опасности. Я уже не въ состояніи буду защитить его. Не угодно-ли вамъ вступить въ переговоры? — Откройте намъ дорогу; возвратите нашихъ лошадей, и мы удалимся миролюбиво. Ваше семейство будетъ тогда спасено.

— Даете-ли вы мнѣ честное слово, что не возвратитесь сюда съ командою, чтобъ беспокоить здѣшнихъ жителей и не будете отыскивать ихъ въ лѣсу.

— Даю и исполню!

Дубицкій обратился тогда къ крестьянамъ и рассказалъ имъ въ чемъ дѣло. Тѣ долго переминались, почесывались, но видно было, что имъ страхъ какъ не хотѣлось выпустить изъ рукъ *пехристей*. Только тогда, какъ Дубицкій сказалъ имъ, что при первомъ нападеніи ихъ убить будетъ бригадиръ и дочь его, крестьяне отступили, и французскій офицеръ тотчасъ-же съѣлъ съ отрядомъ на лошадей и скорою рысью произвелъ свое отступленіе.

Съ радостнымъ нетерпѣніемъ Дубицкій бросился тогда въ избу. Какое печальное зрѣлище представилось ему тамъ. Маша стояла на колѣнахъ предъ умирающимъ бригадиромъ. Минутная вспышка жизни и разсудка истощили послѣднія его силы. Онъ упалъ на кровать — и съ безпокойствомъ посматривалъ на французовъ, толпившихся у хижины. Слабымъ голосомъ просилъ онъ Машу смотрѣть въ окно и рассказывать ему, что тамъ дѣлается, — и когда-та описала ему все свиданіе офицера съ Дубицкимъ, когда объявила, что французы уѣхали, а Дубицкій идетъ въ хижину, онъ перекрестился и подозвалъ Машу.

Съ крикомъ бросилась Маша предъ нимъ на колѣна. Онъ набожно благословилъ ее и тихо сказалъ:

— Кланяйся отъ меня Николѣ. Люби его и сдѣлай его вполне счастливымъ. Вы оба этого достойны, я не говорю тебѣ: сохрани къ нему вѣрность и чистоту чувствъ, потому что увѣренъ въ твоихъ правилахъ. Только ничтожная женщина позволить обольстить себя. Истинная супруга и христіанка выше презрѣнныхъ, земныхъ слабостей.

Въ эту минуту вбѣжалъ Дубицкій — и съ перваго взгляда понялъ состояніе старика. Невольно опустился онъ подлѣ Маши на колѣна, къ изголовью старика, тотъ съ благодарностью взглянулъ на него, протянулъ къ нему изсохшую свою руку и сказалъ:

— Храни ее и возврати супругу во всей чистотѣ и святости! тутъ онъ опустился, еще разъ вздохнулъ — и скончался.

—

V.

Недолго могли продолжаться сѣтованія Маши и Дубицкаго надъ тѣломъ стараго бригадира. Надобно было подумать о собственной безопасности. Съ удивительною быстротою привезли крестьяне въ ту же ночь священника изъ отдаленнаго села, — и на другое-же утро предали тѣло землѣ. На-скоро поставили крестъ надъ могилою, чтобъ послѣ узнать о мѣстѣ погребенія, — и какъ только печальный долгъ былъ исполненъ, — Дубицкій и Машия бросились въ карету и уѣхали изъ этой деревни, чтобъ присоединиться къ Лизѣ и матери Дубицкаго.

Не прежде, какъ въ Нижнемъ нашли они ихъ, и то потому, что тѣ обязались ждать ихъ. Печально было свиданіе; но въ эту горестную эпоху каждому русскому какъ-бы совѣстно было горевать о домашнихъ своихъ несчастіяхъ, когда судьба родины лежала у каждаго на сердцѣ.

Одинъ Дубицкій думалъ, можетъ-быть, не объ этомъ. Вседневное путешествіе съ Машею еще болѣе напоминало ему о давнишней его страсти. Но казалось, что чѣмъ болѣе онъ сближался въ отношеніяхъ семейной жизни, тѣмъ отдаленнѣе становилась для него цѣль его стараній. Въ первыя минуты своего знакомства съ этою провинціалкою, онъ былъ увѣренъ, что достаточно будетъ нѣсколькихъ дней, чтобъ

побѣдить ее сердце. Вдругъ знакомство ея съ полковникомъ и быстрое образованіе дѣвушки подѣ руководствомъ такого превосходнаго учителя, поставили ему внезапную преграду въ его планахъ. Взявшись хлопотать по ихъ дѣлу, онъ полагалъ, что это сблизитъ его опять съ Машею. Дѣйствительно, благодарность ея давала ему много преимуществъ, — и она чувствовала уже къ нему такую склонность, которая, при малѣйшемъ содѣйствіи случая, превращается въ сильную страсть. Вдругъ смерть отца — и бракъ съ полковникомъ разрушили всѣ планы Дубицкаго. Но какъ онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые такъ легко оставляютъ свои замыслы, то онъ и продолжалъ свои нападенія на сердце Маши, какъ самый искусный тактикъ, не пугая ее ни малѣйшимъ словомъ, похаживая на любовь. Хотя, какъ женщина, Маша и понимала тайныя чувства Дубицкаго, но видя его скромность и молчаніе, она увѣрена была, что Дубицкій, по сильному своему характеру, подавить страсть и никогда не оскорбить ее никакими даже намеками. Это придавало ей совершенную безпечность въ обхожденіи съ Дубицкимъ, которому она такъ много теперь была обязана и къ которому чувствовала живѣйшую благодарность.

Первымъ дѣломъ, когда они пріѣхали въ Нижній, было написать письмо къ полковнику и Мишѣ. Все это время они, разумѣется, не могли сообщать другъ другу извѣстій; да и теперь не знали куда писать. Адресовавъ письмо въ главный штабъ дѣйствующей арміи, надѣялись они, что тамъ оно передано будетъ по принадлежности, потому всѣ такъ писали. По слухамъ, русская главная квартира находилась тогда въ Тарутищѣ, — и, въ обыкновенное время, довольно бы было и недѣли, чтобъ получить отвѣтъ, но теперь они ждали цѣлый мѣсяць — и наконецъ одинъ Миша прислалъ отвѣтъ. Онъ былъ адресованъ къ Дубицкому.

„Любезный Григорій! письмо твое я получилъ изъ главной квартиры, а письмо Марьи Михайловны къ бѣдному моему отцу, отправилъ я съ курьеромъ, который ѣдетъ въ Петербургъ. Онъ поѣдетъ черезъ Ярославль, гдѣ отецъ лежитъ раненый и больной. Онъ былъ раненъ подѣ Бородинымъ, я бы могъ прибавить, что онъ произвелъ чудеса храбрости, но какъ это-же самое сдѣлалъ каждый русскій солдатъ, то и

скажу только, что онъ исполнилъ свой долгъ. Онъ произведенъ въ генералы. Говорятъ, что рана его неопасна. Я его видѣлъ только на одну минуту послѣ битвы и то ночью, на бивакахъ. Онъ уже былъ перевязанъ. Одна пуля попала ему въ мякоть правой руки, другая вырѣзана была изъ лѣвой ноги; но опаснѣе всего три удара штыкомъ. Докторъ увѣрялъ меня, что они не глубоки, но долго будутъ причинять сильную боль. Въ ту же ночь увезли его съ другими ранеными генералами въ Ярославль, — и съ-тѣхъ-поръ я уже получилъ отъ него двѣ строчки, которыя заставили меня пролить радостныя слезы. Всякій день молю Бога о спасеніи его и выздоровленіи. Не смѣю ничего совѣтовать Марьи Михайловнѣ, но мнѣ кажется она бы очень утѣшила больного, еслибы поѣхала къ нему. Боже мой! какимъ опасностямъ и она подвергалась! но твоя дружба и геройство спасли ее. Какъ будетъ тебѣ благодаренъ отецъ мой!

Вѣрно ты не ожидаешь отъ меня описаній нашего похода и нашихъ битвъ. Далеко отступили мы, но здѣсь въ арміи, мы ни на минуту не сомнѣваемся въ торжествѣ Россіи. Скоро зима, увидимъ!

Прилагаю письмо къ Лизаветѣ Ивановнѣ. Судьбѣ не угодно было наградить меня ни одною ранюю, — но увѣряю, что я въ этомъ не виноватъ. Ядра и пули, которыя вокругъ меня летали, могли бы истребить сотни людей, а на мою долю не досталось ничего. Какъ быть? я все-таки исполнялъ мой долгъ, хоть и не такъ счастливъ.

Адресуйте письма всегда въ главную квартиру, я буду въ точности получать ихъ.

Долго Маша плакала при чтеніи этого письма, — и, разумеется, тотчасъ-же собралась въ дорогу. Дубицкій не смѣлъ уговаривать ее, чтобъ не ѣхать, но объявилъ, что поѣдетъ съ нею, потому что въ теперешнее время — сказалъ онъ, она въ дорогѣ опять можетъ подвергнуться опасности.

По какому-то безотчетному чувству, она долго отговаривалась, сопротивлялась; но какъ Лиза убѣждала ее взять брата ея въ провозатые и какъ она дѣйствительно не могла представить никакихъ ясныхъ причинъ своего отказа, то и принуждена была согласиться. Сборы были непродолжительны, и она отправилась.

Дороги были пусты, спокойны, и съ первыхъ дней путешествія, Маша увидѣла, что не было ни малѣйшей опасности, что ее напрасно пугали, и что только тайная любовь Дубицкаго могла ихъ изобрѣсть, чтобъ имѣть возможность ѣхать съ нею. Задумчиво улыбалась она при этой мысли, льстившей ея самолюбію. — Странное дѣло въ человѣческой натурѣ! отправясь, разумѣется, съ самыми злыми намѣреніями въ путь, онъ наиболее старался о томъ, чтобъ усыпить осторожность Маши. Теперь-же, когда видѣлъ, что сама Маша, была съ нимъ удивительно мила и ласкова, онъ ежеминутно становился робче. Какъ желалъ онъ какого-нибудь романческаго происшествія, какихъ-нибудь разбойковъ! — Но все было тихо и спокойно. Вездѣ ихъ принимали радушно, услужливо; всѣ имъ кланялись при встрѣчѣ и благословляли при отъѣздѣ.

Уже они близки были отъ Ярославля. По теперешнему состоянію нашихъ дорогъ вовсе нельзя судить о тогдашнихъ. Какъ у нѣмцевъ есть поговорка во время ненастья, что *лучше — вовсе никакой погоды, нежели такая* (Lieber gar kein Wetter, als so eins), — такъ и тогда можно было сказать, что лучше бы вовсе не было дорогъ, нежели такія. Притомъ-же, это было въ октябрѣ.

Не доѣзжая за сорокъ верстъ до Ярославля и не болѣе какъ въ шести верстахъ отъ той деревни, гдѣ они хотѣли ночевать, вѣхала карета Лизы въ такую топь, что, послѣ всѣхъ возможныхъ усилій, ямщикъ объявилъ рѣшительную невозможность вытащить карету лошадьми, — а предложилъ сѣздить верхомъ въ ближнее село за помощью — и уже на рукахъ дотащить экипажъ до ночлега. Другаго выбора не было — и принуждены были согласиться, ямщикъ отпрягъ пристяжную, сѣлъ на нее верхомъ и шагомъ поѣхалъ въ деревню.

Положеніе Лизы и Дубицкаго было довольно странное. Въ свѣтлую, лунную ночь, одинъ, на большей дорогѣ, въ каретѣ; кругомъ лѣсъ, пустота и грязь, ни одного проѣзжаго, ни одной птицы; точно на необитаемомъ островѣ послѣ кораблекрушенія.

Въ первыя минуты Машѣ какъ будто-бы сдѣлалось страшно, но Дубицкій сдѣлался очень разговорчивъ, веселъ, остроумень, — и страхъ ея скоро прошелъ, только какое-то

странное, непостижимое чувство колебало грудь ея. Ей было жарко, сердце ея билось и замирало. Такъ прошелъ цѣлый часъ, изрѣдка выглядывали они изъ кареты, но вдали ничего не было видно. Какая-то робость овладѣла опять Машею. Ей совѣстно было сказать это. Она прижалась въ уголь и замолчала, Дубицкій шутилъ надъ ея сонливостію, рассказывалъ анекдоты.... вдругъ и онъ замолчалъ. Странное движеніе неподвижной ихъ кареты обратило его вниманіе. Онъ взглянулъ въ окно, и самъ испугался.

Карета ихъ окружена была десяткомъ голодныхъ волковъ, сдѣлавшихъ нападеніе на лошадей. Тѣ уже видѣли опасность, и отчаянныя движенія ихъ потрясли карету. Въ одну минуту Дубицкій схватился за пистолеты, висѣвшіе у него тогда на снуркѣ, взвелъ курки, отворилъ дверцы кареты и уже хотѣлъ выпрыгнуть.... какъ вдругъ Маша съ крикомъ ухватилась за него и остановила. Она видѣла только, что Дубицкій взвелъ курки и шелъ на встрѣчу какой-то опасности. Не постигая въ чемъ она, Маша испугалась только за Дубицкаго.

Тотъ опомнился. Все присутствіе духа возвратилось къ нему. Онъ шуточно сказалъ Машѣ, что волки хотятъ поужинать ихъ лошадьми, но что онъ ихъ прежде хочетъ угостить пулями.

— Не бойтесь ничего, Марья Михаловна, — прибавилъ онъ. — У меня два двустольные пистолета, и ночь довольно свѣтла, чтобъ не дать промаха....

— Но вы сами хотѣли выскочить, — вскричала она съ трепетомъ, — я не пушу....

— Я только хотѣлъ показаться гостямъ. Они не жалуютъ присутствія людей, — и вотъ, посмотрите сами, остановились и боятся начать нападеніе. Эта волчья учтивость не долго продолжится, — и я только предупреждаю васъ, чтобъ вы не испугались выстрѣловъ. Напротивъ, совѣтую посмотреть на этотъ спектакль. Вѣрно другой разъ въ жизни вамъ не случится подобной встрѣчи.

— Я боюсь, Григорій Изановичъ, — тихо прошептала Маша.

— Какъ вамъ не стыдно дѣлать столько чести такой сволочи. Боятся волковъ?

— Не ихъ... сама не знаю чего...

— Полноте!... А, вотъ они начинаютъ нападеніе.—Какой храбрець щелкаетъ зубами и выступаетъ впередъ. Купите у меня, Марья Михайловна, его шкуру.

При этомъ словѣ раздался мѣткій выстрѣлъ,—и волкъ съ разбитымъ черепомъ лежалъ у ногъ несчастной лошади, дрожавшей всѣмъ тѣломъ.

— Вотъ съ другой стороны другой гость, — продолжалъ Дубицкій шутя.—Они, кажется, уже раздѣлили себѣ заранѣе добычу.

Раздался еще выстрѣлъ — и другой волкъ палъ мертвый, при этомъ обѣ лошади, чтобъ избѣжать очевидной опасности, сдѣлали еще такое сильное движеніе, что вытащили карету изъ грязной топи, въ которой она засѣла.

— Bravo! bravo, милыя лошадушки!—вскричалъ Дубицкій.—Вотъ что значить услуга за услугу. За то, что я васъ избавилъ отъ неприятности быть съѣденными этими нахалами, вывели насъ изъ грязи. Посмотрите, Марья Михайловна, какъ дружно они везутъ насъ и безъ кучера...

Дѣйствительно отчаянное движеніе лошадей освободило карету, и испуганныя волками, онѣ теперь сильною рысью повезли ее по грязи, преслѣдуемая алчными своими врагами. Дубицкій предвидѣлъ однако, что они не оставятъ въ покоѣ лошадей и произведутъ еще на нихъ нападеніе. Зарядивъ снова пистолеты и высовываясь безпрестанно, то изъ одного, то изъ другаго окна кареты, онъ внимательно слѣдилъ за каждымъ ихъ движеніемъ. Видѣ челоуѣка и безотчетный страхъ послѣ смерти двухъ первыхъ волковъ, долго держалъ прочихъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кареты. Но теперь лошади, какъ будто успокоенныя тѣмъ, что враги ихъ стали отставать, начали тоже ослаблять свою рысь, а наконецъ пошли и шагомъ. Эта безпечность сдѣлалась для нихъ гибельна. Волки, бросаясь въ обходъ, обогнали карету и хлынули вдругъ лошадямъ на встрѣчу. Дубицкій видѣлъ эту военную хитрость—и рѣшительно бросился опять изъ кареты, чтобъ вѣрнѣе попасть въ нападающихъ... Но сильный крикъ Маши опять остановилъ его.

— Я не пушу васъ....

— Но они разорвутъ лошадей....

— Все равно! Лишь бы съ вами не случилось никакого несчастія.

— Увѣряю, что никакого и не случится... Волки боятся людей...

— Не пуцу, не ходите...

Слова эти были прерваны ужаснымъ толчкомъ, едва непрокинувшимъ кареты. Дѣйствительно, три смѣлѣйшіе волка бросились на одну изъ дышловыхъ лошадей и повисли у ней на шеѣ.—Съ силою вырвался Дубицкой изъ рукъ Маши, выскочилъ изъ кареты и въ одну минуту застрѣлилъ четырехъ ближайшихъ волковъ. Прочіе отъ огня и треска выстрѣловъ бѣжали и только издали стали смотрѣть на участь своихъ собратьевъ; жестокія раны дышловой лошади и испугъ прочихъ подѣйствовали опять такъ сильно, что онѣ на этотъ разъ понеслись во всю скачь по глубокой, непроходимой грязи. Дубицкій, хватясь за дверцы, только что успѣлъ вскочить въ карету—и бросился къ Машѣ, чтобъ шуткою успокоить ее.

Но она лежала въ обморокъ.—Когда Дубицкій выпрыгнулъ изъ кареты, то она уже стояла на подножкахъ, чтобъ послѣдовать за нимъ. Вдругъ раздались выстрѣлы... Она взглянула—и съ ужасомъ увидя струи крови, текуція изъ лошади и волковъ, висѣвшихъ у нее на шеѣ, такъ испугалась, что со стономъ опрокинулась опять на подушки и лишилась чувствъ.

Первымъ движеніемъ Дубицкаго былъ страхъ. Онъ схватилъ Машу на руки, началъ тереть ей виски, вспырынулъ ее водою, бывшею въ дорожной сумкѣ, сталъ осыпать ея руки самыми пламенными поцѣлуями.

Не понимая своего положенія, Маша, по врожденному чувству женской скромности тихо освободилась отъ Дубицкаго, медленно повела рукою по лбу и, какъ бы собирая растерянные свои мысли, шепотомъ спросила его:

— Что съ вами? живы-ли вы?

— Я у ногъ вашихъ.... Простите меня, ради Бога!—Я напугалъ васъ. Но я самый счастливый въ свѣтѣ человѣкъ. Этотъ страхъ доказалъ мнѣ, что вы знаете всѣ мои чувства, что вы раздѣляете ихъ.

— Нѣтъ!.... нѣтъ!.... молчите....

— О! готовъ теперь молчать во всю мою жизнь....

Онъ схватилъ ея руку и страстно поцѣловалъ.

Съ силою вырвала она ея—и съ дикою энергіею осмотрѣлась. Она вспомнила сцену волковъ, лошадей, выстрѣлы, неподвижность кареты, а теперь они летѣли во весь опоръ. Это казалось ей непостижимымъ.

— Гдѣ мы?—спросила она съ недоумѣніемъ.—Какія это лошади? Куда скачутъ онѣ?...

— Тѣ-же раненныя и испуганныя лошади. Страхъ придавъ имъ силы, мы сейчасъ домчимся до ночлега.

Говоря это, онъ опять хотѣлъ овладѣть рукою Маши, но та вскрикнула отъ его прикосновенія и со страхомъ прижалась въ уголь.

— Вы сейчасъ защищали животныхъ отъ нападенія другихъ,—а сами! Что вы сами дѣлаете?..

Въ послѣднемъ словѣ было такъ много чувства и упрековъ, что дерзость его исчезла, — и онъ тихо прошепталъ:

— Простите! ради Бога, простите! Вашъ внезапный обморокъ... моя страсть...

— Не повторяйте мнѣ этого слова,—вскричала она,—или я выскочу на дорогу и оставляю васъ однихъ...

— Это жестоко! это несправедливо!—съ нѣкоторою твердостью сказала Дубицкой,—но я повинуюсь... Будьте спокойны.... Вотъ ужъ и деревня близка...

Дѣйствительно, лошади вскорѣ доскакали до первыхъ избъ, и какъ-бы чувствуя, что тутъ цѣль ихъ пути, вдругъ стали. Раненная, метѣвшая все это время, не смотря на сильную потерю крови, теперь была истощена—и пала; прочія дрожали всѣмъ тѣломъ и тоже едва стояли на ногахъ.

Дубицкій и Маша, утомленные всѣмъ случившимся, тотчасъ-же расположились въ избѣ на покой.

На разсвѣтъ всталъ Дубицкій и осмотрѣлъ лошадей. До Ярославля ужъ было не далеко,—и онъ не видѣлъ надобности покунуть на три часа пути четвертую лошадь; пустились въ путь. Положеніе Маши и Дубицкаго было теперь самое затруднительное, оба волнуемые сильными чувствами, сидѣли они по угламъ кареты и не говорили ни слова другъ съ другомъ. Дубицкій торопилъ ямщика—и лошади ѣхали довольно скоро,

но путешественникамъ показались эти три часа цѣлымъ вѣкомъ.

VI.

Трогательно было свиданіе генерала Деменьтьева съ Машею. Если до-сихъ-поръ выздоровленіе его такъ медленно подвигалось впередъ, то единственно потому что онъ былъ въ совершенной неизвѣстности объ отцѣ и Машѣ. Онъ не зналъ даже куда писать къ нимъ. Пріѣздъ жены обрадовалъ его несказанно... Но при первомъ взглядѣ на нее, на ея спутника, на трауръ Маши, вопросъ объ отцѣ замеръ на губахъ его. Онъ понималъ все,—и на глазахъ его выступили слезы.

Съ теплымъ участіемъ и искренними слезами спѣшила рассказать ему Маша все происшествіе, которое окончилось смертью бригадира.

Дружески пожалъ генералъ руку Дубицкаго и благодарилъ за всѣ одолженія, оказанныя женѣ его и отцу. Тутъ Маша дополнила все это разговоромъ теперешняго путешествія, сцены волковъ, страха своего и мужества ея спутника.

— Я васъ всегда почиталъ благороднѣйшимъ человѣкомъ и добрымъ пріателемъ: теперь позвольте мнѣ быть вашимъ другомъ на жизнь и смерть....

Дубицкій пожалъ его руку и, нѣсколько смѣшавшись, отвѣчалъ что-то о долгѣ, чести, дружбѣ и т. п.—Потомъ сказалъ ему, что, проведя съ нимъ нѣсколько часовъ, онъ намѣренъ отправиться въ обратный путь. Генералъ съ живостію отвѣчалъ ему на это, что первымъ правомъ дружбы своей почитаетъ онъ то, чтобъ не допустить его до этого.

Къ величайшему удивленію, а можетъ быть и тайной радости Дубицкаго, Маша тоже начала просить его остаться. Онъ тотчасъ согласился—и расположился у нихъ въ домѣ.

По счастливому случаю, въ самый день пріѣзда Маши, получено было въ Ярославлѣ извѣстіе о Тарутинскомъ сраженіи и объ оставленіи французами Москвы. Генералъ тотчасъ отправилъ туда своего камердинера, чтобъ посмотрѣть существуютъ-ли его и Дубицкаго дома, и есть-ли какая возможность переѣхать въ Москву.

Теперь генераль вдруг воскресъ духомъ—и душевная радость удвоила тѣлесныя силы. Раны его, видимо, сталиправляться,—и доктора, утѣшавшіе его прежде одними обычными фразами, объявили ему, что теперь ручаются за его жизнь и выздоровленіе. Вскорѣ возвратился и камердинеръ генерала изъ Москвы. Домъ его сгорѣлъ до основанія, — и по числу оставшихся въ цѣлости домовъ, прїѣздъ отовсюду стекающихся жителей такъ великъ, что нѣтъ никакой возможности туда переѣхать. За то Дубицкій былъ вполне доволенъ: не только домъ его стоялъ въ совершенной цѣлости, но даже получилъ значительное приращеніе. Когда онъ собирался выѣхать изъ Москвы, (а мы видѣли, что онъ заблаговременно за это принялся), — то отдалъ домъ свой въ наймы какимъ-то французскимъ моднымъ торговкамъ, актрисамъ и другимъ лицамъ этой націи. Онъ рассчитывалъ, что если Наполеонъ вступитъ въ Москву, — и по ожесточенію русскихъ жителей произойдетъ какое-нибудь гоненіе на нихъ, то единоплеменникамъ своимъ французы, вѣрно, ни какого зла не сдѣлаютъ.

Такъ и случилось. Въ домъ къ нему, по ходатайству самихъ француженокъ, былъ поставленъ штабъ какого-то корпуснаго генерала, — и этотъ домъ не только не подвергся всеобщему пожару, но еще цѣлые отряды отстаивали его отъ дѣйствія летающихъ вокругъ головешекъ. — Когда-же пожаръ прекратился и Наполеонъ въѣхалъ опять въ Кремль, — то домъ Дубицкаго сдѣлался сборищемъ лучшаго круга, какой только могли собрать офицеры. Въ немъ всякій день были балы, концерты, даже спектакли, и живущіе въ этомъ домѣ офицеры стащили туда все, что почитали своею добычею, что набрали въ прочихъ опустѣвшихъ домахъ, — такъ что весь дворъ, сарай, чердаки были завалены картинами, книгами, бронзами, богатою мебелью, рѣдкостями, на которыхъ каждый офицеръ приклеивалъ свой ярлыкъ, какъ будто бы эти вещи дѣйствительно были ихъ собственностію и какъ будто они могли перевезти ихъ въ одинъ день изъ Москвы въ Парижъ. Удивительное ослѣпленіе!

Наконецъ, когда пробилъ роковой часъ выступленія; когда всѣ надежды ихъ полководца-императора разрушились — не многіе изъ этихъ офицеровъ успѣли взять съ собою собран-

ныя ими вещи. Надобно было думать не о добычѣ и роскоши, а о насущномъ хлѣбѣ и спасеніи жизни.

А между тѣмъ, въ домѣ Дубицкаго цѣлый годъ потомъ стояли на показъ всѣ эти вещи, чтобъ возвращать ихъ хозяевамъ, — но они не являлись. Оставляя дома свои и столицу, никто изъ жителей Москвы не думалъ объ имуществѣ, — и теперь, возвратясь, всякому было совѣстно отыскивать въ чужомъ домѣ свои вещи, чтобы не подумали, что онъ хочетъ присвоить себѣ имущество другаго. Въ послѣдствіе, проданы были эти всѣ вещи въ пользу бѣдныхъ.

Извѣстіе, привезенное камердинеромъ, измѣнило всѣ планы генерала и Дубицкаго. Теперь уже Дубицкій предложилъ Дементьеву свой домъ — и тотъ принужденъ былъ принять его, — а Маша не смѣла отказаться. Теперь отправили вторично камердинера въ Москву и приказали ему очистить и приготовить комнаты для *всѣхъ*, — потому что Дубицкій намеренъ быть, привезя въ Москву генерала и Машу, тотчасъ-же ѣхать за матерью и сестрою, которымъ въ тотъ-же день написалъ обо всемъ.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ уже камердинеръ прислалъ донесеніе, что все готово къ ихъ приему.

Какъ же провели это время Маша и Дубицкій? — Очень просто: они по цѣлымъ днямъ сидѣли вмѣстѣ, разговаривали, смѣялись, играли въ карты, забавляли больного генерала, — но ни малѣйшій намекъ, ни взглядъ не напоминали о сценѣ на большой дорогѣ и о признаніи въ страсти, вырвавшемся у Дубицкаго. Маша, спасенная въ минуту опасности инстинктомъ женской добродѣтели, а потомъ вполне опомнившаяся отъ минутнаго своего увлеченія, думала теперь, что Дубицкій тоже одумался и на вѣкъ затаилъ опять страсть; что никогда не осмѣлится онъ напомнить о ней, и что вступая съ нимъ скоро въ близкую родственную связь, она положитъ вѣчную преграду всякимъ помышленіямъ любви.

Дубицкій же... что онъ думалъ?... О! въ душѣ его кипѣла ужаснѣйшая буря, любовь его нисколько не охладѣла, напротивъ, получила новую силу при видѣ неуспѣха, при встрѣчѣ препятствій. Одно мгновеніе, во время сцены съ волками, доказало ему, что Маша къ нему равнодушна. Для него этого было довольно. Гнѣвъ ея, угрозы, молчаніе —

и наконецъ теперь видимое равнодушіе все это почиталъ онъ маскою, которую можетъ сорвать одна минута страсти и самозабвенія.

Въ продолженіе этихъ двухъ недѣль, Маша всячески избѣгала случая оставаться съ Дубицкимъ наединѣ, — но въ короткой, семейной жизни нельзя было избѣжать этого. И въ первый разъ, какъ это случилось, она готова была сама бѣжать; — только Дубицкій вдругъ съ такимъ хладнокровіемъ началъ рассказывать ей извѣстія, которыя только что успѣлъ прочесть въ газетахъ, что ей самой стало стыдно своего пустаго страха. Во второй разъ она уже не съ такою боязнію осталась съ нимъ наединѣ, — и душевно была рада, когда Дубицкій во все это время, не поднимая даже на нее глазъ, съ глубокимъ вниманіемъ продолжалъ читать какой-то новый романъ. Послѣ этого она болѣе и болѣе увѣрилась, что Дубицкій образумился и что даже, можетъ-быть, несчастная страсть вовсе исчезла въ немъ.

Насталъ наконецъ день отъѣзда въ Москву. Большой генералъ чувствовалъ уже себя довольно сильнымъ, чтобъ выдержать небольшое зимнее путешествіе изъ Ярославля въ Москву. Приняли однакоже всѣ предосторожности, обложили его подушками и рѣшили даже, что будутъ ночевать на дорогѣ, — такъ что на этотъ суточный переѣздъ въ двѣсти сорокъ верстъ употребили они почти три дни.

Боже мой! какое зрѣлище представилось имъ при вѣздѣ въ Москву! сердце обливалось кровію, невольныя слезы выступили на глазахъ при видѣ опустошенія древней, русской столицы. Только ряды почернѣвшихъ трубъ означали существованіе домовъ и улицъ. Только, по привычкѣ, поворачивалъ ямщикъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде были перекрестки. По привычкѣ узнавая мѣста, гдѣ прежде стояли храмы Божіе, прохожіе усердно крестились, по привычкѣ называли дома, которыхъ не было и слѣда.

Только въ домѣ Дубицкаго нашли они все въ цѣлости и порядкѣ. Камердинеръ все приготовилъ къ приему пріѣзжихъ. Генералу съ супругою была отведена отдѣльная половина, а для матери и сестры Дубицкаго очищенъ былъ бельэтажъ.

На третій день назначенъ былъ отъѣздъ Дубицкаго.... Вдругъ

въ ночь захворалъ онъ. — Какъ? отчего?... Онъ и самъ не могъ придумать причины. Онъ всегда любилъ беречь себя и въ пищу, и въ одеждѣ, а тутъ вдругъ почувствовалъ онъ ночью сильные припадки лихорадки; тотчасъ-же послалъ за докторомъ, — и тотъ объявилъ, что благодаря поспѣшности, съ которою его призвали, онъ надѣется не допустить до горячки, но что всѣ признаки этой болѣзни явно оказываются въ организмѣ. Дубицкій сказалъ доктору, что намѣренъ былъ ѣхать за матерью, и сестрою въ Нижній, но тотъ махнулъ рукою и отвѣчалъ, что онъ долженъ тотчасъ-же написать туда письмо и послать вѣрнаго человѣка, чтобъ быть ихъ провожатымъ.

— Но вѣдь вы мнѣ сказали, что прервете болѣзнь, — возразилъ Дубицкій. — Такъ черезъ нѣсколько дней я буду, можетъ-быть, въ состояннн самъ ѣхать....

— Гораздо позже! — вскричалъ съ нѣкоторою грубостію докторъ. — Вы, сударь, пролежите не менѣе пяти недѣль, такъ смѣшно вамъ думать о путешествіи.

Уныло опустилъ Дубицкій голову.

— Хорошо! — такъ я по утру-же напишу къ матушкѣ...

— Совѣтую вамъ лучше *теперь-же* написать, — прервалъ его докторъ, — потому что поутру вы уже будете чрезвычайно слабы.

— Вы меня пугаете....

— Напротивъ! я хочу, чтобъ вы заранѣе знали ходъ вашей болѣзни, я же самъ пропишу вамъ теперь такія лекарства, которыя сдѣлаютъ васъ къ утру чрезвычайно слабымъ. Это необходимо нужно мнѣ, чтобъ овладѣть болѣзнію.

— Но растодкуйте мнѣ, отчего произошла моя болѣзнь? я веду такую правильную жизнь.... Не простудился, не объѣлся....

— Напрасно вы пріѣхали въ Москву, — вотъ въ чемъ ваша вина, — отвѣчалъ докторъ. — Пребываніе непріятелей оставило здѣсь много семянъ болѣзней. Счастливы вы, что скоро прислали за мною. Если вы вели акуратную жизнь, то дѣло ваше выиграно. Мы справимся съ болѣзнію; но надобно заранѣе приготовиться полежать, поскучать, похудѣть....

Все это словоохотливый докторъ говорилъ въ видѣ отрывистыхъ фразъ, а самъ въ это время писалъ рецептъ, — и

приказавъ все, что нужно было дѣлать безъ него, уѣхалъ, обѣщавъ явиться поутру.

Дубицкій, слѣдуя совѣту доктора, тотчасъ-же написалъ короткое письмо къ матери; увѣдомлялъ ее о своей болѣзни и просилъ поскорѣе пріѣхать къ нему въ Москву.

По утрамъ Дубицкій всегда приходилъ въ генералу — и пилъ съ нимъ чай. Въ этотъ день Дементьевъ нарочно всталъ рано, зная, что Дубицкій хотѣлъ уѣхать въ полдень. Какъ-же удивился онъ, когда пришедшій слуга просилъ его пожаловать къ больному его барину. Онъ тотчасъ-же прибѣжалъ на половину Дубицкаго, — и изумился, увидя его. Въ нѣсколько часовъ физіономія его до того измѣнилась, что его едва можно было узнать. Осыпавъ больного вопросами, онъ вскорѣ увидѣлъ, что тотъ слишкомъ слабъ, чтобъ отвѣчать ему. Предсказаніе доктора сбылось; желаніе его было въ полной мѣрѣ исполнено, Дубицкій лежалъ, совершенно лишенный силъ.

Дементьевъ тотчасъ-же послалъ сказать Машѣ, чтобъ она не дожидалась его пить чай, потому что еще нужно остаться у Григорья Ивановича, — а самъ расположился ходить за больнымъ. — Маша сперва подумала, что мужъ помогаетъ Дубицкому укладываться въ дорогу, но услужливая горничная тотчасъ-же сообщила ей въ чемъ дѣло.

Маша испугалась, сердце ея затрепетало. Эта неожиданность, какъ громомъ, поразила ее. Какая вдругъ причина произвела въ Дубицкомъ такую сильную и внезапную болѣзнь? Вчера еще былъ онъ полонъ жизни, веселья... а теперь!.. Ей ужасно какъ хотѣлось побывать тамъ, взглянуть на него, — но грозное, неумолимое слово *приличіе* — стояло, какъ непреклонный стражъ, на порогѣ. Она еще спросила обо всемъ горничную, вздохнула, — и приказала ей *почаще* навѣдываться о здоровьи Дубицкаго и доносить ей. Та съ усердіемъ исполняла порученіе, и еще болѣе возбуждала въ Машѣ желаніе видѣть больного.

Всѣ предохранительныя и ослабляющія средства доктора не спасли однако Дубицкаго отъ горячки. Она въ тотъ-же день обнаружилась въ немъ, и онъ началъ бредить.

Докторъ, усердно слѣдившій за ходомъ болѣзни по любви къ своему искусству, долго сидѣлъ надъ Дубицкимъ въ тотъ

вечеръ и наблюдалъ за всѣми признаками развитія. Испуганный и озабоченный генераль приступалъ къ нему и даже нѣсколько сурово — съ распросами, но тотъ отвѣчалъ очень хладнокровно и едва обращая вниманіе на вопросителя. Это даже разсердило генерала.

— Да вы откровенно скажите, докторъ, ручаетесь-ли вы за жизнь больного? — сказалъ онъ ему.

— Ручаетесь-ли вы, генераль, за собственную вашу жизнь до завтра? отвѣчалъ ему докторъ.

— Я не объ этомъ и беспокоюсь, — прервалъ его Деменьтьевъ. — Я хочу знать, во всей точности, положеніе моего друга.

— Я полагаю, что кромѣ физическихъ причинъ, которыя породили и развили болѣзнь, вѣрно у господина Дубицкаго были какія-нибудь и душевныя тревоги, которыя теперь заставляютъ его фантазировать.

— О нѣтъ, быть не можетъ! — съ недоувѣрчивостію прервалъ его генераль, — Григорій Ивановичъ былъ самаго любезнаго, спокойнаго и веселаго характера; у него не могло быть душевныхъ волненій....

— А! вы думаете, что кто повидимому веселъ и спокоенъ, у того никогда не бываетъ на-сердцѣ какой-нибудь страсти, какого-нибудь подавленнаго желанія? Худо-же вы знаете человечество. Нѣмецкая пословица говоритъ, что *тихія воды глубоки*, и я, какъ врачъ, по числу пульсовыхъ ударовъ могу увѣрить васъ, что господинъ Дубицкій человекъ съ сильными страстями. Если законы общества мѣшали ему обнаруживать ихъ, то тѣмъ сильнѣе дѣйствовали эти страсти на организмъ, и вотъ неожиданная причина усиленія болѣзни....

— Постойте! — прервалъ его генераль. — Онъ опять начинаетъ бредить.... Это можетъ намъ открыть что-нибудь....

Сильнымъ движеніемъ увлекъ Деменьтьева докторъ въ другой уголокъ комнаты и сурово сказалъ ему:

— А развѣ вы полагаете, генераль, что можно подслушивать исповѣдь умирающаго?...

— Боже сохрани! Что вы говорите....

— Развѣ можно распечатывать чужія письма, чтобъ, изъ низкаго любопытства, узнать семейныя, задушевные тайны. Еслибъ вы были отецъ больного, братъ, я-бы и тогда не

допустилъ васъ до нарушенія самаго святаго долга... Покорнѣйше прошу оставить насъ... я останусь здѣсь весь вечеръ и ночь. Будьте спокойны, я буду наблюдать за больнымъ не хуже вашего...

— Но увѣрю васъ, что я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія...

Въ эту минуту вошла въ комнату горничная Маши и сказала генералу, что барыня проситъ его пожаловать къ ней. Деменьтьевъ ушелъ, прося доктора дать ему знать ночью, если больному сдѣлается хуже.

— Хоть вы, конечно, и не поможете ему, — отвѣчалъ докторъ, — но такъ и быть, пришло.

Когда генералъ ушелъ, то горничная обратилась къ доктору Либиху и сказала ему, что барыня проситъ его пожаловать къ ней на минуту черезъ часъ.

— Развѣ она больна?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Зачѣмъ я ей нуженъ?

— Не могу знать-съ. Онѣ все навѣдываются о больномъ, такъ, можетъ быть, объ этомъ-съ и хотятъ спросить васъ...

Внимательно и задумчиво посмотрѣлъ Либихъ на дѣвушку, и въ умѣ его мелькнула мысль, которая заставила его потомъ обратить взоры на больного.

— Хорошо, я приду, сказалъ онъ горничной.

Оставшись одинъ, Либихъ занялся больнымъ. Вскорѣ безсвязный бредъ Дубицкаго открылъ ему всю тайну души его. Какъ доволенъ онъ былъ, что никто другой не узналъ ее!..

— Вотъ люди! — сказалъ онъ, покачивая головою. — Лечи ихъ! Къ чему тутъ послужать всѣмъ возможнымъ анатомическимъ свѣденіямъ? Они призываютъ насъ, чтобъ лечить ихъ тѣло, а у нихъ душа больна! Бѣдный Деменьтьевъ! Много горя предстоитъ тебѣ. Но сколько могу судить по характеру генерала, не желалъ-бы я быть на мѣстѣ и Дубицкаго. Тутъ горячая дружба разомъ можетъ превратиться въ свинцовыя пилюли.

Двѣтательно принялся онъ теперь за дальнѣйшее леченіе и до того успѣлъ оттянуть жаръ больного, что онъ черезъ часъ сдѣлался спокойнѣе и пересталъ бредить.

Явилась горничная Маши, и Либихъ отправился къ гене-

ральшѣ, подстрекаемый невольнымъ любопытствомъ: посмотрѣть на нее, какъ на *субъектъ* болѣзни Дубицкаго.

Маша встрѣтила его очень ласково. Во всѣхъ ея движеніяхъ и словахъ Либихъ видѣлъ, что она намѣрена обворожить его, покорить; но, сквозь этотъ блескъ красоты и очарованія, замѣтна была какая-то робость, замѣшательство, даже неопытность.

Дѣло въ томъ, что усердная горничная давно уже доложила барынѣ, что у Григорія Иваныча открылась горячка и что онъ бредитъ. Это послѣднее слово заставило ее затрепетать. Она чувствовала, что будетъ предметомъ его бреда и что мужъ все услышитъ и узнаетъ. Со страхомъ послала она горничную къ генералу и велѣла просить его придти къ ней. Когда тотъ явился, то Маша почти со слезами убѣждала его не сидѣть у больного, говоря, что онъ самъ еще такъ слабъ и что горячка, въ это время года, чрезвычайно прилипчива; что можно безпрестанно навѣдываться о больномъ и даже навѣщать его раза три въ день, но сидѣть у него не должно.

Заботливость Маши очень была пріятна мужу, и какъ онъ видѣлъ, что успокоитъ ее не иначе, какъ согласясь на ея просьбу, то и обѣщалъ ей послѣдовать ея совѣту. Убѣдивъ и обласкавъ мужа, она хотѣла теперь вывѣдать всѣми тонкостями женскаго очарованія у доктора: знаетъ-ли онъ изъ бреда больного о печальной его тайнѣ, чтобъ потомъ убѣдить его къ молчанію.

Съ перваго взгляда, докторъ долженъ былъ сознаться, что никогда еще не видалъ женщины прелестнѣе Маши. Все въ ней дышало роскошью, любовью и непреодолимою прелестью. Самая вечерняя одежда ея, такъ пластически обрисовывавшая всѣ красоты ея, увеличивала ея очарованіе. Всякой другой, кромѣ Либиха, который жилъ только для науки, былъ-бы у ногъ Маши при первомъ ея взглядѣ. Но нашъ докторъ предчувствовалъ, что это свиданіе можетъ имѣть высокую, нравственную цѣль, и потому очень холодно принялъ потокъ ласковыхъ словъ, которыми Маша его осыпала.

Эта холодность заставила вздрогнуть Машу. Она поняла, что докторъ все знаетъ.

— Ради Бога, скажите мнѣ, успокойте меня, добрый и

любезный господинъ Либихъ! — сказала она. — Мы такъ много обязаны Григорью Иванычу.... Болѣзнь его приводитъ насъ въ отчаяніе.... Мы съ часу на часъ ждемъ сюда его матери, сестры.. Послѣдняя выходитъ за мужъ за сына моего мужа.... Всѣ эти люди ужаснутся, узнавъ объ опасности Григорья Иваныча.... Скажите могу-ль я заранѣе успокоить ихъ.

— Кто-жъ мѣшаетъ? — равнодушно отвѣчалъ Либихъ. — Это такъ пріятно и ничего не стоитъ. Вѣдь люди всегда любятъ, чтобъ ихъ до конца обманывали, лишь-бы говорили то, что имъ пріятно.

— Боже мой! — вскричала испуганная Маша, такъ положеніе больного очень опасно....

— Какъ и всякаго другаго. И здоровые люди часто въ большой опасности. А болѣзнь уже значитъ, что организмъ человѣческой разстроенъ и что ему грозитъ разрушеніе.

— Но всегда есть примѣты надежды къ выздоровленію, или къ несчастному окончанію болѣзни....

— Которыя часто обманчивы, какъ и самыя слова людскія; лучше всего надѣяться и ожидать хорошаго. Сдѣлайте и вы тоже, а тамъ, что Богъ дастъ....

— О! въ вашемъ искусствѣ я вполне увѣрена, извѣстность ваша такъ велика, что это истинное счастье, что больной попалъ въ такія руки, какъ ваши....

— На которыхъ онъ также легко можетъ умереть, какъ и выздороветь, смотря потому, какъ натура больного мнѣ поможетъ. Физическая натура господина Дубицкаго очень хороша. Это подавало мнѣ величайшую надежду на скорое и счастливое окончаніе болѣзни. Вдругъ сегодня въ вечеру оказался бредъ, котораго я вовсе не ожидалъ....

— Бредъ? — съ смущеніемъ вскричала Маша, вся покраснѣвъ. — Что-жъ? Это развѣ опасно?

— Во многихъ отношеніяхъ, — спокойно отвѣчалъ докторъ. — Во-первыхъ, это доказало мнѣ, что я напрасно надѣялся на физическую натуру, потому что нравственная у него очень испорчена и грозитъ разрушеніемъ организма его.

— Нравственная? что-жъ это значитъ? съ притворнымъ недоумѣніемъ спросила Маша.

— Послушайте, Марья Михайловна, — съ нѣкоторою суровостію сказалъ Либихъ.— Я врачъ, вы дама, — слѣдственно вы, вѣрно, не ожидаете отъ меня, чтобъ я техническими терминами сталъ вамъ объяснять болѣзнь господина Дубицкаго. Думаю однако-же, что вы и безъ моихъ объясненій очень хорошо знаете, что значить *бредъ*.

— Разумѣется. Это состояніе, въ которомъ больной говоритъ такія вещи, о которыхъ вовсе и не думалъ никогда. Это все равно, что сонъ. Мы всегда почти видимъ во снѣ разные чудовищныя и несбыточные вещи, о которыхъ никогда наяву и не думали.

— Знаете-ли, Марья Михайловна, — сказалъ докторъ иронически, — что ваше опредѣленіе *брета* заключаетъ въ себѣ болѣе учености, нежели сколько, по обыкновенному воспитанію, даютъ женщинамъ. Жаль, что генераль, супругъ вашъ, не такъ думаетъ...

— Что это значить? — со страхомъ вскричала Маша и вскочила съ дивана, на которомъ сидѣла до-тѣхъ-поръ въ самой обворожительной позѣ.

— Не безпокойтесь, не пугайтесь; — это тоже признакъ нравственной болѣзни, — съ нѣкоторою холодною насмѣшкою прервалъ ее докторъ.— Вотъ въ чемъ дѣло. — Супругъ вашъ тоже безпокоился о состояніи больного, — и я, по любви къ искусству растолковалъ ему, какъ душевная болѣзнь, то-есть, сильная и подавленная страсть, можетъ усилить опасность господина Дубицкаго. Супругъ вашъ не вѣрилъ, чтобъ больной имѣлъ какой-нибудь предлогъ для подобной болѣзни. — Въ эту самую минуту началъ господинъ Дубицкій сильно бредить, — и супругъ вашъ предложилъ мнѣ послушать его фантазиривки, чтобъ убѣдиться въ причинѣ, которая могла произвести нравственную его болѣзнь...

— Боже мой! Что-же далѣе...

— Не пугайтесь, говорю вамъ, — холодно и печально сказалъ докторъ.— Подобные порывы очень вредны для здоровья, а ничего не поправятъ, — если что и спорчено.

— О чемъ-же бредилъ Григорій Ивановичъ? — спросила Маша, склонивъ голову на подушку дивана и едва внятнымъ голосомъ...

— Вы забьми, Марья Михайловна, что я докторъ, и что

въ подобномъ случаѣ также свято обязанъ соблюдать семейныя тайны, какъ духовникъ признанія грѣшника.

— Но мужъ мой?... — спросила Маша почти съ болѣзненнымъ стономъ.

— Я сказалъ супругу вашему тоже самое, что и вамъ теперь; отвелъ его въ сторону и объявилъ, что никогда не допущу, чтобъ онъ сорвалъ печать съ таинственнаго, сердечнаго письма, раскрываемаго болѣзнію. Онъ послушался.... Впрочемъ, въ эту самую минуту прислали вы, — и генераль ушелъ.

Въ сильномъ волненіи встала Маша съ дивана, прошлась взадъ и впередъ по комнатѣ и подойдя къ доктору, молча пожалала ему руку.

— Это значитъ, вы довольны, Марья Михайловна, — сказалъ неумолимый докторъ. — Вы полагаете, что я хорошо сдѣлалъ. Но, въ ту минуту, когда я спасъ вашего супруга отъ поступка, въ которомъ онъ во всю-бы жизнь раскаявался, я самъ ничего не зналъ и исполнилъ только мой долгъ. Когда-же супругъ вашъ ушелъ и я остался съ больнымъ одинъ, то слышалъ всю его невольную исповѣдь, — и очень сожалѣлъ, что далъ вамъ передъ тѣмъ слово придти сюда.

— Отчего-же, добрый и любезный господинъ Либихъ? — спросила покраснѣвшая Маша, стараясь казаться удивленною.

— Послушайте, Марья Михайловна, — угрюмо сказалъ докторъ. — Въ глазахъ свѣта вы должны играть такую роль, какую теперь репетуете со мною. Но теперь мы наединѣ, — и съ опытнымъ врачомъ напрасно будете вы тратить цвѣты женскаго искусства. Зачѣмъ вы меня позвали? Вы узнали, что больной *бредитъ* — и испугались. Вы вызвали мужа и вѣрно убѣдили его, чтобъ онъ не ходилъ къ больному въ то время, какъ съ нимъ дѣлаются припадки бреда. Меня-же вы позвали, чтобъ развѣдать: знаю-ли я что, и что именно? — и чтобъ потомъ своею женскою прелестью склонить меня къ молчанію. Не такъ-ли?

Съ гордостію и чувствомъ собственнаго достоинства, встала опять Маша съ дивана и, подойдя къ Либиху, сказала ему:

— Можетъ-быть вы и правы, докторъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, но въ главномъ ошибаетесь, мнѣ не нужно ничье

молчаніе, — и если-бы своевольное воображеніе больного смѣло обвинять меня въ чемъ-нибудь, то оно солгало-бы самымъ наглымъ образомъ. Вы сами говорили о дѣйствіяхъ *подавленной* страсти, слѣдственно понимаете, что при подобномъ подавленіи нѣтъ взаимности. Но я знала чувства больного молодого человѣка — и признаюсь — жалѣла о немъ. Смѣло могу увѣрить, что не подавала ему ни малѣйшаго предлога къ виновнымъ надеждамъ; но спокойствіе супруга для меня всего важнѣе. Въ чувствахъ моихъ онъ можетъ всегда быть увѣренъ, — но и малѣйшее подозрѣніе противу несчастнаго больного было-бы губительно для обоихъ. Вотъ почему я въ-самомъ-дѣлѣ испугалась и старалась увлечь мужа изъ комнаты больного. Вотъ почему хотѣла видѣть и васъ. При всей своей проницательности, вы очень худо угадали, если думали, что васъ позвала виновная женщина, которая хочетъ сдѣлать изъ васъ сообщника. Нѣтъ, бредъ больного вовсе мнѣ не страшень, — но онъ можетъ подвергнуть опасности, какъ его, такъ и моего мужа. И для этого-то я позвала васъ, чтобъ просить вашего докторскаго содѣйствія къ удаленію мужа въ подобныя минуты. Какъ благородный человѣкъ, вы сдѣлали это еще прежде моей просьбы, — и я душевно васъ благодарю за это....

Внимательно слѣдилъ Либихъ за выразительностію фізіономіи прелестной женщины во время ея тирады, — и любуясь ею, легко убѣдился, что она говоритъ совершенную правду. Въ свою очередь подошелъ онъ къ ней, дружески пожалъ ей руку и сказалъ:

— Я вѣрю вамъ вполне, — и исполню вашу волю. Не мое дѣло давать вамъ совѣты на счетъ будущаго; не мое дѣло судить и о прошедшемъ, но вижу только, что бѣдный Дубицкій рано или поздно погибнетъ отъ этой страсти. Глядя на васъ, я никогда не повѣрю, чтобъ изъ такого ангельскаго существа, сдѣлалась виновная, падшая женщина. Но, глядя и на дѣйствіе страсти въ Дубицкомъ, могу предсказать, что цѣлю всей его жизни будетъ взаимность, — или смерть.

— Я первая буду плакать самыми искренними слезами, если онъ не переживетъ безумной своей страсти, — но никогда не соглашусь спасти его.

— Печальный выборъ предстоитъ вамъ, — угрюмо сказалъ докторъ. — Всего лучше было-бы, еслибъ эта страсть и не начиналась.

— Въ этомъ ужъ, конечно, я не виновата! — съ гордостью отвѣчала Маша.

— Богъ вѣсть! Повторяю вамъ, что я опытный врачъ, и что кромѣ голыи истины, я ничему не вѣрю. — Въ невинности вашей я совершенно убѣжденъ, но также увѣренъ и въ томъ, что никакая страсть не можетъ произойти тамъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшей надежды. Не знаю чѣмъ и какъ, — но вы все-таки виноваты, что страсть Дубицкаго такъ сильно укоренилась. Повѣрьте, что мужчина, самый безумный и самонадѣянный, съ перваго шага видитъ, чего онъ можетъ надѣяться, или нѣтъ.

Маша задумалась. Голова ея тихо склонилась на руки и темнорусые локоны закрыли лицо ея. Когда она подняла голову, то по покраснѣвшимъ щекамъ ея видны были текущія слезы.

— Да! вы правы, любезный докторъ, — сказала она тихимъ голосомъ. — Григорій Ивановичъ видѣлъ и любилъ меня прежде, нежели добрый и благородный мой Николай Михайловичъ вздумалъ мнѣ предложить свою руку. Я тогда беззаботно, а можетъ-быть и съ удовольствіемъ слушала фразы его, — и если онъ надѣялся тогда на мою взаимность, то былъ правъ. — Только съ той минуты, какъ я сдѣлалась женою лучшаго и великодушнѣйшаго изъ людей, я избѣгала малѣйшаго случая, чтобъ не только говорить, но даже видѣть бѣднаго молодаго человѣка. Всякая мысль о любви ко мнѣ была для меня теперь оскорбленіемъ. И я никогда, цѣною даже собственной моей жизни, не соглашусь слушать и раздѣлять подобную любовь.

— Прекрасно и благородно! — съ живостію сказалъ Либихъ и съ чувствомъ уваженія поцѣловалъ руку Маши. — Прощайте однако, — мнѣ пора къ больному. Помощь моя безпрестанно ему теперь нужна. Завтра минуетъ, вѣроятно, всякая опасность, и мы потомъ поговоримъ съ вами серьезно и хладнокровно объ этомъ дѣлѣ. Надобно будетъ исподволь вразумить больнаго, я присовѣтую ему путешествіе въ чужіе края. Увидимъ! Авось все и обдѣлается...

Пощюловавъ еще разъ руку Маши, докторъ ушелъ.

VII.

Дѣйствительно, на другой-же день сдѣлалось Дубицкому лучше. Жаръ возобнился только къ ночи и былъ не продолжителенъ. — а на третій день не было совсѣмъ и бреда. Разумѣется, Дементьевъ пришелъ по утру и разсказалъ доктору о страхѣ Маши. Либихъ успокоилъ его и позволилъ ему сидѣть у больнаго во все время, покуда онъ самъ тутъ, — только, по слабости больнаго, запретилъ съ нимъ говорить.

Черезъ недѣлю пріѣхали мать и сестра Дубицкаго. Больной уже былъ въ состояніи разговаривать съ ними, но въ немъ оставалась такая слабость, что онъ не могъ поднять головы.

Лиза сидѣла теперь безпрестанно у изголовья больнаго. Всякій день приглашала она Машу къ брату, но та отговаривалась все неприличіемъ. Наконецъ, самъ генералъ принудилъ жену отправиться къ Дубицкому, который былъ въ восторгѣ отъ этого посѣщенія. Всѣ были веселы, довольны: одинъ докторъ все ворчалъ и говорилъ, что всякій *посторонній* визитъ разстраиываетъ больнаго и замедляетъ изцѣленіе его. Маша успокоила его тѣмъ, что скоро ушла, но Лиза привела ее на другой день, на третій и такъ далѣе, въ то время, когда доктора не было, — и это время было для Дубицкаго самымъ счастливымъ въ жизни.

Вдругъ произошелъ новый эпизодъ. Когда генералъ перѣхалъ въ Москву, то тотчасъ-же написалъ къ сыну и приказалъ ему адресовать свои письма къ Дубицкому. Русская армія была уже тогда за Березиной, а французская уже не существовала. Великій, невообразимый переворотъ уже совершился. Вся вооруженная Европа отхлынула, какъ приливъ; оставя на снѣгахъ нашихъ кости лучшихъ своихъ войскъ. Наполеонъ уже уѣхалъ, сказавъ знаменитое свое слово, что *отъ высокаго до смышлаго только шагъ*, и русскія войска, вполне гордясь безсмертными своими побѣдами, готовились двинуться въ средину Европы, чтобъ помочь ей сбросить съ себя иго Наполеона, столь давно тяготѣвшее надъ народами.

Посреди этихъ радостныхъ извѣстій, наполнявшихъ душу

Дементьева истиннымъ восторгомъ — вдругъ прѣхалъ къ нему самъ Миша.

Но увы! Въ какомъ видѣ онъ прибылъ? изнуренный всѣми трудностями этого зимняго похода, онъ наконецъ былъ тяжело раненъ подъ Борисовымъ. Перевязавъ раны, онъ уѣхалъ съ однимъ добрымъ евреемъ въ Оршу; но какъ тамъ не было врачей, то ему совѣтовали ѣхать въ Смоленскъ. Онъ повиновался, но и тамъ нашель одно опустѣніе. Едва отыскалъ онъ себѣ пріютъ. Морозы простирались тогда до 26 градусовъ и выше, а комната его едва была топлена, потому что ни у кого не было запаса дровъ, — а привозили ихъ всякій день крестьяне изъ отдаленныхъ селеній (ближайшія всѣ были истреблены непріателемъ). Вдругъ узналъ онъ нечаянно отъ одного знакомаго офицера, возвращавшагося изъ Москвы въ армию, куда ѣздилъ по порученіямъ начальства, что отецъ его и Маша живутъ въ Москвѣ у Дубицкаго, и тотчасъ-же рѣшился ѣхать туда.

Эта послѣдняя поѣздка довершила разстройство его здоровья. Въ незакрывшихся еще ранахъ сдѣлалось воспаленіе, — и сильная горячка повергла его въ постель въ самый день прѣзда.

Можно вообразить себѣ какое вліяніе произвелъ прѣздъ Миши въ обоихъ семействахъ. Болѣзнь его и раны перепугали всѣхъ. Отецъ, едва самъ выздоравливающій, былъ въ совершенномъ отчаяніи. Онъ, со слезами, умолялъ Либиха спасти его сына.

Дубицкій, который уже начиналъ ходить по комнатѣ, два раза въ день получалъ посѣщенія матери, сестры — и Маши. Казалось, что судьба нарочно послала ему больнаго и раненаго друга его, чтобъ ни докторъ, ни генералъ не мѣшали свиданіямъ его съ Машею.

Слишкомъ увѣренная въ самой себѣ, Маша привыкла теперь ежедневно навѣщать Дубицкаго, занимаясь въ это время болѣе разговоромъ съ Лизою. Но украдкою видѣла она, что Дубицкій бросалъ на нее самые пламенные и страстные взгляды. Хотя она и не смотрѣла на него, но чувствовала, что взгляды эти жгутъ ее и беспокоятъ.

Большую часть дня и часть ночи проводили потомъ Лиза и Маша у изголовья Миши.

У него тоже открылся бредъ,—и съ описаніями фантастическихъ битвъ съ врагами изрѣдка мѣшалось имя Лизы, отца и даже Маши. Тутъ докторъ не запрещалъ никому слушать безсвязныхъ его тирадъ. Онъ зналъ, что любимая невѣста его тутъ, и что, въ походѣ, ему некогда было подумать измѣнить ей. Слѣдственно секреты его были не опасны.

Явился наконецъ къ Мищѣ и самъ Дубицкій. Это былъ первый выходъ, дозволенный ему докторомъ. Долго Либихъ не пускалъ его—и съ неудовольствіемъ отказывалъ подъ разными предлогами, но наконецъ принужденъ былъ выпустить его на волю.

— Ну, Богъ съ вами! пожалуй ступайте.— И что за филантропія такая во мнѣ! Что мнѣ за дѣло, что человекъ добровольно идетъ къ гибели. Я исполнилъ свой долгъ; вылечилъ его. А если ему послѣ вздумается броситься изъ окна и сломать себѣ шею,—я вовсе не буду виноватъ.

— Я не могу надивиться вашему гнѣву, добрый мой Карлъ Ивановичъ.... Я не узнаю васъ, я хочу навѣстить друга, брата, товарища,—а вы говорите, что я намѣренъ сломать себѣ шею. Растолкуйте мнѣ, пожалуйста, ваши слова, ихъ не пойметъ и Эзопъ.

— А между-тѣмъ это такъ просто,—съ досадою отвѣчалъ докторъ.— Вы только не хотите понять меня... Да и не нужно. Я дѣлаю большую глупость, что мѣшаюсь въ семейныя дѣла. Мое дѣло лечить,—а предостерегать и давать совѣты—къ чему! Вѣдь Кассандръ никто не вѣрилъ.

— Вы болѣе и болѣе возбуждаете мое любопытство,—сказалъ Дубицкій, обративъ въ самомъ дѣлѣ на доктора испытующій взоръ.—Послушайте, Карлъ Ивановичъ, человекъ, которому вы дали жизнь въ полной мѣрѣ цѣнить ваше добро и приметъ отъ васъ всякіе совѣты и наставленія съ величайшимъ уваженіемъ. Даю вамъ честное слово....

Докторъ махнулъ рукою и вздохнулъ.

— Вы еще первый человекъ, который безнаказанно смѣетъ сомнѣваться въ честномъ моемъ словѣ,—сказалъ Дубицкій съ нѣкоторою досадою.—Но на васъ я не имѣю права сердиться, желалъ бы только знать: чѣмъ заслужилъ я подобное сомнѣніе?

— Надобно вѣрить по убѣжденію, а убѣжденія нельзя вынудить словами. Желалъ-бы, чтобъ вы только доказали мнѣ, что ямогу положиться на вашу *честь*....

— Какого-то же рода доказательства вы хотите?....

— А вотъ въ этомъ-то и состояло-бы лучшее доказательство, еслибъ вы не только не ходили къ больному Деменьтьеву, но и дали мнѣ обѣщаніе уѣхать весною въ чужіе края....

— Я рѣшительно тутъ ничего не понимаю,—съ недоумѣніемъ сказалъ Дубицкій.

— И вы, точно, хотите, чтобъ я вамъ растолковалъ....

— Крайне обяжете.

— Вы вѣрно помните, что были больны.

— И во всю жизнь буду благодаренъ вамъ....

— Не въ томъ дѣло. Вѣрно помните, что у васъ была горячка.

— И это очень помню....

— Вѣроятно не помните только, но можете однако легко догадаться, что въ состояніи горячки вы бредили.

— Это очень вѣроятно....

— А какъ вы думаете: *о чемъ* вы бредили?...

Эти слова разразились, какъ громъ, надъ головою Дубицкаго. Только въ это мгновеніе понялъ онъ слова доктора и всю опасность своего положенія. Онъ поблѣднѣлъ, зашатался и въ безсиліи опустился на диванъ.

— Теперь я вижу, что вы меня поняли,—сухо продолжалъ докторъ.—Будьте спокойны однако,—одинъ я знаю вашу тайну, я никого не допустилъ быть въ вашей комнатѣ въ эти пагубныя минуты невольной нескромности. Это былъ мой долгъ, я его исполнилъ для самого себя, а не для васъ...

Дубицкій сдѣлалъ было движеніе, чтобъ поблагодарить его, но послѣднія слова Либиха его остановили.

— Теперь, конечно, вы легко поймете,—продолжалъ сурово Либихъ,—почему мнѣ не хотѣлось, чтобъ вы шли къ больному Деменьтьеву.— Не умирающаго друга хотите вы навѣстить: объ этомъ вы и не помышляете. Вы знаете по словамъ моимъ, что онъ едва-ли въ состояніи узнать васъ. Нѣтъ! Вы хотите только на авось продолжать свой бредъ и привести въ исполненіе свои мечты. Вотъ о чемъ

вы теперь безпрестанно думаете. Вотъ что будетъ отнынѣ составлять цѣль вашей жизни, — и вотъ наконецъ то, что сломитъ вамъ шею.

Печально опустилъ Дубицкій голову. Тысячи мыслей кружились у него въ головѣ, — и въ первый разъ въ жизни онъ былъ въ недоумѣннн, что ему сказать и на что рѣшиться. Съ состраданіемъ посмотрѣлъ на него Либихъ и покачалъ головою.

— Да! вы правы, Григорій Ивановичъ! — продолжалъ онъ съ чувствомъ искренняго участія. — Есть о чемъ подумать! Дай-то Богъ, чтобъ въ эту минуту вы поняли всю виновность вашей страсти. Повѣрьте старику, который васъ любить, какъ самолюбивый артистъ произведеніе своего искусства. Бросьте этотъ путь гибели и несчастія. Какъ Кассандра предсказываю вамъ, что вы на немъ погибнете. Вы такъ горячо сейчасъ вступались за честь свою. Докажите ее тѣмъ, что умѣете уважать честь другихъ. Въ благодарность за то, что я спасъ вашу жизнь, не губите другихъ и себя.

— Вы добрый и благородный человекъ, — сказалъ ему Дубицкій, дружески пожимая ему руку. — Не знаю, какъ и благодарить васъ за все, что вы для меня сдѣлали. Но могу увѣрить васъ, что ваши опасенія мечтательны. Отъ васъ, какъ друга и врача, не скрою, что дѣйствительно эта страсть давно поселилась въ моемъ сердцѣ; — но съ чего-жъ вы взяли, что у меня преступныя намѣренія, что я намѣренъ посягнуть на честь добраго и почтеннаго человекъ и что это будетъ стоить мнѣ жизни! О нѣтъ, я не такой безумный человекъ, чтобъ пускаться на романическія предпріятія. Мой бредъ сказалъ вамъ вѣрно больше, нежели я когда-нибудь думалъ. Въ фантазіяхъ наше воображеніе своевольпо, но въ общественной жизни условія очень хорошо и спасительно насъ связываютъ. Вы меня давно знаете. Я человекъ реальный и для романической минуты не пожертвую ни жизнью, ни даже здоровьемъ. — Повѣрьте, мой добрый другъ...

— Что вы лицемѣрь, — и больше ничего, — съ гнѣвомъ прервалъ его Либихъ, — прощайте. Моя должность у васъ кончилась, вы здоровы. Ступайте, куда ведетъ васъ дурное ваше сердце.

Съ этимъ словомъ онъ схватилъ шляпу и ушелъ. Съ злою улыбкою посмотрѣлъ ему въ слѣдъ Дубицкій и сказалъ:

— Медвѣды! Туда-же, — вздумалъ учить!.... Жизнь, честь, клятвы!... развѣ во всѣхъ этихъ словахъ есть что-нибудь, что могло-бы перевѣсить страсть мою къ Машѣ.

Послѣ этого, онъ одѣлся и отправился къ Мишѣ.

Радостно приняли его тамъ всѣ. Одинъ Миша не могъ участвовать въ этомъ. Онъ лежалъ въ совершенномъ безпамятствѣ, только однажды казалось, онъ узналъ Дубицкаго, потому что тихо произнесъ слово *Грегуаръ!* — Но въ бреду-ли это было, или самосознательно, — никто не могъ догадаться, потому что когда Дубицкій бросился къ нему, послѣ этого слова, и сталъ сжимать ему руку и говорить ему о дружбѣ своей, о надеждѣ скорого выздоровленія, — Миша закрылъ глаза и не подалъ ни малѣйшаго знака, что понимаетъ что-нибудь и чувствуетъ.

Проведя тутъ нѣсколько часовъ, Дубицкій возвратился къ себѣ, — и потомъ всякій день являлся къ Мишѣ, гдѣ, разумѣется, всегда собирались, по вечерамъ Маша, Лиза и генераль.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда больной, по видимому, уснулъ, Маша, Лиза и Дубицкій сидѣли близъ него и Дубицкій читалъ имъ какой-то новый романъ (уже конечно французскій). Докторъ приказалъ, чтобъ больного никакъ не пріучали къ тишинѣ и молчанію, а читали и говорили бы вслухъ. Въ этотъ вечеръ генераль и мать Дубицкаго должны были по-неволѣ куда-то выѣхать. Лиза вышла по хозяйственнымъ дѣламъ, чтобъ приготовить ужинъ. Остались Маша и Дубицкій. Они сидѣли у камина, въ которомъ дрова уже сгорѣли, и только груда пылающихъ угольевъ издавала пріятный жаръ, благотворно разливающейся по жиламъ. Свѣчи нагорѣли, и въ комнатѣ царствовала какой-то полумракъ, располагающій къ мечтанію. Дубицкій сидѣлъ подлѣ Маши и только что окончилъ одну главу, изображающую самыми обворожительными красками счастье двухъ влюбленныхъ. Голова Маши опрокинулась на стулъ. Грудь ея волновалась; — и вскорѣ она закрыла глаза. Тихо дотронулся Дубицкій до руки ея. Она вздрогнула, но не отняла ее. Непримѣтно склонился онъ къ рукѣ ея, —

и едва замѣтно коснулся до нея своими губами, она не видѣла этого и не чувствовала: она забылась въ своихъ мечтаніяхъ.

— Вы еще не простили мнѣ, Марья Михайловна... прошептала онъ тихимъ и прерывистымъ голосомъ.

Маша и не отвѣчала. Онъ еще разъ поцѣловалъ ея руку уже нѣжнѣе и сильнѣе. Маша была неподвижна. Дубицкій, съ полнымъ торжествомъ вообразилъ, что молчаніе Маши было лучшимъ доказательствомъ ея взаимности. Смѣлѣе хотя и дрожащимъ отъ страха голосомъ началъ онъ тогда описывать ей свою любовь, свою борьбу, бользнь, — и у ногъ ея ждалъ рѣшенія своей судьбы. Только въ эту минуту, какъ онъ упалъ къ ногамъ ея съ изумленіемъ увидѣлъ Дубицкій, что упорное молчаніе и неподвижность Маши что-то слишкомъ странно. Онъ поднялся съ колѣнъ, посмотрѣлъ ей въ глаза, прислушался къ дыханію, — и съ отчаяніемъ ударилъ себя по-лбу.

— Глупецъ! — вскричалъ онъ, — она спитъ.

Дѣйствительно, проникнутая жаромъ камина и можетъ-быть усыпленная главою страстнаго романа, она помечтала, да и заснула, ни мало не воображая, что Дубицкій объясняется ей въ это время въ любви. Правда, сквозь сонъ слышала она его страстныя фразы, но воображала, что онъ продолжаетъ читать, — а ей не хотѣлось проснуться.

Съ досадою хотѣлъ уже Дубицкій разбудить ее, какъ вдругъ внезапный ужасъ оковалъ всѣ его мысли и движенія; волосы стали дыбомъ; голосъ замеръ на губахъ его. Въ то самое мгновеніе, какъ онъ, ударивъ себя по-лбу, сказалъ: глупецъ! кто-то явственно и громко сказалъ въ комнатѣ:

— Безсовѣстный!

Съ минуту осматривался онъ блуждающими глазами и долго не могъ собраться съ мыслями. Наконецъ, одна мысль мелькнула въ умъ его. Кромѣ Миши никого не было въ комнатѣ, онъ бросился къ его кровати... но тотъ спалъ глубоко и спокойно....

— Это онъ, и въ бреду! — сказалъ, успокоясь Дубицкій, и отирая крупный потъ, выступившій у него на лбу.

Вторично подошелъ онъ къ Машѣ, та все еще спала.

— Надобно признаться, что я играю здѣсь довольно глупо.

пую роль, — сказалъ онъ. — Женщина, которой я дѣлаю любовное объясненіе засыпаетъ при мнѣ, а полумертвый больной пугаетъ меня, какъ привидѣніе Банко...

При этихъ словахъ, онъ сдѣлалъ сильное движеніе, бросаясь опять въ свои кресла. Маша открыла глаза, — и полагая, что Дубицкій все еще читалъ романъ, не хотѣла показать ему свою неучтивость, и услыша сквозь сонъ послѣднія слова его о привидѣніи Банко, вообразила, что это новое лицо романа и очень наивно спросила его:

— А откуда-же взялся этотъ Банко?

Вопросительно посмотрѣвъ на нее Дубицкій — и съ досады хотѣвъ было сказать ей что-то колкое, — но въ эту самую минуту вошла Лиза, — и Дубицкій вмѣсто отвѣта, расхохотался.

— Что случилось? — спросила Лиза.

— Премилый эпизодъ, сестра! — отвѣчалъ онъ. — Романъ и чтецъ были такъ занимательны, что Марья Михайловна очень спокойно уснула. Долго я читалъ съ жаромъ, — и когда замѣтилъ это состояніе моей слушательницы, то сказалъ самъ себѣ вслухъ, что я между спящею и больнымъ стою теперь, какъ тѣнь Банко. Вообрази себѣ! Марья Михайловна проснулась въ эту минуту и очень тихо спросила меня: откуда взялось это новое лицо романа?

Онъ опять засмѣялся; Маша и Лиза тоже, — и всѣ рѣшили, что пора воспользоваться дѣйствіемъ романа и разойтись по спальнямъ. Еще разъ подошелъ при прощаньи Дубицкій къ постелѣ Миши, — но тотъ спалъ.

VIII.

Можно вообразить себѣ, что Дубицкій провелъ самую безпокойную ночь и что волненіе и потрясеніе, произведенныя надъ нимъ наканунѣ, имѣли невыгодное вліяніе на едва возстановлявшееся его здоровье. Онъ почувствовалъ себя поутру такъ слабымъ, что едва могъ встать, — и какъ ни чувствовалъ онъ теперь отвращеніе къ Либиху за его совѣты и предсказаніе, но животолубіе заставило его послать къ нему съ просьбою, чтобъ онъ отъ Миши зашелъ къ нему.

Тотъ явился — и отобралъ всѣ свѣдѣнія о состояніи его

здоровья. Разумѣется, Дубицкій ничего не сказалъ ему о вчерашнемъ происшествіи, жаловался только на бессонную ночь и чрезвычайную слабость.

Задумчиво пошупалъ Либихъ еще разъ пульсъ больного, — и нѣсколько угрюмо отвѣчалъ:

— Вашъ организмъ ничуть не виноватъ. Его нечего лечить и мучить за проступки вашей воли. Съ вами что-нибудь случилось по душевнымъ обстоятельствамъ, о которыхъ я почитаю неприличнымъ говорить. Бессонная ночь, раздражительный пульсъ и слабость доказываютъ мнѣ, что душевный вашъ недугъ происходитъ отъ неуспѣха. При успѣхѣ вы были бы веселы и спокойны. Прощайте! Вы напрасно прислали за мною, я тутъ бесполезенъ. Пейте холодную воду и не ходите на свиданія, которыя васъ разстраиваютъ. Вотъ мой рецептъ. — Онъ поклонился и ушелъ.

— Наглець! — сказалъ со злостію Дубицкій, однако началъ пить холодную воду и не пошелъ къ Мишѣ, потому что чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ.

Вскорѣ и Миша сталъ выздоравливать. Либихъ успѣлъ его въ три недѣли поднять на ноги, — и это былъ большой семейный праздникъ, когда онъ, въ первый разъ, прошелся по комнатѣ. Одно только странное обстоятельство тревожило всѣхъ. Со времени болѣзни, съ Мишею сдѣлалась очень странная переменѣна въ сердечныхъ его чувствахъ къ Лизѣ. Напрасно она съ дѣтскою наивностію и женскимъ кокетствомъ истощала всѣ средства, чтобъ угодить ему и понравиться, Миша отвѣчалъ на всѣ ея ласки постоянною печальною холодностію. Всѣ замѣтили эту удивительную переменѣну, — и болѣе всѣхъ сама бѣдная Лиза. Какая могла быть причина этой внезапной и непостижимой холодности! этого никто не могъ придумать. Отецъ Миши видимо сокрушался объ этой странности, — и какъ онъ одинъ имѣлъ право требовать отчета въ его поступкахъ и мысляхъ, — то и приступилъ однажды къ нему съ распросами.

— Послушай, другъ Мишель, — сказалъ онъ ему. — Скоро ты, слава Богу, — будешь совсѣмъ здоровъ и въ состояніи опять летѣть въ ряды нашей славной арміи, которая, совершивъ избавленіе собственнаго своего отечества, идетъ теперь на спасеніе всей Европы. Я увѣренъ, что ты отпра-

вишься туда, какъ скоро докторъ скажетъ, что уже никакой нѣтъ опасности къ отъѣзду?...

— Это первое и величайшее мое желаніе, — со вздохомъ отвѣчалъ Миша.

— И первый долгъ каждаго русскаго, — продолжалъ генераль. — Но, другъ мой, ненадобно забывать и другихъ обязанностей честнаго человѣка....

— Я знаю, папа, о чемъ вы хотите сказать, — прервалъ его Миша, — мои обязательства съ Лизаветою Ивановной....

— Такъ-же святы и торжественны, — сказалъ отецъ, — какъ и всякія другія, — потому что тутъ дѣло идетъ о чести и добромъ имени дѣвушки. Ты ей предложилъ свою руку, — и въ глазахъ общества обязанъ исполнить свое обѣщаніе. Ты обручился съ нею именемъ святой Вѣры, — и былъ-бы клятвенно преступнымъ, еслибъ отказался отъ ней....

— Какъ это можно, папа! я никогда и не думалъ объ этомъ.

— Однако-жъ, другъ мой, ты совѣмъ не тотъ. Ты съ нею такъ холоденъ, такъ невнимателенъ, что, признаюсь, на мѣстѣ брата ея давно-бы потребовалъ отъ тебя удовлетворенія.

Какая-то странная улыбка мелькнула на лицѣ Миши.

— Помилуйте! — сказалъ онъ. — Изъ чего? за что? Боже меня сохрани, чтобъ я (онъ сдѣлалъ особенное удареніе на словѣ я) отказался отъ Лизаветы Ивановны, — но если что-нибудь случится такое, что она сама откажется отъ меня, тогда не вините никого изъ насъ....

— Что это значитъ? что ты хочешь сказать?

— Самъ не знаю, папа! но, можетъ быть, отъ болѣзни, мнѣ часто приходятъ въ голову такія странныя мысли... А впрочемъ, могу увѣрить васъ, — и скажите это Лизаветѣ Ивановнѣ и маменькѣ ея, что я буду самымъ счастливымъ человекомъ, если получу руку прелестной моей невѣсты.

— Станный человѣкъ! Да вѣдь это совершенно зависитъ отъ тебя. На-примѣръ, я женился за три дни до выступленія въ походъ. Почему-бы тебѣ не сдѣлать теперь того-же. Какъ скоро ты выздоровѣешь совершенно, то отпразднуй свадьбу, поживи въ Москвѣ съ недѣлю — и съ Богомъ поѣзжай, куда долгъ солдата тебя призываетъ....

— Нѣтъ, папа! этого я не могу сдѣлать. *Вы* поступили такимъ образомъ потому-что хотѣли оставить Марью Михайловну свое имя, которое служило-бы ей защитой даже и тогда, еслибы судьба войны принудила васъ умереть славною смертью солдата, для Лизаветы Ивановны этого не нужно. Напротивъ, для нее будетъ не очень лестно оставаться въ семнадцать лѣтъ вдовою, если я буду гдѣ-нибудь убитъ въ сраженіи. Зачѣмъ-же ее связывать? Нѣтъ! я теперь отправлюсь къ арміи, — и когда война кончится, когда я со славою возвращусь на родину, тогда первымъ моимъ долгомъ почту унасть къ ногамъ Лизаветы Ивановны и просить руки ея...

— Очень жаль, что не теперь, — отвѣчалъ отецъ, — потому что твоя холодность послужитъ поводомъ къ толкамъ и пересудамъ, которые могутъ повредить доброму имени дѣвушки. Послушай, милый другъ! мы одни. — Если у тебя есть другія какія-нибудь причины, если ты, можетъ-быть, влюбился въ другую, далъ ей какое-нибудь обѣщаніе, — скажи мнѣ, открой. Я, какъ другъ, помогу тебѣ, и дѣломъ и совѣтомъ. Неужели ты скроешь что-нибудь отъ лучшаго и единственнаго своего друга, который радъ отдать за тебя остатокъ своей жизни?

Со слезами бросился Миша на грудь отца и съ нѣжностію обнялъ его.

— Если у меня будетъ когда-нибудь подобный секретъ, то повѣрьте, что я вамъ его тотчасъ-же открою, хотя-бы онъ и осуждалъ меня въ самомъ низкомъ поступкѣ. Теперь же, могу увѣрить васъ, что я чистъ въ совѣсти и въ помысленіяхъ. Никого, кромѣ Лизы, я не люблю и любить не буду. Жениться-же я *теперь* не могу, — и когда я уѣду отсюда, то вы сами скажете, что я былъ правъ....

— Опять загадка! — слѣдственно есть тайна....

— У меня? клянусь вамъ никакой. А что впередъ случится — знаетъ одинъ Богъ.

Генералъ пожалъ плечами. Онъ видѣлъ, что нельзя больше настаивать.

— И такъ я могу, въ случаѣ нужды, увѣрить всѣхъ Дубицкихъ, что ты нисколько не перемѣнился въ чувствахъ своихъ къ Лизѣ и что просишь только отложить бракъ до окончанія войны?

— О! какъ-бы я былъ счастливъ, еслибъ это могло случиться! — вскричалъ Миша.

Послѣ этого разговора генералъ началъ поочередно успокоивать Лизу, мать ея и брата. Но всѣ они какъ-то худо вѣрили словамъ Дементьева и покачивали головою, старуха Дубицкая даже сказала ему съ сердцемъ, что догадывается о причинѣ переменъ жениха и надѣется на дняхъ доставить отцу вѣрное объ этомъ доказательство. Теперь-же не хочетъ преждевременно нанести ему ударъ. Напрасно тотъ настаивалъ, чтобъ она объяснилась. — старуха отвѣчала, что слѣдить теперь за однимъ домашнимъ секретомъ, — и когда удостовѣрится въ своихъ догадкахъ, то тотчасъ-же сообщитъ все генералу.

Мало-по-малу сталъ Миша совсѣмъ выздоравливать, а Дубицкій уже давно разъѣзжалъ по Москвѣ, придумывая всякій день какой-нибудь новый путь къ сближенію съ Машею, онъ продолжалъ съ нею видѣться ежедневно и караулить малѣйшее ея движеніе, — но, казалось, всякая искра любви къ нему исчезла въ этой женщинѣ.

Къ этому наиболѣе содѣйствовало то обстоятельство, что обрадованный генералъ сообщилъ всѣмъ своимъ роднымъ и знакомымъ, что Маша скоро будетъ матерью. Это высокое и святое слово лучше всего предохраняло Машу отъ малѣйшаго воспоминанія о Дубицкомъ, — тогда какъ тотъ ежедневно приходилъ въ отчаяніе.

Миша еще не въѣзжалъ, но уже чувствовалъ въ себѣ возрожденіе всѣхъ юношескихъ силъ. По привычкѣ, всѣ продолжали по вечерамъ собираться въ его комнату, — и послѣ увѣреній генерала, всѣ увѣрены были, что онъ, хоть для приличія, будетъ любезнѣе съ своею невѣстою. Всѣ ошиблись. Онъ нисколько не перемѣнилъ своей прежней системы. Печальный холодъ, — вотъ одно чувство, которое обнаруживалось въ немъ. За то всѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣтили, что онъ чрезвычайно внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями и словами Маши.

Однажды рано поутру пришелъ отецъ въ его комнату. Лицо генерала было угрюмо и печально. Видно было, что онъ хочетъ подавить какое-то чувство и не въ силахъ удержать порывы его.

Миша слишкомъ хорошо зналъ отца, чтобъ, по фізіономіи его,

тотчасъ—же не догадаться, что онъ пришелъ по какому—нибудь неприятному объясненію. Полагая, что это опять попытка, чтобъ принудить его жениться, онъ приготовился къ отвѣтамъ. Произошло совсѣмъ другое.

— Что, какъ твое здоровье, Мишель? — спросилъ онъ, быстро пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Очень хорошо теперь, папа. Завтра я долженъ въ первый разъ выѣхать.

— Поздравляю, — а когда надѣется докторъ, что тебѣ можно будетъ ѣхать въ армию?

— Я думаю черезъ недѣлю, — отвѣчалъ Миша, сдѣлавшись внимательнѣе къ вопросамъ отца, потому что началъ понимать, что дѣло идетъ не о сватбѣ.

— Черезъ недѣлю! — повторилъ генералъ протяжно, какъ бы прискивая, что долженъ сказать. — Это очень скоро.... однакоже, если въ самомъ дѣлѣ здоровье твое позволить, то признаюсь.... чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Что это значить, папа? — спросилъ съ изумленіемъ Миша, — вы хотите, чтобъ я поскорѣе уѣхалъ?

— Да, Мишель! — со строгостью отвѣчалъ отецъ. — И не для меня, а собственно для себя, — а еще болѣе для города и московскихъ вѣстовщицъ, которыхъ выдумки выведутъ изъ терпѣнія всякаго порядочнаго человѣка.

Съ любопытствомъ посмотрѣлъ Миша на отца и искалъ на лицѣ его отгадки сказанныхъ словъ, но видѣлъ одно безпокойство и даже подавляемый гнѣвъ.

— Я спѣшилъ отъѣздомъ своимъ, отвѣчалъ съ холодною твердостью Миша, — потому что мой долгъ требовалъ этого. Но признаюсь, никакъ не воображалъ, что долженъ бѣжать отъ какихъ—то сплетень, и на зло бы имъ остался, если—бъ не видѣлъ, что вы сами этого хотите.

— Боже мой, я хочу! — вскричалъ отецъ, — но развѣ я могу хотѣть чего—нибудь другаго, кромѣ твоей пользы и чести?

— И мой отъѣздъ долженъ спасти *честь* мою? — съ возрастающимъ удивленіемъ спросилъ Миша. -- Воля ваша, папа! Я вовсе не любопытенъ, чтобъ разгадывать загадки; но теперь онъ оскорбителенъ. Какъ отецъ, отъ котораго я во всю свою жизнь не имѣлъ ни одной сокровенной мысли, вы должны лучше всѣхъ знать, что я старался идти по вашимъ

слѣдамъ и, кромѣ правды и чести, не имѣлъ никакихъ путе- водителей. Прошу-же васъ теперь объявить мнѣ — въ чемъ дѣло, не для оправданія, потому что я въ немъ нужды не имѣю, и не для наказанія выдумщиковъ, потому что презрѣ- ніе лучшее для нихъ наказаніе, но для того, чтобъ видѣть, до чего простираются людская злость и глупость.... Да! явная глупость! Что можно выдумать на меня, который только что всталъ съ одра болѣзни и не выѣзжалъ еще въ этотъ свѣтъ пошлыхъ выдумокъ.

— То-то, братецъ, и бѣда, — сказалъ отецъ, — что выдумки- то касаются до нашихъ семейныхъ дѣлъ.

Миша покраснѣлъ и внимательно посмотрѣлъ на отца. Отецъ тоже быстро посмотрѣлъ ему въ глаза — и краска въ лицѣ показалась ему нѣкоторою уликою.

— Ты, конечно, не скрывалъ отъ меня, Мишель, никогда своихъ чувствъ и мыслей. Но развѣ не могутъ встрѣтиться такія мысли, что ты и самъ отъ себя желалъ-бы ихъ утаить. Ты сейчасъ покраснѣлъ. Не въ правѣ-ли я думать, что ты отъ меня скрываешь что-нибудь!

— Если-бъ у меня была тайна, которая лично до *меня* касалась, то вы были бы не правы въ своемъ мнѣніи, пото- му что вся моя жизнь и правила, которыя я получилъ отъ васъ, могутъ свидѣтельствовать въ мою пользу.

Гордая твердость Миши смутила отца, онъ проницательно посмотрѣлъ на него и видѣлъ на лицѣ его одну печаль и удивленіе.

— Да вѣдь я тебѣ и не говорю, чтобъ я чему-нибудь вѣрилъ дурному на твой счетъ, — сказалъ генераль. — Но мы живемъ въ обществѣ и должны повиноваться его пригово- рамъ. Кто-бы ни составлялъ общественное мнѣніе, про- тивъ него нельзя жить и дѣйствовать. Вѣстовщицы выдума- ли на тебя глупую сказку, и ты лучше докажешь, что онѣ безстыдно лгутъ, если уѣдешь отсюда поскорѣе.

— Не постигаю, — отвѣчалъ сынъ, — что я ни придумы- валь, не можетъ объяснить мнѣ загадки. Что-жъ? эта выдумка касается до моей свадьбы?..

— Да! она имѣетъ отношеніе къ причинамъ, по кото- рымъ ты отказываешься отъ нея.

— Я уже сказалъ вамъ, что не думаю отказываться. Но,

чтобъ отказъ мой, выдуманный добрыми людьми, имѣлъ какую-нибудь цѣль, не приписываютъ-ли мнѣ какой тайной страсти?...

— Именно! — отвѣчалъ отецъ, нѣсколько колеблясь и внимательно глядя на сына.

— Какую-же? гдѣ? къ кому? — вскричалъ Миша. — Я все былъ болѣнъ, не выѣзжалъ, слѣдственно здѣсь въ домѣ та особа, которая успѣла сдѣлать изъ меня негодяя и развратника. Но, воля ваша, папа! Тутъ нѣтъ здраваго смысла. Кромѣ моей доброй и милой Лизы, я никакого женскаго существа не видалъ, какъ мать Лизы и Марью Михайловну...

Едва онъ произнесъ послѣднее имя, какъ мысль блеснула въ умъ его. Онъ ударилъ себя по-лбу и вскричалъ:

— Боже мой!... Какой свѣтъ!... Она!... Не уже-ли?... Не уже-ли ее... Нѣтъ, это ужасно!... Я влюбился въ свою мачиху!...

Сильно взволнованный Миша въ свою очередь началъ бѣгать по комнатѣ скорыми шагами, а отецъ обхватилъ его за талію и успокоивалъ самыми нѣжными словами.

— Да! вы правы! — продолжалъ Миша. — Теперь я припоминаю всѣ взгляды, всѣ намеки. И это мать моей Лизы выдумала такую гнусность на того, кто долженъ быть ея сыномъ. Вотъ люди! Не знаешь, презирать ихъ больше, или ненавидѣть!...

Долго онъ ходилъ въ этомъ волненіи — и отецъ все старался успокоивать его. Наконецъ, рассудокъ одержалъ верхъ.

— Впрочемъ, — сказалъ онъ, — судьба ведетъ все къ лучшему. Благодарю васъ, добрый и милый папа, за вашу откровенность. Завтра дамъ я вамъ отвѣтъ на все это...

— Пожалуйста, другъ мой, прервалъ его отецъ, никакихъ объясненій, а еще меньше ссоръ...

— Э! Богъ съ ними! отвѣчалъ Миша, — я и не думаю объ этомъ. Но у меня есть своего рода отвѣтъ на обвиненіе. Если-бъ этого обвиненія и не случилось, то отвѣтъ мой все-таки былъ-бы данъ, а теперь онъ ускорится только двумя-тремя сутками. Тѣмъ лучше!...

— Я тебя не понимаю! — сказалъ отецъ. — Скажи-же и ты мнѣ....

— Сегодня ни слова, папа! — Дайте мнѣ успокоиться, отдохнуть и собраться съ мыслями.... Завтра вы узнаете все.

— Ну, подождемъ.... Но, пожалуйста, не показывай ввечеру старухѣ и вида, что я сказалъ тебѣ...

— Будьте увѣрены, папа.

Они обнялись и разстались.

Нѣсколько времени Миша ходилъ еще, молча, по комнатѣ и обдумывалъ планъ будущихъ своихъ дѣйствій. Потомъ, рѣшась, по-видимому, на что-то важное, онъ одѣлся — и пошелъ съ первымъ своимъ визитомъ къ другу и брату — къ Дубицкому.

Тотъ только что собирался куда-то ѣхать и обрадовался, увидя Мишу, въ первый разъ вышедшаго послѣ болѣзни.

— Эхъ, братецъ! Какъ-бы мы съ тобою весело зажили, — сказалъ Дубицкій, обнимая его, — если-бъ не твой отъѣздъ.

— Судьба, Грегуаръ! во всемъ судьба! — отвѣчалъ Миша, — однако-же ты куда-то собрался. Я не задерживаю тебя?

— Да развѣ всѣ удовольствія Москвы стоятъ одной минуты, проведенной съ тобою? Полно, расположись, останемся и поболтаемъ.

— Я именно за тѣмъ и пришелъ къ тебѣ, Грегуаръ. Мнѣ хотѣлось съ тобою посоветоваться, объяснитья...

— Очень радъ. Бьюсь объ закладъ, что угадаю заранѣе въ чемъ дѣло.

— Въ такомъ случаѣ проиграешь.

— Давай о тысячѣ рублѣхъ.

— Зачѣмъ братъ навѣрное.

— Ну, я даромъ скажу, что ты пришелъ объяснитья о сватбѣ съ Лизою.

— Нѣтъ, Грегуаръ! — отвѣчалъ Миша. — Въ этомъ дѣлѣ нечего объясняться...

— Однако-же, мой милый, отъ другаго щекотливаго брата ты бы не отдѣлался такъ дешево. Ты просилъ руки сестры моей, обручился съ нею, а теперь отказываешься. Между полу-варварами, которые хотятъ во всемъ доказать свою правду силою, шпагою и пистолетомъ, за это тебя бы вызвали на дѣлъ, убили-бы, изуродовали, или заставили сдѣлаться убійцею. По счастью, я не такъ глупъ. Насильно выдать мою сестру за человѣка, который не любитъ ее, — къ чему бы это послужило? Оба были-бы несчастливы на всю жизнь — и только. Дратся? Но убивъ тебя, я не утѣшу

сестры моей и не возвращу ей жениха. — Давъ убить себя, я еще болѣе разорву связь ея съ нимъ. Преглупая система щекотливости! Сестра моя хороша, богата.... На Руси еще кромѣ тебя много жениховъ. Найдеть себя кого-нибудь. А ты ступай, воюй, люби другихъ и не разлюби только меня.

Холодно и спокойно выслушалъ это Миша и отвѣчалъ:

— Все, что ты сказалъ, любезный Грегуаръ, умно и справедливо. Только жаль, что ко мнѣ нейдетъ и до меня не касается.

— Какъ не касается?

— Да! Я не думалъ никогда измѣниться въ чувствахъ своихъ. Сестру твою люблю я также, какъ прежде, и былъ бы въ отчаяніи, если-бъ долженъ былъ отказаться отъ нея.

— Но, помилуй! твоя холодность такъ замѣтна и сильна.

— Можетъ-быть! Только не къ ней, и это была вовсе не холодность. Равнодушные люди вѣчно понимаютъ иначе чувства другихъ. Это просто была печаль....

— О чемъ? о комъ?

— О ней, о себѣ! Мнѣ пришла въ голову мысль, что судьба можетъ разлучить насъ, что законы общества не допустятъ насъ до соединенія и что, слѣдственно, намъ нужно заранѣе пріучаться къ вѣчной разлукѣ.

Дубицкій со вниманіемъ посмотрѣлъ на Мишу. Въ головѣ у него блеснула мысль, что бѣдный не совсѣмъ еще выздоровѣлъ.

— Это странно и забавно! — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Мучить себя заранѣе мыслями, которымъ не отчего сбыться.... Что-же можетъ разлучить васъ, если не собственная твоя воля?...

— Мнѣ, Грегуаръ.... Ты самъ сейчасъ сказалъ, что дуэль между нами навсегда-бы разорвала эту связь....

— Да! но дуэль несбыточна, — потому что, если ты не переѣмнишь своихъ чувствъ къ Лизѣ, то нѣтъ даже и предлога драться, а если намеренъ отказаться, то я объявилъ тебѣ образъ моихъ мыслей — и тоже не думаю вызывать тебя.

— Ты все мнѣ говоришь о Лизѣ! Но развѣ не можетъ быть другихъ причинъ къ поединку?

— Какія-же? — съ изумленіемъ спросилъ Дубицкій и вдругъ сталъ внимательнѣе всматриваться въ Мишу.

— Развѣ не можетъ случиться, — продолжалъ тотъ, — что не ты меня, а я *тебя* вызову.

— За что-же? Какія могутъ между нами ссоры и личности?

— Непосредственно между нами—никакихъ,—холодно отвѣчалъ Миша. — Но вѣдь я могу драться и за другихъ, чья честь для меня дорога и священна....

Дубицкій вспыхнулъ, блуждающими глазами посмотрѣлъ на него, и не въ силахъ былъ ничего отвѣчать.

— Притомъ-же, — продолжалъ спокойно Миша, — я даже лично оскорбилъ тебя — и ты вѣрно потребуешь удовлетворенія.

— Ты?... меня?... когда? — спросилъ Дубицкій прерывистымъ голосомъ.

— Вѣрно ты не забылъ, что недѣли три тому назадъ, когда я еще лежалъ безъ силъ, при смерти, я назвалъ тебя безсовѣстнымъ.

Яростно вскрикнулъ Дубицкій и бросился къ Мишѣ.

— Такъ это былъ не бредъ больного? — спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ холодно Миша. — Это былъ голосъ оскорбленнаго сына, который былъ въ отчаяніи, что болѣзнь лишаетъ его силъ отмстить за отца, поруганнаго предательствомъ мнимаго друга.

— Мишель! — вскричалъ Дубицкій съ изступленіемъ. — Слова твои требуютъ удовлетворенія....

— И я готовъ дать его, чтобъ наказать оскорбителя....

— Послушай! — сказалъ одумавшись нѣсколько Дубицкій. Здѣсь не улица, и мы не кучера, чтобъ мстить бранными словами за мнимое, или дѣйствительное оскорбленіе. Не унижай самъ себя этими неприличными фразами. Къ чему онъ? И что доказываютъ? — Ты пришелъ, чтобъ вызвать меня на смертный бой, для этого не нужно было столько околичностей. Ужъ вѣрно я не струшу, хотя признаюсь, никакъ не ожидалъ этого.... Да и ты!.. Послушай, Мишель! Ты еще слабъ, болѣнъ, бой будетъ неравенъ... я не хочу имѣть надъ тобою вѣрныхъ выгодъ....

— Не безпокойся.... Всѣ выгоды будутъ на моей сторонѣ... Я буду драться за честь отца и наказывать вѣроломство....

— Полно, милый Мишель! Оставь свои пышныя фразы. Безъ нихъ очень хорошо знаемъ мы, что должны истребить другъ друга, хотя въ-самомъ-то дѣль и не зачто. Послушай! Все-ли ты слышалъ, что происходило въ этотъ вечеръ?

— Все! Сперва твое чтеніе, потомъ уходъ Лизы, потомъ продолжительное молчаніе, потомъ твои преступныя слова....

— Но конецъ-то, конецъ слышалъ-ли?

— Нѣтъ! усиліе, которое я сдѣлалъ, чтобъ произнести слово безсовѣстный,—лишило меня чувствъ. Только хохоть вашъ, по приходѣ Лизы, возвратилъ мнѣ способность самосознанія, но я не могъ ни пошевелиться, ни глазъ открыть.

— Ну, такъ въ наказаніе тебѣ, я и не скажу ни слова о томъ, что было, — иначе и ты-бы захохоталъ, а это хуже, чѣмъ будущій твой пистолетный выстрѣлъ. Ну, когда-же мы стрѣляемся?

— Завтра поутру, — потому что если я останусь живъ, такъ въ ту же минуту уѣду въ армію. Твоя мать и московскія вѣстовщицы выдумали на меня такую сказку, которая заставляеть меня бѣжать отсюда.

— На *тебя* выдумали? и моя мать! любопытно, чтобы это такое?

— Чтобъ объяснить мою холодность къ Лизѣ, которую ты теперь очень хорошо понимаешь, онѣ выдумали, что я влюбился въ мою мачиху и для нея бросаю невѣсту.

— Прекрасно! Кажется и я-бы лучше не придумалъ, еслибъ пришлось мнѣ мстить тебѣ одними выдумками. Да! теперь вижу, что ты правъ былъ въ своей холодности къ Лизѣ. Союзъ съ нею уже невозможенъ, какъ-бы ни кончилась наша дуэль.

— И такъ завтра на разсвѣтъ, когда всѣ еще будутъ спать, мы поѣдемъ.

— А секунданты? — спросилъ Дубицкій.

— Мнѣ-бы не хотѣлось имѣть ихъ, — отвѣчалъ Миша. — Мы-бы оба могли оставить записки, что кончили жизнь по доброй волѣ.

— Пожалуй, какъ хочешь. Только возьми доктора съ со-

бою. Нельзя всегда ручаться за вѣрность выстрѣла. Хоть я попадаю въ десяти шагахъ, но, можетъ-быть, пуля пройдетъ какъ-нибудь счастливо и будетъ надежда на выздоровленіе....

— Я привезу Либиха, — отвѣчалъ Миша.

— Нельзя-ли кого другаго? — съ недоумѣніемъ сказалъ Дубицкій — и по лицу его подернулась мгновенная блѣдность.

— Я другаго не знаю, — да и онъ обоихъ насъ спасъ отъ смерти. Онъ будетъ скромнѣе и молчаливѣе.

— Пожалуй, какъ хочешь, — съ судорожнымъ движеніемъ злости отвѣчалъ Дубицкій. — А условія дуэли?

— Какія хочешь, — сказалъ Миша.

— Въ двадцати пяти шагахъ -- и сходитья на барьеръ. Стрѣляетъ на походъ кто хочетъ, и послѣ промаха другой подходитъ къ барьеру....

— Хорошо. — Прощай, мнѣ нужно хлопотать о приготовленіи къ отъѣзду въ армію.

— Душевно желаю, — отвѣчалъ иронически Дубицкій, — чтобъ эти приготовленія были бесполезны.

Миша ушелъ, а Дубицкій бросился на диванъ, въ сильномъ волненіи чувствъ. Но ни одной мысли раскаянія не мелькнуло въ этомъ ожесточенномъ сердцѣ. — Напротивъ, съ покойною рѣшительностію всталъ онъ, вынулъ свои кухенрейторскіе пистолеты, осмотрѣлъ ихъ, зарядилъ одинъ изъ нихъ, прилѣпилъ къ двери червоннаго туза, отошелъ на другой конецъ комнаты, прицѣлился, выстрѣлилъ, подошелъ къ тузу: — онъ былъ прострѣленъ.

Радостная улыбка мелькнула на губахъ его. Онъ засвисталъ какую-то веселую арію и отправился съ визитами.

IX.

Какъ ни безстыдна была выдумка старухи Дубицкой; какъ ни мало повѣрилъ ей генералъ, онъ, однако-же, сдѣлался гораздо спокойнѣе, послѣ объясненія съ сыномъ, и не могъ утерпѣть, чтобы не отправиться на половину старой выдумщицы и не сказать ей нѣсколько упрековъ. — Та лукаво посмотрѣла на генерала и спросила:

— Что-жь? вы теперь убѣждены въ невинности сына?

— Я въ ней былъ убѣжденъ и прежде, — а теперь хотѣлось-бы мнѣ убѣдить васъ.

— Чѣмъ-же это, напримѣръ? — спросила старуха.

— Во-первыхъ, тѣмъ, что онъ завтра-же хочетъ отправиться въ армию и послалъ уже за подорожною.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! — сказала съ улыбкою старуха. — Бѣдные голубки! Разстаются? — Да что-жъ имъ было и дѣлать, какъ-скоро узнали ихъ тайну.

— Такъ и это васъ не убѣждаетъ?

— Напротивъ, еще болѣе подтверждаетъ.

— Вы неизлечимы.

— Также, какъ и вы.

— Впрочемъ, ваше упорство и ослѣпленіе, — весело сказалъ генераль, — нисколько не беспокоятъ меня...

Генераль хотѣлъ сказать ей что-то колкое, но въ эту минуту вошла горничная и что-то на ухо прошептала старухѣ, и покуда это продолжалось Дементьевъ, опять успокоился:

— Ну, батюшка! На чемъ-же мы остановились? — спросила его старуха, видимо желавшая продолжать этотъ разговоръ.

— На томъ, что пора-бы кончить. — отвѣчалъ генераль, — вмѣстѣ съ вашими пустыми выдумками.

— *Пустыми*? Ай! да какъ-же вы это выражаетесь. Вы просто задѣваете мое самолюбіе. Этимъ, пожалуй, вы подстрекнете меня представить вамъ ясныя и несомнѣнныя доказательства въ моихъ *пустыхъ выдумкахъ*.

— Гдѣ они? какія? Пожалуйте. Я прошу ихъ, я требую! вскричалъ генераль, едва владея собою.

— Прежде всего надобно успокоиться, — отвѣчала равнодушно старуха, — иначе я отъ всего откажусь.

— О Боже мой! Да я совершенно спокоенъ. Неужели вы думаете, что я вѣрю хоть одному вашему слову...

— Это, конечно, немного неучтиво, — но вѣдь я и не прошу васъ вѣрить моимъ *словамъ*, — а собственнымъ *ушамъ* и *глазамъ*. Пойдемте со мною: вы все услышите и увидите. Вы съ самаго начала не вѣрили моимъ словамъ, — и я должна была придумать какія-нибудь средства, чтобъ убѣдить себя и васъ.

Средства эти немножко простонародны, а другіе, пожалуй, находятъ ихъ нескромными и низкими. — Но меня вызвали въ бой, — и всѣ средства, которыя ведутъ къ побѣдѣ — позволительны. Моя горничная безпрестанно слѣдила за всѣми шагами нашихъ влюбленныхъ, чтобъ подкараулить ихъ свиданіе — и ей удалось наконецъ. Теперь, въ эту самую минуту, вашъ милый Мишель въ комнатѣ у вашей супруги, у моей горничной есть мѣсто, изъ котораго можно все слышать и видѣть.... Не угодно-ли?...

— Подсматривать? подслушивать? — вскричалъ генераль. — Да за кого вы меня принимаете?

— За мужа-добряка, который, боясь получить слишкомъ печальныя удостовѣренія, готовъ отказаться отъ доказательствъ, которыя у него передъ глазами.

— Но я вамъ говорю, что все это бредъ, ложь, чепуха, несбыточная сказка....

— Такъ вамъ, слѣдственно, нечего бояться. Вы пойдете только для того, чтобъ убѣдиться въ своемъ мнѣніи и въ невинности этихъ людей.

Съ бѣшенствомъ схватилъ генераль старуху за руку и потащилъ ее за собою.

Мы не поведемъ за нами читателя, — а посмотримъ лучше дѣйствительно-ли Миша былъ въ кабинетъ Марьи Михайловны. Это была истинная правда. Прежде, нежели жертвовать своею жизнію за честь и спокойствіе отца, онъ хотѣлъ узнать до какой степени виновна его мачиха. Зная, когда и гдѣ ее застать, онъ явился къ ней въ спальню, когда она только-что кончала свой туалетъ.

— Вотъ неожиданный визитъ! — вскричала Маша. — Какими судьбами, Михайло Николаевичъ! И въ спальню!...

— Мнѣ очень нужно было видѣть васъ — и наединѣ, — отвѣчалъ тотъ холодно и угрюмо.

— По тону, которымъ вы говорите это, нельзя даже принять вашъ приходъ и за любезность.

— И не принимайте, я завтра рано ъду въ армію, — и пришелъ проститься съ вами.

— Такъ скоро и внезапно? — Вы еще не поправились. Ваше здоровье....

— Не объ немъ теперь рѣчь... минуты дороги... Можете-ль вы меня выслушать?

— Очень рада.

— И намъ не помѣшаютъ?...

— Какой странный вопросъ! Не хотите-ли запереть дверь!... это былъ шуточный вопросъ съ ея стороны, — но къ удивленію ея, Миша дѣйствительно повернулъ ключъ и указалъ стоявшей Машѣ на диванъ, приглашая ее знакомъ руки сѣсть.

— Такъ это что-нибудь очень важное, — сказала она, глядя на него съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. — А я было думала, что вы хотите взять меня въ посредницы по одному сердечному дѣлу...

— Можетъ оно будетъ имѣть связь съ тѣмъ дѣломъ, о которомъ я пришелъ съ вами поговорить...

Онъ остановился и подозрительно оглянулся.

— Что вы смотрите? — спросила Маша.

— Скажите, — насъ здѣсь никто не подслушаетъ.

— Что за мысль? И къ чему этотъ вопросъ?

— Во-первыхъ, мнѣ не хотѣлось-бы, чтобъ кто-нибудь въ мірѣ зналъ то, о чемъ мы будемъ говорить. Во-вторыхъ, мнѣ послышался какой-то подозрительный шорохъ у стѣны, какъ-будто кто усаживается, чтобъ подслушать.

— Чтó за странныя идеи у васъ сегодня. Говорите, пожалуйста, въ чемъ дѣло. Насъ подслушивать не кому.

— По любви, или по какимъ-нибудь другимъ видамъ вышли вы замужъ за моего отца?

— Какой вопросъ! Что это значить?

— Умоляю васъ отвѣчайте мнѣ откровенно. Я сказалъ вамъ, что завтра ѣду. Можетъ-быть вы меня никогда не увидите болѣе, — и потому вообразите, что васъ спрашиваетъ мертвецъ, который во гробъ сохранить ввѣренную ему тайну.

— Какую тайну? У меня нѣтъ никакихъ.

— Я вамъ сейчасъ докажу противное. Будьте только такъ снисходительны и отвѣчайте мнѣ на первый мой вопросъ. Любили-ли вы отца моего, когда приняли его руку?

— О! на это съ удовольствіемъ готова всему свѣту сказать, что и тогда и теперь люблю этого добраго и благороднаго человѣка несказанно. Онъ больше, чѣмъ мужъ мнѣ; онъ мой благодѣтель и отецъ.

— Благодарю васъ, Марья Михайловна. — Теперь остальные мои вопросы не такъ тяжелы будутъ для меня, потому что я начинаю вѣрить въ вашу невинность.

— Что это значить! — съ живостию спросила Маша, покраснѣвъ отъ такихъ неожиданныхъ словъ.

— Скажите мнѣ теперь, — спокойно продолжалъ Миша, вовсе не отвѣчая на ея вопросъ, — помните-ли вы тотъ вечеръ, когда я лежалъ при смерти, а вы, Лиза и братъ ея сидѣли у камина и читали какой-то романъ?...

— Это бывало очень часто, Михайло Николаевичъ. Я не знаю, о которомъ именно изъ этихъ вечеровъ вы спрашиваете?... Ахъ, постойте! это тогда, какъ Николай Ивановичъ и старуха Дубицкая ѣздили на вечеръ, а мы съ Лизою оставались однѣ!...

— Точно такъ. — Помните вы этотъ вечеръ? — спросилъ еще разъ Миша и устремилъ пронизательный взглядъ на Марью Михайловну, но та очень спокойно смотрѣла ему въ глаза и равнодушно отвѣчала:

— Помню. Ну, что-жъ?

— Никакая особенность, никакой случай не поразили васъ въ этотъ вечеръ?

— О нѣтъ! напротивъ! Помню очень забавную вещь. — Лиза вышла зачѣмъ-то; Григорій Ивановичъ продолжалъ читать какую-то страстную сцену романа; я задумалась... и вдругъ слышу звонкій хохотъ брата и сестры, которые смѣются надо мною. Теплота-ли камина, или холодъ романа усыпили меня, но я заснула, — и когда проснулась, то слыша последнее слово Григорья Ивановича, спросила у него что-то очень глупое и некстати, желая показать, что я не спала...

Съ жаромъ схватилъ Миша руку Марьи Михайловны и съ восторгомъ осыпалъ ее поцѣлуями.

— Спали! Вы спали! — вскричалъ онъ радостно — и началъ быстро ходить по комнатѣ. — О! я глупецъ!

Съ недоумѣніемъ смотрѣла на него Маша, — и какая-то безпокойная мысль мелькнула въ умъ ея.

— Растолкуйте мнѣ, ради Бога, хоть что-нибудь, — сказала она.

— Не вспомните-ли вы, — продолжалъ онъ, не отвѣчая

на ея вопросъ, — о чемъ именно читалъ Дубицкій? Не слыхали-ли сквозь сонъ какихъ-нибудь словъ его?...

— Нѣтъ! не помню, — отвѣчала она, съ нѣкоторою задумчивостію. — Пойдите! — Знаю, что глава романа состояла въ какомъ-то любовномъ объясненіи. Когда-же я проснулась, то Григорій Ивановичъ говорилъ что-то о привидѣніи Банко. Вотъ я и спросила его, откуда взялось это лицо? Онъ расхохотался — и рассказалъ вошедшей Лизѣ, что я заснула и ничего не слышала.

— Не слышали? — задумавшись повторилъ Миша. — Не слышали значить и того, какъ за нѣсколько минутъ до вашего пробужденія одинъ посторонній голосъ громко сказалъ въ этой комнатѣ: безсовѣстный!

— Что такое! кто? кому сказалъ? — со страхомъ спросила Маша.

— Кто сказалъ? — Я! — Кому? Вашему чтецу романовъ, Дубицкому.

Съ ужасомъ взглянула на него Маша и едва могла произнести: — За что-же?... Вы были тогда въ горячкѣ....

— Къ несчастію, въ эту минуту я пришелъ въ себя; все ясно слышалъ, видѣлъ и понималъ, — но непреодолимая слабость мѣшала мнѣ даже открыть глаза. Лиза вышла, чтеніе еще продолжалось нѣсколько минутъ. Вдругъ я слышу, что уже не изъ книги, — а изъ собственныхъ, злодѣйскихъ устъ чтеца выходитъ виновное признаніе въ любви и что оно обращается къ вамъ....

— Милосердый Боже! — вскричала Маша и закрыла лицо руками.

— Всѣ послѣднія жизненныя силы воспрянули во мнѣ. Я сдѣлалъ усиліе, открылъ глаза, увидѣлъ негодяя у ногъ вашихъ, — громко сказалъ: безсовѣстный! — и опять упалъ безъ чувствъ. Больше ничего я не знаю и не видѣлъ.

— О! я несчастная! несчастная! простонала Маша, обливаясь слезами.

— О чемъ-же вы рыдаете, милая Марья Михайловна? — съ нѣжностію сказалъ Миша. — Вы все объяснили мнѣ и вполне оправдались. Вы уснули, а негодяй вообразилъ, что вы расчувствовались. Я съ-тѣхъ-поръ слѣдилъ за всѣми вашими движеніями и словами, чтобъ подкараулить хоть малѣйшія

признакъ виновной взаимности. Нѣтъ! Вы всегда были чисты и спокойны. За это подозрѣніе мое, за мои наблюденія за вами я достойно наказанъ. Мать Дубицкаго выдумала поэтому, что я влюбленъ въ васъ и что между нами существуетъ домашній романъ....

— Какой ужасъ! возможно-ли?

— Для безнравственныхъ существъ все возможно и съ точно. Эти вѣстовщицы отравили даже спокойствіе моего добраго отца, который долженъ былъ потребовать, чтобъ я поскорѣе отсюда уѣхалъ....

— О Боже мой! и это изъ-за меня! И вы должны страдать за это? нѣтъ! я никакъ не допущу....

— Не объ этомъ теперь рѣчь, Марья Михайловна, продолжалъ печально Миша. — Мои вопросы еще не кончились.... Въ этой глупой сценѣ чтенія романа и низкаго объясненія въ любви, я вижу, что вы совершенно невинны.... Но слова Дубицкаго имѣютъ теперь для меня другое значеніе и ведутъ къ другому вопросу. Дубицкій просилъ прощенья за что-то *прежнее*, слѣдственно онъ уже....

— Послушайте, Михайло Николаевичъ! вамъ одному, бывшему свидѣтелю такой постыдной сцены, могу я ввѣрить несчастную тайну. Этотъ человѣкъ любилъ меня еще до брака; но съ этой минуты я думала, что всякое преслѣдованіе его кончится. Дѣйствительно, онъ никогда ни словомъ, ни взглядомъ не выражалъ мнѣ обидныхъ своихъ чувствъ, до несчастной моей поѣздки изъ Нижняго въ Ярославль. Тутъ вы слышали, произошла сцена съ волками, во время которой онъ вдругъ опять осмѣлился сдѣлать мнѣ любовное объясненіе, я отвѣчала ему, что выскочу изъ кареты и дамъ себя лучше растерзать дикимъ животнымъ, нежели слышать такія рѣчи. Съ-тѣхъ-поръ, я думала, что онъ образумился и совершенно забыла преступную его страсть. Но онъ осмѣлился повторить свою попытку, — и въ какую минуту? При смертномъ одрѣ сына моего мужа, который былъ женихомъ его сестры!... О! что было-бы со мною, если-бъ я тогда не уснула!...

Рыданія прервали ея слова, Миша бросился, чтобъ успокоить ее, но Маша вдругъ вскочила.... ужасная мысль блеснула

въ умѣ ея. Она съ живостию схватила Мишу за руку — и вскричала:

— Боже мой! Вы мнѣ не все еще сказали. Вы завтра хотите ѣхать. Мать Дубицкаго оклеветала васъ. Вы вѣрно уже объяснялись съ Дубицкимъ, — и ваше справедливое, по ужасное слово, сказанное на одрѣ смерти....

— Я его повторилъ ему....

— Несчастный! Вы вѣрно деретесь съ нимъ?...

— Да это неизбежно....

— Но что будетъ съ отцемъ вашимъ и со мною, если этотъ злодѣй убьетъ васъ?...

— Нѣтъ! я вѣрю въ Провидѣніе и въ правосудіе Божіе....

— И Николай Ивановичъ не знаетъ обо всемъ этомъ ни слова?...

— Его спокойствіе мнѣ дороже всего. — Онъ никогда не долженъ знать причинъ нашего поединка. Что бы ни случилось, — на убитомъ найдена будетъ записка, что онъ самъ лишилъ себя жизни....

— И я буду во всемъ этомъ виновата?... вскричала Маша, ломая себѣ руки съ отчаянія.

— Нѣтъ, Марья Михайловна. Вы нисколько не виноваты, что въ мірѣ есть чудовища. На пути вашемъ встрѣтился одинъ изъ такихъ людей, — и какія-бы несчастія не произошли, вы не должны упрекать себя. У васъ есть священный долгъ. Утѣшайте и любите отца моего. Онъ стоить всей вашей нѣжности.

Миша замолчалъ, потому что несчастная не могла его слушать отъ рыданій. Онъ бросился успокоивать ее, — и наконецъ простился, убѣдивъ ее, что Божій покровъ не оставляетъ добрыхъ и невинныхъ. Боясь зайти къ отцу, чтобъ волненіемъ чувствъ своихъ, не измѣнить своей тайнѣ, онъ поѣхалъ къ Либиху и по счастью засталъ его дома.

— А! мой милый пациентъ! — вскричалъ докторъ. — Зачѣмъ пожаловали. Сегодня холодно. Надобно беречь себя.

— Во-первыхъ, чтобъ выразить доброму моему избавителю всѣ чувства моей благодарности....

— Э! полноте! я не люблю фразъ. Зачѣмъ вы выѣхали въ такую погоду?...

— За тѣмъ, что я завтра ѣду въ армію.

— Вы съ ума сошли! Что за рыцарство? Войску нужны здоровые люди, а вы сдѣляетесь больны, пробѣхавъ сто верстъ.

— Какъ-быть! отдохну, полечусь и опять поѣду дальше; но теперь это необходимо.

— Вы говорите это такъ серьезно, что я не буду болѣе оспаривать вашего намѣренія. Заѣду однако-же сегодня къ генералу и спрошу его...

— Не дѣлайте этого, любезный докторъ. Отъѣздъ мой необходимъ. А если хотите оказать мнѣ еще услугу, то поѣдьте завтра со мною на разсвѣтъ за городъ.

— Ба! это зачѣмъ?...

— Чтобъ спасти одного изъ двухъ, если еще будетъ возможность.

— Что такое? дуэль? я это предчувствовалъ. Не спрашиваю даже съ кѣмъ, — и признаюсь, желалъ-бы не быть въ обязанности спасать вашего соперника.

— Какъ? развѣ вы знаете?...

— Вы забываете, что я врачъ; что Дубицкій тоже былъ въ горячкѣ и что бредъ его открылъ мнѣ все. Бездѣльникъ!

— Хорошо-ли вы стрѣляете?

— Хуже Дубицкаго.

— Все равно, будьте хладнокровны и не торопитесь выстрѣломъ. Когда вы пріѣдете за мною?

— По утру въ восемь часовъ. Раньше, еще темно.

— Я буду готовъ.

Они простились. — Миша, возвратясь домой, спросилъ прежде всего, дома-ли отецъ его. Какъ-же удивился онъ, когда ему сказали, что тотъ уѣхалъ куда-то вмѣстѣ съ Дубицкимъ. Это ему показалось страннымъ, непостижимымъ. Онъ бросился къ отцовскому камердинеру и распросилъ его подробно. Оказалось, что генералъ тотчасъ-же по выѣздѣ Миши со двора приходилъ къ Григорью Ивановичу, поговорилъ съ нимъ въ кабинетъ и оба потомъ уѣхали вмѣстѣ.

Ужасное подозрѣніе взволновало его. Маша могла все рассказать отцу, думая, можетъ-быть, отвратить поединокъ Миши съ Дубицкимъ, — и отецъ поѣхалъ вмѣсто его драться. Съ отчаяніемъ бросился онъ догонять и отыскивать отца; — по прежде всего заѣхалъ опять къ Либиху, рассказалъ ему свое

несчастіе, — и уже оба вмѣстѣ пустились на удачу по слѣдамъ генерала.

Мы уже видѣли какъ старуха Дубицкая увела генерала, чтобъ подсмотреть и подслушать свиданіе мачихи съ пасынкомъ. — Съ торжествующимъ видомъ указала она ему на запертую дверь и на молодыхъ людей сидящихъ на диванѣ, — но помѣръ того, какъ развивался разговоръ, Дубицкая трепетала и наконецъ въ одну изъ минутъ, когда вниманіе генерала было приковано къ разговору, она тихоюшко ушла въ свою комнату и тотчасъ-же послала горничную за своимъ сыномъ. Но его не было дома, — и она велѣла сказать, чтобъ онъ сейчасъ-же пришелъ къ ней, когда воротится, потому что у нея есть весьма важное дѣло, не терпящее отлагательства. Дубицкій, когда слуга объявилъ ему слова матери, спокойно отвѣчалъ: хорошо! — и остался дома готовить все нужное къ завтрашнему бою. Вдругъ въ комнату его вошелъ генераль.

— Ахъ! это вы Николай Ивановичъ! — вскричалъ Дубицкій при входѣ его. — Съ-тѣхъ-поръ, какъ я выздоровѣлъ, вы меня совсѣмъ не навѣщаете....

— Григорій Ивановичъ! — прервалъ его сурово генераль, — мнѣ право не до фразъ. Я только на минуту забѣжалъ къ вамъ, — и то, чтобъ попросить васъ ѣхать сейчасъ со мною....

— Съ удовольствіемъ, — куда прикажете! — отвѣчалъ Дубицкій.

— Да туда-же, куда вы завтра на разсвѣтъ должны были отправиться съ моимъ сыномъ.

Дубицкій отшатнулся — и поблѣднѣлъ.

— Что вы такъ странно на меня смотрите! — продолжалъ генераль. — Развѣ я не гожусь умереть отъ руки вашей? я правда инвалидъ, и мнѣ грустно, что не успѣвъ пожертвовать жизнію для отечества, я долженъ подставлять себя подъ пулю такого человѣка, какъ вы. Но что дѣлать? Надобно повиноваться судьбѣ.

— Признаюсь, — я не ожидалъ.... съ величайшимъ смущеніемъ

— отвѣчалъ Дубицкій — въ ваши лѣта.... съ вашими раніемъ въ вашемъ званіи....
нами.... Поученія! — съ горькою улыбкою прервалъ его гене-

раль. — Не поздно-ли они пришли? — Когда вамъ пришла мысль, молодой человекъ, нанести смертельное оскорбленіе моимъ лѣтамъ, ранамъ и званію, вы о нихъ не подумали. Свѣтскому модному человеку нужна была побѣда, — а что произойдетъ изъ этого — ему и дѣла нѣтъ.

— Но генераль, съ вашимъ сыномъ у насъ былъ-бы равенъ бой, а съ вами, самая побѣда принесетъ мнѣ безчестіе и вѣчное угрызеніе совѣсти.

— Вамъ? угрызеніе? — иронически отвѣчалъ генераль, — не думаю. Впрочемъ, ваше было дѣло подумать объ этомъ прежде. Теперь бой неизбѣженъ, — и я первый имѣю право требовать его отъ васъ. Впрочемъ, очень легко можетъ статься, что назначенный завтра поутру съ моимъ сыномъ — и не уйдетъ отъ васъ, убивъ сегодня отца, это не помѣшаетъ вамъ завтра убить и сына.

— Слова ваши ужасны, генераль! — вскричалъ Дубицкій, совершенно растерявшійся въ первый разъ въ жизни.

— Поѣдьте же однако, пора! — продолжалъ генераль. — я велю заложить карету и черезъ четверть часа зайду за вами.... Будьте готовы....

— Какъ, генераль! Сейчасъ! — съ какимъ-то страхомъ вскричалъ Дубицкій.

— Разумѣется. Сына нѣтъ дома, — и прежде нежели онъ воротится, мы уже должны быть на мѣстѣ....

— Но помилуйте, секунданта....

— Я дерусь на тѣхъ же условіяхъ, какія у васъ были съ сыномъ.

Дубицкій отеръ рукою холодный потъ, выступившій на лбу его, — и нѣсколько ободраясь, сказалъ:

— Мы должны были сходится къ барьеру и стрѣлять по волѣ каждаго. Теперь же, между нами это условіе противно законамъ дуэли. Вы обиженный, — и вамъ принадлежитъ первый выстрѣлъ....

— Почему-же первый выстрѣлъ не принадлежалъ сыну моему?

— Потому что, по бывшему между нами объясненію, онъ первый оскорбилъ меня....

— А мнѣ для чего вы хотите подарить первый выстрѣлъ? чтобъ я, какъ инвалидъ, далъ промахъ, а потомъ вы велико-

душно подарили мнѣ жизнь, выстрѣливъ на воздухъ. Нѣтъ, этого новаго безчестія я не приму. Сдѣлаемъ другія условія. У васъ два пистолета. Зарядимъ сейчасъ одинъ изъ нихъ. На мѣстѣ боя станемъ оба къ барьеру, выберемъ на счастье по пистолету, поставимъ его другъ другу къ груди... по счету разъ, два, три! спустимъ курки, — и кому Богъ судилъ умереть, тотъ умретъ.

— Это ужасно! — вскричалъ Дубицкій.

— Однакоже неизбежно! Скорѣе, пожалуйста. Минуты дороги. Заряжайте пистолетъ. На мѣстѣ боя вы мнѣ дадите на выборъ, — и дѣло будетъ кончено.

Послѣ этихъ словъ генераль ушелъ, а Дубицкій безотчетно началъ заряжать пистолетъ. Какой-то туманъ носился передъ его глазами, голова его кружилась, руки дрожали.

Генераль явился за нимъ, молча съѣли оба, съ роковымъ ящикомъ подъ шубою, — и поѣхали.

Жестокая вьюга крутилась въ воздухъ; вѣтеръ ужасно вылъ по пустыннымъ улицамъ Москвы; лошади быстро неслись и храпѣли.

У Марьиной роши вышли они изъ кареты и пошли пѣшкомъ по какой-то тропинкѣ, проложенной вѣроятно охотниками, или дровосѣками. Едва успѣли они скрыться изъ виду экипажа и большой дороги, какъ генераль остановился.

— Зачѣмъ идти дальше? хорошо и здѣсь.

Дубицкій безмолвно повиновался.

— Пожалуйте ящикъ съ пистолетами!... сказалъ генераль.

Дубицкій подалъ ему — и генераль выбралъ одинъ, а другой подалъ противнику.

— Станемъ у этой ели. — Если я паду, то записка у меня въ боковомъ карманѣ. Другихъ распоряженій я не могу сдѣлать, потому что въ случаѣ моей смерти, вы вѣрно возобновите поединокъ завтра съ сыномъ....

— Никогда! — прошепталъ Дубицкій едва внятнѣмъ голосомъ.

— Впрочемъ! во всемъ воля Божія! — съ чувствомъ сказалъ генераль. — Я всю жизнь такъ жилъ, что не боюсь предстать предъ Творца, — и еще сейчасъ молился Богу и просилъ Его милосердія за послѣдній свой грѣхъ, хорошо

бы и вы сдѣлали, молодой человекъ, еслибъ въ эту торжественную минуту прибѣгли къ милосердію Творца.

Не сказавъ ни слова въ отвѣтъ, Дубицкій вдругъ сбросилъ шубу, склонилъ колѣна и съ теплою молитвою обратился къ Богу. Крупныя слезы текли по щекамъ его; онъ рыдалъ. Помолясь нѣсколько минутъ, Дубицкій съ просвѣтлѣвшимъ взоромъ подошелъ къ генералу, сталъ передъ нимъ на колѣна и съ невыразимою горестію сказалъ:

— Можетъ быть, Всевышній проститъ меня, потому что *Онъ* и вѣчное милосердіе — должны быть одно и тоже. Но вы, какъ человекъ обиженный и приведенный мною къ безчестной могилѣ, вы простите-ли мнѣ, если я паду жертвою примиренія?

Печально опустилъ генералъ голову — и съ христіанскимъ чувствомъ сказалъ:

— Вы обратились къ Богу, — и я охотно прощаю вамъ смерть мою.

— Но если вы, можетъ быть, останетесь живы, простите-ли вы мнѣ недостойную жизнь мою?...

— Отъ всей души. — Теперь встаньте, окончимъ наше дѣло.

Воцарилось ужасное молчаніе. Каждый изъ нихъ прислонился спиною къ одному изъ ближайшихъ деревьевъ, такъ что руки ихъ могли легко достать другъ друга. Безмолвно взвели курки, приставили пистолеты къ груди одинъ другаго. Твердо и ясно закричалъ генералъ:

— Разъ! два! три! — и спустилъ курокъ.

Выстрѣла не послѣдовало.

Дубицкій стоялъ все еще на своемъ мѣстѣ, но опустилъ руку съ пистолетомъ.

— Что это значить? Вы не стрѣляли? спросилъ онъ его сурово.

— Нѣтъ? я ждалъ вашего удара — и готовъ былъ умереть. Судьба не послала мнѣ утѣшенія.

Съ этимъ словомъ, онъ поднялъ пистолетъ и приставилъ его ко лбу. Но быстрѣе мысли, генералъ сильно ударилъ его по рукѣ, курокъ спустился, выстрѣлъ раздался и пуля ударила въ ближайшее дерево.

Въ это-же мгновеніе раздался раздирающій крикъ вблизи

Генераль оглянулся и Миша, быстрѣ вихря, бѣжалъ къ нему и упалъ въ его объятія. За нимъ шелъ Либихъ, и съ недоувѣрчивостію смотрѣлъ на Дубицкаго.

— Вы живы, папа! воскликнулъ Миша. Но этотъ выстрѣлъ?

— Общій нашъ противникъ поступилъ благородно и великодушно! — отвѣчалъ генераль. — Ты знаешь, я бы ни для себя, ни для тебя не принялъ отъ него подарка жизни, но тутъ, я подарилъ ему жизнь, послѣ самой прекрасной черты съ его стороны. Гриторій Ивановичъ, дайте мнѣ вашу руку!

— Нѣтъ! Я не стою этого, — печально отвѣчалъ Дубицкій; — но жизнь, которую вы мнѣ подарили, долженъ я теперь употребить на то, чтобъ сдѣлаться васъ достойнымъ. Возбудивъ во мнѣ чувство чести, всѣ указали мнѣ, какъ жить. Вы уже простили меня. Надѣюсь, что и сынъ вашъ сдѣлаетъ тоже.

— Тотъ, кому отецъ мой подаль руку, — отвѣчалъ Миша — не можетъ уже быть моимъ врагомъ.

Они подали другъ другу руки.

— Сегодня-же я навсегда уѣду отсюда и поселюсь тамъ, гдѣ вы никогда обо мнѣ не услышите, а когда узнаете, то наградите своею похвалою. Я удалюсь въ иноческую обитель.

— Я не буду ни отговаривать васъ, ни совѣтовать, — отвѣчалъ генераль. — Но ужъ если между нами все кончилось такъ хорошо, то зачѣмъ-же давать пищу злословію. Воротитесь домой. Сынъ мой, вмѣсто того, чтобъ завтра ѣхать въ армію, останется, по приказанію доктора, еще на двѣ недѣли. Въ это время мы успѣемъ отпраздновать свадьбу его съ Лизою. Онъ уѣдетъ потомъ. Вы съ молодою поѣдете провожать его до границы; оттуда привезете ее назадъ. Я приму ее въ свой домъ, и мы разстанемся тогда, пожалуй, хоть на всегда. Согласны-ли?

— Ваша воля мнѣ законъ! — отвѣчалъ Дубицкій и пошелъ вслѣдъ за генераломъ.

Они сѣли въ карету и воротились всѣ вмѣстѣ домой, даже Либихъ остался съ ними, и когда, дорогою, враги разговаривали между собою, онъ одинъ съ неудовольствіемъ поглядывалъ на Дубицкаго и не могъ простить генералу, что тотъ не далъ ему застрѣлиться.

— Съ криками радости встрѣтила ихъ у подъезда Маша, но, по знаку генерала, замолчала, чтобъ не разгласить вѣсти, куда и зачѣмъ они ѣздили.

— Нужно-ли рассказывать окончаніе? Миша женился на Лизѣ, и уѣхалъ въ армію, изъ которой возвратился черезъ годъ, посѣтивъ съ русскимъ войскомъ Парижъ.

Генераль занялся воспитаніемъ малолѣтняго сына, даннаго ему Машею.

— А Дубицкій?—Онъ дѣйствительно удалился по смерти матери въ какую-то обитель и сдѣлался образцемъ набожности и смиренія.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВТОРОЙ РАЗСКАЗЪ ИНВАЛИДА *

Такъ вотъ какъ наши русаки
Подъ «Краснымъ» отличились!
А все, вѣдь, были новики —
Мы вотъ чему дивились!

Смотри, ребята, не зъвай!
Теперь французъ лукавый
И къ намъ въ Смоленскъ задумалъ, чай,
Пожаловать съ аравой.

Да пропадай онъ, супостать!
Не поведемъ и ухомъ!
И у заметной птицы, братъ,
Ощиплемъ перья духомъ!

Не помню время, только глядь —
Дорога запылила, —
И неприятельская рать,
Какъ саранча, накрыла.

* Смотри № 10 «Пантеонъ» за 1850 г.

Ну, что тут думать? пустяки!
 Тотчас пыхота наша
 На встрѣчу двинула полки —
 И заварилась каша!

Да скоро ночь насъ развела, —
 Вотъ штука-то какая!
 А то-бъ у насъ въ тотъ день была
 Работа не пустая.

На утро, съ раннею зарей,
 Опять въ ружье мы стали, —
 И пули, какъ шмелиный рой,
 Какъ разъ и засновали.

За ними пушки, наконецъ,
 Зарявкали сердито;
 А тамъ и штыкъ, нашъ молодецъ,
 Пустился въ бой открытый.

Ну, и пошла у насъ рззня!
 Ужъ бились, что есть мочи!
 И не слезали мы съ коня,
 Почти до темной ночи.

И какъ французы ни рвались,
 И какъ ни напирали —
 Да дудки, братъ, — не поддались,
 И городъ отстояли!

На третій день, лишь разсвѣло —
 Глядимъ мы въ поле — что-же?
 Подъ насъ француза подошло
 Ни на-что не похоже!

Пыхоты, конницы — бѣда!
 Все поле въ грязь стоптали;

А пушекъ, пушекъ.... такъ куда!
И счетъ мы потеряли.

Ну, братцы, нечего сказать!...
Да впрочемъ что такое?
Семи смертямъ вѣдь не бывать —
Такъ это все пустое!

Тотчасъ орудья навели;
Стрѣлки все въ разсыпную;
«Впередь! въ штыки! руби-коли *!»
Катай на пропалую!

Да утромъ, правда, ничего —
Не больно жарко было;
А вотъ съ полудни — ужъ того....
Въ глазахъ, братъ, зарыбило!

А случай вотъ еще какой
Скажу тебѣ я кстати:
Когда у насъ открылся бой —
Стояли мы въ форштатъ....

Французъ за нами было въ следъ
Хотѣлъ туда-жъ пробиться, —
Ну, ужъ шалишь, голубчикъ! нѣтъ,
Шутить такъ не годится!

Вотъ тутъ-то и пошло у насъ
Сраженье, да такое,
Что и у смѣлаго, подь-часъ,
Тряслося ретивое!

Отъ шума, треска и пальбы
И слова не слышишь!

* «Руби, коли!» — команда, употребляемая въ конницѣ.

А дымъ... темный курной избы!
На силу только дышешь!

Картечь и пули, словно градъ,
Изъ края въ край летаютъ, —
И изъ рядовъ онъ солдатъ
Такъ вотъ и вырываютъ!

Межь-тѣмъ французъ подвелъ къ стѣнамъ
Колонны прегустыя, —
Да такъ и ломить прямо къ намъ
Въ ворота крѣпостныя!

Э, нѣтъ, дружокъ! не то поешь!
Держи короче руки!
Ужъ этимъ насъ ты не возьмешь —
Найди другія штуки!

Такъ что-жъ? придумалъ супостатъ!
Лишь вымолвить успѣли —
Какъ сотни ядеръ и гранатъ
Къ намъ въ городъ полетѣли.

Создатель мой! и вспомнить страхъ!
Смоленскъ нашъ закурился —
И вдругъ во всѣхъ его концахъ
Пожаръ рѣкой разлился!

Глядимъ — чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй!
Да такъ ужъ жутко стало,
Что отъ жары терпѣть — ей-ей,
Намъ силъ не доставало....

Форштатъ и городъ сплошь горятъ!
Строенья, лавки, башни
Пылаютъ, падаютъ, трещать....
Стукъ, ломка, грохотъ — страшный!

Въ народъ давка, бѣготня,
Шумъ, крики — безъ умолку!
Вездѣ такая суетня,
Что не найдешь и толку!

Набать гудить! а тутъ реветъ,
Какъ буря, канонада;
Картечь визжитъ; гранаты рветъ....
Ну, просто, хуже ада!
По улицамъ и площадямъ
Не стало и проходу:
Лежать тѣла, навалень хламъ,
Войска, толпы народу....
Вотъ, такъ-какъ въ сумерки — народъ
Вдругъ въ стороны раздался, —
И что-жь? глядимъ мы, крестный ходъ
Изъ церкви показался.

И кто тутъ былъ — и старъ и младъ —
Всѣ на кольна пали;
И не повѣришь, такъ подрядъ
Всѣ въ голосъ и рыдали!

Отъ сердца вырвался тутъ вздохъ
У каждаго солдата,
Чтобъ одолѣнье далъ намъ Богъ
На злаго супостата! —

Потомъ, опять своимъ путемъ
Пошло съ французомъ дѣло;
И мы стояли подъ огнемъ,
Покуда не стемнѣло.

П. ШЕРЕМЕТЕВСКІЙ.

М Е Л О Д И И.

I.

Опять вострепнулось, ты сердце, и снова
 Въ душъ моей вспыхнули грезы;
 И рвется изъ груди кипучее слово,
 И льются горячія слезы.
 И снятся опять мнѣ все звуки, да звуки —
 Все музыки полныя рѣчи,
 Да черныя очи — да бѣлыя руки,
 Да кудри, да чудныя плечи.
 И снова душа отозваться готова
 На все. въ чемъ есть тернья и розы,
 И рвется изъ груди кипучее слово,
 И льются горячія слезы!

II.

Уста твои такъ улыбаются,
 Такъ очи горять и блестятъ,
 Такъ въ душу онъ мнѣ вливаються,
 Такъ душу онъ шевелятъ:
 Что въ эти минуты забвенія
 Всего, что такъ грустно для ней, —
 Опять она пьетъ наслажденіе
 И въ счастье вѣрится ей,
 И думы въ умъ зажигаются,
 Мечты и кипятъ, и летятъ....
 Уста твои такъ улыбаются,
 Такъ очи горять и блестятъ.

Н. ГРЕКОВЪ.

С М О Т Р И !

Смотри, вонъ облако несется серебристое !
 Вездъ вокругъ его сіяетъ небо чистое,
 Какъ молодость прекрасная твоя....

И утреннихъ лучей на немъ играетъ золото,
 И весело оно, и светло такъ, и молодо,
 Оно похоже на тебя.

Смотри, вонъ туча тамъ выходитъ одинокая —
 Она темна, какъ ночь, какъ грусть души глубокая,
 Не озарить ее сіянью дня.

Кто знаетъ: можетъ-быть, о томъ тоскуетъ грозная,
 Что съ свѣтлымъ облакомъ дана стезя ей розная—
 Она похожа на меня.

Н. ГРЕКОВЪ.

 У С О П Ш А Я

Я цѣловаль ее и въ очи и въ уста,
 Я цѣловаль ее въ увядшія ланиты —
 И были тѣ уста сомкнуты навсегда,
 И были очи тѣ сномъ вѣчнымъ ужъ закрыты.
 По мертвому лицу блескъ луннаго луча,
 Трепеща, озаряль, таинственно разлитый,
 И локонь, падавшій змѣею до плеча,
 И на чель ея вѣнокъ, любовью свитый,
 И долго я искаль въ чертахъ ея слѣда
 Души, исчезнувшей, и горестью убитый.
 Одинъ, во тѣмъ ночной, склонясь на гробъ открытый —
 Я цѣловаль ее и въ очи, и въ уста.

Н. ГРЕКОВЪ.

ДРУЗЬЯМЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Въ года волшебныхъ грезъ

Не зналъ я, други, слезъ....

И въ горе ввроваль шутя,

Безъ мысли, какъ дитя.

Мнѣ сладкимъ сномъ, отъ дѣтскихъ лѣтъ,

Казались жизнь и свѣтъ....

И долго я понять не могъ

Большой души тревогъ.

И какъ понять? Заботъ и нуждъ

Въ то время былъ я чуждъ....

Не думалъ, что къ забавамъ страсть

Сотретъ разсудка власть.

Я сквозь туманъ, до зрѣлыхъ лѣтъ,

Смотрѣлъ на шумный свѣтъ....

За то навелъ мнѣ свѣтскій шумъ

Такъ много грустныхъ думъ.

За то, вполне я ощутилъ

Утрату многихъ силъ....

Едва горитъ въ душѣ моей

Заря весеннихъ дней.

Теперь, взгляну, порою, въ даль —

Все горе да печаль....

А въ дни волшебныхъ, глухихъ грезъ —

Не зналъ я, други, слезъ.

Н. СУСЛОВЪ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

ГАЛЕРЕЯ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВЪ.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ СУМОРОКОВЪ,

КАКЪ ПИСАТЕЛЬ И ДРАМАТУРГЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Г. И. Лаговскаго.

На поприщѣ драмы отечественной заслуги А. П. Суморокова велики и несомнѣны. Во-первыхъ, онъ сдѣлалъ возможнымъ существованіе у насъ театра въ томъ видѣ, въ какомъ, онъ тогда существовалъ въ Европѣ; во-вторыхъ, онъ положилъ основаніе русской драмѣ, сообщивъ ей, по тогдашнему времени, форму возможно совершенную — или, по-крайней-мѣрѣ, общепринятую; въ-третьихъ, создалъ драматическій стиль въ поэзіи того времени, чего никто, изъ современныхъ Суморокову поэтовъ, не исключая и Ломоносова, не могли достигнуть. На этомъ основаніи мы представимъ критическій обзоръ драмъ Суморокова въ возможной полнотѣ.

При изученіи этихъ произведеній, хотя и недавней, но все-таки — древности, мы оставимъ всё предубѣжденія, порожденныя отчасти несправедливостью критики, а частію и неизяществомъ нѣкоторыхъ изъ драмъ Суморокова. Чтобы лучше понять драматическое дарованіе Суморокова и его заслуги на поприщѣ русской сцены и особенно русской драмы, необходимо разсмотрѣть все, предшествовавшее его дѣятельности на этомъ поприщѣ.

Въ Россіи (или лучше сказать въ Малороссіи) давно существовали сценическія представленія въ видѣ мистерій. Лучшими писателями въ этомъ родѣ въ то время почитались: Симеонъ Полоцкій и Димитрій Ростовскій. — Кто знакомъ съ Исторіей Русской Литературы, тому извѣстно, что драмы-мистеріи перваго, не смотря на высокое свое содержаніе, примененное къ русской жизни, весьма грубы и ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ неглубокихъ шутокъ, изъ которыхъ, въ средніе вѣка, состоялъ весь народный драматическій репертуаръ Европы. Вообще, въ драмахъ-мистеріяхъ, только и есть общаго съ истинной драмою, что онѣ написаны въ разговорахъ, что въ нихъ есть иногда стихи и нѣкоторое подражаніе дѣйствіямъ человѣка. Въ сущности, это были вовсе не драмы, то-есть сценическія творенія, основанныя на движеніи страстей. Онѣ въ досужіе часы, разыгрывались передъ поселянами, мѣщанами и боярами. Притомъ эти представленія давались такъ рѣдко и съ такою холодною принимались, что Исторія искусства могла бы пройти мимо ихъ безъ всякаго вниманія. Не смотря на преобразование, произведенное Петромъ Великимъ въ правахъ нашего общества, русскій театръ и народная драма оставались въ прежнемъ видѣ*. Великій Императоръ и, вѣроятно, все лучшее общество понимали необходимость народнаго театра, но еще не время было думать о его устройствѣ. Преемники Петра также еще не обращали вниманія на русскій театръ. Для увеселенія Двора при Антѣ Иоанновѣ, въ 1730 году, выписана была труппа нѣмецкихъ актеровъ изъ Дрездена, а въ 1735 году оперная труппа французскихъ актеровъ, лучшихъ тогда во всей Европѣ. Но русскаго театра не было. При Елисаветѣ Петровнѣ, когда русское преобразованное общество во всемъ старалось подражать европейцамъ, измѣнился и самый взглядъ на театръ народный. Онъ уже не считался минутною забавою, безъ которой можно иногда легко обойтись. Онъ сталъ необходимою по-

* См. «Пантеонъ» 1847 г., № 2., статью Кони: *Начало драмы, оперы и балета въ Россіи, со времени Петра Великаго.*

требностью общественной жизни. Въ слѣдствіе этого болѣе вѣрнаго взгляда возникла въ образованномъ обществѣ мысль устроить его въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ образованныхъ государствахъ Европы. Мысль эта, вѣроятно, сперва принадлежала только обществу столицы и вскорѣ распространилась по всей Россіи. Два явленія содѣйствовали къ скорѣйшему ея осуществленію: самобытное стремленіе нѣкоторыхъ молодыхъ людей къ сценическому искусству, вѣроятно пробужденное изящною игрой придворныхъ актеровъ - иностранцевъ, и появленіе писателя, съ несомнѣннымъ дарованіемъ и страстною любовью къ драматическому искусству. Первымъ феноменомъ была труппа Федора Волкова, составившаяся, хотя и не совсѣмъ неожиданно, но все-таки и не совсѣмъ обыкновенно: второй феноменъ — былъ Сумороковъ, съ безсознательно возникшею въ немъ страстью къ драматической поэзіи. И такъ, почти въ одно время, въ Петербургѣ, при Дворѣ, и въ первомъ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ, и въ Ярославлѣ — обнаружилась сильныя попытки образовывать русскій театръ. Въ 1748 году, Сумороковъ написалъ первую свою трагедію, «Хоревъ». Почти въ тоже время пашли необходимымъ учить кадетъ декламациі. Въ 1750 году, кадеты уже могли хорошо, по тогдашнему способу, декламировать отдѣльныя мѣста изъ трагедіи «Хоревъ», а потомъ рѣшились ее представить вполне, въ домашнемъ спектаклѣ, въ корпусѣ. Представленіе удалось и трагедія всѣмъ понравилась. Сумороковъ тогда былъ адъютантомъ при графѣ Разумовскомъ и посредствомъ его довелъ объ этомъ успѣхѣ своей трагедіи до свѣденія Императрицы. Она приказала представить ее при Дворѣ, что и было исполнено къ общему удовольствію. Въ тоже самое время Федоръ Волковъ, сынъ костромскаго купца, увлекаемый склонностью къ сценическому искусству, изучаетъ весь механизмъ театральнй въ пѣмецкомъ театрѣ въ Москвѣ, и основываетъ, по его образцу, свой русскій театръ въ Ярославлѣ, съ помощью любителей возпикающей пародной драмы. Онъ собираетъ небольшую труппу изъ молодыхъ людей, почувствовавшихъ призваніе къ искусству и въ пмянниы своего отчима, купца Полушкина, даетъ первое представленіе въ кожевенномъ амбарѣ, наскоро передѣланномъ въ театръ. Ярославское общество очень полюбило этотъ поворожденный русскій театръ и охотно платило по пяти копѣекъ за первое, по алтыну за среднее и по копѣйкѣ за послѣднее мѣсто. Репертуаръ театра составляли: «Грѣшникъ», «Яга-Баба» и двѣ новыя трагедіи Суморокова — «Хоревъ» и «Синавъ и Труворъ».

Слава объ этомъ необыкновенномъ событіи скоро достигла до Петербурга. И такъ самобытно возникшая въ губернскомъ городкѣ труппа русскихъ актеровъ, внезапно явившійся драматическій писатель — все это такъ близко подходило къ ожиданіямъ общества, что возможность правильного народнаго театра уже была несомнѣнна, и Правительство, усматривая пользу такого учрежденія, какъ школы правовъ народныхъ, само содѣйствовало къ его осуществленію. 30 августа 1756 года вышелъ именной указъ объ учрежденіи русскаго публичнаго театра. Театръ былъ сперва открытъ на Васильевскомъ Островѣ, въ домѣ Головкина, и на его сценѣ блистательно исполнены были первыя драмы и комедіи Суморокова, труппою актеровъ, собранныхъ Ѳеодоромъ Волковымъ въ Ярославлѣ и образовавшихся словеснымъ наукамъ въ Первомъ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ. Труппа сперва была немногочисленна, но состояла изъ людей призванныхъ къ искусству природной склонностью; главными дѣйствующими лицами были воспитанники корпуса: Поповъ, Дмитревскій, Шумскій, братья Волковы, изъ которыхъ Ѳеодоръ былъ назначенъ первымъ актеромъ.* Его не могла не уважать публика того времени; онъ развилъ свое дарованіе съ величайшей заботливостію, поддерживалъ его энергически въ продолженіе всей жизни; неутомимо заботился о хорошемъ устройствѣ театра сперва петербургскаго, потомъ въ 1759 году — московскаго; наконецъ, неуспѣшной дѣятельностію своею, обнаружилъ высокую привязанность къ сценическому искусству. Въ этомъ отношеніи ему принадлежитъ честь основателя, отца русской сцены. Кромѣ того, онъ могъ заслужить вниманіе современниковъ и по своему сценическому таланту, который, по словамъ Дмитревскаго, былъ выше другихъ. Въ послѣдствіи мѣсто Волкова заступилъ, съ полнымъ успѣхомъ и по праву, его ученикъ Иванъ Аванасьевичъ Дмитревскій, сынъ протоіерея Дьяконова, первый и величайшій артистъ своего времени, котораго имя останется незабвеннымъ въ Исторіи русскаго искусства. Онъ вмѣстѣ съ Волковымъ пріѣхалъ изъ Ярославля въ Петербургъ, или лучше въ Царское Село, гдѣ, въ первый разъ, въ покояхъ Императрицы русская труппа Волкова выполнила трагедію «Хоревъ». Дмитревскій долженъ былъ играть въ роли Оснелды и Императрица сама надѣвала на него брильянтовые уборы. Здѣсь же онъ получилъ и имя

* См. «Пантеонъ» 1840 года, № 3, статью Коши: *Иванъ Аванасьевичъ Дмитревскій*.

Дмитревскаго, по сходству его съ однимъ изъ придворныхъ, гр. Дмитревскимъ. Собственно поприще свое Дмитревскій началъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II, которая, въ 1765 году, велѣла отправить его за-границу для усовершенствованія въ драматическомъ искусствѣ. Дмитревскій не потерялъ времени за-границей, но постоянно изучалъ сценическое дѣло, слѣдуя великимъ европейскимъ артистамъ того времени и особенно дополняя свои труды развитіемъ вкуса и просвѣщеніемъ ума. Онъ такъ усовершенствовался въ своемъ искусствѣ, что величайшіе артисты того вѣка, Лекенъ — въ Парижѣ и Гаррикъ — въ Лондонѣ увлекались не однажды его игрой. Гаррикъ, съ которымъ игралъ Дмитревскій на одномъ приватномъ театрѣ у герцогини Девонширской, въ «Запрѣ» Вольтера, былъ такъ однажды углубленъ въ игру нашего актера, что не замѣтя свѣчи, подлѣ которой стоялъ, сжегъ свои маншеты. — Возвратясь со славой изъ своего путешествія и занявъ мѣсто Волкова, Дмитревскій занялся преобразованиемъ и усовершенствованіемъ русской сцены. Изъ его школы вышли великія дарованія: изъ актрисъ — Семенова, Сандупова, и проч.; изъ актеровъ — Крутицкій, Яковлевъ, * Плавильщиковъ, ** Шушеринъ и др. По своему образованному уму и особенно по своимъ способностямъ, Дмитревскій имѣлъ всегдшій доступъ ко всемъ литературнымъ знаменитостямъ своего времени. Онъ помогалъ имъ даже своею опытностью и глубокими познаніями поэзіи и драматическаго искусства. Ему много обязанъ Сумороковъ, и особенно Княжичъ, который, безъ его совѣта, не поставилъ на сцену ни одной драмы. Комедія «Недоросль» Дмитревскому обязана тѣмъ, что принята на театръ, куда долго не допускалъ ее шепетильный вкусъ вѣка. Херасковъ, Державинъ и Озеровъ, до послѣднихъ минутъ жизни, уважали Дмитревскаго. Какъ актеръ, Дмитревскій имѣлъ разнообразнѣйшій талантъ, и съ одинаковымъ искусствомъ выполнялъ трагическія роли *Синава*, *Оскольда*, *Дилитрія Самозванца*, *Ярба* и роли комическія — *Мизантропа*, *Тирславаго* и *Раздумчиваго*. Онъ изучилъ языкъ страстей, языкъ сердца и постоянно входилъ въ характеры представляемыхъ лицъ. Онъ замѣчательнъ и какъ литераторъ, ибо первый сталъ писать исторію русскаго театра и перевелъ много

* См. «Пантеонъ» 1851 г., № 1, статью: *Еще' одинъ изъ русскіхъ трагиковъ*.

** См. «Пантеонъ» 1850 г., № 4, статью Кони: *Одинъ изъ русскіхъ трагиковъ*.

комедій. Къ этимъ замѣчательнымъ дѣятелямъ первоначальной русской сцены можно бы присоединить и еще нѣкоторыхъ, но это отвлекло бы насъ отъ главнаго предмета статьи. Сверхъ того, прочіе актеры первоначальнаго театра не прославились особенными талантами. Достаточно и того, что русскіе уже любили драматическое искусство и съ честью оправдывали свое призваніе. Особенно въ то время это было важно, когда на содержаніе театра всего назначалось не болѣе пяти тысячъ рублей въ годъ; слѣдовательно состояніе театра народнаго было еще не совсѣмъ завидное. Сверхъ того, хотя сначала всѣ обратили вниманіе на русскую сцену, но какъ самый театръ открытъ былъ только для высшаго общества и мѣста въ немъ давались по чинамъ, то русская сцена при существованіи лучшей иностранной, скоро могла утратить свое значеніе. Потому и необходимъ былъ для нея человекъ съ умомъ просвѣщеннымъ и острымъ, съ неизмѣнною привязанностью къ драматическому искусству, писатель имѣвшій значительный вѣсъ въ лучшемъ обществѣ. Никакого вѣтъ сомнѣнія, что авторитетъ Суморокова, какъ директора театра, какъ литератора вездѣ уважаемаго, былъ столько же полезенъ для возрожденнаго театра, какъ и его сочиненія. Никто лучше его не понималъ сценическаго искусства, и никто не любилъ его болѣе. Поэтому первой заботой нашего драматурга было образовать своими сочиненіями вкусъ своихъ современниковъ, и особенно установить правильныя границы между сценой и обществомъ, сообщая сценѣ всевозможное разнообразіе плодовитостью своего пера, и горячо защищая артистовъ отъ пренебреженія, которымъ награждало ихъ полуобразованное общество. Онъ вслухъ и печатно упрекалъ публику, если она въ театрѣ показывала пренебреженіе къ артистамъ. Въ предисловіи къ трагедіи: «Димитрій Самозванецъ» авторъ не замедлилъ тотчасъ представить въ строгой сатирической статьѣ свое негодованіе на невѣжество сужденій. Напоминая московской публикѣ, что она не имѣетъ права быть въ театрѣ, какъ дома, и думать, что «если деньги за входъ въ позорище заплачены, такъ и можно въ партерѣ и въ ложахъ рассказывать исторіи своей педѣли громогласно и грызть орѣхи; можно и дома грызть орѣхи, и рассказать новости достанетъ времени и въ театра, ибо грызеніе орѣховъ не приноситъ удовольствія ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудящемуся во удовольствіе публики автору. Его служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы путешествователи, бывшіе въ Парижѣ и Лондонѣ, скажите: грызутъ-ли тамъ, во время представленія,

орѣхъ; бранять-ли поссорившихся между собою лакеевъ, ко тревогѣ всего партера и ложь». Такъ Сумороковъ, и съ такою смѣлостью возставалъ противъ суда публики, которая трагедіямъ Суморокова предпочитала слезныя драмы. Изъ приведенныхъ словъ Суморокова легко замѣтить, что большинство тогдашней публики такъ недалеко ушло въ своемъ образованіи и такъ мало имѣло уваженія къ драматическому искусству, что театръ, безъ покровительства высшаго общества и особенно безъ привязанности къ нему столь страстнаго драматурга и директора, какимъ всегда былъ Сумороковъ, очень скоро упалъ бы въ общемъ мнѣніи. Высшее общество уважало въ Сумороковѣ и благородное происхожденіе, и совершеннѣйшее для того времени образованіе и сверхъ того почитало его необходимымъ для театра, потому что онъ глядѣлъ на искусство взглядомъ общества, образовавшагося подъ вліяніемъ ложноклассической французской литературы. Такимъ образомъ, Сумороковъ былъ великимъ авторитетомъ для публики, менѣе образованной, какъ авторъ, принадлежавшій къ высшему кругу общества, по происхожденію, по образованію и по степени вниманія къ нему Правительства. Онъ необходимъ былъ для высшаго общества, какъ первый изъ русскихъ писателей драмъ, которыя правились всѣмъ и были даже одобрены господиномъ Вольтеромъ котораго авторитетъ много значилъ въ то время. Онъ необходимъ былъ для русскаго театра, потому-что занимался драматическою поэзіей, какъ единственнымъ и главнымъ призваніемъ своей жизни. Не было ни одного писателя трудолюбивѣе Суморокова. Онъ написалъ девять трагедій, четыре оперы, одну драму и девять комедій, совершенно приспособивъ ихъ къ сценѣ. Впрочемъ ни вліяніе Суморокова на общество, продолжавшееся почти съ 1748 года и даже болѣе, по крайней-мѣрѣ, въ критикѣ, ни ревностная любовь къ искусству и глубокое изученіе тайнъ его, ни что не даетъ права автору стоять высоко во мнѣніи публики, если онъ дѣйствительно не заслужилъ этого своимъ дарованіемъ и изяществомъ своихъ созданій. Какъ всѣ произведенія искусства оцѣниваются историческою или художественною критикою, то и заслуги Суморокова, только строгимъ анализомъ могутъ быть окончательно оцѣнены и, послѣ такой провѣрки, рѣшается и вопросъ о его значеніи въ Исторіи Русской Литературы.

Одинъ изъ критиковъ, именно современникъ Суморокова, утверждалъ, что онъ не менѣе, какъ «*Расинъ Россійскій*», о чемъ между прочимъ гласитъ и надпись къ портрету Суморокова, сочиненная Хе-

расковымъ. И самъ авторъ былъ убѣжденъ, что «явилъ Россамъ «Расиновъ Театръ, что славу Расина и Вольтера, пиша на мало-извѣстномъ, хотя и прекрасномъ языкѣ, онъ оставляетъ своему «праху.» Даже враги Суморокова, особенно нападавшіе на него за неправильность стиха, за подражаніе Вольтеру, Расину, Корнелю, Мольеру и Шекспиру или *Шакеспеару*, какъ его тогда называли, повидному признають въ немъ драматическій талантъ. — Знаменитымъ актерамъ весьма нравились его трагедіи. — Дмитревскій любилъ выполнять роль Димитрія Самозванца. Общество даже слѣшкомъ любило и черезъ чуръ хвалило его сочиненія, особенно трагедіи. Сумороковъ былъ избалованъ похвалами съ перваго шага на поприщѣ драматической литературы. — При самомъ первомъ представленіи его «Хорева», на придворномъ театрѣ публика плакала, а Императрица наградила его богатымъ перстнемъ. Его трагедіи долго были единственными на сценѣ; ихъ не могли даже уронить трагедіи Княжнина, болѣе искуснаго и позднѣйшаго драматическаго поэта. Словомъ, всѣ почти современники признавали въ Сумороковѣ несомнѣнный драматическій талантъ. Такъ одна очень почтенная, и по древности и по своей важности, книга * говоритъ, что господинъ «Сумороковъ много «успѣлъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ въ разсужденіи умягченія нравовъ, и вкусъ къ театру конечно отъ его пера исправленъ. До него представленія почитались однимъ только театральными игрищами; а онъ показалъ нѣжность въ трагедіи, далъ почувствовать посмѣяніе страстей въ комедіи господина Молиера и протчихъ, подражая онымъ». Какъ послѣдній отголосокъ всѣхъ этихъ похвалъ, явилась критика Мерзлякова **. Мерзляковъ, сравнивая трагедіи Суморокова съ предшествовавшими имъ мистеріями и современными для нихъ — «Дендаміею» Тредьяковскаго, съ «Темирой и Селлмомъ» Ломоносова, утверждаетъ, что онъ выше не только этихъ неизящныхъ созданій, но даже несравненно выше и всѣхъ драмъ Княжнина. Княжнинъ, говорятъ онъ, только умный переводчикъ, а Сумороковъ даровитый подражатель. Мерзляковъ не только допускаетъ въ трагедіяхъ послѣдняго совершенно правильную форму французской классической поэзіи, которую перенестъ въ русскую драму есть уже заслуга немаловажная, но находитъ «краткость изложенія, быстроту дѣйствія, интересъ, завязку, катастрофы, характеры, — все истинно трагическое». Это видитъ онъ въ «Хоревѣ» и «Спна-

* *Драматическій Словарь*. Москва, 1787 года. ** *Вѣстникъ Европы*.

въ» въ особенности. — Но разбирая содержаніе нѣкоторыхъ трагедій Суморокова, часто убѣждаешься въ противномъ. Въ трагедіи «Хоревъ» трудно найти катастрофу, характеръ, быстроту дѣйствія и даже самое дѣйствіе. Въ ней все такъ перепутано, что самое напряженное вниманіе достигнувъ до конца, все еще не можетъ разгадать завязки. Основавіемъ этой трагедіи служитъ преданіе старины глубокой о небывалыхъ князьяхъ кievскихъ — Кіѣ, Щекѣ и Хоревѣ. Дѣйствіе происходитъ въ Кіевѣ, гдѣ княжитъ Кіѣ. — У него, какъ заложница мира, находится въ плѣну Оснельда, дочь Завлоха, нѣкогда княжившаго въ Кіевѣ и изгнаннаго оттуда Кіемъ. Оснельда и братъ Кіѣ, Хоревъ, видятся и привязываются другъ-къ-другу. Хоревъ предается плѣнницѣ изъ сожалѣнія къ ея участи, Оснельда также любитъ своего «любезнаго зрака Хорева».... Между тѣмъ Завлохъ, отецъ Оснельды, рѣшается освободить ее вооруженною рукою и подступаетъ къ Кіеву съ войскомъ. Узнавъ объ этомъ, Кіѣ хочетъ выдать свою плѣнницу, чтобъ не затѣвать за нее борьбы. Оснельда и рада, и нѣтъ этому извѣстію. Ей жаль оставить Хорева и въ то же время хочется видѣть отца. Хоревъ также провѣдалъ объ этомъ и спѣшитъ уговорить Оснельду не оставлять его, по принять вмѣстѣ съ его рукою и сердцемъ кievскій тронъ, на который Хоревъ имѣетъ виды, какъ братъ и наследникъ Кіѣ. — Этотъ опрометчивый разговоръ подслушиваетъ Стальверхъ, наперсникъ Кіѣ и старается внушить Кіѣю мысль, что братъ намѣренъ обмануть его. Кіѣ требуетъ доказательствъ. Въ это время Оснельда и Хоревъ, переговоривъ между собою, принимаютъ рѣшительныя мѣры. Первая пишетъ къ отцу съ просьбой о дозволеніи ей вступить въ бракъ съ Хоревомъ, а Хоревъ совѣтуетъ брату освободить Оснельду, во избѣжаніе кровопролитнаго сраженія. Кіѣ подозрѣваетъ брата въ измѣнѣ и рѣшается на сраженіе, назначивъ брата своего Хорева военачальникомъ. Хоревъ клянется возвратиться съ поля битвы съ побѣдой. Это не понравилось Оснельдѣ и она сильно упрекаетъ своего жениха, въ томъ, что онъ идетъ противъ ея отца. Хоревъ, терзаемый борьбой различныхъ чувствъ, побѣждаетъ наконецъ страсть свою и спѣшитъ сразиться съ войскомъ Завлоха. Оснельда еще къ большей досадѣ получаетъ отъ отца формальный отказъ въ согласіи на предложенный ею союзъ съ Хоревомъ. Ей такъ это больно, что она въ отчаяніи покушается на самоубійство и непременно заколось-бы, еслибъ не спасла ее Астрада, ея пензѣнная наперсница, съ которой она безпрестанно толкуетъ о своемъ бракѣ съ Хоревомъ. Но по-

мощь Астреды не надолго спасла Оснельду; Кій, убѣжденный въ измѣнѣ Хорева и Оснельды явными доказательствами Стальверха, осуждаетъ Оснельду на смерть. Оснельда признается въ любви къ Хореву, но Кій ни чему не вѣритъ и участь ея рѣшена. Смертный приговоръ уже слетѣлъ съ устъ Кія. Вдругъ является вѣстникъ Велькаръ съ извѣстіемъ о побѣдѣ Хорева, но уже поздно!... Оснельда отравилась. Прочитавъ эту трагедію, вы обязаны себя спросить: Есть-ли здѣсь то, что мы называемъ дѣйствіемъ? Нѣтъ дѣйствія, понимаемаго въ смыслѣ трагическомъ, какъ развитія силъ человѣка, по законамъ природы стремящихся къ одной цѣли, борющихся для развитія однихъ началъ. Завязка такъ запутана, что трудно найти нить, связывающую всѣ явленія. Лица дѣйствуютъ безхарактерно и безсознательно. Весь интересъ драмы основанъ на случайности положеній дѣйствующихъ лицъ, на внѣшнемъ движеніи. — Не говоря объ исторической истинѣ, которую трудно отыскать въ столь отдаленной эпохѣ, забывая о мѣстѣ и времени дѣйствія, признавая эту трагедію только вымысломъ, мы, по крайней-мѣрѣ, имѣемъ право требовать логическаго, естественнаго развитія событій въ прагматической связи причинъ и послѣдствій. — Каждый характеръ также нельзя считать отвлеченнымъ олицетвореніемъ какого-нибудь чувства или страсти. Искусство есть повтореніе жизни, а дѣйствительная жизнь развивается въ разнообразіи частныхъ. — Во всѣхъ частностяхъ есть общія начала; но если какая-нибудь изъ нихъ овладѣетъ душою человѣка, то сдѣлается пафосомъ его личной жизни, но не поглощаетъ собой, не уничтожаетъ совершенно всего прочаго. Между тѣмъ у Суморокова во всѣхъ трагедіяхъ характеры похожи на отвлеченныя изображенія или представленія любви, неавности, дружбы. Потому Мерзляковъ несправедливъ даже и тамъ, гдѣ старается доказать, что Сумороковъ не переводилъ, а просто подражалъ удачѣ прочихъ. Но иногда для перевода нужно столько же силы таланта, сколько и для оригинальнаго сочиненія. — Стоитъ только взглянуть въ составъ драмъ Суморокова. Онъ такъ простъ и однообразенъ, что всѣ пружины драматическаго дѣйствія во всѣхъ его трагедіяхъ одни и тѣже. Въ каждой трагедіи у него доброе начало борется съ злымъ, или самыя добрыя силы поставлены во взаимное противорѣчіе. Въ «Хоревѣ» мы замѣтили борьбу героевъ съ обстоятельствами, которыми управляетъ безпощадная судьба, уничтожающая Оснельду; въ «Спавѣ» чувство любви находится въ противорѣчій съ долгомъ родства и природой; въ «Вышеславѣ» любовь, честь и благодарность

разрушаютъ гармонію въ жизни трехъ героевъ; въ «Димитрій Самозванцѣ» любовь непорочная, но безсильная поставлена въ рѣзкомъ контрастѣ съ тиранскою страстью злодѣя. Однообразіе завязки дѣлаетъ, что всѣ эти трагедіи представляютъ снимки съ одной и той же формы. Въ каждой изъ нихъ развязка оканчивается или паденіемъ, или торжествомъ героевъ, сопровождаемымъ или состраданіемъ, или досадою зрителей, ужасомъ, или веселіемъ. Никогда развитіе всего драматическаго дѣйствія не поражаетъ полнотою и разнообразіемъ началъ, или дѣйствующихъ силъ. — Ни одинъ изъ трагическихъ характеровъ не достигаетъ въ самыя рѣшительныя минуты жизни истиннаго одушевленія; не переменяетъ ни своего торжественнаго тона, ни риторически-пышнаго языка; отъ перваго до послѣдняго слова онъ одинаково — натянутъ и напыщенъ. Очевидно, что такая драма имѣетъ свое начало не въ жизни, а въ умѣ и воображеніи автора или лучше сказать въ принятой имъ эстетикѣ. — И такъ все, что называли пѣжнымъ и пламеннымъ въ трагедіяхъ Суморокова не было искрой творческаго или искренняго чувства, это была только раздражительность воображенія. Она подѣйствуетъ на слабое и легко вспыхивающее воображеніе, но никогда не расшевелитъ чувство. Впрочемъ съ художественной критикой не все еще оканчивается въ оцѣнкѣ Суморокова; историческая критика должна указать на двѣ великія заслуги этого драматурга, а именно: онъ перенесъ въ русскую драму правильную форму французской классической драмы, и создалъ стиль драматической поэзіи, до него не существовавшей. Въ первомъ случаѣ нельзя не признать истины словъ Мерзлякова, что «Сумороковъ, почувствовавъ искусство французскихъ трагиковъ въ расположеніи завязокъ, развязокъ и характеровъ, старался перенести сіе искусство и на «нашъ театръ». Въ этомъ отношеніи онъ успѣлъ сдѣлать довольно много для своего времени. Онъ посвятилъ всю свою жизнь изученію французовъ, и самъ Вольтеръ съ удовольствіемъ писалъ къ нему, очень наивно удивляясь, что Сумороковъ знаетъ такъ хорошо языкъ его отечества, между-тѣмъ, какъ Вольтеръ ни слова не знаетъ по-русски. — «Vous avez sur moi un prodigieux avantage, je ne sais pas un mot de votre langue et vous possédez parfaitement la mienne». Вкусъ Суморокова былъ достаточно образованъ, чтобы понимать красоты всѣхъ французскихъ трагиковъ. Доказательствомъ служитъ статья его — «Мыслие во свидѣніи о французскихъ трагедіяхъ», гдѣ онъ выбираетъ всѣ лучшія мѣста изъ трагедій Корнелья, Расина и Вольтера. Онъ даже читалъ

Шекспира, занявъ у него сюжетъ трагедіи своей «Гамлетъ», хотя, и передѣлавъ его такъ, что, по собственному признанію, его Гамлетъ «кромя монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія, и «Клавдіева на колына паденія, на Шекспирову трагедію едва походитъ!». И такой недостатокъ въ передѣлкѣ Гамлета прошехидилъ не отъ недостатка таланта, не отъ безвкусія, по какъ мы послѣ увидимъ, отъ особенной цѣли, съ которою авторъ писалъ свои трагедіи. — Словомъ, Сумороковъ имѣлъ столько знанія, вкуса и таланта, что могъ перенести и дѣйствительно перенесъ форму классической драмы на нашъ театръ. — Доказательствомъ можетъ служить разборъ лучшихъ трагедій Суморокова: «Синавъ и Труворъ», «Семира», «Димитрій Самозванецъ». — Трагедія «Синавъ» состоитъ изъ 4-хъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: *Синава* и брата его *Трувора*, *Гостомысла* и его дочери *Ильмены*. Всѣхъ дѣйствій въ ней, по обыкновенію, пять. — Первое дѣйствие открывается разговоромъ Гостомысла съ дочерью, изъ котораго послѣдняя узнаетъ, что князь новгородскій Синавъ любить ее и что она должна выйти за него замужъ, въ тотъ же день. Ильмена не чувствуя къ Синаву никакой склонности, кротко, но съ твердостью защищаетъ свои права на свободный выборъ сердца. Гостомысль, не уважавъ чувствъ дочери, отвѣчаетъ ей:

... Ты сердце обуздавъ, принудясь и любви!

И чтобъ окончательно убѣдить дочь принять руку князя Синава, онъ исчисляетъ подвиги его въ устроеніи порядка въ смятенной, полудикой странѣ; говоритъ, что съ появленіемъ князя Синава съ братьями въ Новгородской странѣ, всѣ безпокойства и бѣдствія утихли. Какъ-же отказать избавителю отечества?..

Ильмена признаетъ справедливость словъ Гостомысла, допускаетъ и власть князя и его высокія достоинства, но остается постоянно въ своемъ чувствѣ и любви къ Трувору и въ длинномъ моноloggъ выражаетъ овладѣвшую ее душой борьбу любви и долга дочери. Монологъ прерывается появленіемъ Трувора и Синава. Послѣдній, находя Ильмену печальною, спрашиваетъ о причинѣ ея горести и находитъ случай объяснить ей свою страстную любовь, оканчивая это объясненіе желаніемъ узнать отъ самой Ильмены свой приговоръ. Ильмена спѣша отклонить отъ себя подозрѣніе отца, отлагаетъ отвѣтъ на три дня. Синавъ уходитъ и Ильмена одна съ Труворомъ, въ которомъ разговоръ Ильмены съ Синавомъ возбудилъ ревность и подозрѣніе; онъ тотчасъ въ этомъ открывается Ильменѣ и вмѣстѣ говоритъ ей о

своей любви, которую Ильмена благосклонно принимаетъ, но приходъ Гостомысла прерываетъ разговоръ влюбленныхъ и смущеніе ихъ открываетъ ему тайну сердца Ильмены. Онъ, съ увѣщаніями, различаетъ ихъ и, предвидя бѣдствія, въ монологѣ выражаетъ свою скорбь. И такъ первое дѣйствіе содержитъ въ себѣ начало завязки. Съ обѣихъ сторонъ возникаетъ борьба любви съ долгомъ и другими противоположными чувствами. Ильмена любить Трувора, но любовь ея стѣснена непреклонной волей отца; Синавъ любитъ Ильмену, коего другъ и братъ любитъ ее также. Слѣдовательно, въ сердцахъ обоихъ героевъ борются чувства любви и дружбы. Гостомыслъ любитъ дочь свою, но власть Синава, благодарность къ избавителю отечества побѣждаютъ въ немъ это чувство. Такимъ образомъ всѣ дѣйствующія лица необходимо участвуютъ въ борьбѣ, изъ которой стройно развивается драматическое дѣйствіе. Главная стихія драмы — фатумъ, она произвольно движетъ ихъ силы къ одной цѣли и приводитъ ихъ ко взаимнымъ столкновеніямъ, отъ которыхъ отступить невозможно. Надъ ними сила необходимости, власть судьбы, которая, противъ воли, влечетъ всѣхъ героевъ къ неизбежной катастрофѣ, въ которой силы каждого должны обнаружиться во всемъ своемъ могуществѣ. Очевидно, дѣйствіе такого рода чисто трагическое; потому и форма трагедіи совершенно правильна, въ классическомъ характерѣ. Даже всѣ положенія лицъ, всѣ подробности явленій, завязки и развязки, со всѣми условіями единства мѣста, времени и дѣйствія, даже со всѣми употребительными въ то время эффектами и пружинами, одушевлявшими и двигавшими дѣйствіе, соблюдены съ полной строгостью. Сцѣпленіе, изъ котораго состоялъ первый актъ трагедіи, производитъ начало борьбы. Ею открывается начало второго дѣйствія. Синавъ и Труворъ одни, и въ откровенномъ разговорѣ, первый проситъ своего друга сказать ему, не знаетъ ли онъ счастливаго соперника въ любви его къ Ильменѣ. Труворъ, не отвѣчая прямо на вопросъ, старается своими совѣтами возбудить въ Синавѣ чувство правды и долга; Синавъ неубѣжденъ, но встревоженъ подозрѣніемъ. Напрасно Труворъ представляетъ ему, что на свѣтѣ и въ отечествѣ ихъ много прекрасныхъ женщинъ:

Ильмена-ли одна красою здѣсь блистаетъ?

Красавицами вся страна сія сіяетъ.

Природа лучшихъ дѣвъ въ сей градъ произвела...

Любовь сіи брега столицей избрала,

И землю осудивъ сію на жертву хладу,
 Рождаетъ красоту на мѣсто винограду.
 Всмотрись и, отвративъ свой взоръ отъ сей суровой,
 Другую избери и тай въ любви новой...

Но слова и совѣты напрасны тамъ, гдѣ страсть вступаетъ въ свои права. Даже Гостомысль, котораго прибытіе обрадовало Спнава, не утѣшилъ несчастнаго обѣщаніемъ употребить власть отца, чтобъ вынудить у Ильмены согласіе на его предложеніе. Гостомысль доказываетъ ему, что вся надежда—на кроткій нравъ Ильмены, которая не пойдетъ противъ долга и уваженія къ волѣ отца.

Напоследокъ, къ большому несчастію, Спнавъ узнаетъ отъ Трувора, что его соперникъ близко, что это самъ Труворъ! Эта сцена рѣшительно неестественная, но она въ духѣ того времени. Теперь она возбудила-бы невольный смѣхъ поддѣльнымъ жаромъ обманчиваго чувства, но тогда, вѣроятно, приводила въ восторгъ новостью положенія дѣйствующихъ лицъ и быстротой движенія въ самомъ дѣйствиіи. При первомъ взглядѣ ясно, что она почерпнута изъ эстетики Аристотеля, которой повиновалось творчество писателя и назначена возбудить «страхъ», или «со-страданіе.»

Труворъ.

Коль можешь острый мечъ на друга ты вознестъ,
 Вонзай оружіе, сражай его безслова,
 Вотъ грудь передъ тобой виновна.

Спнавъ.

Мечту ли зрю?.. Ахъ! ты отъемлешь жизнь мою?

Труворъ.

Я тайны своя ужъ больше не таю.

Эта сцена совершенно противная искусству, написана грубымъ языкомъ, но за то дѣйствіе въ ней идетъ быстро и послѣдовательно; Спнавъ терзается борьбой различныхъ, но одинаково сильныхъ чувствъ. Ему жаль погубить Трувора и трудно отказаться отъ Ильмены. Ильмена сама приходитъ просить его не разрушать ея счастья, спасти жизнь и любовь ея. Спнавъ тронуть ея страстными убѣжденіями и слезами, но не побѣжденъ. Третье дѣйствіе обнаруживаетъ, что страсть восторжествовала надъ Спнавомъ и онъ твердо рѣшился навсегда разлучить Трувора съ Ильменой, осудивъ перваго на заточеніе, другую сплюю припу-

двѣ сдѣлаться своей женою. Эту вѣсть приноситъ Ильменѣ самъ Труворъ и, взволнованный своимъ несчастіемъ и любовью, рѣшается на послѣднее средство — склонить Ильмену къ бѣгству. Тогда были такъ общепотребительны убѣжденія, которыми Труворъ привлекаетъ Ильмену къ нарушенію своего долга:

Коль не гнушаешься быть странника женой,
 Коль любишь ты меня, разстанься съ сей страной
 И изъ величя, куда восходишь нынѣ,
 Отважься ты со мной жить въ бѣдности, въ пустынѣ...
 Довольствуйся моимъ пустыннымъ житіемъ,
 Будь мнѣ участница въ несчастіи моемъ...

Это голосъ всего вѣка, въ который написана трагедія; это его мечты, его понятія. Они равно отзывались и въ драмѣ, и въ пѣснѣ —

И хижинка убога
 Была-бъ съ тобою рай!

Всѣ бредили тогда Аркадіей и охотно рядились въ распудренныхъ пастушковъ и пастушекъ. Очевидно, Сумороковъ повторяетъ здѣсь, что сказали безсчетное число разъ герои французскихъ ложно-классическихъ драмъ. Равно въ духъ того времени послѣдняя сцена, которою оканчивается третье дѣйствіе. Синавъ приходитъ во время объясненія Трувора съ Ильменой, увидя своего друга на колѣнахъ передъ нею, всныхиваетъ гнѣвомъ и — дуэль готова. Друзья-враги мечами готовы изрубить одинъ другаго, но Ильмена, какъ саблиянка, бросается въ средину битвы и разнимаетъ храбрецовъ. Но это было только предвѣстіемъ бури, уже готовой разразиться падъ головами героевъ. Дѣйствіе четвертое открывается прошаніемъ Трувора съ Ильменой. Клятвы, слезы, жалобы ихъ прерываетъ вѣстникъ, который объявляетъ, что Ильмену ждетъ у алтаря Синавъ. Труворъ въ отчаяніи готовъ бѣжать въ слѣдъ Ильменѣ и поразить своего брата и друга, но голосъ природы и чести побѣждаетъ порывы мести и онъ удаляется. Бракъ Синава съ Ильменой совершенъ. Синавъ принимаетъ поздравленія, а Ильмена въ это время узнаетъ отъ вѣстника (безъ вѣстниковъ нѣтъ движенія въ классической драмѣ), что Труворъ умеръ съ имениемъ своей милой Ильмены на устахъ. Эта романтически-оперная выходка утверждаетъ Ильмену въ рѣшимости на самоубійство, о которомъ она задумала и даже сказала зрителямъ раньше. Она произноситъ предъ Гостомысломъ

длинный монологъ и рѣшительно отказывается отъ жизни слѣдующими странвыми словами :

Отверста вѣчность мнѣ : иду !... куда ?... не знаю.

На что мнѣ знать ? Богомъ я душу поручаю ...

Но чѣмъ увѣрюся, что буду зрѣть его...

Иль въ смерти смежные другъ друга позабудутъ,

Иль страсти волновать, какъ здѣсь, и тамо будутъ !...

О тайна скрытая отъ разума богами !...

Это разсужденіе, заключающее въ себѣ мысль, но мало соответствующее лицу, времени и мѣсту, напоминаетъ нѣсколько монологъ «Гамлета» — *Быть или не быть!* — и «Альзиру» Вольтера, съ которой лагеротипно снятъ характеръ Ильмены. Особенно это разсужденіе въ духѣ того времени, когда безъ сужденій болѣе или менѣе глубокихъ о будущей жизни, о вѣчности, о безсмертіи, о таинственной судьбѣ человѣка, никто не могъ ни жить, ни умереть. Однакожъ еще и въ то время замѣтили, что эта дидактическая рѣчь нисколько нейдетъ къ молодой дѣвушкѣ и притомъ къ язычницѣ. И такъ Ильмена тоскуетъ и прощается заранее съ жизнью. Гостомысль утѣшаетъ ее, но она неутѣшна. Онъ проситъ ее пощадить свою жизнь и молодость и сказавъ это, уходитъ. Тогда Ильмена, произнеся послѣдній, едва ли не лучший, хотя также неумѣстный и неестественный монологъ, умираетъ. Въ словахъ Ильмены много одушевленія :

Возлюбленна душа драгова моего!

Коль свѣтъ присутствія лишился твоего,

Онъ пусть въ моихъ очахъ и взору непріятенъ!

О, Труворъ! если гласъ живущихъ мертвымъ внятенъ

И можетъ грудь моя пронзить твой крѣпкій сонъ, —

Внемли, хотя въ мечтѣ, сей жалобный мой стонъ,

И утѣсняемой немилосердымъ рокомъ,

Оставь мою вину, что въ случаѣ жестокомъ

Была принуждена тебѣ я измѣнить...

Прежалостная тѣнь! о тѣнь окровавленна!...

Познай тоску, въ которой стражду я —

И жертву, что даетъ, тебѣ любовь моя!

Послѣднее слово Ильмены — имя Трувора! послѣдняя мысль ея — мысль о немъ! и Ильмены уже нѣтъ на свѣтѣ. Вѣсть о смерти Ильмены Синавъ получаетъ отъ Гостомысла и раскаяніе всею силой поражаетъ его. Онъ прокликаетъ свою страсть; онъ призываетъ небо и землю на отмщеніе своего безчеловѣчія.

Эта трагедія весьма правилась Суморокову и онъ, какъ догадывается Мерзляковъ, самъ сдѣлалъ ей критическій разборъ, скрывъ свое имя подъ фирмой одного французскаго рецензента. Кажется, это именно и побудило Мерзлякова сдѣлать этой трагедіи подробный разборъ. Онъ строго разсматриваетъ всѣ явленія и находитъ, что многія изъ нихъ, особенно въ трехъ послѣднихъ актахъ, совершенно лишнія и только ослабляютъ быстроту хода дѣйствія. Мало того, Мерзляковъ вникаетъ въ подробности положеній дѣйствующихъ лицъ и многія находитъ истинно трагическими, неподражаемыми въ своемъ родѣ. «Крптикуа, надобно говорить о хорошемъ и дурномъ съ равнымъ безпристрастіемъ», «и потому», говоритъ Мерзляковъ, «надобно замѣтить прекраснѣйшее положеніе, какихъ мало на нашей сценѣ.» Однимъ изъ такихъ положеній онъ называетъ именно ту сцену, въ которой Синавъ выбираетъ Трувора «въ повѣршныя».... Но эта сцена искусно развита у Суморокова. Мерзляковъ обвиняетъ Суморокова, что онъ даетъ своимъ героямъ много длинныхъ монологовъ и не вывелъ ни одного наперсника и ни одной наперсницы въ своей трагедіи, ибо «натуральнѣе рассказать тайны своего сердца своей наперсницѣ, особливо, если она имѣетъ участіе въ главномъ происшествіи трагедіи, нежели кстати и некстати говорить одному лицу, говорить съ самимъ собой.» Эти слова обвиняютъ болѣе критика, нежели автора. Монологъ есть лирическая часть драмы, потому и нападать на него нельзя. Другое дѣло, если онъ некстати приведенъ. Но наперсникъ и наперсница, выведенные кстати и некстати, всегда будутъ въ трагедіи лицами совершенно посторонними. Положеніе этихъ лицъ, на сценѣ всегда бездѣйственныхъ, болѣе слушающихъ и только изрѣдка разсуждающихъ, безобразитъ трагедію, которая, какъ жизнь, не должна представлять ни одного лишняго характера и лица внѣ дѣятельности общей. Сверхъ того, читатель, въ критикѣ Мерзлякова, найдетъ строгое осужденіе трагедіи «Синавъ и Труворъ» въ непослѣдовательности явленій, въ недостаткѣ стройности, въ отсутствіи паюса въ характерахъ лицъ и быстроты движенія въ ходѣ дѣйствія. Но не странно-ли требовать отъ трагедіи нашего перваго драматурга, котораго произведенія только что смѣняли на сценѣ мистеріи, строгаго соблюденія всѣхъ тонкостей классической драмы, особенно, если мы знаемъ, что со всѣми ея правилами не могъ даже сладить гелій великаго трагика Корпеля. Мерзляковъ даже проводитъ параллель между трагедіей «Синавъ и Труворъ» и «Альзирой» Вольтера, которой Сумороковъ

подражалъ въ своей трагедіи. Сравнивая характеръ Гостомысла съ характеромъ Альвареца въ «Альзиръ», Мерзляковъ находитъ, что послѣдній разнообразнѣе и вѣрнѣе перваго. «Характеръ Гостомысла не даетъ ни малой нищѣ дѣйствию. Онъ богатъ одними совѣтами и притомъ двузначательными. Онъ льстилъ Синаву самымъ неприличнымъ образомъ и только увѣряетъ его въ томъ, что Ильмена послѣ сватъбы забудетъ Трувора и покорится своему долгу. Между тѣмъ Альварецъ, въ Вольтеровой Альзирѣ, дѣйствуетъ; онъ упрекаетъ своего сына Гусмана; онъ защищаетъ отъ его жестокости Замора и Альзиру.... Гостомыслъ напротивъ только вздыхаетъ съ любовниками, обнадеживаетъ страннымъ образомъ Синава, Ильмену и Трувора.... и болѣе ничего.» Что касается до характеры Ильмены, то онъ, по словамъ Мерзлякова, «смѣсь героическаго съ романтическимъ и также бездѣйственный. Въ первомъ актѣ еще не зная и не видя своего Трувора, она рѣшилась умереть. Она даже не убѣждала своего родителя, ибо отсрочка требованія не означаетъ еще отвращенія.» Однако-жъ, какъ мы видѣли это прежде, Ильмена высказала равнодушіе къ Синаву и избрала отсрочку, какъ послѣднее средство удалить отъ себя на время «бракъ по неволѣ.» Потому упрекъ Ильменѣ, что она съ перваго раза отказывается отъ борьбы съ обстоятельствами несправедливъ. Она не могла тотчасъ и открыто рѣшиться на подобную борьбу. Борьба эта болѣе происходила въ душѣ, а во внѣшнемъ дѣйствіи она не могла выразиться вполнѣ; ибо тамъ была непреодолимая сила, законъ, власть родительская. «Она не убѣждала, говоритъ Мерзляковъ, Синава».... Но и это неправда. Ильмена говорила ему о долгѣ, о чести, о славѣ, о внутреннемъ высокомъ наслажденіи победы надъ страстью. Ильмена «въ первомъ словѣ объявила Синаву, что готова за него выйти за мужъ и умереть.» Конечно эти слова высказаны не своевременно, но они очень понятны, какъ средство тронуть душу Синава. Что можетъ поразить сильнѣе убѣжденія, что страсть его несчастіе, гибель для избранной имъ жевщины, и что въ любви всего дороже свободный выборъ чувства. И такъ, во всемъ этомъ нѣтъ никакой «непостижимости». Другое дѣло правильно-ли развита эта мысль. Въ какихъ словахъ, въ какихъ дѣйствіяхъ она обнаружилась? Здѣсь Мерзляковъ совершенно справедливъ, называя Ильмену философкой, плохимъ и холоднымъ снимкомъ съ характера Вольтеровой *Альзиры*. Но не странно-ли сравнивать Суморокова съ Вольтеромъ, который наследовалъ сла-

ву Корнеля и Расина, между тѣмъ какъ Сумороковъ имѣлъ предшественниками своими на драматическомъ поприщѣ одиѣ мистериі? И такъ въ этой критикѣ только и есть хорошаго одно замѣчаніе о характерахъ Синава и Трувора, на которыхъ Мерзляковъ смотрѣлъ глазами XIX столѣтія. «Главнѣйшая причина единообразія и недостатка въ дѣйствіи заключается въ томъ, что Сумороковъ не далъ ни малѣйшаго отбѣска въ дѣйствіи характерамъ Синава и Трувора — двухъ братьевъ. Пускай оба они равно будутъ добры, но можно-бы одному дать напимѣръ болѣе честолюбія, гордости, подозрительной недовѣрчивости и проч. которыя не портя главной доброй основы, присвоивали-бы особенное каждому доброе направленіе, склонности, особый образъ дѣйствованія.... чрезъ это самое открылись-бы новые источники для сценъ, изобильные, могущіе доставить имъ разнообразныя движенія?» Но такіе общіе и однообразные характеры встрѣчаются не только у Суморокова, но и у многихъ изъ лучшихъ французскихъ трагиковъ того времени. Страсти, какія выводилъ Сумороковъ въ своихъ трагедіяхъ, конечно были общія всеѣмъ людямъ, но для полубразованнаго общества имѣли высокое достоинство. Эти герои, неистовымъ голосомъ высказывавшіе любопытнымъ зрителямъ неслыханныя для нихъ правила и убѣжденія, должвы были производить впечатлѣніе. Сумороковъ далъ своимъ трагедіямъ высокое назначеніе: *исправлять нравы*. Сообразно съ этой цѣлью онъ передѣлывалъ все историческія лица и событія по образцамъ французскихъ трагедій, которыя были отраженіемъ характеровъ и правилъ своего вѣка. Такъ, изъ трагедіи Шекспира «Гамлетъ» сдѣлалъ такую трагедію, что «она едва походила на истиннаго Гамлета» по собственному признанію автора. Гамлетъ былъ представленъ 1750 года, раньше «Синава и Трувора.» Дѣйствіе открывается монологомъ Гамлета, пробужденнаго страннымъ сновидѣніемъ. Онъ видѣлъ тѣнь отца, которая требовала отъ него мести его убійцамъ. Потомъ является Арманъ, паперсникъ Гамлета, раньше объяснившій ему тайное злодѣйство *Клавдія* и *Полонія* съ согласія *Гертруды*, матери Гамлета. Арманъ убѣждаетъ Гамлета пощадить *Полонія* отца *Офеліи*, въ которую влюбленъ Гамлетъ. Но послѣдній колеблется обѣщать ему это и призываетъ тѣнь отца, чтобы забыть о своей любви. Потомъ является мать Гамлета и упрекая сына въ холодности къ себѣ, говоритъ :

Еслибъ твой отецъ въ сей жизни пребывал,
Чтобъ видя насъ теперь, онъ Гамлету сказалъ ?

Благородная душа принца возмущается отъ притворства матери. Въ сильныхъ выраженіяхъ онъ открываетъ ей, что давно знаетъ тайну смерти своего отца и рѣшился отмстить его злодѣямъ. Гертруда приходитъ сперва въ отчаяніе, потомъ раскаивается и общается удалиться въ пустыню. Какъ холодны и какъ ничтожны эти лица предъ тѣми великими характерами, какіе находимъ въ этой трагедіи у Шекспира! Но Шекспиръ и Сумороковъ не могутъ идти въ сравненіе единственно потому, что русскій Шекспиръ, Сумороковъ имѣетъ въ своей трагедіи нравственную цѣль—исправленіе нравовъ, а Шекспиръ англичанинъ имѣетъ другую цѣль—представить дѣйствительность въ чистомъ ея характерѣ. У Суморокова Полоній и Клавдій сверхъ-того мыслятъ, какъ мыслить вѣкъ, Суморокова то-есть совершенно по эпикурейски.

Наполнимъ счастьемъ здѣсь житіе толь кратко,
Чтобъ при концѣ сказать, я жилъ на свѣтѣ сладко.

И Клавдій, вмѣсто Гертруды, рѣшается жениться на Офеліи. И когда онъ говоритъ Полонію, не будутъ-ли препятствіемъ къ этому его лѣта, Полоній, какъ истинный придворный XVIII вѣка, отвѣчаетъ ему утопченною лестію:

Сѣдины подъ вѣнцомъ не могутъ быть примѣтны!

Но Офелія не однихъ мыслей съ отцомъ объ этомъ предметѣ. Она любитъ Гамлета и сверхъ того она добродѣтельна. Но Полоній, не побѣдивъ ласками рѣшимости дочери, напоминаетъ ей о власти отца:

Ты дочь, а я отецъ; такъ я повелеваю!

И съ этими словами оставляетъ Офелію. Она одна.... Слова отца только усилили любовь ея къ Гамлету и она рѣшительно не выйдетъ ни за кого за мужъ, кромѣ Гамлета. Является и Гамлетъ, но съ печальнымъ извѣстіемъ, что онъ метитъ за смерть отца. Офелія, зная тайну смерти Гамлетова отца, умоляетъ его о пощады Полонія. Гамлетъ не общается пощады и они расстаются въ нерѣшимости. Между тѣмъ Полоній и Клавдій, не будучи въ состояніи преклонить сердца Офеліи, рѣшаются казнить ее за непослушаніе, но Гамлетъ является съ войскомъ именно въ то время, какъ Полоній уже поднималъ руку, чтобъ убить Офелію. Эта сцена самая лучшая во всей трагедіи и исполнена драматизма.

Офелія умоляетъ Гамлета о пощадѣ своего отца и Гамлетъ соглашается. Но вѣстникъ извѣщаетъ ихъ, что Полоній умеръ въ тюрьмѣ. Этимъ и кончается вся трагедія. Мерзляковъ замѣчаетъ о ней въ своей критикѣ: «Гдѣ правы? гдѣ назидательность? Что можетъ тронуть и возвысить душу? По-крайней мѣрѣ Сумороковъ въ виньетѣ надъ своими трагедіями и комедіями представилъ Мельпомену съ торжественнымъ видомъ держащую щитъ, въ которомъ яркими буквами изображено: исправленные нравы!» Если-бы вся цѣль трагедіи состояла въ одномъ правоученіи, въ исправленіи нравовъ, то и слѣдовало-бы ее присоединить къ сочиненіямъ дидактическимъ, которымъ, въ наше время, уже немногіе рѣшаются присвоить имя сочиненій поэтическихъ. Ибо въ нихъ все творчество ограничивается только созданіемъ изящной формы, которая въ этомъ родѣ не составляетъ главнаго. Между тѣмъ, цѣль трагедіи ближайшая и непосредственная не заключается въ дидактикѣ, въ изящномъ представленіи какой-нибудь высоконравственной идеи. Искусство имѣетъ цѣль въ самомъ себѣ; а драматическое искусство, въ которомъ трагедія есть едвали не высшій родъ, имѣетъ главною своею задачею представить важную и глубокую сторону жизни. — Жизнь дѣйствительная въ характеристическихъ чертахъ своихъ явленій, событій, дѣйствій, положеній различныхъ лицъ, понятая и представленная или какъ идеалъ высокаго совершенства, или какъ идеалъ нравственнаго безобразія, или даже какъ смѣшеніе того и другаго — составляетъ основу драмы. Есть много сочиненій, написанныхъ съ прекрасною цѣлью, но они не удовлетворяютъ требованіямъ изящнаго, чужды искусству и потому-то именно и не достигаютъ цѣли. Къ такимъ произведеніямъ принадлежитъ и трагедія «Гамлетъ» съ многими другими сочиненіями Суморокова. Назидательность, которую никакъ не можетъ отыскать Мерзляковъ, въ ней есть, особенно для общества времени Суморокова. Въ характерѣ Гамлета много благороднаго; въ характерѣ Офеліи есть любовь къ отцу, благородная, безкорыстная страсть къ Гамлету, и также выразилась довольно ярко покорность своему долгу. Кромѣ того, мы здѣсь встрѣчаемъ общую черту всѣхъ трагедій Суморокова — одинъ изъ главныхъ недостатковъ нашей стародавней жизни, господствовавшихъ въ его время, это браки поневолѣ, которые были нерѣдки. Сумороковъ старался повсюду представить недостатокъ этотъ въ мрачномъ видѣ и нѣтъ сомнѣнія, что этимъ смягчалъ его силу. Вообще, для тогдашняго общества, эти трагедіи могли быть назидательны, но это ни сколько не прибавляетъ имъ эсте-

тическаго достоинства. Онъ, для нашего времени, все-таки остаются безцвѣтными, безжизненными, чуждыми исторической и идеальной истины и выигрываютъ только въ некоторыхъ подробностяхъ, отражающими въггъ, его направленіе, его интересы. Въ трагедіи «Гамлетъ» ни одно лицо не можетъ быть названо типомъ той эпохи, того народа, изъ жизни котораго Шекспиръ создалъ свою безсмертную трагедію. Въ дѣйствіяхъ и разговорахъ не видно ничего, чтобы хоть сколько выбудъ напоминало нравы, привычки и вообще характеръ жизни высшаго общества. Гамлетъ рѣшительно не похожъ на принца. Онъ говоритъ и дѣйствуетъ, какъ плохой резонеръ философъ XVIII вѣка, а иногда какъ лицедей, «ломающій комедь.» Офелія лицо самое ложное. Разговоръ ея грубъ; движенія неуклюжи. Она болѣе похожа на деревенскую дѣвку, нежели на дочь царедворца. А оправданіемъ въ неязиществѣ можетъ имъ служить уже и то, что Сумороковъ не имѣлъ себѣ предшественниковъ на драматическомъ поприщѣ и не могъ усвоить себѣ ни чьихъ трудовъ. Онъ началъ нашу драму и началъ, для своего времени, совѣмъ недурно. Жаль только, что въ передѣлкѣ Шекспирова «Гамлета» онъ не руководствовался внушеніями своего образованнаго и вѣрнаго вкуса, не воспользовался даже своимъ правильнымъ и, для его времени, чрезвычайно оригинальнымъ возрѣніемъ на драмы Шекспира. Онъ не хотѣлъ отступить отъ законовъ Эстетики Боало. — Впрочемъ, чтобы создать что-нибудь равное или даже подобное драмамъ Шекспира, надобно было явиться другому Шекспиру. Но неизвѣстно, что едѣла-бы и онъ, идя путемъ совершенно противнымъ искусству, — получивъ въ наслѣдство языкъ грубый, не имѣя подъ рукой ни одного народнаго образца, ни въ какомъ родѣ поэзіи. Какъ-бы то ни было, только несомнѣнно одно, что «Гамлетъ» неудачная передѣлка Шекспирова Гамлета на современные Суморокову нравы и по принятымъ въ искусствѣ того времени образцамъ ложно-классической трагедіи. — Вѣроятно оттого и мнѣніе общества, иногда очень близкое къ истинѣ, было не въ пользу этой трагедіи. «Гамлетъ» Суморокова никогда не пользовался особенною извѣстностью. Болѣе прочихъ трагедій Суморокова нравилась тогдашнимъ дилеттантамъ трагедіи «Семира», и долше всѣхъ другихъ держался на русской сценѣ — «Дмитрій Самозванецъ.» Первую мы разберемъ прежде, а послѣдняя заключитъ нашъ критическій обзоръ трагедій Суморокова.

Трагедія «Семира» была представлена на Петербургскомъ театрѣ въ первый разъ 1751 года, и, какъ говоритъ Мерзляковъ, «принята очень хорошо и отъ любителей театра почитается донынѣ лучшею изъ твореній покойнаго Суморокова». Это было сказано въ 1817 году, а это цѣлый вѣкъ для многихъ трагедій. Въ наше время някто и не вспомнить о «Семирѣ» и «любителяхъ театра» едва-ли всѣ ее знаютъ. — Время на время не приходитъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ лучшее созданіе перваго русскаго драматурга почило на всегда сномъ забвенія. Исторія перѣдко будетъ выводить его на свѣтъ изъ пыли и тьмы древнихъ памятниковъ словесности хоть для того, чтобы знать, что составляло предметы эстетическихъ наслажденій нашихъ предковъ. Въ Сумороковское время всѣ были въ восторгѣ отъ «Семиры» и авторъ издавнаго въ 1787 году «Драматическаго словаря» говоритъ, что «Семира всегдашнюю похвалу и вниманіе имѣла отъ публики. Въ ней красота стиховъ и вроискіе характеры достойны уваженія и безсмертія автора. Переведена сія трагедія на разные Европейскіе языки; печатана многократно.» Большинство тогдашнихъ любителей драмы охарактеризовало героиню этой трагедіи словомъ «пѣвчая». Это названіе было вѣрнымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія, которое на этотъ разъ не ошиблось, потому что *Семира* действительно самый изящный, глубокий и разнообразный изъ всѣхъ женскихъ характеровъ, созданныхъ фантазіей Суморокова; отличительная черта этой личности именно женственность и пѣвчность. — Главное же, почему этотъ характеръ заслуживаетъ особеннаго изученія, заключается въ томъ, что Семира единственный типъ женщины образованнаго общества тѣхъ временъ. Вотъ почему наши предки говорили о ней съ восторгомъ и автора любимой своей трагедіи называли «*Семиры нлжсныя пѣвцомъ*». Но не страшно ли встрѣтить вѣрный типъ въ трагедіи, которой нынѣшняя строгая критика отказала въ истинѣ въ естественности, во всякой связи съ жизнью вѣка; которую забыло общество и искусство и едва-едва совѣмъ не забыла исторія? Конечно, есть писатели, въ твореніяхъ которыхъ мы рѣшительно не находимъ ни одной характеристической черты какого-нибудь времени, мѣста, событія, — какихъ бы то ни было правовъ и обычаевъ. Но Сумороковъ не можетъ принадлежать къ ихъ числу. Мы уже доказали, что его уму свойственна была глубокая наблюдательность; въ его чувствѣ всегда существовала живая связь съ действительностью, съ современнымъ ему человекомъ. — Потому нельзя допустить, чтобъ этотъ наблюдательный, живой умъ, это мягкое чувство не

сохранили въ себѣ никакого отпечатка изъ кипящей разнообразными событіями современной жизни, но всегда искало матеріаловъ для своего творчества въ произведеніяхъ чужой литературы, или въ своевольныхъ, летучихъ вымыслахъ и видѣніяхъ фантазіи. Дѣйствительность всегда имѣетъ необыкновенную власть надъ воспріимчивой натурой писателя. Отбросивъ изъ созданнаго Сумороковымъ типа многія грубыя ошибки, устранивъ все случайное, принадлежащее ложному вкусу вѣка, можно возсоздать изъ характера Семпы истинный идеалъ прекрасной женщины съ рѣзкими, выразительными чертами общества первой половины XVIII вѣка. Это душа необыкновенно богатая противорѣчіями и оригинальностью: непреклонногордая и вѣжная, любящая и непостоянная, страстная и вѣтренная, мечтательная и капризная, но готовая на многія жертвы въ пользу своего задушевнаго чувства. — Это сердце — открытое для всѣхъ тревогъ бытія и способное ко всѣмъ высшимъ, благороднымъ стремленіямъ человѣческой природы. Она съ одинакою страстью увлекается идеей долга и чувствомъ любви. Для нея вся жизнь заключается въ чувствѣ, а въ страсти весь источникъ ея счастья, радости и наслажденія. Она близка къ этому счастью, по своенравная природа избалованной женщины отвлекаетъ ее отъ тихихъ радостей взаимной любви. Подвижное воображеніе переноситъ ее къ инымъ образамъ. Оно рисуетъ ей величественную тѣнь классической героини, спокойной, гордой, неизмѣнно преданной своему долгу. Ея чувство вѣжное, легко-раздражительное, скоро-воспламеняющееся неспособно устоять въ спокойной силѣ и твердости, хотя и достигаетъ, на мгновеніе, высокаго одушевленія, и оттого оно бросаетъ ее въ самыя странныя противорѣчія.

Княжна Семпра, дочь князя Кія, сестра Оскольда, вмѣстѣ съ братомъ своимъ и наслѣднымъ княжествомъ послѣдняго, находится во власти великаго завоевателя Олега, у котораго есть сынъ Ростиславъ, мужественный великодушный герой. Его славные подвиги и прекрасныя качества плѣнили сердце княжны. Ростиславъ также не могъ остаться равнодушнымъ къ красотѣ милой плѣнницы. Это взаимное сочувствіе, могло-бы скоро увѣичаться вожделеннымъ союзомъ, но Семпра, страстная и вѣжная, сверхъ того капризна, какъ ребенокъ, или какъ маркиза XVIII вѣка. Олегъ, великодушный побѣдитель, желаетъ царствовать надъ сердцами своихъ подданныхъ не силой страха, но гораздо болѣе могущественной силой кроткаго правосудія и благодѣанія. Потому онъ лю-

бить плѣнниковъ своихъ — Оскольда и сестру его Семиру, какъ родныхъ дѣтей. Въмѣсто ожидаемой благодарности за парственыя милости, любовь и покровительство, — капризная княжна во веѣхъ благодѣвняхъ Олега видитъ одно униженіе и поднимаетъ бурю въ душѣ честолюбиваго, гордаго и столько-же благороднаго брата своего Оскольда. Она сама ожесточается до того, что счастіемъ всей своей жизни, своєю глубокою, пѣжною и чистою страстью готова пожертвовать своему властолюбію. Въмѣстѣ съ братомъ она составляетъ замысль. Въ Кіевскихъ лѣсахъ скрывается войско ихъ соучастниковъ, но Оскольда еще нѣтъ съ нимъ. Онъ остался въ Кіевѣ и не можетъ удалиться оттуда, потому что измѣна открыта Возведомъ, главой непокорнаго войска. Самъ Оскольдъ, движимый чувствомъ чести и гордости, не отпирается передъ Олегомъ отъ своихъ замысловъ. Олегъ хочетъ быть великодушнымъ и только требуетъ покорности, въ противномъ случаѣ угрожаетъ казнью. Но Оскольдъ — герой, онъ предпочитаетъ смерть позорной жизни. Его желаніе готовъ исполнить Олегъ. Осудивъ Оскольда на смерть, Олегъ уже хотѣлъ опять уничтожить повелѣніе о наказаніи непокорнаго. Оба эти характера, по классической методѣ, вѣрно выдержаны, но за то весьма односторонны и однообразны. Между ними происходитъ какъ-будто игра во взаимныя жертвованія. Тотъ и другой, какъ-будто хотятъ уничтожить противника благородствомъ и возвышенностью своихъ поступковъ. Напротивъ, нельзя этого-же сказать о Ростиславѣ и Семирѣ. Когда непокорный Оскольдъ заключенъ въ темницу, когда по городу разнеслась уже молва, что онъ скоро долженъ умереть позорной смертью, сердце бѣдной Семиры не можетъ вынести горести. Ей-ли потерять брата и отпустить его на ужасную, постыдную смерть безъ помощи, безъ борьбы съ не милосердною судьбою?... Въ словахъ ея къ брату:

«Ты къ смерти осужденъ! возможно-ль это снести?...»

— много невыразимой печали. Но Оскольдъ говоритъ, что онъ еще можетъ спасти свою жизнь, хотя и постыдною цѣною. Эта постыдная цѣна жизни состояла, по словамъ Оскольда, въ томъ, что Олегъ —

Желаетъ, чтобъ онъ прощенія просилъ

И палъ къ его ногамъ...

Но возможно-ли на это согласиться классическому герою? Воз-

можно-ли, чтобъ до этого допустила его героиня-сестра? Нѣтъ!... Семира вдругъ перемѣняетъ горестный вопль въ торжественный голосъ гордости и чести. Лучше смерть, ежели въ ней заключается послѣднее спасеніе чести!... Какая изумительная, чисто классическая твердость!... Только жаль, что эта твердость на минуту!... И она, эта героиня, съ такой достойной твердостью съ такимъ великодушіемъ отвергнувшая постыдное униженіе, которое было единственнымъ средствомъ къ спасенію брата, выбираетъ средство къ достиженію той же цѣли несравненно постыднѣйшее перваго. Она, своей любовью, склоняетъ Ростислава къ низкому преступленію, къ измѣнѣ чести, долгу, вѣрности, къ измѣнѣ противъ отца и отечества. Она убѣждаетъ его помочь бѣгству ея брата. Она говоритъ :

Въ сей крайности къ твоей любви я прибѣгаю...

Какъ я тебя люблю, ты вѣдаешь то самъ...

За всю мою любовь, коль любишь безъ обману.

Исполни то, о чемъ просить я стану!

РОСТИСЛАВЪ.

Благодарю Боговъ! мнѣ жалость не чужа,

Но что мы сдѣлаемъ съ тобой о немъ тужа?...

СЕМИРА.

Яви мнѣ ту любовь, котору ощущаешь,

И выпусти отсель Оскольда ты за градъ.

РОСТИСЛАВЪ.

Ты хочешь мнѣ сей въ сердце влити ядъ!

Чѣмъ виненъ я тебѣ? Гдѣ сыщешь оправданье,

Что ты мнѣ сдѣлаешь такое наказанье?

Мою ты славу всю стараешься затмить;

На толь... я сталъ тебя любить!...

Отечеству мной ввѣкъ не будетъ озлобленья.

Но Семира не взирая на этотъ исполненный кроткой, нѣжной любви голосъ, на этотъ грустный и справедливый упрекъ, высказанный Ростиславомъ за ея эгоизмъ, не отступаетъ отъ своего намѣренія. Упрямство Ростислава только раздражаетъ ея сердце и она расточаетъ упреки, жалобы, лести и ласки, слезы и стоны, все, чѣмъ гибкая душа женщины можетъ обезоружить суровое

могущество мужчины. Напрасно Ростиславъ ее убѣждаетъ своими просьбами, даже говорить ей, что если и пожертвуетъ для нея долгомъ, славой, честью и привязанностью сыновнею, то все таки ему не жить на свѣтѣ. Онъ умоляетъ ее лучше отнять у него жизнь, но оставить ему честь. И все напрасно! Семира готова поднять руки на себя... и Ростиславъ уничтоженъ. Но недолго продолжается торжество своенравной дѣвушки. Братъ ея свободенъ и тотчасъ отправляется къ войску, давъ обѣщаніе сестрѣ, что она его увидитъ «или мертвого, или въ коронѣ.» Но съ этой минуты и начинается истинная борьба въ душѣ Семиры. Родственная любовь къ брату и страсть къ Ростиславу съ одинаковою силой овладѣваютъ ея душой. Она предчувствуетъ, что должна потерять или брата, или своего милаго. Напрасно утѣшаетъ ее наперсница Избрана, говоря, что не всякій умираетъ на войнѣ, что Оскольдъ и Ростиславъ вѣрно пощадятъ другъ друга. Но Семира знаетъ, что

Когда въ ужасный часъ кровава брань горитъ,
 О страсти, о родствѣ она не говоритъ.
 Но ежели они другъ другомъ и спасутся,
 Другъ другу въ плѣнъ они живыми не дадутся....
 Одинъ, какъ камень твердъ въ намѣреньяхъ своихъ,
 Не поколеблется въ томъ, что онъ предпріемлетъ,
 И кромѣ мужества — иному онъ не внемлетъ.
 Другой, хоть сердце нѣжное имѣетъ онъ,
 Но въ крайности умереть, пренебржетъ мой стонъ.

Но кромѣ темныхъ предчувствій ее ожидаютъ дѣйствительныя бѣдствія. Олегъ узнаетъ о побѣгѣ Осколда и старается вывѣдать у Семиры, кто помогъ ему въ этомъ дѣлѣ. — Семира снова высказываетъ свой голосъ и въ разговорѣ съ Олегомъ высказываетъ всю гордость и раздражительность своей души. Она презрѣннѣмъ и угрозами отвѣчаетъ на его упреки и угрозы:

Ты началъ мнѣ грозить! или забылъ ты. . . .
 Кто я?
 Когда мой братъ и войско въ полѣ,
 Не опасаяся твоей я власти болѣ.
 Ты хочешь научить меня о чести знать :
 Старайся у меня ты лучше перенять. . . .

Не мнѣшь-ли, что нашъ полъ къ геройству неспособенъ,
И духу мужеску духъ женскій неподобенъ?

Нѣтъ робости во мнѣ!..

Не пражомъ мя земнымъ природа въ свѣтъ пустила...

Я княжеская дочь, то вѣдаетъ весь свѣтъ;

Мнѣ въ милостяхъ твоихъ ни мало чести нѣтъ.

Олегу приказываетъ взять подъ стражу дерзкую плѣнницу. Но она несколько не унываетъ. Вдругъ является Ростиславъ и открываетъ Олегу, что не Семира, а онъ самъ — Ростиславъ, сынъ Олега, виноватъ во всемъ; онъ, недостойный своего имени и рода, измѣнникъ волѣ отца и государя.

Ростиславъ (*становясь на колѣна передъ отцомъ*).

. . . Предатель предъ тобою.

О л е г ъ

О гнѣвныя судьбы!..

С е м и р а.

Что сдѣлалъ ты съ собою?

О л е г ъ.

Чего достоинъ ты?

Ростиславъ.

Съ мученьемъ умереть.

О л е г ъ.

Что ты сказалъ, то долженъ претерпѣть.

Здѣсь въ монархѣ говоритъ сперва голосъ сердца, потомъ голосъ правосудія. Бѣдная Семира только теперь поняла, какъ велика была жертва, которую принесть Ростиславъ своей любви. Нѣжное сердце своенравной женщины растерзано горестью. Она умоляетъ Олега простить Ростиславу. Она заливается слезами у ногъ Олега и старается пробудить въ немъ сожалѣніе къ несчастному сыну. «Этой смерти я достойна,» а его «прости, о государь!» Но всѣ слова ея напрасны!.. Она клянется никогда не забывать своего милаго и не жить безъ него на землѣ. Но вдругъ за стѣна-

ни города вспыхнула битва между враждебными полками. Избрана, наперстница Семиры, наблюдаетъ за движеніемъ войскъ и сообщаетъ о томъ вѣсти своей княжнѣ. Первый вопросъ любящей женщины не о братѣ, не объ успѣхахъ его воиновъ, но о своемъ Ростиславѣ: «увиджу-ль я его?» говоритъ она, исполненная страха и сомнѣнія. Ростиславъ неожиданно является передъ нею. Семира уже не побѣждаетъ своихъ чувствъ. Вся душа ея въ одномъ взорѣ, въ одномъ словѣ: «ты живъ?» Онъ отвѣчаетъ ей съ скрытою печалью о прошломъ, что не дорожитъ жизнью, когда недостойнъ ея и поражаетъ Семиру упреками за ея эгоизмъ. Но вѣрность Семиры возрастаетъ по мѣрѣ раздражительности ея возлюбленнаго....

На что мнѣ въ свѣтѣ жить, коль въ немъ тебя не будетъ!

Иль мыслишь ты, тебя Семира позабудетъ!

Коль ты намѣренъ самъ себя убить,

Жестокой, для чего ты сталъ меня любить!

Словомъ — Семира лучшая трагедія Суморокова. Она даже оканчивается не совсѣмъ обыкновенно. Семира не отравлена, не отравилась и не закололась, но просто упала въ обморокъ на руки вѣрной наперстницы своей Избраны, узнавъ о смерти Оскольда. Въ ней много близкаго къ этому простодушно-лицемѣрному, чистосердечному, богатому трескучими эффектами и поразительными сценами вѣку и обществу, для которыхъ эта трагедія написана. Мерзляковъ такъ отзывался объ этой трагедіи: «Есть сцены довольно хорошія; есть счастливые стихи въ монологахъ Оскольда и Семиры, которые дышатъ какою-то возвышенною страстью и благородствомъ неизмѣннымъ въ самыхъ величайшихъ несчастіяхъ. Впрочемъ.... трагедія въ ходѣ своемъ и расположеніи имѣетъ значительные недостатки.» Сцены и положенія дѣйствующихъ лицъ дѣйствительно занимательны, но найти въ нихъ счастливые стихи весьма трудно. Языкъ въ этой трагедіи весьма грубъ и «какъ ни ломалъ его» почтенный авторъ, онъ ему не покорился. Множество словъ неправильныхъ, на примѣръ — *суровствѣ* — вмѣсто суровость, *смѣльство* — вмѣсто смѣлость, *проступокъ* — вмѣсто преступленіе, *мя, ты, ся*, вмѣсто меня, тебя, себя и прочее, обезображиваютъ стиль. Разговоръ утомителенъ, потому что часто наполненъ фразами, не содержащими въ себѣ никакого опредѣленнаго смысла. Мысль и чувство высказываются неясно, слабо, безцвѣтно. Однакожъ въ этомъ оправдываетъ

автора его эпоха, когда языкъ литературы только что начиналъ образовываться, а драматическаго стили и совсѣмъ еще не было. Совершенно-правильнаго расположенія въ этой трагедіи также нѣтъ, какъ и въ прочихъ. Много явленій не имѣютъ никакой связи съ главнымъ дѣйствіемъ. Но если ихъ отбросить и оставить только непосредственно принадлежащія къ главному дѣйствію, то связь обнаружится и дѣйствіе пойдетъ съ стремительною быстротою по начертанію автора. Характеры Олега, Оскольда, Ростислава, хотя и не лишены интереса, но чрезвычайно отвлечены. Оскольдъ и Олегъ — олицетворенное *великодушіе*, къ которому у перваго примѣшивается непреклонная гордость и любовь къ независимости, между тѣмъ какъ послѣдній съ великодушіемъ соединяетъ благоразуміе, правосудіе и милосердіе. Оба характера, въ разнообразіи, много уступаютъ Ростиславу. Этотъ послѣдній характеръ, менѣе опредѣленный, доконченный и выдержанный, однакожъ гораздо ближе къ натурѣ чловѣка. По лучшей изъ всѣхъ характеровъ, безспорно — *Семира*; по крайней мѣрѣ онъ лучшей — по идеѣ. Черты его, въ трагедіи, выразились довольно блѣдно и мелко, но по нимъ легко дойти до яснаго представленія, въ известной степени, идеала женщины XVIII вѣка. Вчитываясь и вглядываясь въ эти черты, сравнивая ихъ съ другими, вы открываете необходимое сходство съ вѣкомъ. Характеръ чувствъ Семиры, особенно ея любовь, такъ свойственны тому вѣку, въ который пѣлись чувствительныя пѣсни Суморокова съ такимъ забавнымъ увлеченіемъ, въ который идилліи читались съ жадностью, въ который все было мнпутью прихотью своеправія и театральнаго эффекта, — въ который добродѣтель являлась въ блестящей одеждѣ героизма, — а красота въ изысканномъ нарядѣ. Въ этотъ вѣкъ Семира должна была нравиться. Если добрая публика заливалась слезами при представленіи, на театрѣ, несравненно худшей трагедіи «Хоревъ», то «Семиру» она должна была превозносить до небесъ. И будь эта трагедія исправлена основательнѣе, будь написана лучшими стихами, она достигла бы своей цѣли.

Но несравненно ближе трагедій: «Синавъ и Труворъ» и Семира», по отношенію къ тому вѣку и къ убѣжденіямъ времени — трагедія «Димитрій Самозванецъ.» Она была представлена въ первый разъ на петербургскомъ театрѣ, въ 1771 году. Мерзляковъ сохранилъ для насъ мнѣніе тогдашняго общества объ этомъ произведеніи. Онъ говоритъ, «что ни одна трагедія не только Сумо-

рокова, но и другихъ счастливыхъ его послѣдователей, безъ сомнѣнія, не имѣла столько представлений, сколько Димитрій Самозванецъ.» Но Мерзляковъ, разбиравшій эту трагедію только съ художественной, а не съ исторической точки зрѣнія, тотчасъ отступаетъ отъ справедливаго сочувствія обществу къ лучшему произведенію Суморокова. Онъ говоритъ, что успѣхъ его происходилъ во-первыхъ оттого, что въ этой трагедіи «болѣе обработано, нежели въ другихъ пьесахъ стихотворство», во 2-хъ «отъ искусства актеровъ, уже достигшихъ немалой степени совершенства»; въ 3-хъ «отъ выбора содержанія, какъ ближайшаго къ тому вѣку, всѣмъ знакомаго и занимательнаго». Но великій критикъ, отгадавъ очень много, не отгадалъ одного и самаго главнаго качества, отъ котораго зависѣлъ успѣхъ трагедіи. Сумороковъ былъ, какъ мы и доказали это, писателемъ только современнаго ему общества. Слѣдовательно, всѣ сочиненія его имѣютъ одно только историческое значеніе, какъ болѣе или менѣе вѣрные снимки съ правовъ общества. Сильнымъ талантомъ онъ не обладалъ и потому въ его созданіяхъ нѣтъ ничего истинно-художественнаго. Но въ немъ есть то, чего мы иногда не встрѣчаемъ и у гениальныхъ писателей, — это взглядъ ума, внутренней интересъ жизни, основа убѣжденій общества въ его время. Въ этомъ отношеніи онъ шелъ объ руку съ жизнью въ большей части своихъ произведеній. Въ Димитріи Самозванцѣ авторъ, уже болѣе твердый въ правилахъ своего умозрѣнія, рѣшился наконецъ откровенно высказать занимательныя для его вѣка мнѣнія, и высказалъ, какъ понимало ихъ большинство умовъ образованнаго общества. Здѣсь Сумороковъ, всегда шедшій по слѣдамъ Вольтера, дорожившій его мнѣніемъ, не увлекся однакожь приѣмомъ своего учителя, хотя ему одному въ успѣхѣ и въ созданіи своихъ трагедій едва ли небольшое было обязанъ, нежели Корнелью и Расину вмѣстѣ, по собственному признаю. Онъ не былъ чуждъ и не могъ быть равнодушенъ къ этому скептицизму французской философіи XVIII вѣка, — этому общему недугу вѣка, которому подвержены были, Державинъ — говорившій съ таинствомъ отчаяніемъ, при взглядѣ на гробъ Мецеракаго,

«Здѣсь плоть твоя, а духа нѣтъ;

Гдѣ онъ? — Онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? — не знаемъ.

Мы только плачемъ и вздыхаемъ.

О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

которымъ страдалъ Фонъ-Визинъ и многіе великіе умы того времени. Люди не утвердившіеся въ своихъ правилахъ, могли увлекаться дикими идеями запада только не надолго, какъ и все русское общество того времени. Не въ сердцѣ и не въ умѣ его родился этотъ скептическій взглядъ на жизнь; слѣдовательно онъ и не долженъ былъ такъ сильно поколебать его, столь продолжительно овладѣть его волей. Русское общество не даромъ такъ долго прожило подъ сѣнію вѣры и церкви, оно не могло мучиться вмѣстѣ съ другими падъ разрѣшеніемъ неразгаданныхъ тайнъ. Вѣра предковъ спасла потомство. Сумороковъ не смѣшался съ толпою философовъ-полу-невѣждъ, которые тогда бредили Жанъ-Жакомъ Руссо и Вольтеромъ и разносили ихъ ложныя понятія по Россіи,—съ этой чернью образованнаго общества, которую Сумороковъ такъ хорошо, такъ метко снялъ въ своей сатирической статьѣ «о новой философической сектѣ.» Изъ этой статьи мы видимъ, что авторъ былъ глубокорелигіозный и нравственный человекъ. Это еще болѣе подтверждается другими мѣстами изъ его сочиненій. Въ своей статьѣ «Мысліе во свидѣніи о французскихъ трагедіяхъ» авторъ, разбирая трагедіи Вольтера съ особенной искренностью хвалитъ «Запру» и даже не вѣритъ автору, чтобы онъ имѣлъ или могъ имѣть какое-нибудь другое намѣреніе въ этой трагедіи, кромѣ утвержденія религіозныхъ чувствъ въ душахъ зрителей! Это достаточно объясняетъ возрѣніе автора на литературу французскую въ XVIII вѣкѣ и на сочиненія одного изъ первыхъ ея представителей и распространителей — Вольтера. Онъ удивлялся его драмамъ, какъ изящнымъ и великимъ созданіямъ гениальнаго поэта, уважалъ умъ Вольтера, велъ съ нимъ всегдашнюю переписку, поставлялъ долгомъ хвалить его и гордиться его отзывами о собственныхъ произведеніяхъ, однакожъ когда рѣчь шла о религіозныхъ вопросахъ, чувствахъ и мысляхъ, Сумороковъ отвергалъ его авторитетъ. Разбирая Меропу, вотъ, что говоритъ этотъ снисходительный критикъ Вольтера. «Жаль, что отчаянная Мерица, будучи добродѣтельна, сердится на Боговъ.... Я добродѣтельныхъ людей никогда противу Боговъ говорить не заставлю.» Эти слова объясняютъ не только возрѣніе Суморокова на драму Вольтера, но главное—объясняютъ выборъ изъ нашей исторіи лица въ характерныя типы этого времени; Димитрій Самозванецъ — злодѣй, а злодѣй — есть невѣрующій въ Бога, врагъ его. Представить послѣднія минуты этого холоднаго, закоренѣлаго, умышленнаго сомнѣнія и невѣрія, которое одно только и можетъ служить основой злодѣйствъ разнаго рода, об-

рисовать этотъ характеръ по идеямъ вѣка, по духу общества сообщить ему всё чувства, всё мысли, всё отгѣнки скептической философіи, и поставивъ это лицо главнымъ въ самую смутную минуту для нашего отечества, на первомъ планѣ, въ основѣ всѣхъ народныхъ бѣдствій, чтобы сильнѣе поразить общество знакомыми и рѣзкими чертами этой мрачной физиономіи, — вотъ въ чемъ состояла художественная мысль и задача трагедіи «Димитрій Самозванецъ.» Этотъ злодѣй — обманщикъ, проклятый Россією и церковью, казался Суморокову лучшимъ идеаломъ злобнаго скептика XVIII вѣка, и этимъ легко объясняются слова автора: «я добрыхъ людей говорить не заставляю». И дѣйствительно — это правило у него ни въ одной комедіи и ни въ одной трагедіи не нарушено. Напримѣръ, въ Гамлетѣ являются такими Клавдій и Половій, — въ комедіи «Опекунъ» — есть типъ *Чужезвѣта*, котораго разговоръ весьма рѣзокъ и въ комедіи «Лихомецъ» — также много подобныхъ выраженій слышимъ отъ *Кащел*. Даже надобно сказать съ большей вѣрностью, что Сумороковъ едва рѣшился допустить этотъ типъ въ трагедію, которая есть отраженіе высокихъ характеровъ и только въ Димитріи Самозванцѣ, и то съ великою осторожностью онъ выводитъ на сцену это лицо въ болѣе опредѣленныхъ и глубокихъ чертахъ, стараясь представить его въ истинномъ, а не въ каррикатурномъ видѣ. Напротивъ того, въ комедіи онъ пользуется этимъ характеромъ безпрестанно и находитъ въ немъ богатый источникъ для насмѣшекъ и остротъ. По этому въ послѣднихъ полнѣе раскрывается не воззрѣніе, но свойство этого разнообразнаго таланта. Сумороковъ, не смотря на страсть къ каррикатурѣ, не переходилъ, подобно Ф. Визину и многимъ нашимъ предыдущимъ и послѣдующимъ писателямъ, за черту дѣйствительности. По этому и самый злодѣй у Суморокова не рѣшается, при послѣднихъ минутахъ, дерзко говорить о Божествѣ, а только сомнѣвается въ его милосердіи. Мало того онъ даже отвергаетъ философію и говоритъ:

Коль хочешь въ небѣ быть

Не буди философъ...

Эту мысль можемъ подтвердить не однимъ, но весьма многими, самыми лучшими мѣстами этой трагедіи. Но Сумороковъ, оставаясь въ раздорѣ съ философіей Вольтера, однакожъ принадлежалъ къ тому обществу, сквозь умы котораго она прошла. Су-

мороконъ устоявъ въ главныхъ религіозныхъ началахъ нравственности, съ жаромъ навсегда ему свойственнымъ высказалъ устами *Лже-Димитрія* все страданія, весь адъ отрицанія и сомнѣнія. Онъ успѣлъ въ этомъ тѣмъ болѣе, что, какъ будто забывъ о художественной цѣли своей трагедіи, единственно стремился выразить все чувства, волновавшія людей его времени. Потому лирическія мѣста, эти чистосердечныя и часто простодушныя признанія Димитрія, представляютъ самыя одушевленныя и сильныя стихи во всей трагедіи. Они привлекали зрителей въ театръ и заставляли повторять безсчетное число разъ представленіе «Димитрія Самозванца.» Потому причиной успѣха этой трагедіи не могло бытъ историческое содержаніе, ближайшее къ тогдашней эпохѣ, въ выборѣ и развитіи котораго, по словамъ Шаховскаго, Сумороковъ разсчитывалъ на патріотизмъ; ни усовершенствованныя стихи, какъ думаютъ Мерзляковъ и Пласкинъ. Общество того времени, конечно, знало несравненно хуже насъ Русскую Исторію и эпоха Самозванцевъ могла имъ представляться темпѣе, но Сумороковъ нисколько не заботился объ исторической истинѣ явленій и характеровъ. Онъ весь ходъ событій понялъ, представилъ и измѣнилъ рѣшительно по прихоти своей фантазіи. Георгій, Ксеція, Пармень—лица своевольно введенныя въ историческую картину драмы «Димитрій Самозванецъ.» При томъ онъ взялъ послѣдніе дни Самозванца, а потому эти лица тутъ еще болѣе не у мѣста. Слѣдовательно любовь, на которой, по старому обыкновенію, Сумороковъ основалъ свою трагедію была въ ней со всемъ не главнымъ трагическимъ элементомъ. По видимому на эту пружину дѣйствія трагическаго нисколько не расчитывалъ и самъ Александръ Петровичъ, потому что большая часть разговоровъ, которые ведутъ между собой Георгій и Ксеція въ самыя критическія минуты, относятся не къ взаимной ихъ страсти, но къ судьбѣ Москвы и всего отечества. Несравненно болѣе господствуетъ надъ всей трагедіей другое начало — «патріотизмъ.» Находятъ, что дѣйствительно современнымъ и послѣдующихъ временъ зрителямъ нравились нѣкоторыя трагическія сцены, въ которыхъ не выражался, но возбуждался патріотизмъ. Дѣйствительно, нѣтъ ни одной сцены, которая бы представила хоть что-нибудь въ родѣ патріотическаго поступка. Мы на сценѣ видимъ только Пармена, который къ чему-то готовится Лже-Димитрія; видимъ Шуйскаго, который очень осторожно и слабо высказываетъ свои замыслы; видимъ Ксецію и Георгія, призывающихъ на

него мщеніе небесъ. Стража Димитрія — извѣщаетъ его о возста-
ніи, но никакого къ нему приготовленія на сценѣ не видно. Слѣдо-
вательно, все патріотическое осталось за сценой, и самые патріоты
извѣщаютъ о себѣ только звономъ колокола и словами начальника
стражи. Но если можно принять какое-нибудь явленіе за истинно
трагическое въ патріотическомъ духѣ, такъ это развѣ послѣднее
явленіе трагедіи. При томъ и въ немъ трагическое составляетъ не
самая смерть врага отечества, а именно его нравственныя страда-
нія, безвыходность его отчаянія. Слѣдовательно, хотя патріо-
тизмъ и есть въ трагедіи, но онъ не составляетъ главнаго ея интере-
са. Напротивъ, все здѣсь заключается отъ начала до конца въ
характеръ «Самозванца». На немъ покоится вниманіе зрителей;
его судьба и главное — выраженіе его убѣжденій его мыслей,
его отчаянія занимаетъ всѣхъ, которые понимали жизнь вѣка или
безотчетно слѣдовали ея направленію. Прочія лица трагедіи слу-
жатъ только обстановкою этому сильному, разнообразному и
вмѣстѣ мрачному характеру. Исторія здѣсь потеряла свою исти-
ну и только служила фономъ для картины иныхъ лицъ, дру-
сихъ чувствъ, убѣжденій и мыслей, не принадлежащихъ вѣку
самозванцевъ. Что касается до драматическаго стиля, то онъ
здѣсь точно весьма усовершенствовался, сталъ болѣе силенъ и
образителенъ, болѣе обработанъ и не такъ часто поражаетъ
своими неправильностями. Ясно, что на автора подѣйствовало
стихотворство вновь появившихся поэтовъ. Однако-жъ опять по-
вторю, что не въ стихахъ заключалась тайна успѣха этой тра-
гедіи. Будьте увѣрены, что публика не предъстится одними сти-
хами безъ мысли и безъ содержанія.

Въ этомъ отношеніи поэмы Хераскова несравненно лучше тра-
гедій Суморокова, но читали ихъ немногіе. — Княгини въ сти-
хотворствѣ былъ во столько же выше Суморокова, какъ и Дер-
жавинъ выше Ломоносова, но ни одной изъ трагедій Княгинина
не отдали такого преимущества, какимъ пользовался «Димитрій
Самозванецъ». Притомъ стихи въ этой трагедіи не блестятъ на-
ружной красотой, не увлекаютъ силой и гармоніей звуковъ, но
поражаютъ силой мысли и вѣрнымъ изображеніемъ чувствъ, ко-
торыхъ не вдохнетъ ни что, кромѣ сердца, глубоко потрясен-
наго интересами современнаго ему человѣчества.

И такъ весь успѣхъ трагедіи основанъ на одномъ характерѣ,

въ которомъ отразилась довольно вѣрно и рѣзко мрачная и глубокая сторона XVIII-го вѣка, счастливаго и безопасно-довольнаго снаружи и безпокойно недовольнаго собой и другими въ душѣ, съ безпощаднымъ безпристрастіемъ признававшей свое несовершенство и ничтожество всего, что ниже ея.

И что все это заключается въ идеѣ драмы, я ссылаюсь на тотъ фактъ, что исторія ничего подобнаго не представила въ характерѣ Лже-Димитрія, а если опытный драматургъ Сумороковъ рѣшился отступитъ отъ исторической истины, то единственно для того, чтобъ на мѣсто отдаленнаго поставить близкое, на мѣсто прошедшаго настоящее, на мѣсто забытыхъ убѣжденій и страстей — убѣжденія и страсти современнаго общества. Но за это нельзя обвинять Суморокова, равно какъ и прочихъ нашихъ драматурговъ. Они не могутъ отдѣлится совершенно отъ характера общественной жизни, отъ власти эстетки, словомъ — отъ вліянія современности. — Потому кетати повторитъ здѣсь извѣстное въ исторической критикѣ правило — «оставитъ вѣку и исторіи все случайное, все чуждое искусству, а взять только то, что принадлежитъ ему». Всего же лучше помнить, что въ образахъ, мысляхъ и чувствахъ писателя большая доля принадлежитъ вѣку, — меньшая — личнымъ его волненіямъ, и часть — всемірному искусству. Безъ знанія вѣка не имѣли бы значенія смѣлыя выраженія отчаянія, которыхъ такъ много въ трагедіи «Димитрій Самозванецъ». Тогда жадно внимали всеми дерзкимъ парадоксамъ, всеми страннымъ и оригинальнымъ разсужденіямъ. До тѣхъ-поръ неслыханныя мысли, — высказываемыя дерзкимъ Самозванцемъ, поражали массу — образованное общество могло понять глубокое недовольство, раздоръ — даже отчаянную ненависть эгонистической души самой къ себѣ въ этихъ стихахъ:

Когда бы менѣ самолюбивъ я былъ,

Димитрія-бъ давно Димитрій погубилъ;

И еслибъ было лъзя съ собою раздѣлиться —

Я сталъ бы мукою своею веселиться....

А для массы эти стихи были какъ образецъ театральнаго ужаса и отчаянія. — Религія и на ней основанная мораль въ характерѣ Димитрія Самозванца составляютъ самыя главныя и глу-

бокія основы. И въ развитіи этихъ началъ морали того времени и общества съ ихъ мрачной стороны Сумороковъ поступилъ съ большимъ искусствомъ. Дмитрій Самозванецъ вѣренъ себѣ до послѣдней минуты и умираетъ съ словами отчаянія:

Иди душа во адъ и буди вѣчно плашна!

О если бы со мной погибла вся вселенна!

Здѣсь, кетати, сдѣлать общій выводъ о эстетическомъ и историческомъ достоинствѣ драматическихъ произведеній Суморокова и о его талантѣ. — Художественное значеніе каждаго созданія много зависитъ отъ эстетики вѣка, въ который оно явилось. Въ то время, когда явились первыя и послѣдующія трагедіи Суморокова, во Франціи господствовали эстетики Буало и Батѣ. — Еще раньше появленія этихъ теорій во всѣхъ родахъ литературы принято было подражаніе древнихъ классикамъ. — Потому оба названные ими теоретика внесли въ свои системы правила Аристотеля и объясняли ихъ по своему разумѣнію. Все подчинялось тогда этимъ правиламъ въ литературѣ. Въ драматической поэзіи того времени повторился весь механизмъ трагедій греческихъ поэтовъ — Эсхила, Софокла, Эврипида и проч. Но древняя трагедія создавалась изъ народныхъ и даже религиозныхъ мѣтовъ Греціи. Въ видѣ трилогіи она развивала ихъ съ строгимъ соблюденіемъ единства времени, мѣста, дѣйствія, — слѣдуя въ этомъ дѣйствительной исторіи народныхъ преданій. Дѣйствіямъ ея служилъ связью хоръ, съ безошаднымъ безпристрастіемъ рѣшавшій судьбу героевъ и обезживавшій ихъ дѣянія. — Дѣйствующими лицами были тѣже самые герои греческой баснословной древности. Въ томъ же почти видѣ древняя греческая трагедія перенесена и на французскій театръ. Она имѣла непремѣнно — пять дѣйствій, строго соблюдала три единства — мѣста, времени и дѣйствія — въ развитіи драматическихъ событій; — дѣйствующими лицами въ ней были — государи, князья, вельможи и проч. Хоръ очень неудачно замѣняетъ наперсниками и наперсницами. Событія заимствовались изъ самой отдаленной древности. Мы привыкли осуждать за это нашихъ предковъ и давно осмѣли эту ложно-классическую трагедію, не потрудившись видннуть поглубже въ ея начала. Начала эти вовсе несмѣшны и заслуживаютъ нашего вниманія. Самымъ смѣшнымъ мы привыкли называть три знаменитыя единства. Они посягали на свободу иску-

ства и стѣсняли творчество. — Но развѣ творчество не имѣетъ своихъ законовъ? Конечно, всякій поэтъ выполняетъ и никакъ не обойдетъ ихъ въ своихъ созданіяхъ. Обязанность эстетика напомнить объ этихъ законахъ, объяснить, почему что-нибудь творится такъ, а не иначе, и еслибъ создалось иначе, то не было бы изящно въ томъ или въ другомъ отношеніи. — Посему, если древніе теоретики выставляли, какъ законъ, три знаменитыя единства, то они имѣли основанія. Отъ нихъ много зависятъ два качества истинно изящной драмы — быстрота и связность дѣйствія. Если художникъ достигаетъ этихъ качествъ инымъ путемъ, онъ все-таки исполняетъ внушенія древнихъ теоретиковъ. Древніе ошибались только въ томъ, что выдавали это за непреложные законы — и стѣсняли искусство догматизмомъ и схоластическою строгостью своихъ теорій. Въ самомъ дѣлѣ, ежели въ трагедіи пять дѣйствій, то, чтобъ она не казалась публикѣ утомительною, необходимо приковать ея вниманіе къ одному времени и одному пространству, на которомъ дѣйствительныя явленія быстро смѣняются одно другимъ и, незамѣтно приводя къ окончанію трагическаго дѣйствія. Вотъ почему съ распространителями правилъ о трѣхъ единствахъ не находили бесполезнымъ вступать въ ученые споры и разсужденія самые знаменитые авторы французской классической драмы. Расинъ всегда объяснял въ предисловіи, кому изъ древнихъ подражалъ въ трагедіи и какъ выполнилъ извѣстныя правила древней трагедіи. Корнель, во всю жизнь свою, неутомимо старался примирить свои драмы съ теоріей Аристотеля и Буало. — Въ самой обстановкѣ, въ картинахъ тогдашняго быта менѣе затруднялось воображеніе поэта. Вотъ почему и французская классическая трагедія не хотѣла въ выборѣ лицъ и событій отступить отъ древней. Она понимала эту выгоду и удержала ее. Но защитивъ нѣсколько отъ сказанныхъ обвиненій французскую классическую трагедію, мы должны осудить ее за то, что она правы прошедшаго замѣняла правами современными. Конечно, она этимъ выигрывала въ значеніи историческомъ, правилась современному обществу, но художественная критика не принимаетъ этихъ условій въ расчетъ. Въ чемъ погрѣшаетъ вообще классическая драма французовъ, въ этомъ заключаются и недостатки трагедій Суморокова. — Въ нихъ всегда пять дѣйствій, развивающихся въ одно извѣстное время; въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ. Но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы главное событіе развивалось стройно и быстро. — Множество излишнихъ

явленій замедляютъ ходъ дѣйствія, разрываютъ связность и единство всей трагедіи. Лица дѣйствующія, по большей части, князья и государи, герои нашей древней исторіи. Слѣдовательно читатель можетъ ожидать, что ихъ дѣянія, ихъ простыя, по сильнымъ чувства, ихъ естественное благородство стремленій увлекутъ его. Но вы видите на сценѣ совершенно иного вѣка людей и притомъ ни одной черты народнои доблести въ ихъ фізіономіи. Они больше говорятъ, нежели дѣйствуютъ и притомъ говорятъ риторическими стихами. Самаго событія историческаго иногда нѣтъ возможности узнать въ трагедіи. — Оно потеряло въ ней истину и кажется вымысломъ воображенія. Особенно упрекаютъ Суморокова, что въ его трагедіяхъ нѣтъ истины исторической и многіе приписываютъ это его незнанію. Но Сумороковъ зналъ исторію, сколько было возможно знать тогда и даже самъ разработывалъ историческіе памятники. Написанныя имъ историческія статьи: «Московская краткая лѣтопись», «О стрѣльцахъ въ Москвѣ 1682 года», — потомъ «Краткая Исторія Петра Великаго» хотя, и не имѣютъ высокаго историческаго достоинства, но все-таки удостоверяютъ насъ, что онъ былъ посвященъ и въ эту науку. А если въ трагедіяхъ его такъ часто встрѣчаются историческія ошибки, то это происходило частію оттого, что у всѣхъ тогдашнихъ драматурговъ подобныя промахи считались не только безпорочными, но и необходимыми; частію также и оттого, что древняя исторія русская тогда была очень мало разработана учеными исследователями, а это уже вина не искусства, а науки!... Самый талантъ Суморокова обнаруживается въ его собственной изобрѣтательности, въ характерѣ его подражаній и заимствованій у чужеземныхъ поэтовъ, равно въ наблюдательномъ свойствѣ его ума, замѣчавшаго всѣ тончайшіе оттѣнки современной ему образованности. Ежели изъ этихъ наблюденій онъ могъ создавать явленія, сцены, поразительно близкія къ современной ему дѣйствительности, если онъ умѣлъ заимствованный у чужихъ писателей планъ трагедіи со всѣми положеніями и характерами примѣнить къ изобрѣтенному имъ самимъ событію изъ отечественной исторіи, ежели изъ всего этого умѣлъ произвести довольно стройное цѣлое, то ясно, что онъ былъ одаренъ большимъ драматическимъ талантомъ. Изобрѣтатель, искусно передѣлыватель, примѣнятель чужіе нравы къ своимъ народнымъ, есть дѣла таланта — сознательнаго и жизненнаго. Особенно въ этомъ заключеніи утверждаетъ насъ созданіе драматическаго стиля, котораго въ русской литературѣ до не-

го не было. Можно сказать, что этотъ стиль и грубъ и неправиленъ, но создать его лучше Суморокова никто не могъ въ то время. — Трагедія Ломоносова не могла стать рядомъ въ этомъ отношеніи съ трагедіей Суморокова, а трагедія Тредьяковского и того менѣе. Между многими признаками драматическаго таланта, хорошій стиль и особенно изобрѣтеніе стиля драмы и комедіи — изъ числа первыхъ признаковъ несомнѣннаго и притомъ глубокаго дарованія. И такъ Сумороковъ имѣлъ драматическій талантъ.

МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ТАЛЬМЫ,

ПИСАННЫЯ ИМЪ САМИМЪ.

X.

Начало трагедіи во Франціи вѣсмъ извѣстно. Пилигримы, возвращающіеся изъ Палестины и представляющіе сцены изъ священнаго Писанія или изъ житія святыхъ, для назиданія вѣрующихъ, вотъ зародышь трагедіи. Совершенно противоположное начало имѣла комедія. Музыканты и фокусники, кочующіе по городамъ и селеніямъ и раскидывающіе свои балаганы на площадяхъ и базарахъ, — вотъ первая комедія.

Духовныя представленія пилигримовъ имѣли такой успѣхъ и привлекали такое множество народа въ мѣстечкѣ Сен-Моръ-ле-Фуръ (Saint-Maur-les-fours), близъ Венсенна, что обратили на себя вниманіе короля, Карла VI, и 3-го іюня 1398 года онъ издалъ указъ, которымъ запрещалъ, подъ страхомъ преданія суду за ослушаніе королевской воли, давать *игры*, представляющія лица святыхъ или инныя, безъ особаго королевскаго разрѣшенія. Четыре года спустя, 4-го декабря 1402 года, онъ подтвердилъ этотъ указъ, давъ учредившимъ *братство*, подъ покровительствомъ церкви, для представленія духовныхъ игръ, грамоту, дозволяющую имъ продолжать свои представленія и ходить по Парижу въ своихъ театральныхъ нарядахъ.

Такимъ образомъ учрежденъ первый театръ, въ госпиталь святой Троицы, на Сентъ-Денпской улицъ ; и, не смотря на всѣ попытки и усилія парламентскихъ дьяковъ (*les clerics de la basoche*) и «братія беззаботныхъ ребятъ» (*les enfans sans souci*), это былъ единственный привилегированный театръ съ 1398 по 1548 годъ ; то есть, во все царствованіе Карла VI, Карла VII, Людовика XI, Карла VIII, Людовика XII, и Франциска I. Виродженіи этого времени «братство духовныхъ игръ» переселилось изъ госпиталя святыя Троицы на Фландрское подворье ; наконецъ въ 1543 году, оно опять переселилось въ Моконсельскую улицу, и заняло флигель принадлежавшій къ Бургундскому дворцу (*hôtel de Bourgogne*.)

При этомъ переселеніи необходимо было возобновленіе грамоты ; братство обратилось къ парламенту и исходатайствовало указъ, которымъ парламентъ, воспрещая имъ играть мистеріи, заимствованныя изъ священнаго Писанія, подъ страхомъ строгой пени, разрешалъ имъ играть *всякія другія мистеріи, мірскаго содержанія, пристойныя и дозволительныя, безъ оскорбленія чьей-либо личности*. Съ этого указа начинается собственно существованіе настоящаго французскаго театра ; онъ открылъ путь Ротру, Корнелью и Расину. Восемьдесятъ лѣтъ спустя была представлена «*Плпнная Клеопатра*» Жоделля.

Мало-по-малу образовались другія труппы, которыя собственно разъѣзжали по провинціямъ, но, по временамъ, являлись въ Парижъ и давали представленія, вопреки парламентскому указу, предоставлявшему это право исключительно парижской труппѣ. Последняя, видя, что мало проку въ ея протестахъ и жалобахъ, и что эти провинціальные труппы, благодаря таланту нѣкоторыхъ своихъ членовъ, все болѣе и болѣе отвлекали отъ нея публику, рѣшилась ангажировать своихъ соперниковъ. Вступивъ на помосты Бургундскаго дворца, провинціальные артисты хотѣли, конечно, повластвовать, и выговорили себѣ значительныя выгоды ; однакоже, не смотря на всѣ ихъ усилія, хозяева удержали для себя лучшую долю въ выручкахъ и исключительное право собственности на отведенный имъ театръ.

Это принятіе постороннихъ артистовъ въ Парижское братство совершилось въ 1588 году. Вскорѣ между ними повторилась басня о собакъ и ея подругъ. Около 1620 года, Людовикъ XIII пожаловалъ ирришцамъ титулъ королевской постоянной труппы ; опираясь на

эту монаршую милость, они стали добиваться для себя привилегіи, издавна дарованной ихъ хозяевамъ, и получили ее вмѣстѣ съ правомъ пользованія театромъ Бургундскаго дворца, отнятымъ у ихъ предшественниковъ. Это вѣтхеніе прежнихъ хозяевъ ознаменовало второй періодъ драматическаго искусства во Франціи. При этомъ же случаѣ драматическіе артисты свергли съ себя власть парламента, и перешли подъ непосредственное покровительство короля. Въ это время уже родились Ротру и Корнейль, и скоро должны были родиться Мольеръ и Расинъ современно Людовику XIV.

Тутъ-то были играны *Гораціи*, *Поліэктъ* и *Цинна*.

Между тѣмъ, около 1650 или 1655 года начали поговаривать о вновь образовавшейся труппѣ, которая разъѣзжала по провинціи подъ управленіемъ нѣкоего Поклена-де-Мольера. Этотъ молодой человекъ былъ самъ актеръ и сочинитель, и написалъ уже въ Бордо *Осваиду*, въ Лионѣ *Разсыянаго*, въ Монпелье *Досаду влюбленныхъ*. Въ концѣ 1658 года онъ пріѣхалъ въ Парижъ. Принцъ де-Конти, нѣкогда бывший его школьнымъ товарищемъ, принялъ его подъ свое покровительство, представилъ его ко двору, и 24 октября того-же года, онъ игралъ съ своею труппою, въ Луврѣ, въ присутствіи Людовика XIV, Анны Австрійской, кардинала Мазарини и всего двора, *«Влюбленнаго лекаря»* и *«Никомеда.»* Это представленіе имѣло такой огромный успѣхъ, что въ тотъ же вечеръ Мольеру дарована привилегія на представленіе его пьесъ въ Парижѣ, независимо отъ труппы Бургундскаго дворца. Мало того: Людовикъ XIV приказалъ отвести ему, для публичныхъ представленій, театръ, построенный въ Палеройяль кардиналомъ Ришелье, для представленія своей *«Маріамы.»* Тутъ-то явились всѣ гениальныя произведенія Мольера, и тутъ образовались Баронъ, Латорильеръ, Боваль и г-жа Боваль.

17 февраля 1673 года Мольеръ умеръ, и со смертію его прекратилось покровительство короля. Театръ его отданъ Люлли, для учрежденія оперы, а осиротѣвшая труппа переселилась въ Мазаринскую улицу и заняла театръ, который Люлли нашель для себя недостаточнымъ.

Мольеръ, однакоже, и по смерти покрывалъ свою труппу своею славою; она наслѣдовала весь его репертуаръ. Король закрылъ театръ du Marais, и соединилъ обѣ труппы въ одну. Эта труппа наз-

залась Мольеровскою. Два обстоятельства особенно содѣйствовали ея успѣху: къ ней присоединились Тома Корнейль и г-жа Шанмелѣ.

Съ этого времени завязалось сильное соперничество между труппою Бургундскаго дворца и Мольеровскою. Людовикъ XIV, опасаясь, что это соперничество поведетъ болѣе къ паденію искусства, чѣмъ къ его успѣхамъ, соединилъ обѣ труппы. Въ репертуарной книгѣ Мольеровской труппы, подъ 25 числомъ августа 1680 года, записано: «Нынче, въ воскресный день, состоялось соединеніе обѣихъ труппъ, и артисты Бургундскаго дворца играли съ нами «Федру» и «Орлеанскія кареты.»

Стало быть, 25 августа 1680 года была собственно учреждена Французская-комедія; и съ этого времени Людовикъ XIV опредѣлилъ ей вспоможеніе отъ казны, по 12,000 франковъ въ годъ* и завѣщалъ своимъ преемникамъ покровительствовать драматическому искусству во Франціи.

Въ 1689 году, Сорбонна согласилась поселиться въ Коллегіи Четырехъ-Націй, съ тѣмъ однакоже, чтобы Французская-Комедія была переведена отсюда; почему послѣдняя и должна была перенести свое пребываніе въ улицу Saint-Germain-des-Près, что нынче улица Старой Комедіи, противъ кофейни Прокопа.

Въ ту минуту, какъ я пишу эти строки, зданіе это еще существуетъ. Съ педью назадъ, я полюбопытствовалъ посмотреть его; фронтонъ еще цѣль. Я прошелъ большой дворъ, занимающій мѣсто прежняго партера, и вошелъ въ обширную кладовую, которая была некогда сценою. На этой сценѣ игрались въ первый разъ всѣ пьесы Вольтера. На этой сценѣ дебютировали и прославились Лекенъ, Белькуръ, Превиль, Молѣ, Монвель, Бризаръ, Дюгазонъ, г-жи Дюмениль, Клеронъ, Данжевилъ, Конта, которыхъ я всѣхъ видалъ и зналъ, и которые всѣ, — кромѣ Лекена, умершаго еще до поступленія моего на театръ, — были моими товарищами. Показывавшій мнѣ этотъ театръ, провелъ меня также въ небольшой корридоръ, который отворяется въ сосѣдній переулокъ, и сообщается съ беньюарами; чрезъ этотъ корридоръ входили въ театръ и выходили

* Нынче это пособіе возрасло слишкомъ до трехъ сотъ тысячъ франковъ въ годъ.

нѣкоторые лица, желавшія видѣть «*Тартюфа*» и «*Магомета*» такъ, чтобы ихъ самихъ никто не видалъ.

Но въ 1774 году зала оказалась слишкомъ тѣсною, и потребовалась новая. Въ ожиданіи сооруженія, обѣщаннаго ей, новаго театра, на мѣсть отели Кондѣ, Французская Комедія перенесла на время свое пребываніе въ Тюильрійскій замокъ, гдѣ ей отвели залу, построенную Регентомъ для балетовъ, которыми онъ тѣшилъ юнаго Людовика XV. Тутъ она оставалась съ 1774 до 1782 года, и поставила «*Севильскаго цирюльника*,» «*Ирену*,» «*Эдина у Адмета*» и «*Двухъ братьевъ*.»

9 апрѣля 1782 года былъ наконецъ открытъ новый театръ. Въ 1783 году, Дюси поставилъ на немъ своего «*Короля Лира* ;» въ 1784, Бомарше поставилъ «*Свадьбу Фигаро*,» а Дюси «*Макбета* ;» въ 1786, Лагарпъ поставилъ «*Виргинію*,» и наконецъ въ 1787 году, Андриѣ своихъ «*Внѣренниковъ*.»

Теперь, какъ я, въ нѣсколькихъ страничкахъ, прослѣдилъ судьбы Французскаго-Театра съ конца XIV вѣка до конца XVII, да будетъ мнѣ позволено бросить бѣглый взглядъ на великихъ артистовъ, среди которыхъ мнѣ предстояло стяжать себѣ мѣсто.

Лекенъ умеръ 8 февраля 1778 года, оставивъ трагедію осиротѣвшею ; а 30 мая того-же года умеръ Вольтеръ ; какъ видите, поэтъ скоро послѣдовалъ за своимъ любимымъ истолкователемъ. Я видалъ Лекена всего два или три, и былъ тогда еще слишкомъ молодъ, чтобы достойно судить этого великаго артиста.

Во время поступленія моего на театръ, представителями драматическаго театра были, изъ мужчинъ : Молѣ, Флѣри, Дюгазонъ, Сепъ-При, Дезессаръ и Монвель ; изъ женщинъ : Вестрисъ, Конгъ, Девъ-еннъ, и Петі.

Франсуа-Ренѣ Молѣ родился въ Парижѣ, 24 ноября 1734 года ; слѣдовательно во время своихъ дебютовъ ему было 54 года. Онъ дебютировалъ въ 1754 году, въ роляхъ *Британника*, *Перестана* и *Сеида*. Аббатъ Рейпаль, бывший тогда редакторомъ «*Меркурія*,» свидѣтельствуетъ его огромный успѣхъ въ послѣдней роли, той самой, въ которой дебютировалъ и я. Моле былъ очень недуренъ собою, игра его была естественна ; не доставало ему только силы въ голосъ ; этотъ физическій недостатокъ заставлялъ опасаться, чтобы дебиантъ не пустился въ напыщенную декламацию. Ему посовето-

вали, прежде, чѣмъ приступать ко вторымъ дебютамъ объѣхать провинціальныя театры. Моле оставалось только послушаться совѣта; онъ поѣхалъ въ провинцію, игралъ поочередно въ Лионъ, въ Бордо и въ Марсели, въ 1759 году возвратился въ Парижъ, и снова дебютировалъ, съ 28 января 1760 года, въ роляхъ *Андроника*, *дона Педра*, *Сеида*, *Тита* и *Эгиста*.

Поездка въ провинцію принесла Моле большую пользу. Онъ воротился такимъ же красавцемъ въ 26 лѣтъ, какимъ былъ въ 20. Способности его развились, и хотя голосъ былъ все такъ-же слабъ, однако же искусство довело его до того, что онъ говорилъ совершенно внятно. Единственнымъ недостаткомъ его была нѣкоторая манерность; но какъ и при этомъ недостаткѣ, въ немъ обнаруживался огромный талантъ, то онъ былъ принятъ въ 1761 году, на третьи роли въ трагедіи и въ комедіи. Первые роли въ то время занималъ Гранваль, а вторыя Белькуръ. Сверхъ того, онъ занялъ амплуа молодыхъ любовниковъ.

Въ 1762 году Гранваль сошелъ со сцены, Белькуръ наследовалъ его амплуа, а Моле занялъ мѣсто Белькура. Дюбеллуа поручилъ ему роль *Ила*, а Рошонъ-де-Шабаннь — главную роль въ небольшой пьескѣ «*Къ счастью*,» которую онъ предназначалъ женщинамъ. Моле имѣлъ такой успѣхъ въ этой роли, что съ этого дня его стали считать первымъ любовникомъ Французской-Комедіи. Новыя роли посыпались на него съ неизвѣрною быстротою, и каждая была новымъ торжествомъ.

Въ 1763 году Моле создалъ роль *Деронè*; въ 1764, — Маркиза въ пьесѣ «*Своя братья*;» въ 1765, — Гаркура, въ «*Осадѣ Калè*,» и Вандерка въ комедіи «*Философъ, самъ того не зная*.»

Въ слѣдующемъ году случилось происшествіе, по которому Моле могъ судить о томъ, до какой степени онъ приобрѣлъ любовь публики. Въ октябрь 1766 года онъ захворалъ; скоро разнеслась вѣсть, что онъ страдалъ воспаленіемъ въ груди, и что жизнь великаго артиста была въ опасности. Во все продолженіе этой болѣзни, въ Парижъ и въ Версали только и было разговоровъ, что о надеждахъ или опасеніяхъ врачей; каждый вечеръ публика осведомлялась о немъ у актера, объявлявшаго составъ спектакля. По улицъ, на которой онъ жилъ, не было провозу отъ множества экипажей, стоявшихъ весь день передъ его домомъ. Самъ король Людовикъ XV,

два раза прислалъ ему по пятидесяти лѹидоровъ вспоможенія. Наконецъ; онъ сталъ выздоравливать; врачи объявили, что жизнь его въ опасности, но предписали ему каждый день пить самаго лучшаго вина. Въ слѣдующіе два дня ему принесли, отъ двухъ сотъ разныхъ лицъ, двѣ тысячи бутылокъ разныхъ винъ.

Появленіе его на сцену было назначено на 10 февраля 1767 года. За недѣлю до представленія, всѣ ложи были разобраны. Передъ представленіемъ, народъ дрался на каждомъ подъѣздѣ, и большая часть зрителей не прежде добралась до своихъ мѣстъ, какъ оставивъ на дорогѣ парики, шляпы, или фалды платья.

Когда Молѣ вышелъ, залпы рукоплесканій огласили залу и нѣсколько минутъ не позволяли ему произнести слова. Тронутый этимъ свидѣтельствомъ общей любви, артистъ, по обыкновенію, обратился къ ложамъ княгини де-Ламбаль и графини де-Ламаршъ, желавшихъ присутствовать при представленіи, и, испросивъ ихъ позволенія изъяснить свою благодарность публикѣ, произнесъ небольшую рѣчь, на которую зрители отвѣчали новымъ залпомъ рукоплесканій.

Къ этому лестному изъясненію общей любви присоединилось скоро другое, болѣе выгодное. Было объявлено представленіе въ его пользу, на театрѣ барона д'Эсклапона, у Вожираркой заставы. Цѣна мѣстамъ была назначена по лѹидору; но какъ зала могла вмѣстить не больше шести сотъ человекъ, то билеты отдавались съ торговъ, за баснословныя цѣны. Принцы и принцессы крови, маршалы, министры, жены знатнѣйшихъ вельможъ на перерывѣ спѣшили присылать свое приношеніе; между подписчиками были и нѣкоторые члены высшаго духовенства: кардиналъ принцъ Людовикъ де-Роганъ, архіепископъ Лионскій, епископы Блуаскій и Сень-Брѣвскій заплатили очень щедро за присланные имъ билеты.

Нашлись завистливые или просто злые языки, чтобы потрунить надъ торжествомъ Молѣ, и напомнить артисту, какъ некогда напоминали римскимъ триумфаторамъ, что онъ все-таки простой смертный. Маршалъ Маркизь де-Біевръ, узнавъ о болѣзни Молѣ, вскричалъ: «Quelle fatalité!» Остряки тотчасъ ухватились за это слово, чтобы пустить каламбуръ (Quel fat alité!). Участіе г-жи Клеронъ, которая уже отказалась отъ сцены, но согласилась взять роль въ двухъ пьесахъ, составлявшихъ бенефисное представленіе, въ «Зельмиръ» и «Подложномъ мужь», чтобы содѣйствовать его успѣху,

породило также множество болѣе или менѣе колкихъ стишковъ, которые ходили по рукамъ въ Парижѣ, и изъ которыхъ слѣдующіе сохранились въ «Запискахъ Башомона»:

La digne et sublime Clairon
De la fille d'Agamemnon
A changé l'urne en tire-lire,
Et, dans la pitié qu'elle inspire,
Va partout, quêtant pour Molet,
A la Cour et chez Nicolet.

Игравъ съ постояннымъ успѣхомъ, съ 1767 до 1774 года, роли Дорвильи въ «*Мнимыхъ измѣнцахъ*», Беверлея въ «*Англійской сиротѣ*», Монтальбана въ «*Малабарской вдовѣ*», Гастона въ трагедіи Дюбеллуа, дона Педра, Ромео, Дампса въ «*Притворствъ изъ любви*», Моле до конца 1778 года, когда смерть Белькура предоставила ему первое мѣсто въ комедіи, не отказывался отъ части наслѣдства Лекена. Ему поручено было произнести обычную привѣтственную рѣчь отъ имени своихъ товарищей Вольтеру, въ 1778 году, когда ветеранъ французской литературы пріѣхалъ въ Парижъ, поставить свою «*Прену*» и умереть черезъ нѣсколько недель.

Ларивъ одинъ занялъ ампула Лекена; однакоже должно сказать, что попытки Молё въ трагедіи были также удачны, какъ и въ комедіи.

Моле продолжалъ переходить отъ торжества къ торжеству на театрѣ Французской Комедіи до самаго арестованія его товарищей; тутъ онъ является нѣкоторое время на театрѣ г-жи Монтансье, въ нелѣпныхъ, балаганныхъ пьесахъ, порожденныхъ духомъ времени.

Флѣри родился въ 1750 году, и былъ сынъ директора театра въ Нанси, при дворѣ короля Станислава Лещинскаго. Отецъ, назначавшій его къ драматическому поприщу, заставилъ его дебютировать на своемъ театрѣ въ 1757 году, и первый свой подвигъ онъ совершилъ въ присутствіи Лотарингскаго двора.

Сестра Флери, г-жа Сенвиль, также посвятила себя драматическому искусству, и онъ послѣдовалъ за нею въ Женеву, а оттуда въ Ферней. Вольтеръ устроилъ тамъ небольшой театръ, на который онъ пригласилъ Сенвилю съ женою. Молодой Флѣри былъ представленъ знаменитому писателю, который обласкалъ его.

Первый серьезный дебютъ Флѣри былъ въ Версали. Онъ былъ въ

большой дружбѣ съ г-жею Данжевилъ и познакомился съ главнѣйшими артистами Французской Комедіи, которые часто пріѣзжали въ Версаль, давать представленія на придворномъ театрѣ. Лекенъ и г-жа Друэнъ очень полюбили его и въ 1771 году онъ началъ уже хлопотать о поступленіи на театрѣ, который гордился именами его покровителей. Но Молё, Белькуръ и Монвель держали въ то время амбула, на которое онъ могъ мѣтить. Когда зашла о немъ рѣчь въ комитетѣ, Белькуръ объявилъ съ высокоуміемъ своихъ первыхъ ролей, что Французская Комедія ни въ комъ не нуждается; Молё прибавилъ, что она будетъ процвѣтать и безъ него (*flourira sans Fleury*); Монвель молчалъ.

Однакоже герцогъ де-Дюрасъ приказалъ допустить его къ дебюту, и 7-го марта 1774 года, Флери явился въ роли Эгиста въ «*Меропъ*», а 20-го въ роляхъ Сенвиля въ «*Домоуправительница*», и Дормилль въ «*Ложныхъ сознаніяхъ*». Онъ былъ принятъ въ томъ-же году.

Флери, какъ и Молё, скоро сдѣлался баловнемъ двора. Маршалы де-Дюрасъ и Ришльё удостоивали его своей особенной дружбы.

Въ то время въ Парижѣ и въ Версали была страсть къ домашнимъ театрамъ. Въ каждомъ знатномъ и богатомъ домѣ непременно устраивался свой домашній театрѣ; въ этихъ представленіяхъ Флери былъ необходимымъ человѣкомъ.

Марія-Антуанетта задумала ввести домашніе театры и при дворѣ и призвала на помощь Флери.

Флери былъ на верху своей славы, когда я возвратился въ Парижъ. Онъ содѣйствовалъ моему драматическому образованію, вмѣстѣ съ Ларивомъ, Молё и Дюгазономъ. Раздоры наши начались только годъ спустя по моемъ поступленіи на театрѣ, по случаю возобновленія «*Карла IX*».

Дюгазонъ былъ сынъ актера, дебютировавшаго 11 декабря 1739 года, въ роляхъ Гектора въ «*Иерокъ*» и Сганареля въ «*Врачъ по неволю*». Двѣ сестры предшествовали ему на театрѣ: г-жи Дюгазонъ и Вестрисъ: самъ онъ дебютировалъ 29 апрѣля 1771 года, въ роли Криспина въ «*Наслѣдникъ по завѣщанію*». Въ слѣдующемъ году онъ былъ принятъ и сталъ первымъ, послѣ Превиля.

Новый репертуаръ обязанъ ему доброю половиною своего успѣха; въ старомъ онъ съ рѣдкимъ талантомъ игралъ роли Маскариля въ «*Вътренникъ*», Скапена въ «*Скапеновыхъ плутняхъ*», Сганареля

въ «*Каменномъ гостѣ*»; но никогда не могъ сравняться съ Превилемъ въ переодѣваніяхъ «*Любовнаго Меркурія*». По смерти Превиль онъ сталъ, безспорно, первымъ комическимъ лакеемъ Французской-Комедіи.

Въ 1786 году, когда я поступилъ въ школу Декламациі, Дюгазонъ былъ въ ней профессоромъ, вмѣстѣ съ Молѣ и Флѣри, и я много обязанъ его наставленіямъ. Тутъ же началась наша дружба, которая съ-тѣхъ-поръ никогда не прерывалась; онъ далъ мнѣ несомнѣнные доказательства ея во время моихъ ссоръ съ театромъ, въ июль 1790 года.

Дюгазонъ всегда питалъ глубокое уваженіе и безграничную благодарность къ своему учителю, Превилю. Онъ сочинилъ въ честь ему басню, которую прочелъ публично въ одномъ представленіи «*Любовнаго Меркурія*», на которомъ присутствовалъ Превиль. Для охотниковъ приведу этотъ образчикъ, не столько поэтическаго таланта, какъ благородныхъ чувствъ моего товарища и друга.

«Dans ce séjour, un rossignol habile,
 Au ramage enchanteur, possédant tous les tons,
 Et que Thalie a surnommé Prévile,
 Désespérait linottes et pinsons.
 Dans tous les bosquets à la ronde
 Du rossignol on vantait le talent,

Et toujours applaudi, fêté de tout le monde,
 Pour les autres oiseaux il était indulgent.
 A tout le peuple ailé, qui fredonne sans cesse,
 De son art, en tout temps, il donna la leçon;
 Mais par goût, par instinct, il fit plus de câresse
 A certain canari, trouvé sur *du Gazon*.

L'élève, imitateur de son maître sensible,
 Et suivant ses avis, modula mieux son chant,
 Et, disciple soumis, il lui fut moins pénible,
 Après le rossignol, d'avoir quelque agrément.

Il lui dut ses succès, mais garda la mémoire
 Du maître bienfaisant qui l'avait élevé.

Cette fable, Messieurs, est mon heureuse histoire:

Je suis le faible oiseau que Prévile a trouvé *.

* Въ этомъ жилищѣ искусный соловей съ чарующимъ голосомъ и неподражаемымъ умѣньемъ, котораго Талія прозвала Превилемъ, приво-

Товарищъ мой Дезессаръ родился въ Лангрѣ; родители его дали ему отличное воспитаніе, и купили должность прокурора; но судьба повела его на театръ. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ по какому-то дѣлу, и одинъ изъ его кліентовъ пригласилъ его съ собою въ театръ. Онъ вышелъ изъ залы въ такомъ восторгѣ, что почувствовалъ свое настоящее призваніе, и рѣшился самъ идти въ актеры. Для испытанія своихъ силъ, онъ объѣхалъ нѣсколько провинціальныхъ театровъ и въ короткое время составилъ себѣ громкую славу въ амплуа, которыя закулисная терминологія называетъ *financiers*, *map-teaux* и *grimes*. Бонваль, издавна занимавшій эти роли въ Французской Комедіи, просился въ отставку. Белькуръ въ то время собирался въ отпускъ, чтобы объѣздить нѣкоторые провинціальные города, и комитетъ поручилъ ему отыскать хорошаго актера на мѣсто Бонваля. По его представленію, Дезессаръ получилъ предписаніе дебютировать и прискакалъ изъ Марсели въ Парижъ. Онъ явился въ первый разъ 4 октября 1772 года, въ роляхъ Лизимона въ «Гордецъ» и Люкаса въ «Опекуинъ»; а 1 апрѣля 1775 года былъ принятъ.

Дезессаръ былъ громаднo толстъ; когда онъ игралъ Оргона въ «Тартюфъ», ему ставили столъ, нарочно для него сдѣланный, гораздо выше обыкновеннаго, потому что подъ другой столъ онъ не могъ-бы спрятаться. Всѣмъ известна злая шутка, которую сыгралъ съ нимъ Дюгазонъ по смерти слона Ботаническаго Сада. Онъ одѣлъ Дезессара въ траурное платье, какъ прилично наследнику, и отправился съ нимъ къ министру, просить, отъ имени Французской-Комедіи, чтобы мѣсто павшаго слона было дано Дезессару. Шутка эта дала поводъ къ достославной дуэли, на которой Дюгазонъ начерталъ огромный кругъ на животъ своего пріятеля противника, говоря, что

дѣлъ въ отчаяніе всѣхъ зябликовъ и чижиковъ. Всѣ окрестныя рощи оглашались славою соловья; но, онъ, всѣми любимый и прославляемый, былъ снисходителенъ къ прочимъ птичкамъ. Все перватое и поющее племя надѣлялъ онъ своимъ званіемъ; но, по сочувствію, всѣхъ болѣе приласкалъ канарейку, которую отыскалъ *въ травѣ*. Ученикъ, подражая учителю и покорно слѣдуя его наставленіямъ, усовершенствовалъ свое пѣніе, и ему легче стало найти слушателей послѣ соловья; ему обязанъ онъ своими успѣхами, и онъ не забылъ своего благодѣтельнаго учителя. Эта басня — моя исторія: я бѣдный птенчакъ, вскормленный Превилемъ.

выстрѣлы, которые попадутъ за кругъ, будутъ не въ счетъ. Дуэль кончилась веселымъ завтракомъ въ ближайшемъ трактирѣ.

Дезессаръ очень любилъ и уважалъ Дюгазона. Онъ считалъ его, — и я съ нимъ въ этомъ вполне согласенъ, — первымъ изъ учителей, и отличнѣйшимъ мимомъ.

— «Представьте себѣ, — говорилъ онъ не разъ, — что этотъ шутъ придумалъ сорокъ способовъ двигать носомъ, наименѣ подвижнымъ членомъ человѣческаго тѣла.»

Теперь скажу нѣсколько словъ о дамахъ.

Госпожа Вестрисъ была сестра Дюгазона, и дебютировала 19 декабря 1768 года, въ роли Аменанды въ «*Танкредъ*»; потомъ въ роляхъ Ариадны, Идамен, Альзиры и Заиры. Она играла также и въ комедіи, Селимену въ «*Мизантропъ*», Нанину и Меланію. Ея дебюты въ трагедіи были очень блистательны; въ ней видѣли молодую артистку, могущую замѣнить госпожу Клеронъ, и она была принята въ 1769 году. Въ госпожѣ Вестрисъ было мало чувства; но она превосходно играла роли, требующія только величія, правильной дикціи, благородной осанки. Поэтому она имѣла огромный успѣхъ въ роляхъ Родогюны, Лаодики въ «*Никомедъ*» и Виріарты въ «*Серторіи*». Дюбеллуа далъ ей роль Габріели де-Вержи, Шамфоръ — роль Роксоланы въ «*Мустафъ и Зеангиръ*»; Вольтеръ — роль Ирены.

Во время раздѣленія Французской-Комедіи госпожа Вестрисъ перешла съ нами на театръ Ришельёвской улицы.

Госпожа Тальма, извѣстная сначала подъ именемъ дѣвочки Ванговъ, а потомъ госпожи Пети, дебютировала 8 октября 1785 года, въ «*Ифигеніи въ Авлидѣ*», и была принята въ началѣ 1786 года. Каролина Ванговъ родилась въ Гагъ; отецъ ея былъ преемникомъ Бризара во Французскомъ театрѣ; Бернильи говорилъ о немъ; «*Le vieux Vanhove, si paternel et si bon*» Видя необыкновенныя способности дѣвочки, родители маленькой Ванговъ стали прочесть ее на театрѣ; мать ея была первою ея наставницею и, подъ ея руководствомъ, она выступила на сцену въ дѣтскихъ роляхъ. Публика приняла чрезвычайно милостиво прелестную дѣвочку, которая такъ мило играла юнаго Юаса въ Расиповой «*Говолии*» и Луизу въ «*Мнимомъ больномъ*.»

Когда маленькой Ванговъ минуло десять лѣтъ, мать взяла ее со сцены, понимая, что ей пора отказаться отъ дѣтскихъ представленій и серьезно готовиться къ драматическому поприщу. Одно только по-

слушаніе волю родителей принудило ее приняться за эти занятія ; она чувствовала болѣе склонности къ созерцательной жизни и желала уединиться въ какую нибудь обитель.

Дориваль былъ ея наставникомъ и уроки этого опытнаго артиста увѣщались самымъ блестящимъ успѣхомъ. Рѣдкій талантъ, который она являла ребенкомъ, и любовь къ ней публики были еще памятны, когда она снова вступила на сцену, четырнадцати лѣтъ.

Самые старые любители театра не могли припомнить такого ранняго и такого блистательнаго дебюта. Дѣвица Ванговъ съ равнымъ успѣхомъ являлась въ трагедіи, въ драмѣ и въ комедіи. «Весь Парижъ, говоритъ Башомонъ, сбѣгался смотреть на это диво.» Лагарпъ, отдавая отчетъ о дебютахъ маленькой Ванговъ, говоритъ: «Она кумиръ публики; ея молодость, ея голосъ, самый трогательный голосъ, какой раздавался на парижской сценѣ со временемъ госпожи Госсенъ, ея наивная чувствительность, вполне оправдываютъ этотъ энтузіазмъ, и можно надѣяться, что ея будущее не обманетъ ожиданій».

Дѣйствительно, время оправдало ожиданія. По случаю состязанія молодой артистки съ госпожею Конта, былъ напечатанъ слѣдующій мадригалъ, сочиненный въ честь ея господиномъ Салиоромъ :

Que Contat, nouvelle Eriphyle,
 Contre toi de l'envie épuise tous les traits,
 Paris répond avec Achille:
 Vous m'en voyez encore plus épris que jamais.

Дѣвица Ванговъ была въ первомъ замужествѣ за талантливымъ хореграфомъ Пети. О второмъ ея замужествѣ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ.

ГЛАВА XI.

Едва-ли кто умѣетъ лучше писателя хватать на лету благоприятный случай. Если у автора лежитъ въ портфели готовая драма или книга, будьте увѣрены, что онъ уловитъ удобную минуту, чтобы пустить свое дѣтище въ свѣтъ, хотя-бы оно проносилось съ быстротою молніи. У Маріи-Жозефа де-Шенъе, котораго въ то время величали еще кавалеромъ де-Шенъе, цѣлый годъ уже лежала трагедія «Карлъ-Десятый», и онъ тщетно добивался ея представленія. Дож-

давшись июля 1779 года, и увѣрившись въ томъ, что общественное мнѣніе заговорить въ его пользу, онъ началъ настоятельно требовать ея представленія.

Я, какъ пріятель автора, первый предложилъ поставить «*Карла-Деятаго*»; но мои единомышленники составляли меньшинство въ комитетъ Французской-Комедіи. Предложеніе мое было отвергнуто и представленіе пьесы отложено на неопредѣленное время. Всего-же лучше то, что я самъ, всѣхъ усерднѣе хлопотавшій за пьесу Шенье, долженъ былъ, какъ секретарь комитета, написать ему слѣдующій отвѣтъ :

«Милостивый государь,

«Французской-Комедіи весьма прискорбно, что она не можетъ принять предложенія, которымъ вы почтили ее. Вотъ, слово въ слово, отвѣтъ, который она дала другому автору, который находится въ такихъ-же обстоятельствахъ, какъ вы, и который также возобновилъ нынче свое домогательство.

«Французская Комедія не можетъ, въ настоящее время измѣнить своего стариннаго устава, и должна соблюдать его до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ данъ ей другой.

- «Повѣрьте, милостивый государь, искреннему желанію моихъ товарищей, чтобы вамъ удалось устранить препятствія къ представленію вашей трагедіи, и вы увидите тогда, какія старанія они приложатъ, чтобы представить публикѣ новое произведеніе поэта, увѣнчаннаго уже столькими заслуженными лаврами.

«Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ которымъ я имѣю честь быть,

«Милостивый государь,

«вашимъ покорнѣйшимъ слугою,

«*Тальма.*»

Это былъ отказъ на неопредѣленное время. Шенье и его пріятели поняли это; но зная, съ какимъ нетерпѣніемъ публика ожидала новой пьесы, они не потеряли надежды и рѣшились добиться представленія «*Карла IX*» во что бы то ни стало.

Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до вечера 19 августа 1789 года. Въ этотъ вечеръ, публика изъявила желаніе видѣть эту пьесу.

На слѣдующій день депутація отъ Французской-Комедіи отправи-

лась въ собраніе представителей Парижской общины. Присутствующіе члены выслушали ея просьбу и положили отнести объ этомъ предметъ къ общему собранію. Журналь подписали : графъ-де-Миromениль, графъ Буври де-Корберонъ, Фурна де-Граншанъ, де-Коденъ, Фошэ, Дюфуръ, Питра де-Корбиньё и де-Верженнь.

Въ тотъ-же день просьба была препровождена общему собранію, которое постановило : «Вслѣдствіе донесенія депутатовъ Французской-Комедіи общее собраніе повелѣваетъ представить ей пьесу подъ названіемъ «*Карль IX*,» для разсмотрѣнія и постановленія рѣшенія. «Подписано : Вовилье, президентъ ; Лакретель, секретарь.»

Разсмотрѣвъ пьесу, собраніе разрѣшило ея представленіе.

Авторъ тотчасъ роздалъ роли. Роль Карла IX приходилась Сень-Фало, но Сень-Фаль, человекъ кроткій, смиренный, игравшій преимущественно любовниковъ, не посмѣлъ взяться за роль, столь несогласную съ характеромъ его таланта и упросилъ Шенье отдать ее другому, а ему дать роль короля Наварскаго. Такимъ-образомъ, роль Карла IX досталась мнѣ.

Для меня, съ самаго дебюта не создавшаго ни одной новой роли, это было такимъ счастіемъ, какого я не смѣлъ и надѣяться. «*Карль IX*» долженъ былъ открыть мнѣ путь къ славы. По этому можно судить, съ какимъ рвеніемъ я принялся за изученіе роли. Я торопился репетиціи всѣмъ небольшимъ вліяніемъ, какое имѣлъ въ труппѣ и долженъ-сознаться, что не встрѣтилъ большихъ препятствій со стороны товарищей, потому, что все они рассчитывали на огромный успѣхъ, и артистическій и денежный. И вдругъ все наши расчеты были разрушены недоброжелателями автора, котоныя противъ него интриговали. Мы получили повѣтку, которою увѣдомлялись что представленіе трагедіи *Карль IX* отложено снова на неопредѣленное время и только 4-го ноября «*Карль IX*» явился на сценѣ.

Можно представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ этого торжественнаго дня. Съ ролью Карла IX былъ связанъ вопросъ о всей моей будущности, отъ нея ожидалъ я того луча славы, который дозволяетъ артисту устремить первый взглядъ свой въ потомство. Она должна была показать мнѣ, привели-ли меня мои размышленія и добросовѣстный трудъ къ соразмѣрному имъ результату. Тутъ дѣло шло уже не о Сеидъ, Нерестанъ или Сентъ-Альбенъ, въ которыхъ я могъ пожать благосклонныя рукоплесканія, какихъ почти всегда

удостоивается молодой дебютантъ. Я долженъ былъ явиться въ Карль IX, въ твореніи, которое уже болѣе году было ожидаемо съ такимъ нетерпѣніемъ, и котораго успѣхъ долженъ былъ возрасти всею мѣрою долгаго ожиданія.

Я не могъ нарадоваться отказу Сень-Фаля; еще прежде, какъ только рѣшено было представленіе пьесы, и роли не были еще расpredѣлены, я уже съ завистью помышлялъ объ этой роли и о счастливцѣ, которому она достанется. Я понималъ, что на театрѣ изъ характера, заключающагося именно въ безхарактерности, какъ роль Карль IX; искусный артистъ можетъ создать нѣчто въ высшей степени драматическое.

Какъ скоро было объявлено представленіе, толпы любопытныхъ стали тѣсниться по всемъ улицамъ передъ афишами. Въ день представленія театрѣ съ самаго утра былъ осажденъ, въ буквальномъ смыслѣ слова. Когда двери отворились, толпа и толкотня были такія, какихъ не видано никогда, даже въ безденежныя представленія; но едва раздались три удара, возвѣщающіе поднятіе занавѣса, все стихло, и во всей залѣ водворилось самое глубокое молчаніе.

Успѣхъ, какъ слѣдовало ожидать, былъ безпримѣрный; тридцать три представленія были какъ-бы однимъ безпрерывнымъ торжествомъ. Я пожалъ и свою долю въ успѣхъ пьесы, и съ этого дня сталъ считаться артистомъ, выходящимъ изъ обыкновеннаго разряда. У меня сохранился клочекъ газеты, заключающій оцѣнку моей игры въ этой роли; вотъ она: «Искусство, съ какимъ господинъ Тальма умѣлъ выразить все противоположныя черты своей роли, строгая вѣрность его костюма и особенно игра фizioноміи, произвели глубокое впечатлѣніе; но онъ не избѣгъ недостатковъ, которые, къ сожалѣнію, происходятъ изъ его главныхъ достоинствъ; онъ впадаетъ иногда въ однообразіе и прибѣгаетъ къ крикамъ, которые онъ долженъ бы предоставить посредственности; мы надѣемся, впрочемъ, что у него это только слѣдствіе неопытности.»

Съ этого времени мѣсто мое было опредѣлено между артистами.

Между тѣмъ многое измѣнилось въ положеніи Французской Комедіи. Парижская городская дума мало-по-малу заступила мѣсто камергеровъ, управлявшихъ театромъ. Герцогъ де-Ришельё не выходилъ въ отставку, а управленіе все-таки перешло, съ нѣкотораго времени, въ руки парижскаго мера, Балли, и мы отъ него получа-

ли приказанія, которыя прежде получали отъ двора. Это положеніе между двухъ властей, было для насъ чрезвычайно неудобно; и мы рѣшились обратиться къ меру, чтобы онъ объяснилъ намъ наши отношенія.

Господа Молё, Дюгазонъ, Нодё и Сенъ-При были отправлены депутатами въ ратушу. Когда ихъ впустили въ кабинетъ мера, Молё повелъ рѣчь.

— Господинъ Меръ, — сказалъ онъ, — мы явились отъ имени артистовъ Французской комедіи, засвидѣтельствовать вамъ ихъ глубокою почтеніе и представить вамъ, что мы уже болѣе ста лѣтъ пользуемся званіемъ королевскихъ актеровъ; это званіе даровано намъ милостію короля, объявленною намъ господиномъ камергеромъ, завѣдывающимъ театромъ; и мы желаемъ сохранить это званіе во всей его обширности, во все время, пока будемъ заниматься искусствомъ, которое нашъ просвѣщенный вѣкъ причисляетъ къ благороднымъ искусствамъ.

Бали наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Между тѣмъ, продолжалъ Молё, получивъ отъ господина де-Ришлѣ приказаніе относиться къ господину парижскому меру по всемъ подробностямъ, касающимся нашихъ спектаклей, мы полагаемъ, что это приказаніе распространяется только на полицейскія распоряженія.

— Господа, — отвѣчалъ Бали, — мнѣ весьма пріятно, что я могу разрѣшить ваше недоумѣніе на этотъ счетъ. Его величество король возложилъ на меня всю власть надъ королевскими театрами, въ какую были до нынѣ облечены господа камергеры, и меня удивляетъ, что министръ не уведомилъ васъ объ этомъ. Впрочемъ, господа, мнѣ извѣстно, что нѣкоторымъ изъ васъ эта перемѣна не по сердцу, и что вы приступаете ко мнѣ съ сомнѣніемъ, тогда какъ должны бы приходиться съ полною довѣренностью. Я люблю искусства и буду поощрять ихъ, не менѣе прежнихъ вашихъ директоровъ; а въ доказательство я прошу васъ, господа, сообщить мнѣ нѣкоторыя подробности о вашемъ внутреннемъ управленіи, которыя не могутъ быть мнѣ извѣстны, по причинѣ моего недавняго вступленія въ должность. Не откажите мнѣ въ этихъ свѣдѣніяхъ, господа, потому-что со временемъ это можетъ послужить къ вашей пользѣ.

— Господинъ меръ, — перебилъ Сенъ-При, — позвольте намъ сперва отвѣчать на первую часть вашей рѣчи. Не приписывайте недовѣрію

того, что Французская Комедія, будучи поставлена между двухъ властей, которыя она равно уважаетъ, можетъ явить нѣкоторую нервность въ своихъ дѣйствіяхъ, не подвергаясь за это обвиненію въ недоверіи.

— Именно такъ, господинъ меръ,—подхватилъ Дюгазонъ;—представьте себѣ, что бывшее мое начальство во Французской Комедіи не уведомило меня о передачѣ своей власти въ ваши руки, а я приду просить позволенія взять впередъ полтрети моей доли, бывший мой начальникъ, господинъ камергеръ можетъ обидѣться тѣмъ, что я обратился къ нему, и я буду безъ вины виноватъ.

— Господинъ Дюгазонъ,—отвѣчалъ Балли;—я уже имѣлъ честь объяснить вамъ, что король соизволилъ возложить на меня всю власть, въ какую были донинѣ облечены господа камергеры по управленію театровъ. Впрочемъ, допустивъ возможность такого столкновенія властей, я отвѣчу вамъ, что зная васъ, какъ даровитаго артиста и честнаго человѣка, господинъ камергеръ дастъ вамъ полтрети доли изъ суммы, жалуемой его величествомъ, а я разрѣшу вамъ взять полтрети изъ вашей доли въ сборъ; такимъ образомъ, вмѣсто полтрети, вы получите цѣлую треть.

— А наше званіе королевскихъ артистовъ? сказалъ Дюгазонъ.

— Вы, кажется, очень дорожите этимъ званіемъ, господа? замѣтилъ Балли, улыбаясь.

— Какъ-же! это монаршая милость, которую мы стяжали талантомъ и трудомъ, отвѣчалъ Дюгазонъ.

— И вы совершенно правы, господа! По моему мнѣнію, никто не можетъ отнять у васъ этого званія. Впрочемъ, будьте увѣрены, господа, что я не замышляю ничего противнаго вашимъ выгодамъ и желаніямъ; вы имѣете дѣло съ честнымъ человѣкомъ, который желаетъ только добросовѣстно опредѣлить права и обязанности возложенной на него должности; достигнувъ этой цѣли, я общаю вамъ, что мое правосудіе и сочувствіе къ вашимъ нуждамъ и къ пользѣ искусства примирять васъ съ моимъ управленіемъ.

Депутаты поклонились. Но дѣ поблагодарилъ Балли, и потомъ сказалъ:

— Господинъ меръ, мы желали бы сдѣлать вамъ еще одинъ вопросъ, но боимся отрывать васъ отъ болѣе важныхъ занятій.

— Извольте говорить, господа, отвѣчалъ Балли; мнѣ весьма пріятно съ вами бесѣдовать.

— Носился слухъ, началъ Нодѣ, что Французскій театръ будетъ переименованъ въ Национальный театръ; полагаете-ли вы, что это званіе будетъ намъ дѣйствительно даровано?

— Конечно.

— Но, господинъ меръ, — подхватилъ Молѣ — позвольте мнѣ предложить вамъ одно замѣчаніе.

— Я слушаю, господинъ Молѣ.

— Я полагаю, что какъ ни почетно новое званіе, даруемое намъ, оно не должно лишать насъ прежняго; что ставъ артистами національнаго театра, мы можемъ сохранить званіе королевскихъ придворныхъ артистовъ.

— Вы тонкій юристъ, господинъ Молѣ, отвѣчалъ Балли, смѣясь; я вполне согласенъ съ вами, что одно званіе не должно устрѣнять другаго; но какъ-же вы составите свою афишу?

— Очень просто, господинъ меръ. Мы поставимъ въ заголовкѣ:

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ.

Королевскими придворными артистами будетъ представлено:

— И прекрасно, — сказалъ Балли, — стало быть всѣ недоумѣнія разрѣшены. Распорядитесь такимъ образомъ, я согласенъ.

За тѣмъ послѣдовали объясненія, которыхъ желалъ Балли, о кругѣ власти камергеровъ по управленію королевскими театрами. Власть ихъ была совсѣмъ не такъ обширна, какъ вообще полагали. Они объявляли королевскія милости, назначали спектакли, принимали новыхъ артистовъ, и давали отставку старымъ; въ денежныя дѣла и расчеты они не мѣшались, Балли объявилъ, что онъ принимаетъ только власть принадлежавшую имъ; и представитъ намъ самимъ расчеты и денежныя дѣла.

Оставался вопросъ объ отпускахъ. Было рѣшено, что недѣльные и двухнедѣльные отпуска мы будемъ получать отъ своего комитета; на болѣе продолжительные-же будемъ просить разрѣшенія Балли. При этомъ онъ замѣтилъ, что герцогъ Ришельё предупредилъ его, что королевскіе придворные артисты не имѣли права отлучаться безъ дозволенія своего начальства. Это было совершенно справедливо.

Наши депутаты поклонились.

Въ это время носились слухи, объ открытіи другаго французскаго театра. Сеиъ-При спросилъ основателевъ—ли этотъ слухъ, но Бальи отвѣчалъ уклончиво.

За тѣмъ было приступлено къ вопросу о правѣ собственности на пьесы. Бальи объявилъ, что онъ въ это не можетъ мѣшаться, потому—что все вопросы о правахъ собственности подлежатъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ.

Депутаты еще разъ поклонились и простились съ Бальи, который отпустилъ ихъ съ новыми увѣреніями въ своемъ участіи и въ готовности служить артистамъ и искусству всеми зависящими отъ него средствами.

Такимъ образомъ Французская Комедія получила названіе Національнаго театра, а актеры сохранили прежнее свое званіе королевскихъ придворныхъ артистовъ.

ГЛАВА XII.

Зима 1790 года наступала въ такомъ—же неблагопріятномъ видѣ, какъ и предъидущая. Повсюду свирѣпствовали нищета, холодъ и голодъ.

Парижская городская дума обратилась къ общей благотворительности. Французская—Комедія поспѣшила внести свою посильную лепту для облегченія страждущихъ. Мы дали два представленія въ пользу вдовъ; эти два представленія дали сбору 6,454 франка 13 су. Комитетъ положилъ, что эта сумма будетъ препровождена въ Городскую Думу, съ просьбою, употребить треть ея въ пользу Кордельерскаго округа, въ которомъ находился театръ. Это рѣшеніе состоялось 30 января 1790 года, и въ тотъ—же день Дюгазонъ, Дезессаръ, Дазенкуръ и Ноде были отправлены въ Думу съ приношеніемъ своихъ товарищей. Когда они явились въ присутствіе, Дазенкуръ произнесъ, отъ имени товарищей, слѣдующую рѣчь, которая довольно хорошо выражаетъ духъ времени:

«Милостивые государи! Придворные французскіе артисты его величества, играющіе на Національномъ театрѣ, желаютъ поднести Парижской городской Думѣ выручку двухъ представленій, назначаемую ими на вспомошествованіе неимущимъ, и составляющую 6454 фран-

ка 13 су. Изъ этой суммы слѣдуетъ выключить 792 франка 13 су, принадлежащія, по праву автора, господину Шенье, и имъ пожертвованные въ пользу своего округа. Изъ остающейся за тѣмъ суммы, мы покорнѣе просимъ васъ, милостивые государи, употребить одну треть въ пользу Кордельерскаго округа, Французскій театръ, находясь въ чертѣ этаго округа, ежедневно видитъ нужды его жителей, требующія безотлагательной помощи.

«Мы желали-бы, также, милостивые государи, содѣйствовать, по мѣрѣ своихъ силъ, челолюбивому учрежденію г. Мера, и вручить ему сумму, какую вамъ благоугодно будетъ назначить. Национальный театръ, движимый состраданіемъ къ ближнему и встрѣчая такое лестное поощреніе съ вашей стороны, не отступитъ въ это тяжелое время отъ пожертвованій, какія предложить ему ваше мудрое и дѣятельное челолюбіе.

«Мы поставляемъ себѣ за честь порученіе, возложенное на насъ товарищами, возобновить Парижской Городской думѣ увѣреніе въ нашемъ глубокомъ почтеніи и совершенной преданности».

За тѣмъ, обращаясь къ президенту, аббату Мюло, Дазенкуръ продолжалъ :

«А вы, господинъ президентъ, кому просвѣщенный умъ и чувство христіанской любви внушили такой справедливый и лестный отзывъ объ одномъ артистѣ *, назвавъ его однимъ изъ тѣхъ полезныхъ людей, которые проповѣдуютъ нравственность съ театральныхъ досокъ, примите изъявленіе глубокаго почтенія и благодарности, которыя вѣчно будутъ питать къ вамъ представители и органы перваго и самаго просвѣщеннаго изъ театровъ, — Французской-Комедіи.»

Приношеніе наше было тотчасъ отправлено въ Кордильерскій округъ, который благодарилъ насъ слѣдующимъ письмомъ :

«Милостивые государи!

«Кордильерскій округъ получилъ отъ Городской Думы сумму, которую вы изволили удѣлить ему изъ выручки представленій «*Карла IX*,» данныхъ вами въ пользу бѣдныхъ. Округное собраніе поручило мнѣ изъяснить вамъ его искреннюю благодарность за это пожертвованіе, которымъ вы пріобрѣтаете новое право на уваженіе вашихъ согражданъ. Великодушіе ваше тѣмъ достойнѣе похвалы, что

* Болье, артистъ театра Палеройяля.

выручки ваши въ последнее время стали слабы. Помогать страждущему человечеству, раздѣляя съ бѣдными плоды своихъ дарованій и усилий, не достаточно ли было бы этого, чтобы разрушить несправедливое, нелѣпное предубѣжденіе противъ вашего званія, которое пало только передъ образованностью нашего вѣка.

«Вамъ извѣстно, милостивые государи, что граждане, составляющіе Кордильерскій округъ, предупредили законъ, возстановившій ваши права; и мы убѣждены, что это выгодное мнѣніе станетъ скоро всеобщимъ, если только вашъ театръ будетъ по прежнему школою нравственности, любви къ отечеству и источникомъ просвѣщенія.

«Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, и проч.

«Царь, президентъ.»

Между-тѣмъ, среди общей нищеты и голода, среди совѣщаній Национальнаго Собранія и распоряженій Думы, литература шла своимъ чередомъ. Одинъ за другимъ выступали на нашей сценѣ люди, которыхъ имена должны были впоследствии озариться славою совершенно другаго рода. 7-го декабря 1789 года, я игралъ роль Жуана въ «Судья крестьянинъ» Колло-д'Эрбуа; потомъ роль Данжаса въ «Честномъ преступникѣ» Фенульо-де-Фальбера; роль Дориньи въ «Графъ-де-Коменжъ», Арно-Бакюлара, и роль Даркура въ «Пробужденіи Эпименида», Фленъ-де-Оливье. Сверхъ того, Шенье роздалъ свою новую трагедію «Генрихъ VIII», въ которой я долженъ былъ исполнить главную роль. Со времени представленія «Карла IX», я сталъ большимъ пріателемъ съ Шенье.

Наступилъ день ежегоднаго открытія театра; этотъ день былъ всегда торжествуемъ рвѣчью къ публикѣ. Комитетъ, на обязанности котораго лежало составленіе этой рѣчи, сочинилъ рѣчь очень вялую, скажу даже — пошлую. Мнѣ поручено было произнести ее. Не желая явиться передъ публикою съ такою дрянью, я обратился къ Шенье съ просьбою написать другую рѣчь. Онъ тотчасъ принялся за дѣло, и въ тотъ-же день рѣчь была готова. Я представилъ ее комитету; но комитетъ отвергъ ее, какъ слишкомъ рѣзкую. Боясь, что я, можетъ-быть, увлекался своимъ образомъ мыслей, я отнесъ рѣчь къ Балби, который не нашелъ въ ней ничего неприличнаго, и разрѣшилъ мнѣ произнести ее отъ имени товарищей.

Я поклонился и прочелъ рѣчь Шенье, которую всѣ привѣтствовали невыразимымъ энтузіазмомъ.

Это было началомъ разрыва между мною и нѣкоторыми изъ моихъ товарищей, который скоро образовалъ между нами цѣлую бездну.

Въ этоже самое время, я велъ важное дѣло; я собирался жениться на женщинѣ, известной въ артистическомъ свѣтѣ просто подъ именемъ Юліи. Она была годами пятнадцатую старше меня, но еще премилая женщина. Многіе приписывали этотъ бракъ съ моей стороны денежнымъ расчетамъ, но они очень ошибались. Главною причиною, побудившею меня къ женитьбѣ, было то, что мнѣ надоѣла холостая жизнь, въ которой я долженъ былъ самъ обо всемъ заботиться. Артистъ, съ своими серіозными, артистическими занятіями, всѣхъ болѣе нуждается въ спокойствіи семейнаго быта. Въ холостой жизни, всегда окруженный пріятелями, которые забавляли меня, всегда преслѣдуемый кредиторами, я тщетно искалъ въ своемъ домашнемъ быту той опоры и ограды отъ ежедневныхъ заботъ, которыя необходимы артисту для успѣшного приготовленія себя къ будущности. Союзъ мой съ Юліею представлялъ мнѣ всѣ эти выгоды.

Но вещи, по видимому самыя простыя и легкія, сопряжены съ безчисленными препятствіями. Первое препятствіе къ исполненію своего желанія, встрѣтилъ я со стороны отца. Узнавъ, что моя невеста пятнадцатую годами старше меня, онъ представилъ мнѣ нѣкоторые возраженія, вполне справедливыя, ибо онъ впоследствии оправдались. Однако-же я настаивалъ, и наконецъ получилъ отъ него письмо отъ 18 мая 1790 года, которымъ онъ соглашался на мою женитьбу.

Но согласія отца, было недостаточно; мнѣ нужно было еще согласіе приходскаго священника. Я пошелъ къ нему, просить его распорядиться церковнымъ оглашеніемъ; но онъ отказалъ мнѣ на отрывъ, сказавъ, что скоморохи, отлученные отъ церкви, недостойны таинства брака. Послѣ закона, предоставлявшаго актерамъ равныя права съ прочими гражданами, такой отвѣтъ былъ слишкомъ оскорбителенъ. Я обратился къ Національному Собранію. Письмо мое было прочтено въ засѣданіи 12 іюня 1790 года. Вотъ его содержаніе:

«Милостивые государи!

«Я прибѣгаю къ защитѣ законовъ и прошу васъ оградить мои

права гражданина, которыхъ эти законы не лишаютъ меня, ибо они не исключаютъ изъ числа гражданъ того, кто посвятилъ себя драматическому поприщу. Я избралъ себѣ подругу жизни, съ которою желаю сочетаться законнымъ бракомъ, отецъ мой согласился на мое желаніе, и я явился къ приходскому священнику церкви святаго Сюльпиція, прося его распорядиться церковнымъ оглашеніемъ. Получивъ отъ него отказъ, я возобновилъ свое требованіе офиціальнымъ порядкомъ; но онъ отвѣчалъ, что церковные законы воспрещаютъ допускать актера къ таинству брака, пока онъ не отречется отъ своего званія. Я вѣрую въ Бога, и соблюдаю все предписанія римско-католическаго исповѣданія, можетъ-ли христіанская религія допускать безнравственность?

«Я могъ-бы, конечно, отречься отъ своего званія, и на слѣдующій день поступить въ него снова; но я не желаю сдѣлаться недостойнымъ религіи, и оскорблять законовъ.»

Это письмо произвело сильное ощущеніе въ собраніи и, послѣ непродолжительныхъ разсужденій, въ которыхъ участвовали гг. Гупи, аббатъ Гуть и Бушь, оно передано въ комитетъ духовныхъ дѣлъ.

На третій день послѣ этого происшествія, было назначено празднество Федерациі. Французская Комедія должна была дать по случаю этого торжества новую пьесу, нарочно для того написанную, подъ названіемъ «*Журналистъ тѣней, или Момусъ въ Елисейскихъ поляхъ*», въ которой мнѣ поручена была роль Жанъ-Жака Руссо. Я видалъ его раза два или три, когда я былъ еще почти ребенкомъ.

Послѣ перваго представленія «*Карла IX*», меня осыпали похвалами за искусство, съ какимъ я умѣлъ дать своему лицу сходство съ изображаемымъ лицомъ. Давидъ говорилъ мнѣ, что меня можно было принять за портретъ, снятый со стѣны Луврской галлерей. Я рѣшился, если возможно, еще лучше поддѣлаться подъ лицо Женевского философа. Старанія мои были награждены самымъ блистательнымъ успѣхомъ.

Но какъ ни успѣшно было это представленіе, умы были заняты другимъ, гораздо важнѣйшимъ предметомъ: празднествомъ Федерациі. Оно было назначено на 14 іюля, и всѣ части Франціи отправили къ этому дню своихъ представителей въ Парижъ на Марсово поле. Парижская городская дума распорядилась немножко поздно: многимъ

депутатамъ предстояло до полутора ста миль пути, а многіе изъ нихъ, по бѣдности, могли идти только пѣшкомъ.

ГЛАВА XIII.

Послѣ тридцать-третьяго представленія *«Карла IX»*, Французская Комедія получила не то что приказаніе, а предложеніе отъ Городской Думы прекратить на нѣкоторое время представленія этой пьесы. Театръ повиновался и отложилъ *«Карла IX»*, будто-бы для того, чтобы смѣнить его *«Генрихомъ VIII»*, который въ то время репетировали.

Никто не терялъ отъ этого болѣе меня, это была первая значительная роль; съ нея началась моя артистическая слава. Но былъ еще другой человекъ, который столько-же досадовалъ на эту отмену: это былъ Шенье. Ему вовсе не хотѣлось пустить своего *«Генриха VIII»*, чтобы предать преждевременному забвенію *«Карла IX»*, и потому онъ написалъ Французской-Комедіи, прося ее отложить на нѣкоторое время его новую пьесу и приняться опять за *«Карла IX»*. Письмо Шенье было отъ 15 мая. 17-го Мая, Комитетъ Французской-Комедіи постановилъ слѣдующее рѣшеніе: «Французская-Комедія не можетъ удовлетворить требованія господина Шенье, сообщеннаго въ его письмѣ отъ 15 числа; поэтому она положила, что если онъ намѣренъ противиться представленію *«Генриха VIII»* въ настоящее время, она принуждена будетъ отнести эту пьесу въ конецъ своего списка новостей, не имѣя ни права, ни возможности откладывать или перемѣщать представленіе пьесъ, состоящихъ на очереди. Французская-Комедія считаетъ себя при этомъ въ правѣ требовать отъ господина Шенье вознагражденія за убытки, причиненные ей различными расходами на постановку этой трагедіи, и значительную потерю времени на разученіе ея. Слѣдовательно, Французская-Комедія сохранить на своихъ афишахъ объявленіе: Въ непродолжительномъ времени первое представленіе *«Генриха VIII»* и *«Анны Болейнъ»*».

Дѣло оставалось въ этомъ положеніи около двухъ мѣсяцевъ. Комитетъ уже воображалъ, что Шенье побѣжденъ, или что ему надобна борьба; но вмѣсто того, онъ только готовился къ новой атакѣ.

По случаю праздника Федерациі, онъ написалъ къ Французской-Комедіи другое письмо, слѣдующаго содержанія: «Милостивые госу-

дари! Получая отовсюду, особенно же отъ многихъ депутатовъ, прѣхавшихъ на праздникъ Федерациі, изъявленія желанія видѣть «*Карла IX*», покорнѣйше прошу васъ назначить на будущей недѣль тридцать четвертое представленіе этой трагедіи, независимо отъ другой пьесы, которую я написалъ по случаю торжества. Я счелъ долгомъ прибавить къ роли канцлера Лопиталья нѣсколько стиховъ, относящихся къ настоящему событію, потому-что дорожу каждымъ случаемъ порадоваться общей радости отечества; вы же, милостивые государи, не можете удачнѣе явить свою любовь къ отечеству, какъ представленіемъ этой пьесы, единственной истинно-патріотической трагедіи на французскомъ театрѣ, трагедіи, которой предметъ такъ достоинъ сцены, по сужденію Вольтера, перваго судьи въ этомъ дѣлѣ, какъ вамъ извѣстно. Я первый воспользовался также, въ этой трагедіи, случаемъ воздать достойную хвалу доблестному монарху, который царствуетъ надъ нами».

Французская-Комедія не знала, что ей отвѣчать, и не отвѣчала. Шенье обратился къ Сенъ-Фалю, дежурному по репертуару. Вотъ его письмо:

«Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, напомнить вашимъ товарищамъ, что я просилъ ихъ дать нѣсколько представленій моей трагедіи «*Карла IX*». Если они не заблагоразсудятъ исполнить мое желаніе, то потрудитесь объявить имъ, что я въ самомъ непродолжительномъ времени отдамъ свою трагедію на другой публичный театр. Если я не получу отвѣта сегодня-же, то приму это молчаніе за отказъ.

«Имѣю честь возобновить вамъ лично, милостивый государь, увѣреніе въ глубокомъ уваженіи, которое я питаю къ вашему таланту и къ прекраснымъ свойствамъ вашей души.

«Марія-Жозефъ Шенье».

Какъ видно изъ этой подписи, Шенье уже откинулъ въ это время изъ своего имени частицу *де*.

На этотъ разъ Французская-Комедія рѣшилась отвѣчать; вотъ ея отвѣтъ: «Милостивый государь! Въ отвѣтъ на изъявленное вами желаніе, мы можемъ только сослаться на уставъ, которому вы сами изволили подчиниться. Трагедія «*Карлъ IX*» подлежитъ силѣ 22 статьи этого устава, вы имѣете право на возобновленіе ея, но не благоугодно-ли будетъ вамъ о томъ условиться съ Французскою-

Комедию. Одна справедливость руководствует нашими дѣйствіями; и когда въ маѣ мѣсяцъ вы взяли у насъ обратно «*Карла IX*», объявленнаго на слѣдующую субботу, мы имѣли честь представить вамъ, что намъ возможно будетъ возобновить вашу трагедию не иначе, какъ послѣ другихъ пьесъ, стоящихъ на очереди, и которыхъ возобновленіе должно предшествовать возобновленію вашей, по порядку первыхъ представлений».

Шенье не довольствовался этимъ уклончивымъ отвѣтомъ, и въ тотъ же вечеръ, въ кофейнѣ Фoa, написалъ общую просьбу отъ имени всѣхъ желавшихъ видѣть «*Карла IX*». Эта просьба, адресованная Французской-Комедіи депутатами департаментовъ и подписанная множествомъ лицъ, оканчивалась слѣдующими словами: «Мы просимъ васъ уволить насъ на нѣкоторое время отъ вашихъ старыхъ классическихъ пьесъ, которыя мы все знаемъ наизусть; будьте увѣрены, что не Корнельемъ, не Расиномъ и не Вольтеромъ вы заманите къ себѣ публику и выдержите состязаніе съ новыми пьесами, являющимися на другихъ театрахъ. Мы можемъ пробыть въ Парижѣ не болѣе недѣли, и конечно не будемъ тратить времени на то, чтобы смотрѣть *Дидону* и *Заиру*.»

Французская-Комедія оставила эту просьбу безъ отвѣта. Но черезъ два дня она получила другое письмо, подписанное президентомъ Кордильерскаго округа, Дантономъ, и принесеннаго двумя депутатами этого округа, Ложандромъ и Бюретъ-де-Верьеромъ. За Дантономъ послѣдовалъ Мирабо, который также просилъ представленія «*Карла IX*», отъ имени провансальскихъ депутатовъ, съѣхавшихся въ Парижъ на праздникъ Федерации. И такъ, все желали «*Карла IX*», одна только Французская-Комедія не хотѣла давать его. Все эти просьбы были оставлены безъ вниманія.

Наступило 22 іюля; афиша объявляла на слѣдующій день «*Графа де-Коменжа*» и «*Охоту Генриха IV*»; объ пьесы назначены были по желанію депутатовъ города Э. Въ этотъ вечеръ когда давались «*Альзира*» и «*Пробужденіе Эпименида*», Дантонъ президентъ Кордильерскаго округа и нѣкоторые другія лица, просили артистовъ Французской-Комедіи дать одно представленіе трагедіи *Карль IX*. Подѣ сказалъ ими: — «Милостивые государи, къ крайнему нашему приискорбію, намъ невозможно исполнить ваше требованіе.»

— Почему? спросили они.

— Потому что г-жа Вестрисъ больна, а Сенъ-При въ отлучкѣ.

Я увидѣлъ, что пришло время прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ :

— Господа, — сказалъ я, — товарищъ мой Ноде, давая вамъ такой отвѣтъ, исполняетъ приказаніе комитета; но г-жа Вестрисъ не такъ больна, чтобы не была въ состояніи играть, а роль Сенъ-При можно читать.

Ноде взглянулъ на меня въ недоумѣніи; я отрѣзалъ себѣ всякое средство къ отступленію.

— Такъ вы говорите, что г-жа Вестрисъ не больна? спросилъ Дантонъ.

— Не такъ больна, чтобы изъ за нея нельзя было давать пьесы.

— Вы ручаетесь за нее?

— Ручаюсь.

Когда мы остались одни, Ноде въ бышецствѣ бросился на меня, такъ быстро, что я не успѣлъ посторониться, и далъ мнѣ пощечину. Мы тотчасъ уговорились стрѣляться на другой день. Затѣмъ занавѣсъ поднялся для маленькой пьески, которая прошла безъ помѣхи. За кулисами я встрѣтилъ Шенье и Палиссѣ и пригласилъ ихъ быть моими секундантами. Я раздвѣвался въ своей уборной и вмѣстѣ съ тѣмъ распоряжался на счетъ предстоящей дуэли, когда намъ пришли сказать, что депутація ждала меня въ фойе, чтобы просить подтвержденія моего обѣщанія.

Мы пошли въ фойе. Ноде кричалъ, что вся эта сцена была устроена мною и Шенье, что мы писали письма къ комитету, что мы подбили провансальскихъ депутатовъ, Дантона и Мирабо. Дантонъ отвѣчалъ, что его никто не подбивалъ, что онъ самъ писалъ отъ себя и отъ своего округа, потому что онъ самъ и его округъ желали видѣть «*Карла IX*», и что они его увидятъ.

Мы съ Шенье стояли въ сторонѣ. Палиссѣ подошелъ къ говорящимъ и сказалъ: — «Да, надо дать *Карла IX*, и если некому читать роль Сенъ-При, я буду читать ее.»

— А я, сказалъ я, выступая въ свою очередь, клянусь, что не буду играть ни одной роли, пока не сыграю еще разъ «*Карла IX*.»

Ноде и Дазенкуръ были побѣждены и удалились. Депутаты разошлись, сговорившись на слѣдующее утро, въ десять часовъ собраться въ кофейнѣ Фоа, чтобы оттуда идти въ Комитетъ требовать представленія *Карла IX*.

На слѣдующее утро, Французская-Комедія послала длинное письмо къ Бальи, въ которомъ она излагала все происшедшее, сваливая всю вину на меня и на Шенье.

Въ тотъ-же день я стрѣлялся съ Нодё. Насъ поставили въ двадцати шагахъ ; но, благодаря моему плохому зрѣнію, я его даже не замѣчалъ, не смотря на то, что въ немъ было пять футовъ восемь дюймовъ.

— Чего же вы смотрите ? спросили меня секунданты, видя нервительность, съ какою я наводилъ пистолеть.

— Да я ищю Нодё, отвѣчалъ я.

Нодё былъ не трусъ ; онъ подошелъ на десять шаговъ.

Дѣйствительно, я его видѣлъ, но точно сквозь густой туманъ. Я выстрѣлилъ ; пуля, кажется, прошла въ десяти футахъ отъ моего противника. Нодё выстрѣлилъ на воздухъ. Для равенства дуэли, намъ слѣдовало-бы стрѣляться черезъ платокъ. Нодё понялъ это и извинился передо мною. Мужество его было такъ извѣстно, что это извиненіе сдѣлало ему болѣе чести, чѣмъ другому сдѣлала-бы дуэль.

Въ тотъ-же день, 23 іюля, было тридцать четвертое представленіе *Карла IX*. Грамонъ читалъ роль кардинала Лотарингскаго. По окончаніи пьесы, я былъ вызванъ.

Г Л А В А XIV.

Читатели, можетъ быть, думаютъ, что этимъ исторія *Карла IX* и кончилась. Нѣтъ, это было еще только начало.

Когда разнесся слухъ, что это была интрига, затѣянная мною, я рѣшился написать къ Мирабо слѣдующее письмо : « Милостивый государь ! Я обращаюсь къ вашему великодушію, чтобы вы оградиле меня отъ несправедливыхъ обвиненій, которыя взносятъ на меня мои враги. По ихъ словамъ, не вы требовали представленія *Карла IX*, а я самъ устроилъ интригу, чтобы принудить товарищей дать эту пьесу. Недобросовѣстные журналисты разглашаютъ эту клевету печатно. Если вы не позволите мнѣ открыть истину, на мнѣ останется подозрѣніе, изъ котораго мои недоброжелатели надѣются извлечь для себя пользу. По этому прошу васъ, милостивый государь, позволить мнѣ обнаружить истину передъ публикою, которую многочисленныя враги мои стараются вооружить противъ меня.

Тальма.

Съ слѣдующею-же почтою, я получилъ отвѣтъ Мирабо ; вотъ что онъ писалъ : «Милостивый государь! Вы можете, положи руку на сердце, говорить, что я требовалъ представленія *Карла IX*, отъ имени провансальскихъ депутатовъ, и требовалъ настоятельно. Вы можете это говорить во всеуслышаніе, потому-что это совершенная правда, а я не отрекаюсь отъ своихъ дѣйствій. Спротивленіе, оказанное въ этомъ случаѣ господами артистами, если вѣрить слухамъ, было такъ обидно для публики и основано на причинахъ столь очевидно не подлежащихъ ихъ разбирательству ; сами они, наконецъ, такъ смиренно объявляли, что желаютъ удостовѣриться въ общемъ желаніи публики, — что я счелъ долгомъ разгласить ихъ отвѣтъ. Публика изъявила свое желаніе, которое, говорятъ, было дурно принято. Если-же они теперь стараются свалить всю ответственность на васъ или на кого другаго, это только остатокъ ребяческой досады, которому, мнѣ кажется, вы напрасно приписываете такую важность. Во всякомъ случаѣ, вотъ истинныя обстоятельства дѣла, которыя я охотно подписываю. Примите увѣреніе, и прочая.

Мирабо старшій.

Мирабо ошибался. Гнѣвъ Французской Комедіи на меня былъ все не остатокъ ребяческой досады ; она была взбѣшена не на шутку и удостоивала меня самой искренней и непримиримой ненависти. Въ первомъ-же засѣданіи Комитета послѣ этого событія, Флери прямо внесъ предложеніе выключить меня изъ общества, въ которое я былъ принятъ за полгода общникомъ.

— Господа, — сказалъ онъ, — я имѣю честь донести вамъ, что противъ Французской Комедіи составляется замысль.

Дюгазонъ входилъ въ эту минуту. Услышавъ этотъ грозный приступъ, и догадываясь въ чемъ дѣло, онъ запѣлъ гнусливымъ голосомъ разнощиковъ газетъ и памфлетовъ :

— Господа, интересная, любопытная новость ! достоверное и презанимательное описаніе великаго замысла, открытаго господиномъ Флери ! кому угодно, господа ?

Дюгазонъ былъ такъ забавенъ, что никто не могъ удержаться отъ смѣху ; но вражда скоро прекратила смѣхъ.

Господа артисты обратились къ одному знаменитому юристу, съ вопросомъ, можно-ли выключить меня изъ Французской Комедіи. Вотъ мнѣніе этого знаменитаго и преученаго мужа :

«Когда идетъ дѣло о товариществѣ, основанномъ на соединеніи разнообразныхъ талантовъ для удовольствія публики. Такое товарищество можетъ держаться только безусловнымъ согласіемъ всѣхъ его членовъ, и если одинъ изъ нихъ возмущаетъ общее спокойствіе, онъ долженъ подвергнуться наказанію, соответствующему степени важности его проступка.

« Не подлежитъ сомнѣнію, что поведеніе господина Тальмы, по случаю возобновленія *Карла IX*, заслуживаетъ порицанія: онъ поступилъ въ противность уставу; нарушилъ установленный порядокъ; подвергъ неприятели все товарищество.

« Онъ обвинилъ во лжи передъ публикою своего товарища, тогда, какъ ему извѣстно было, что товарищъ его говорилъ правду; следовательно, онъ самъ нарушилъ истину, и притомъ поступилъ низко.

« Онъ причинилъ безпорядокъ; заставилъ многихъ зрителей удалиться. Всѣ благонамѣренные граждане желаютъ и требуютъ выключенія господина Тальмы.

« Это самое легкое наказаніе, какое заслужилъ его поступокъ.

« Не подлежитъ сомнѣнію, что господинъ Тальма, нарушившій порядокъ спектакля, — человекъ опасный, котораго должно наказать и удалить.

« Но какимъ образомъ удалить его при настоящемъ положеніи театра? Въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія этого важнаго дѣла, господа артисты могутъ привести въ исполненіе состоявшееся между ними рѣшеніе, — не входить ни въ какое сообщеніе съ господиномъ Тальмою.»

Дѣйствительно, какъ я поклялся не играть никакой роли, пока не будетъ возобновленъ *Карлъ IX*, такъ теперь товарищи мои поклялись не имѣть со мною никакого сообщенія; мало того, они дали въ томъ взаимную подписку.

Рѣшеніе ихъ надѣлало столько-же шуму, какъ и моя клятва, и 17 сентября, когда занавѣсъ поднимался, вся зала огласилась вызовами: Тальма! Тальма! Тальма!

Явился Флѣри. — «Милостивые государи, — сказалъ онъ, — по вашему требованію, Французская Комедія возложила на меня честь объяснить вамъ, что вслѣдствіе поступковъ господина Тальмы, которыми онъ нарушилъ интересы товарищества и спокойствіе спектакля, товари-

щи сочли долгомъ прекратить всякое сообщеніе съ нимъ до окончательнаго рѣшенія дѣла надлежащею властью.

Но Дюгазонъ, который очень любилъ меня и стоялъ за меня во всей этой исторіи, выбѣжалъ въ эту минуту на сцену.

— Милостивые государи, сказалъ онъ, господинъ Флери доложилъ вамъ о мнимой измѣнѣ господина Тальмы товариществу, — и о мѣрѣ, принятой вслѣдствіе того Комитетомъ. Завтра подобная мѣра будетъ, вѣроятно, принята и въ отношеніи ко мнѣ, потому-что я обвиняю Французскую Комедію въ измѣнѣ публикѣ.

Съ этими словами Дюгазонъ вышелъ, и, не снимая лакейской ливреи, бросился въ свою карету и уѣхалъ домой; а оттуда прислалъ своего слугу объявить актерамъ, чтобы они впредь на него не считывали.

Суматоха закулисная дошла до высшей степени; и послѣ долгихъ переговоровъ Ларошель взялся заступитъ мѣсто Дюгазона.

Къ крайнему прискорбію Французской Комедіи, меръ Парижа не согласился съ мнѣніемъ знаменитаго юриста. На слѣдующій день вся труппа была призвана въ Ратушу, и приглашена уничтожить свой журналъ относительно меня, и объявить публикѣ, что она будетъ имѣть сообщеніе съ господиномъ Тальмою. Какъ ни ясно было объявлено это приглашеніе, господа артисты однакожь, къ сожалѣнію, не уразумѣли его, какъ слѣдовало, и не приняли его въ уваженіе.

Они осмѣлились даже, письмомъ отъ 20 сентября, смиренно доложить Балли, что они, къ крайнему своему прискорбію, находятся въ необходимости послушаться его. Письмо было подписано отъ имени всего товарищества, Вальмономъ и Ванговымъ.

Какъ ни добръ и кротокъ былъ Балли, на этотъ разъ однако-же онъ разсердился не на шутку. Постановленіемъ Думы отъ 24 числа, онъ объявилъ письмо Вальмона и Вангова противнымъ уваженію и повиновенію, которыми театръ обязанъ властямъ, и наистрожайше приказалъ артистамъ привести въ исполненіе его предыдущее предписаніе о возвращеніи на сцену господина Тальмы.

Противиться было уже невозможно. Комитетъ рѣшилъ, что я явлюсь снова на сцену въ *Брутта*. Это была уловка, чтобы отвлечь отъ меня вниманія; потому-что вся моя роль заключалась въ какихъ-нибудь двадцати стихахъ. Но я приготовилъ своимъ любезнымъ товарищамъ подарочекъ, котораго они никакъ не ожидали.

Уже въ *Карль IX* я началъ вводить реформу въ костюмахъ. Предшественники мои играли-бы эту роль въ пудреномъ парикѣ, и въ атласномъ камзолѣ съ пестрыми бантиками и розетками. Я первый надѣлъ костюмъ, исторически вѣрный. Теперь я замыслилъ распространить эту реформу и на античную трагедію. Для этого я тщательно изучилъ античныя статуи и гравюры съ нихъ, и съ точностью портнаго изслѣдовалъ покрой ихъ одежды; вельѣлъ сдѣлать себѣ то-гу и выучился драпироваться ею и носить ее, какъ какой-нибудь римскій консулъ или сенаторъ.

Я сошелъ на сцену, одѣтый настоящимъ римляниномъ, драпируясь въ свое шерстяное платье, въ настоящихъ котурнахъ, и съ обнаженными руками и ногами. Первое лицо, попавшееся мнѣ на встрѣчу, была госпожа Конта; сначала она не узнала меня; потомъ взгля-длась, и расхохоталась во все горло.

— Посмотрите, посмотрите, — кричала она; — вотъ нарядился! насто-ящая римская статуя.

Признаюсь, она не могла сдѣлать мнѣ болѣе пріятнаго компли-мента.

Когда я вышелъ, появленіе мое произвело невыразимый эффектъ. Госпожа Вестрисъ была уже на сценѣ; она осмотрѣла меня съ ногъ до головы, и, продолжая декламировать свою роль, завела со мною, между репликами, слѣдующій разговоръ.

— Да у тебя руки голыя, Тальма!

— Римляне всегда ходили съ обнаженными руками.

— Да у тебя нѣтъ ничего на ногахъ, Тальма?

— Римляне такъ ходили.

— Безстыдникъ!

Она не могла сказать ничего болѣе; уходя со сцены, она зады-халась отъ гнѣва и негодованія, и не понимала, какъ я могъ, не свихнувъ съ ума, явиться въ такомъ неприличномъ нарядѣ.

Передъ представленіемъ боялся, что появленіе мое произведетъ нѣ-которое неодобреніе въ публикѣ. Опасенія однако-же не оправдались, потому что все обратилось въ рукоплесканія моею новой костюми-ровкойъ и въ энтузіазмъ къ автору пьесы.

Когда занавѣсъ поднялся для второй пьесы, *Любовное Притворство*, одинъ изъ зрителей всталъ и потребовалъ, чтобы на сцену былъ вынесенъ бюстъ Вольтера. Требованіе было тотчасъ исполнено. Меж-

ду первымъ и вторымъ дѣйствиємъ, Флѣри подошелъ къ бюсту съ клочкомъ бумаги; это былъ экспромптъ, въ честь Вольтера, сочиненный, во время представленія, господиномъ Пьеромъ, авторомъ *Школы отцовъ*. Экспромпта я не помню, а помню только, что онъ былъ весьма плохъ; не смотря на то, публика наградила автора единодушными рукоплесканіями, которыя вдохновили еще другаго поэта.

Жераръ, будучи также близорукъ, какъ и я, передалъ другую бумажку Грамону, который прочелъ стиховъ десять, еще плоше экспромпта Пьера, подписанные: «Экспромптъ Тиссо, солдата внутренней стражи округа острова Святаго Людовика, дежурнаго по амфитеатру третьяго яруса.»

Узнавъ, что авторъ дежурный въ амфитеатръ, публика изъявила желаніе его видѣть. Господинъ Тиссо высунулся черезъ бортъ. Публика посмотрѣлась на него и разошлась, чрезвычайно довольная своимъ вечеромъ!

ГЛАВА XV.

Среди всѣхъ этихъ тревоженій, дѣло о моей женитьбѣ наконецъ уладилось. За женой моей было недурное приданое, такъ, что женитьба произвела нѣкоторую перемѣну въ моемъ образѣ жизни. Я уже прежде переехалъ изъ Моконсельской улицы въ Мольтеровскую; женившись, я простился и съ Мольтеровскою, чтобы поселиться съ женою, въ Шантеренской улицѣ. У Юли былъ еще другой домъ, въ Монбланской улицѣ, но этотъ домъ отдавался въ наймы, и въ это время его занималъ Мирабó.

Много было писано и говорено объ огромныхъ суммахъ, которыя издерживалъ Мирабó. Во всякомъ случаѣ онъ не расходовалъ такъ много на квартиру: жена моя получала отъ него за свой домъ всего 2,400 франковъ въ годъ. Что касается его Аржантельскаго помѣстья, о которомъ такъ много шумѣли, онъ взялъ его въ пожизненную аренду за 50,000 франковъ, изъ которыхъ никогда не заплатилъ ни гроша. По смерти Бюффона, онъ купилъ также часть его библіотеки за 15,400 франковъ; но заплатилъ изъ нихъ только задатокъ, 3,400 франковъ. Впрочемъ, всѣмъ извѣстно, что его никогда нельзя было упрекнуть въ исправности платежей.

Въ 1789 году, когда онъ только что прѣхалъ въ Парижъ, и слѣдовательно не имѣлъ еще такого имени, какъ впоследствии, онъ получалъ уже огромное количество писемъ изъ своей провинціи. Дворникъ, не имѣя средствъ платить за такую баснословную переписку, предложилъ почтальону подавать общій счетъ каждый мѣсяцъ. Въ концѣ мѣсяца счетъ возросъ до 1,100 франковъ. Этотъ счетъ подали Мирабо, который взялъ перо и написалъ: «Даю эту росписку въ томъ, что показанныя въ счетъ письма мною получены исправно; платить же за нихъ я не намѣренъ. Мирабо, старшій.» Изумленный почтальонъ подалъ эту мудреную росписку своему начальству, которое препроводило ее къ почтъ-директору д'Оньи, а тотъ представилъ ее королю. Людовикъ XVI разсмѣялся, и далъ графу Мирабо собственноручную росписку въ полученіи денегъ.

Это было первое пособіе, которое Мирабо получалъ отъ Двора. Два года спустя, Людовикъ XVI заплатилъ за него восемьдесятъ тысячъ франковъ долговъ, назначилъ ему пенсію въ семьдесятъ двѣ тысячи франковъ въ годъ, и отдалъ для него въ третьи руки болѣе милліона франковъ, которые были возвращены ему по смерти Мирабо. Отъ уплаченныхъ векселей не осталось никакихъ слѣдовъ.

До моей женитьбы, я былъ въ довольно стѣсненныхъ обстоятельствахъ; при нѣкоторой вышней роскоши, въ хозяйствѣ моемъ не доставало самыхъ необходимыхъ вещей. Такъ, однажды, одинъ пріятель засидѣлся у меня до поздней ночи, и я предложилъ ему переночевать у меня; но когда стали стлать для него постель, не нашлось запасныхъ простынь; по счастью, я былъ побогаче столовымъ бѣльемъ; мы взяли двѣ скатерти, и пріятель мой выпался на нихъ. Онъ, впрочемъ, не былъ въ претензіи; онъ былъ большой любитель трагедій, и назывался А. В. Арно.

Въ это время его очень мучила новорожденная трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, подъ названіемъ «*Марій въ Минтурнѣ*», которую онъ не зналъ, какъ довести до Французской-Комедіи. Къ сожалѣнію, я, по своимъ отношеніямъ къ товарищамъ, всѣхъ менѣе могъ помочь ему. Мнѣ рекомендовать новорожденную трагедію, или даже показать только, что я принимаю въ ней участіе, значило-бы заставить упасть её. По этому я посоветовалъ Арно отнести свое дѣтище къ Лариву, который въ это время занималъ большія трагическія роли. Я отре-

комендовалъ его своему пріятелю Палиссо, который далъ ему рекомендательное письмо къ Лариву.

Ларивъ уже не принадлежалъ къ товариществу Французской-Комедіи; однако-же оставался еще при театрѣ, по контракту. Онъ обязанъ былъ играть известное число разъ въ годъ, получая за то условленную поспектакльную плату.

Арно, запасшись рекомендательнымъ письмомъ и съ рукописью въ карманъ, явился передъ театральнымъ героемъ. Ларивъ жилъ въ небольшомъ, но прекрасно отдѣланномъ домъ, который онъ себя построилъ въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ Парижа. Онъ принялъ молодого поэта, въ комнату, гдѣ была раскинута палатка, и въ этой палаткѣ стояла кровать. Стѣны палатки были увѣшаны портретами Чингисхана, Баярда, Танкреда, Оросмана, Спартака; самособою разумеется, что все это были портреты самого Ларива въ разныхъ его роляхъ. Великій трагикъ принялъ молодого поэта очень благосклонно, наговорилъ ему кучу добра о себѣ самомъ и еще болѣе дурнаго о другихъ, подарилъ ему даже экземпляръ «Пирама и Тизбы», мелодрамы своего издѣлія, но только что Арно запустилъ руку въ карманъ, Ларивъ безъ церемоній оттолкнулъ его руку, которая въ свою очередь втокнула далѣе въ карманъ рукопись, и сказалъ:

— Ступайте къ мадамъ Сюэнь, молодой человекъ! ступайте къ мадамъ Сюэнь, покажите ей: она женщина умная и дастъ вамъ добрый совѣтъ!

Мадамъ Сюэнь занимала во Французской-Комедіи ампула старухъ и наперсницъ. Она приняла Арно, какъ нельзя любезнѣе, и общалась ему свое покровительство; но только она замѣтила, что онъ занесъ руку къ карману, она остановила его, сказавъ:

— Нѣтъ, нѣтъ; отнесите къ Лапорту; онъ человекъ умный и дастъ вамъ добрый совѣтъ! онъ научитъ васъ, что вамъ дѣлать съ вашимъ «*Мариэмъ*».

Читатель уже знакомъ отчасти съ старикомъ Лапортомъ; онъ соединялъ съ должностью суфлера еще двѣ должности: переписчика и — судьи предлагаемыхъ театру пьесъ.

Арно отправился къ Лапорту. Старикъ самъ отворилъ ему дверь, повелъ его въ свой кабинетъ и спросилъ, чѣмъ онъ можетъ ему служить. Арно въ третій разъ понесъ руку къ карману, почти ожи-

дая, что она въ третій разъ будетъ остановлена на полдорогѣ; однако-же на этотъ разъ она не была остановлена и рукопись могла явиться на бѣлый свѣтъ.

— А! сказалъ Лапортъ.

— Ну да, сударь! отвѣчалъ Арно.

— Хорошо, оставьте здѣсь; я разсмотрю и доложу мадамъ Сюэнь.

Дня черезъ два Арно получилъ записочку отъ мадамъ Сюэнь, которая просила его побывать у нея. Арно отправился.

— Ну, молодой человекъ, — сказала мадамъ Сюэнь, — старикъ Лапортъ говорить, что ваша пьеса очень не дурна; только, говорить, нужно въ ней кое-что передѣлать; онъ выписалъ свои замѣчанія на поляхъ.

Всѣ замѣчанія Лапорта заключались въ одномъ словѣ: «Длинно.»

Госпожа Сюэнь прочла пьесу и согласилась съ мнѣніемъ Лапорта. За тѣмъ пьеса еще разъ отправилась къ Лариву, который прочелъ ее въ свою очередь, и согласился съ мнѣніемъ мадамъ Сюэнь.

Вслѣдствіе того «*Марій*» былъ передѣланъ изъ пяти дѣйствій въ три, прочтенъ въ Комитетъ и принятъ съ единодушнымъ одобреніемъ.

Арно занималъ какую-то неважную должность при дворѣ графа Прованскаго. Графъ Прованскій какъ-то узналъ, что Арно написалъ трагедію и полюбопытствовалъ прочесть ее, но такъ, чтобы Арно не зналъ о томъ. Онъ и поручилъ де-Бонелью какъ-нибудь половче доставить ему рукопись. Но де-Бонель не отличался изобрѣтательностію ума; онъ какъ ни ломалъ себѣ голову, а не могъ придумать половче средства, какъ спросить рукопись у автора, объяснивъ ему для кого. Арно, разумеется, поспѣшилъ исполнить желаніе графа Прованскаго, и въ тотъ же вечеръ рукопись была у него. На слѣдующее утро графъ Прованскій возвратилъ рукопись де-Бонелью, говоря: — Тутъ есть талантъ, но выборъ сюжета неудаченъ; трагедія безъ женщины никогда не можетъ имѣть успѣха.

Графъ Прованскій не говорилъ ни слова Арно о его пьесѣ; только въ день представленія, утромъ, увидѣвъ его, онъ сказалъ: *Ce jour est un grand jour pour vous!*

«*Марій*» имѣлъ огромный успѣхъ; графъ Прованскій поздравилъ автора, но самъ не пошелъ смотрѣть его пьесы.

Но пора мнѣ возвратиться къ себѣ самому.

Разстройство моихъ финансовъ происходило вовсе не отъ мотовства, не отъ безразсудныхъ и бесполезныхъ издержекъ; всѣ мои деньги выходили на вещи необходимыя для моего искусства. Напримѣръ костюмы, до введенной мною реформы, обходились ужасно дорого, я долженъ былъ, при самомъ поступленіи своемъ на театръ, завестись порядочнымъ гардеробомъ. Лекенъ первый ввелъ въ моду богатые костюмы; послѣ него, каждый актеръ сталъ считать долгомъ имѣть свои собственные костюмы. Правда, какъ ни дорого они стоили, въ нихъ все-таки легче были угоняться за Лекеномъ, чѣмъ въ талантъ. Ноде почти разорился на полную экипировку тирановъ; помню я также, что добрый Ванговъ, игравшій царей, отдавалъ добрую половину своего жалованья нашему костюмеру.

Между-прочимъ, помню одинъ нагрудникъ, въ которомъ онъ игралъ безъ разбора Агамемнона, Митридата, старика Горація. Онъ былъ изъ зеленого бархата, съ золотыми чешуйками, украшенъ, въ видѣ трофеевъ, пушками, барабанами и ружьями; — съ шитьемъ на двухъ карманахъ, которые онъ непременно велѣлъ себѣ сдѣлать, одинъ для носоваго платка, другой для табакерки. Этотъ нагрудникъ стоилъ ему пятьдесятъ три лудора. Носовой платокъ и табакерка были для него предметомъ первой важности, его великою и вѣчною заботою. Носовой платокъ и табакерка три года удерживали его отъ принятія реформы, которой я подалъ примѣръ; и рѣшился онъ только тогда, когда Шевалье, нашъ костюмеръ, положительно обѣщалъ ему какъ-нибудь ухитриться, чтобы вшить въ тогу, если не два, то хоть одинъ карманъ. Уничтоженіе кармановъ было главною причиною его неприязни ко мнѣ.

Когда я женился, я сталъ держать хорошій столъ и житье у меня пошло довольно шумное. Впрочемъ, сказать правду, это богатство и этотъ шумъ нерѣдко ужасно надоедали мнѣ. Я всегда нуджался въ некоторомъ количествѣ спокойнаго размышленія и уединенія. Шекспировъ Гамлетъ, идущій размыкать тоску на кладбище, въ бесѣдѣ съ могильщиками, на краю только-что вырытой могилы, былъ всегда моимъ героемъ. Никогда не выходилъ я на сцену, чтобы не окинуть взоромъ публики, и не подумать, что много лѣтъ черезъ двадцать, три четверти этой массы будутъ на вѣки лежать

въ землѣ. Никогда не смотрѣлъ я на женщину, — и чѣмъ она бывала прекраснѣе, тѣмъ болѣе щемила меня эта мысль, — чтобъ не представить себѣ въ то же время ея скелета; подъ этимъ роскошнымъ тѣломъ, мнѣ невольно видѣлся всегда отвратительный человѣческій остовъ.

Отъ этой склонности къ тоскливому размышленію происходитъ и моя разсѣянность, которая бѣситъ моихъ пріятелей, когда они ее видятъ, и забавляетъ ихъ, когда они рассказываютъ о ней. Однажды я сходилъ съ лѣтницы съ бѣдною Луизою Дегарсенъ; это было вскорѣ послѣ моей вторичной встрѣчи съ нею. Вдругъ мною овладѣла какая-то внезапная мрачная мысль; я забылъ свою спутницу, какъ-бы ея вовсе не существовало, и побрелъ за какимъ-то видніемъ, возникшимъ въ моей душѣ.

— Какъ Тальма, — сказала она, — вы меня не сводите, не подаете мнѣ руки?

— Держитесь за перила, отвѣчалъ я. Другаго отвѣта она отъ меня не добила.

Во всемъ, что не касалось моего искусства, я былъ безпеченъ до нельзя, неслыханной лѣнтяй. Ужаснѣйшаго труда стоило мнѣ писать къ пріятелямъ; не знаю, какъ это было, но если я и начиналъ письмо, я доводилъ его до половины, и потомъ никакъ ужъ не могъ собраться съ духомъ, чтобъ докончить его. Былъ у меня, на примѣръ, одинъ пріятель, котораго я очень любилъ, Купиньи. Около 1788 года, онъ отправился въ Санъ-Доминго, и возвратился оттуда въ 1792 году. Впродолженіе этихъ четырехъ лѣтъ онъ писалъ ко мнѣ нѣсколько разъ, но не получалъ ни одного отвѣта. Возвратясь во Францію; онъ тотчасъ прибѣжалъ въ мою уборную, въ театръ, въ то время, какъ я одѣвался, чтобы играть «*Марія*.»

— А, здравствуй, любезный, сказалъ я, увидѣвъ его, какъ-будто мы вилѣлись не далѣе, какъ наканунѣ.

— Хорошъ пріятель, — сказалъ Купиньи; — я писалъ тебѣ въ четыре года разъ семь или восемь, а ты не отвѣчалъ мнѣ ни полстрочки.

— Ты клеплешь на меня, Купиньи, — отвѣчалъ я; — у меня въ столѣ лежитъ письмо къ тебѣ; чегыре страницы, исписанныя кругомъ. Приходи ко мнѣ ужинать сегодня, я отдамъ его тебѣ.

Купиньи пришелъ ко мнѣ ужинать и получилъ письмо; оно было писано 25 декабря 1789 года; слѣдовательно пролежало у меня въ

столь болѣе двухъ лѣтъ, и я не могъ собраться съ духомъ, чтобы дописать его и отправить.

При такомъ характерѣ очень понятно, что шумная жизнь должна была очень утомлять меня, за то зачастую случалось, что, возвращаясь домой и услышавъ говоръ въ гостиной, я тихонько пробираюсь по черной лѣстницѣ въ кухню, гдѣ старая кухарка моей жены, очень любившая меня, встрѣчала меня радостнымъ восклицаніемъ, усаживала меня въ кресла передъ очагомъ, и почти насильно поила меня первою чашкою бульона. Много сладкихъ часовъ думы и размышленія провелъ я тутъ, передъ каминомъ, подъ защитою доброй старушки.

А. ГРЕКЪ.

ЮМОРИСТИКА.

РАЗДѢЛЪ СЕРДЦА.

Въ небольшой, но опрятной комнатѣ, оклеенной пестрыми обоями, стояло поддюжины плетеныхъ стульевъ, а посрединѣ круглый столъ, вокругъ котораго сидѣла за чаемъ компанія : двѣ женщины среднихъ лѣтъ и очень сходныя одна съ другой физіономіями ; обѣ въ голубыхъ, съ короткими рукавами, платьяхъ ; и мужчина лѣтъ подъ тридцать, худощавый и рыжій, съ лицомъ, испещреннымъ веснушками. На немъ былъ халатъ, немножко темнѣе цвѣта волосъ, съ лоснящимися рукавами, и лоскутокъ измочалившейся шелковой матеріи мотался, вмѣсто косынки, на его длинной шеѣ. Волосы, тщательно примазанные, казались прилипшими къ головѣ.

Облокотившись на столъ обѣими руками, онъ со вниманіемъ слѣдилъ за мухой, которая, видя на столѣ огрызокъ сахару, слетѣла съ потолка, чтобы полакомиться, но встрѣтя неожиданное препятствіе,

муха какъ-бы смутилась и въ недоумѣніи не знала, что дѣлать ; — довольно большая лужица, протекая съ одного края стола на другой, уничтожила всѣ сообщенія сухимъ путемъ къ огрызочку, и рыжій мужчина, потынаясь надъ мухой, готовился еще болѣе распространить въ ширину каналъ. Но лишь только помочилъ онъ палецъ для исполненія злаго умысла, — счастливая мысль блеснула въ головѣ мухи... Взлетѣвъ на руку, какъ по мостику, пробѣжала она по пальцу злобнаго господина и очутилась у своей цѣли

— «Ха, ха ха ! посмотрите-ка Анна Семеновна ! Прасковья Семеновна ! не бойсь ухитрилась, штукарка, какъ достать себѣ пищу... говорилъ мужчина, обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ.»

— «Да, правда ваша, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, хитрый народъ эти мухи !» сказала старшая изъ собесѣдницъ, Анна Семеновна, вытирая полотенцемъ крупныя капли пота съ лица, сказала и замолчала, устремивъ задумчивый взоръ на самоваръ, который пересталъ кипѣть, а гудѣлъ какимъ-то сильнымъ голосомъ заунывно-однообразную пѣсню, среди тишины. Ѳедоръ Ѳедоровичъ обратилъ свое вниманіе на тотъ-же самый предметъ. Муха въ восторгъ передъ громадой сахару и въ наслажденіи позабыла всѣхъ, даже не обратила вниманія на грозившую ей опасность, и тихо подкрадывалась ; въ то время пальцы Ѳедора Ѳедоровича, намѣривались захватить ее съ тылу за крыльшки и заставить, волей или неволей, искупаться въ глубокомъ каналъ, нарочно для нея проведенномъ.

Желтый сальный огарокъ, въ продолженіе этого времени, нагорѣлъ и, слабо освѣщая комнату, разливалъ по ней зловоніе ; никто не позаботился снять со свѣчи, и въ этомъ-то полумракѣ неподвижно сидящая компанія достойна была кисти, по-крайней-мѣрѣ, губернскаго художника.

— «Да что это мы, сидимъ пріутихли, — сказала Анна Семеновна, обращаясь къ своей сестрицѣ.

— Должно быть кто-нибудь родился въ это время... замѣтилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— А не въдаю, батюшка, можетъ и, въ самомъ дѣлѣ, кто родился ; по-чемъ знать, вѣдь на бѣломъ свѣтѣ много нашего брата женскаго полу. — Да что, право, мы такъ сидимъ ; расскажите-ка, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, какую-нибудь исторію, а мы послушаемъ.»

— «Нѣтъ, Анна Семеновна !» — сказалъ со вздохомъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ. — Я человекъ незнающій, мало видѣлъ свѣтъ, ничего кромѣ

своего города не знаю, не видалъ ; ни представленій театральныхъ, ни гульбищъ, увеселяющихъ сердца человѣческія. Вотъ вы, Анна Семеновна и Прасковья Семеновна, напротивъ, видѣли многое : столицу нашего отечества и театры и гульбища тамошнія ; такъ вамъ можно рассказывать въ той надеждѣ, что слушатели будутъ довольны и все-таки почерпнуть изъ вашего рассказа какія-нибудь свѣденія полезныя.

— Да, батюшка, и подлинно можно подумать долго объ этой великолѣпной столицѣ, чай, по всей Россіи такой не найдешь.

— Не могу вамъ утвердительно сказать, но полагаю, что въ Россіи мало найдется такихъ городовъ ; конечно, я тамъ не бывалъ, но такъ, по-крайней-мѣрѣ другіе говорятъ.

— Что же вы, батюшка, столько лѣтъ живете, а не были въ нашей главной столицѣ.... стоитъ, право стоитъ, посмотреть. Чего тамъ нѣтъ, ужъ не умью и рассказать, подлинно дива дивныя, какихъ то рѣдкостей не увидишь въ этомъ городѣ. Да вотъ къ примѣру хоть балаганы : съ наружности глядишь, просто какъ у насъ на постояломъ дворѣ крытые сараи, а войдешь внутрь — совсѣмъ другое ! Право мнѣ кажется лучше театра ; и то хоть онъ и каменный, въ три этажа, но не увидишь такихъ рѣдкостей, какія въ балаганахъ ; оно-таки не што и въ театрѣ : сперва придешь есть еще и полюбоваться на что : во всю стѣну развѣшена преотмѣннѣйшая занавѣса, свѣтъ такъ и рѣжетъ глаза ; подняли занавѣсу, попредставляли маленько и пойдутъ въ ладоши хлопать, а тамъ опять музыка.... А музыка-то ужъ за то тамъ !... есть что послушать ! Повѣрите, Федоръ Федоровичъ, мало того, что въ балаганахъ да на гульбищахъ, нѣтъ, придетъ еще къ тебѣ ширманка поиграть къ самому окошечку, да иной разъ такъ прекрасно играетъ, что, право, заслушаешься. — Тото люди столичные, какая разница противъ нашихъ охреяновъ, органчикъ тебя же потынаетъ да тебѣ же и уваженіе оказываетъ. Сниметъ шапочку, да такъ и раскланивается ; но въдь и ты же не дура, смѣкнешь въ умъ, чтобъ не показаться скупой положишь гривенничекъ, а онъ еще сыграетъ ; не могу и по-сію-пору я надивиться какой тамъ народъ учливѣйшій.

Жили мы, батюшка, въ самомъ Петербургѣ чуть не два мѣсяца и не видали, какъ время проходило и приблизился срокъ отъѣзду. То-то жалко было намъ разставаться съ такимъ городомъ ; но чтожъ

дѣлать : хорошо на чужой сторонѣ, а дома, какъ ни есть, а все лучше. Въ послѣднее воскресенье вздумалось тятинькѣ, — свѣтлый рай ему да свокой души, идти на Крестовскій островъ, а день былъ такой ясный ; собрались мы, справились, и принарядились, что лахти мнѣ.... Вотъ припили, батюшка, погуляли. Народъ, какъ мураши въ муравейникахъ, копошится по всему острову. Дамы господа, такъ и попадаются на каждомъ шагѣ, просто голова кругомъ идетъ, не знаешь, кому кланяться. Музыка играетъ, а невидно гдѣ ; дрожки, кареты, коляски, — такъ и мелькаютъ, — ижно въ глазахъ рябитъ. Нѣтъ, Федоръ Федоровичъ, будьте вы на моемъ мѣстѣ, зазѣвались — бы, глядя на такое развеселое гульбище ; а тутъ-же и представлять стали ; стѣснился народъ и мы было туда, да нѣтъ, не протискаться, а чрезъ народъ не видно ; говорили, что какой-то плясалъ на канатъ. Да гдѣ, все врутъ, куда человѣку, — козлу не устоять.

— Оно такъ дѣйствительно, Анна Семеновна, но есть люди, которые не только что на канатъ, а дайте любую проволоку, такъ спляшутъ.

— Что, батюшка Федоръ Федоровичъ, да кому вы это рассказываете, на проволоку ? Побойтесь Бога, гдѣ видно, чтобъ челоуѣкъ.... Да что мы съ вами не попробуемъ, нутко, Федоръ Федоровичъ, снимай-ка сапоги да спляшитко-съ вонъ хоть по той веревочкѣ, на которой бѣлье вънаемъ ! сказала съ усмѣшкой Анна Семеновна.

— Да вѣдь я-съ не знатокъ въ этомъ искусствѣ, но могу васъ увѣрить, это было въ нашемъ городѣ ; привѣзжалъ какой-то жидъ, — онъ-же и фокусничалъ и шаръ спускалъ ; собственными своими глазами видѣлъ ; не мало же тогда собралъ онъ денегъ !

— Батюшки мои — свѣты ! вотъ засидѣлись то, — сказала Прасковья Семеновна, вставая со стула, — и ужинать позабыли.... хотите, Федоръ Федоровичъ, я сейчасъ накрою ?»

— Нѣтъ, спать пора-а-а !» зѣвая, отвѣчалъ Федоръ Федоровичъ, и пожелавъ спокойной ночи, пріятнаго сна обнимъ хозяйшкамъ, ушелъ въ свою комнату.

Помолившись Богу, какъ слѣдуетъ, на сонъ грядущій, онъ зажегъ у себя свѣчку и принялся убирать, чистить платье, сапоги. По окончаніи этой работы, когда ужъ всѣ звѣзды, одна за одной попрятались въ лазурь небесную, и одна только луна задумчиво глядѣла

кругомъ и одна-одинехонька бодрствовала, какъ вѣрный сторожъ, на сонной землѣ, уже раздѣтый, пошелъ Федоръ Федоровичъ къ кровати, юркнулъ въ перицу и ситцевое одѣяло совершенно скрыло его съ головой и ногами. Вскорѣ по комнатѣ раздавался только свистъ его носа; за нимъ послѣдовало страшное сапѣнье и сонъ воцарился въ домикъ Щенковыхъ.

Пока тишина безмятежнаго сладкаго сна царствуетъ въ городѣ, можно сказать нѣсколько словъ о томъ, кто былъ Федоръ Федоровичъ и его хозяйки Анна Семеновна и Прасковья Семеновна.

Отецъ Федоръ Федоровича былъ мѣщанинъ города М... Долго онъ сберегалъ и припрятывалъ часть своихъ доходовъ единственному сыну Фединкѣ, которому хотѣлъ дать воспитаніе; Фединку отдалъ въ школу, — поступилъ онъ хотя въ нижній классъ, но уже подавалъ надежды въ будущемъ; учитель покажетъ ему разъ, много два, — и Фединка помнилъ. «Какъ именуется эта буква, которая стоитъ впереди всѣхъ? спрашивалъ учитель. » Азъ! отвѣчаетъ онъ. Такъ вотъ, посудите сами, что за дарованіе имѣлъ этотъ мальчикъ; какіе блестящіе успѣхи должно было ожидать отъ него. Но судьба не захотѣла, чтобъ число мудрецовъ увеличивалось на земномъ шарѣ съ присоединеніемъ Федора Федоровича. Спустя три года, по вступленіи въ школу, его батюшка, неожиданно пораженный параличемъ, лишился языка и въ скоромъ времени умеръ. Движимымъ и недвижимымъ управлялъ какой-то дальній родственникъ. Хорошо-ли сберегалъ онъ наслѣдство, объ этомъ нельзя утвердительно сказать; но по выходѣ изъ школы, у Федоръ Федоровича, въ наличіи оставался только одинъ домъ, да и то полуизгнившій, скривленный на правой бокъ, такъ, что жить было въ немъ очень опасно. Тяжко, грустно было сиротинкѣ видѣть себя въ такомъ горькомъ положеніи. Поплакалъ, погорѣвалъ добрый молодецъ, да и вступилъ въ питейную контору, гдѣ занимался онъ съ небольшимъ шестъ лѣтъ; съ этого времени начинается повѣствованіе.

Анна Семеновна и сестрица ее Прасковья Семеновна были дочери небогатаго чловѣка простаго званія Семена Перфильевича Щепкова.

По смерти его, Анна Семеновна и Прасковья Семеновна остались сиротинками, безъ друзей и безъ родныхъ; одинъ только домикъ съ зелеными ставнями былъ ихъ наслѣдіемъ. Оставшіяся послѣ отца не-

большія деньги истожились, работы никакой нельзя было достать въ городъ, и онъ рѣшились пустить къ себѣ въ домъ постояльца.

Вотъ уже прошло два года, какъ держать постояльца, и онъ доволенъ его скромными поступками, какъ нельзя больше.

Насталъ день: Федоръ Федоровичъ всталъ рано, умылся, помолился Богу и не перемѣняя своего обычнаго порядка, пошелъ въ девять часовъ и возвратился въ три изъ конторы, хотя и увѣрили хозяйки, что праздникъ, но Федоръ Федоровичъ не послушался, а все-таки посидѣлъ за дѣломъ. Когда въ третьемъ часу возвратился оттуда, Анна Семеновна, съ досады, что онъ не послушался совѣта, встрѣтила его на крыльцѣ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

— Что это, батюшка Федоръ Федоровичъ, да никакъ сегодня вы все тамъ вздурели; шутка-ли вѣдь въ третьемъ часу приходитъ домой, да еще и въ праздникъ.... Ни разу еще не удавалось во время пообѣдать, все во второмъ, да въ третьемъ часу.

— Ну, да полно болтать-то, — замѣтила Прасковья Семеновна своей сестрицѣ, — виновать-ли онъ, вѣдь у нихъ тоже дѣло есть. Пойдемте, скиньте шинельку, на столъ ужъ давно собрано, да мы не сядились, а васъ поджидали!

Тутъ компанія двинулась въ столовую.

— Мнѣ что-то нездоровится, — сказалъ Федоръ Федоровичъ, вотъ такъ словно что-то тошнить....

— Да не скушалъ-ли, батюшка, можетъ давеча оладьевъ горяченькихъ на тощакъ!»

— Куда Анна Семеновна, до вды-ли; давеча всталъ поздно, поторопился со двора, похваталъ кое-чего, да и скорѣй бѣжать.

— Ну такъ это глисты, батюшка Федоръ Федоровичъ, глисты.... выпейте ложечку масла постнаго и все пройдетъ.

Тутъ Анна Семеновна налила полрюмочки зеленого масла и подавая ему съ поклономъ, какъ уже всегда водится, проговорила: Кушайте, батюшка, во здравіе.

Тотъ взялъ рюмочку и выпилъ, скорчивъ такую гримасу, какъ пьяница, опоражнивая любимую чарочку.

Обѣдъ продолжался недолго: хозяйки торопились скорѣй выйти изъ за стола, прибрать посуду, чтобъ снаряжаться на вечеръ къ дальней родственницѣ Пулхерьи Игнатьевнѣ, вдовѣ капитаншѣ Коробовой, куда также и Федоръ Федоровичъ былъ приглашенъ въ качествѣ

танцующаго кавалера: а у Пулхеріи Игнатъевны не на шутку затѣвался балъ: еще за два дни ходила она къ откупщику просить музыки, и такъ, на счастье, вздумала пригласить его, зная навѣрно, что такой важный человекъ не захочетъ лезть не въ свою компанію. Но какъ же удивилась и вмѣстѣ обрадовалась капитанша, когда откупщикъ самъ, общался пріѣхать къ ней на танцевальный вечеръ, и быстро разнеслась по городу молва объ этомъ неожиданномъ счастьи Пулхеріи Игнатъевны; на рынкѣ долго судили и пересуживали, спорили и бранились кумушки объ этомъ предметѣ.

Анна Семеновна и сестра ея такъ были заняты приготовленіемъ къ этому дню, что даже мало обратили вниманія на главный предметъ своего существованія: обѣдъ; отчего онъ и принялъ физиономію нѣмецкаго фриштыка.

Не менѣе прочихъ и Федоръ Федоровичъ заботился о своемъ нарядѣ: раза три спрашивалъ онъ то у Анны Семеновны, то у Прасковьи Семеновны, какой надѣть фракъ, а у Федора Федоровича было ихъ три: коричневый съ свѣтлыми пуговицами, темно-голубой, также съ свѣтлыми, и темно-зеленый, съ шелковыми пуговицами.

— Однѣте коричневый, — говорила Прасковья Семеновна, — на балъ надо какъ можно лучше принарядиться, да и притомъ-же онъ къ вамъ такъ славно присталъ, смотрѣть любешенько: пуговочки какъ жаръ горять; а какъ начнете танцовать, словно птичка съ крылушками, — фалды такъ и размахиваютъ въ обѣ стороны; вотъ такъ-сама и пошла-бы съ вами экосезъ, да пока еще не удавалось!

— Быть по вкусу вашему, надѣну коричневый. А жилетку какую-же?

— Ну, хоть ту шелковую, которую я вамъ подарила въ день ангела; да ужъ и цѣпочку голубую привѣсьте; оно, знаете-ли, все какъ-то поделикатнѣе, подумаютъ, что при часахъ.

Пробило три. Федоръ Федоровичъ усердно трудился, отчищая сапоги и какъ-бы стараясь придать имъ свойство зеркала. Въ его комнатѣ былъ ужаснѣйшій беспорядокъ: на полу валялась тряпичка, служившая ему вмѣсто косынки; шкафъ былъ отворенъ, и на столѣ, гдѣ лежала бумага и коврикъ, вышитый Прасковьею Семеновною подъ чернилицу, стояла опрокинутая въ верхъ дномъ помадная банка, а на ней разведена вакса. Увлеченный своимъ занятіемъ, Федоръ Федоровичъ не замѣтилъ, какъ двери его комнаты раствори-

лись и вошла разодѣтая, ужъ что называется по бальному, Анна Семеновна въ розовомъ атласномъ платьѣ, хотя и было очень замѣтно, что не въ нынѣшнемъ столѣтїи мастерила его швея моднаго магазина, но оно сидѣло такъ прекрасно и такъ живописно округляло станъ ея, что другой смѣло-бы подумалъ, что нынче появилась такая мода.

— Вы еще не совсѣмъ, а мы давно готовы. Нравится-ли вамъ мое убранство? — спросила Анна Семеновна.

— Великолѣпно-съ, вотъ ужъ именно на славу; а бусы, право не знаю съ чѣмъ сравнить ихъ, уже развѣ съ вашими перстнями! — и довольный своимъ комплиментомъ, Федоръ Федоровичъ улыбнулся.

— Что ты, батюшка, какія это бусы — это настоящія бурмицкія верна; тятинька покойникъ купилъ за пятьдесятъ рублей и то за великую силу. Однако-жъ ты не очень тутъ повертывайся около меня со щеткой, не ровенъ часъ... ну, случись, мазнешь невзначай; въдь его не вымоешь... придется перешивать на другую сторону. Да скороти? Собирайтесь, время.

— Не то отправляйтесь вы, а я, погода, приду, мнѣ надо одѣваться, такъ ждать вамъ будетъ долго, — сказалъ Федоръ Федоровичъ.

Хозяйка вышла изъ комнаты, а онъ, окончивъ чистку сапогъ, принялся за туалетъ, вынувъ изъ шкатулки зеркальце величиной съ игорную карту, тщательно оклеенное бордюрой, поставилъ его въ простынокъ на два гвоздя, вѣроятно для того и приколотые; привелъ ту же помадную банку, на которой разводилъ ваксу, въ настоящее положеніе, выскоблилъ оттуда остатки гвоздичной помады и началъ смазывать волосы спереди и сзади. Послѣ туалета умылся душистымъ мыломъ и прибравъ кое-какъ свои вещи, отправился въ путь.

Горделиво выступалъ по деревянной мостовой Низменной улицы, разодѣтый Федоръ Федоровичъ, и безпрестанно посматривалъ на сапоги, какъ-бы-стараясь увидѣть въ нихъ свой образъ. Игривый вѣтерокъ разносилъ на далекое разстояніе ароматъ съ головы его; часто встрѣчный, поровнявшись съ нимъ, — останавливался, вбиралъ носомъ ароматъ и невольно давалъ дорогу, долго послѣ смотрѣлъ ему вслѣдъ, и какъ-бы завидовалъ щеголеватому незнакомцу. «Извощикъ!» крикнулъ Федоръ Федоровичъ, намѣреваясь, къ довершенію эффекта, не придти, а прїѣхать въ гости къ капитаншѣ.

— Куда, ваше благородіе! спросили вдругъ два извозчика, подбѣгая къ Федору Федоровичу и загоразивая ему путь.

— А что возьмете въ Колчужкинъ переулочекъ?

— Въ которое мѣсто?

— Да тутъ близко, только за зауголъ повернуть.

— Пятнадцать серебромъ, баринъ!

— Нѣтъ, братецъ, дорого ... двадцать мѣдными....

— Да есть-ли полно, баринъ, въ карманъ у тебя! — сказалъ извозчикъ, поворачивая свой экипажъ назадъ.

— Ты, ты! послушай, грубиянъ, какъ осмѣлился подумать, не только сказать мнѣ такія вещи, что у меня нѣтъ двадцати копѣекъ!... Федоръ Федоровичъ пощупалъ въ боковомъ карманѣ, какъ-бы желая удостовѣриться, точно-ли онъ при деньгахъ.

Пока Федоръ Федоровичъ восклицалъ, озлобленный такою дерзостью, ужъ извозчикъ увивался за другимъ прохожимъ.

— Да садись што-ли, ваше благородіе! — проговорилъ съдой, какъ лунь, извозчикъ, — «садись я и за эту цѣну не погнушаюсь, годится нашему брату, хоть на табакъ».

И обиженный герой, не обращая вниманія на странный экипажъ, преспокойно усѣлся и крикнулъ грозно: «пошелъ!» — Дѣйствительно пошла, а не побѣжала сухопарая лошадь согбеннаго извозчика, пошла шагомъ, какъ-бы боясь растрясти старыя сани своего хозяина. Лишь-только успѣла она шагнуть разъ десятокъ, и экипажъ не успѣлъ еще раскататься, какъ вдругъ, на встрѣчу, коляска парой и въ ней сидитъ повѣренный. Федоръ Федоровичъ поравнявшись съ экипажемъ, почтительно поклонился.

— А, господинъ Страннолюбовъ, куда это, не къ вечерни-ли! проговорилъ толстякъ въ коляскѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣчалъ тотъ, — я ѣду къ капитаншѣ-съ.... Корововой-съ!... И надъ словомъ капитаншна, онъ болѣе повысилъ голосъ, чтобъ повѣренный зналъ, что и онъ бываетъ принятъ въ кругу такого высшаго общества.

Дрожки остановились передъ деревяннымъ домикомъ, заслоненнымъ съ уличной стороны рядомъ густыхъ березъ, которыя защищали окна отъ лучей солнца. Какъ пріятно въ жаркій лѣтній день сидѣть подъ окошками и любоваться на зеленыя вѣточки, которыя такъ и лезутъ въ окна.... Но не очень-то было пріятно Федору Федоровичу при-

существо березокъ. Онъ нарочно для того и нанялъ извозчика, чтобы гости могли видѣть, что онъ не пришелъ прыжкомъ, какъ другіе, но пріѣхалъ въ экипажѣ. Заплативъ извознику, что следовало, Федоръ Федоровичъ отворилъ калитку и вошелъ во дворъ. Трудно, очень трудно, было ему взбираться по высокой и шаткой лѣстницѣ на крыльцо, съ каждой ступени, которая качалась подъ ногами, и казалось, готовилась обрушиться; онъ трепеталъ, чтобы какъ-нибудь не провалиться и не испортить своей одежды. Но вотъ окончивъ опасное шествіе по лѣстницѣ, достигъ онъ сѣней; въ этихъ сѣняхъ такъ было темно, что Федоръ Федоровичъ прошарилъ-бы цѣлый часъ около стѣнъ, отыскивая двери, если-бы въ это время вдругъ передъ нимъ не отворилась дверь, и женщина съ блюдомъ жаркаго почти не сбила его съ ногъ; но неприятное положеніе еще не миновалось, дверь снова затворилась, притянутая блокомъ, и тѣма водворилась въ сѣняхъ. Конечно, Федоръ Федоровичъ зналъ теперь, гдѣ дверь; но не смѣлъ тронуться съ мѣста, боясь наткнуться на блюдо съ жаркимъ, и вслѣдствіе этого выйти изъ бѣды не совсемъ чистымъ. И потому протянувъ уши впередъ, а остальную часть тѣла подавно, какъ можно далѣе назадъ, онъ сказалъ: «Послушай ты, жаркое, ты куда теперь пойдешь?» — Къ шкапу, батюшка! отвѣчалъ голосъ съ жаркимъ.

— А гдѣ шкапъ?

— Вотъ тутъ.

— Это неопредѣленно; — возразилъ Федоръ Федоровичъ. — Гдѣ тутъ, то-есть, на правой или на лѣвой твоей рукъ?

— Да онъ не на рукъ, а у стѣны, батюшка, отвѣчалъ голосъ.

— То-есть, — возразилъ Федоръ Федоровичъ, — въ какую сторону ты понесешь его направо или налево?

— Прямо, батюшка!

Федоръ Федоровичъ подался назадъ, и сказалъ «иди». Вскорѣ запахъ жаркаго подъ самымъ носомъ, показалъ ему, что безъ его отступленія, гардеробу его угрожала великая напасть, и онъ, тогда только успокоился, когда щелкнулъ замокъ въ шкафѣ, послѣ чего онъ сказалъ: «Ну, матушка, отвори теперь мнѣ дверь.» — Пожалуйста, пожалуйста вотъ сюда! говорила женщина, отворяя дверь, въ которую успѣшилъ войти гость.

Вся ступля гостиной, которая отличалась отъ залы только тѣмъ, что по стѣнамъ ея были развѣшены различныхъ сортовъ картины, въ числѣ которыхъ и Жизнь Игрока, облепленная мухами. Вся мѣста въ гостиной и залъ были заняты гостями; только диванъ, да два пожилыхъ кресла, остались еще порожнія. Пестрота костюмовъ, стразы, жемчугъ—въ изобиліи красовались на постытительницахъ; Федоръ Федоровича такъ поразилъ этотъ великолѣпный блескъ, что онъ оробѣлъ, и долго, долго расшаркивался и раскланивался, не замѣчая даже и кому. Блуждая дикимъ взоромъ по рядамъ гостей, постепенно начиная съ крайняго стула залы, гдѣ сидѣли рядомъ два юноши: одинъ съ блестящимъ на воротникъ галуномъ, другой во фракъ и въ темно-малиновомъ галстукъ; потомъ далѣе и далѣе.... Вотъ Анна Семеновна, возлѣ Прасковья Семеновна, а за ними опять рядъ барынь, блестящихъ своей сомнительной красотой и великолѣпнымъ убранствомъ. Вотъ старинный краснаго дерева съ бронзовыми ободочками столъ, за которымъ были размѣщены ровно двѣнадцать тарелокъ съ разными сластями: финиками, орѣхами, не простыми калеными, а настоящими грецкими, изюмомъ, вареньемъ изъ клубники на меду, да еще со слоеными пирожками. Въ эту сторону устремился взоръ Федоръ Федоровича, но не на финики ни на варенья, жадно смотрѣлъ онъ; ни печенья, ни сласти пожиралъ онъ, — взоръ Федоръ Федоровича приковался, точно цѣпью на сидящую возлѣ стола красавицу. Это существо невольно произвело какой-то переворотъ въ душѣ Федоръ Федоровича, который, въ глубинѣ разсудка своего, доискивался причины, могущей такъ скоро приковать все чувства его къ таинственной незнакомкѣ; но сколько не трудился онъ, чувства, неизвѣстныя ему до-сихъ-поръ, обнаружилась и взволновали всю кровь. Замѣтно было, какъ безсмысленный взоръ Федоръ Федоровича загорѣлся, еели не огнемъ, такъ по крайней-мѣрѣ огонькомъ; — напрасно старался онъ отвести въ противоположную сторону свои глаза, чтобъ обратить ихъ на какой-нибудь другой предметъ, хоть, напримѣръ, на Прасковью Семеновну; голова увлеченнаго юноши опять обращалась въ ту сторону, гдѣ сидѣла красавица. Шелковое платьѣ ея пышно разстилаясь на два стула, закрывало собой простенькое бѣлое платьице сосѣдки; на головѣ была одѣта косынка искусно унизанная самоцвѣтными камнями.

Смерклось. — Четыре сальныя свѣчи освѣтили собраніе и двѣ

женщины втащили подносъ, уставленный чашками, а сзади ихъ несла сама хозяйка, также на подносъ, груды слоеныхъ пирожковъ, между которыми проявлялись бисквиты и калачики домашнего печенья. Гости умолкли и занялись чаемъ. Поднесли также и Федоръ Федоровичу чай въ стаканъ, какъ и прочимъ мужчинамъ; онъ налил сливокъ, но отказался взять пирожекъ.

— Што вы, батюшка, полно церемониться: кушайте, кушайте во здравіе! говорила хозяйка, насильно пихая въ руки Федоръ Федоровича произведеніе своей кухни.

Невозможно было Федоръ Федоровичу не принять пирожекъ изъ рукъ самой Пулхеры Игнатьевны и лишь только онъ поднесъ его ко рту, какъ струйка масла скатилась на его бѣлую манижку. Скопфузился бѣднякъ.... «Что дѣлать — говорилъ онъ, вытирая носовымъ платкомъ замасленные руки, — вельзали какъ-нибудь застегнуть фракъ, чтобъ не было видно.

«Откупщикъ! Откупщикъ!» послышалось въ обеихъ комнатахъ и толпа гостей всколебалась и вдругъ пріутихла. Двери отворились; что-то засморкало, потомъ очень громко закашляло, и наконецъ въ залъ послышался голосъ откупщика.

— Да, да, матушка, я какъ-бы зналъ, что у васъ будетъ такой великолѣпный пиръ! — Пальто, молъ, надѣньте, баринъ, говорилъ мнѣ Прошка! нѣтъ, врешь, дуракъ, подавай сюртукъ, я хочу блеснуть; даже и сапоги вельз такъ вычистить, чтобъ были чисты и свѣтлы, какъ у Платона Семеновича на душѣ. Ха, ха, ха!

— Пожалуйте, пожалуйста! на диванчикъ милости просимъ! — говорила хозяйка, прерывая хохотъ откупщика. — Чайку сюда съ ромцемъ, — продолжала она, обращаясь къ дверямъ темной комнаты.

— Нѣтъ, нѣтъ, матушка, ромъ совершенно лишнее; притомъ я никакихъ крепкихъ напитковъ не употребляю.

«Что же это такъ! да удостойте, батюшка, хоть стаканчикъ-то, я для васъ собственно и купила.... неужто не станете? — такъ я по пугостому тратилась.

— Ужъ коли на то пошло, такъ давайте выпью за ваше здоровье.

— Осчастливьте, отецъ родной!

Пока откупщикъ управлялся съ пуншемъ, двери передней широко распахнулись и нѣсколько человекъ съ музыкальными инструментами шумно вошли, и чрезъ минуту послышалось шипѣнье, визжанье

и неровные отрывистые звуки музыкальных инструментовъ, которые болѣе четверти часа настраивались и приводились въ порядокъ.

— Ну, что готовы-ли? спросилъ откупщикъ.

— Готовы, дружно отвѣчали музыканты.

Болѣе половины сальныхъ свѣчъ уже сгорѣли, — когда раздались звуки смычка и пѣсколко кавалеровъ, въ томъ числѣ и откупщикъ, пошли ангажировать дамъ на экосезъ. Въ комнатахъ было такъ жарко и тѣсно, что почтенная компанія дамъ раскраснѣвшись, какъ розы, не переставали помахивать раздушенными узорчатыми платками; и помада, у многихъ чрезъ мѣру намазанная, уже начинала таять и отъ этого иные лбы лоснѣли, какъ рукава халата Федоръ Федоровича, который между тѣмъ въ раздумьи стоялъ все на прежнемъ мѣстѣ.

— Ахъ, какъ подойти, какъ поклониться. Ну, что, ежели она не пойдетъ со мной танцевать, да я просто захвораю и мнѣ завтра нельзя будетъ идти въ контору.

Такъ думалъ онъ, думалъ и колебался. Духъ его захватывало, силы покидали, и если бы вы знали, какъ билось тогда сердце Федора Федоровича, билось первый разъ въ жизни и такъ сильно, что даже онъ самъ, въ испугъ, часто хватался за лѣвый бокъ, какъ-бы достовѣриваясь тутъ-ли еще оно? Вотъ онъ рѣшился — подходить дрожащими ногами и, конфузясь, просить на экосезъ....

— Рада бы, батюшка, всей душой, да право не умью, отвѣчала съ поклономъ красавица.

Видно неловко стало Федору Федоровичу, что онъ началъ расправлять свой галстухъ и обдергивать жилетку.

— Страннолюбовъ! чтожь ты это, братецъ, гдѣ запропастился, мы тебя цѣлый часъ ищемъ.... ангажируй иди.

Такъ говорилъ одинъ молодой человекъ, подходя къ Федору Федоровичу и увлекая его въ залу.

Нехотя онъ повиновался, принужденный слѣдовать за молодымъ человекомъ.

— Вотъ вамъ пара! — говорила хозяйка, подводя Прасковью Семеновну, которая казалась чѣмъ-то была очень недовольна, но также изъ приличія должна была идти танцевать. Во все продолженіе танцевъ Прасковья Семеновна не сказала ни одного слова, а только, по временамъ возводила на Федоръ Федоровича свои блѣдноглубые глаза.

въ которыхъ силилась выразить упреки и обиду, но тщетны были усилія...

Баль былъ, что называется на славу, — всѣ гости остались довольны угощеньемъ. Послѣ танцевъ начался ужинъ, за которымъ подавали хотя только семь блюдъ, но въ изобиліи.

По приходѣ домой, не раздѣваясь, утомленный, взволнованный, утонуль въ перинѣ влюбленный Федоръ Федоровичъ и въ сладкомъ снѣ позабыль на нѣкоторое время все.

Наступило утро: звезды погасли, луна утонула въ густомъ туманѣ разостланномъ еще на сонной землѣ; темно-голубое небо мало-по-малу становилось яснѣе и вскорѣ уже сдѣлалось ясной лазурью; первый лучъ восходящаго солнца прорѣзалъ туманъ, зажегъ огни на куполахъ церквей и прокравшисъ сквозъ щель ставни Федоръ Федоровича, — хотѣлъ разбудить его, но онъ уже проснулся и сидѣлъ на постели, протирая кулакомъ заспанные глаза.

— Ухъ, какой странный сонъ, точно наяву. .. — проговорилъ онъ — то Прасковья Семеновна, то другая въ глазахъ; да нѣтъ, что-нибудь да значить!

Но вскорѣ стукъ въ дверяхъ и за нимъ голосъ прервалъ его размышленія.

— Вы еще спите, батюшка, али нѣтъ?

— Сплю, Анна Семеновна! отвѣчалъ разсѣянно Федоръ Федоровичъ.

— Нѣтъ, навѣрно не спите, когда разговариваете, пора вставать — самоваръ на столѣ.

— Сейчасъ, вотъ сію-минуточку одѣнусь; да не рано-ли еще? Какой странный сонъ я видѣлъ, Анна Семеновна, просто не повѣрите.

— Ладно, ладно только вставайте, за чаемъ расскажете...

— А! сегодня воскресенье? — сказалъ съ удивленіемъ Федоръ Федоровичъ, выходя изъ котнаты и примѣтя на дворѣ во всемъ порядокъ, что только было у его хозяекъ въ праздники.

Когда умывался онъ на чистомъ воздухѣ, поливая себя одной рукой изъ желзнаго ковша, то слухъ его былъ пораженъ шумомъ голосовъ людей и животныхъ. Въ курятникъ у Анны Семеновны также проснулись пѣтухи. — Громко кричали они, чтобъ хозяйка позаботилась объ ихъ завтракъ и выпустила бы на дворъ порыться въ

сору и побѣгать ради утренняго моціона. — Тотчасъ догадался Федоръ Федоровичъ, чего требуютъ своимъ крикомъ домашнія птички, и когда пошелъ пить чай, то первымъ словомъ сообщилъ объ этомъ Прасковья Семеновна, на которой лежала обязанность пещись о домашнихъ животныхъ, къ которымъ принадлежала и корова. Удовлетворивъ требованію птицъ, Прасковья Семеновна выпустила за ворота корову, которая недолго размышляя, присоединилась къ стаду весело прогуливавшагося скота.

За чаемъ Федоръ Федоровичъ разказалъ свой сонъ. Немало удивлялась ему Анна Семеновна, но сестрица ея, въ продолженіе разговора, не проговорила даже полслова, а все дулась и хмурилась, показывая неудовольствіе. Обида тѣснилась у ней въ груди и еслибъ было возможно, то излилась-бы потоками слезъ горячихъ, такъ было легко бѣдняжкѣ!

Отпивши чай и покорно поблагодаривъ, ушелъ, также не очень веселый, Федоръ Федоровичъ въ свою комнату и раскрывъ окно, сѣлъ и сталъ смотреть, въ задумчивости, на проходящихъ.

Благовѣстили къ обѣдни; улица оживилась народомъ; по обѣимъ сторонамъ ея пестрѣла толпа пѣшеходовъ; въ числѣ ихъ старѣйшій пріятель Федора Федоровича, бывшій некогда его учитель первыхъ четырехъ правилъ математики, необходимой въ жизни потребности, шелъ нѣсколько сзади и поровнявшись съ окномъ, у котораго сидѣлъ Федоръ Федоровичъ, остановился, приподнялъ обѣими руками на четверть отъ головы конусообразную шляпу и произнесъ: «здравствуй пустынный житель, удаляющійся отъ шумныхъ удовольствій свѣта.... Да что это въ самомъ дѣлѣ значить? — скажи, пожалуйста, отъ чего ты не пришелъ ко мнѣ вчера раздѣлить бесѣду въ кругу прежнихъ сотоварищей. Охъ! не въ свой ты кругъ пошелъ, братецъ.... Плохо съ бабами водить дружбу; смотри, добра не будетъ! — Ну, прощай; однакожъ.

— Прощай! сказалъ Федоръ Федоровичъ, и впалъ въ размышленіе. Сильно поразили его послѣднія слова учителя четырехъ правилъ. — Долго смотрѣлъ онъ на быстро удаляющагося товарища!

Прошелъ народъ, рѣдѣла и исчезала за угломъ пестрая толпа пѣшеходовъ. Шелковыя платья, косынки низанныя жемчугомъ, уже перестали проявляться на улицѣ; пара дрожекъ и коляска председа-

теля проехали съ полчаса назадъ. Казалось некого было ждать и Федоръ Федоровичъ хотѣлъ ужъ запереть окно ; какъ вдругъ, со всѣмъ неожиданно, изъ дверей мелочной лавочки, которая приходилась на искось его квартиры, вышла косынка, унизанная самоцвѣтными камнями, на которыхъ лучи солнца играли разными огоньками. Снова зажглось любопытство ; закутавшись, какъ можно только, халатомъ, онъ высунулся до половины въ окно, и сталъ всматриваться ! и чтожь ? — То былъ предметъ его пылкой любви. Опять закопошились страсти въ немъ ; прошла незнакомка и навела грусть на чело Федоръ Федоровича.

Цѣлый день не отходилъ онъ отъ окошка ни на минуту и все ожидалъ не вернется-ли незнакомка, чтобы полюбаваться ею еще разъ ; но напрасны были его ожиданья, вѣроятно ей вздумалось зайти въ гости или избрать другой трактъ, чтобъ миновать окно, изъ котораго такъ пристально глядѣли очи влюбленнаго, котораго, быть можетъ, замѣтила она сама.

— Хороша, и какъ хороша ! что за щечки ! вотъ такъ-бы и поцеловалъ. Ужь именно, безъ прикрасъ сказать, цвѣтутъ какъ розы въ лѣтнее время. Однакожь и Прасковья Семеновна нельзя сказать, чтобъ уступила ей въ красоть ! И та румяна и съ голубыми глазами. Но увы ! охъ, охъ, охъ ! Прасковья Семеновна ! и ты, моя дражайшая незнакомка ! еслибъ могъ раздѣлить вамъ мое сердце. — Натѣ-жъ возьмите, ловите, хватайте его, пока оно не лопнуло отъ любви ! — Такъ говорилъ, по увлеченію какого-то особеннаго восторга, похожаго на припадокъ любви, Федоръ Федоровичъ, хватаясь то за волосы, то за лѣвый бокъ и протягивая руки къ дверямъ, какъ-бы отдавая не на шутку кому-то любящее сердце.

Прошло воскресенье, за нимъ понедѣльникъ, а за понедѣльникомъ и вся недѣля. Однообразна, но уже тиха не по прежнему, была жизнь Федоръ Федоровича : любовь пылала въ душѣ его, страсти кипѣли, волновались ; молчаніе было первой его добродѣтелью въ страданіи. — Никто не зналъ, ни Анна Семеновна, ни сестрица ея, что постоялецъ ихъ зараженъ общей болѣзью чловѣчества, но болѣзью неизлечимой. Ему не хотѣлось покинуть ни ту, ни другую. Жалко было покинуть Прасковью Семеновну, какъ первый предметъ любви тихой и безмолвной ; еще жальче было разставаться съ той,

которая, съ перваго разу, такъ могущественно подошла фитилемъ своей красы, какъ боченокъ съ порохомъ, сердце Ѳеодоръ Ѳеодоровича, и не было мѣры затушить пожаръ.

Ни на часъ, ни на минуту, ни на секунду не покидала его любовь. Цѣлый день, склонивъ голову, ходилъ онъ задумчиво; голова его была въ чаду. Сидя за обѣдомъ, онъ на каждомъ шагу видѣлъ только два предмета, какъ-бы соединенные и не могущіе существовать одинъ безъ другаго. — Часто занимаясь дѣломъ, онъ портилъ бумагу; дадутъ ему написать что-нибудь, кажется четко и ясно написана черновая, такъ нѣтъ не разобрать, и начнетъ: дражайшая, наиболезнѣйшая! Жестоко журилъ его за это письмоводитель конторы; товарищи подшучивали, не понимая хорошенько причины, которая заставляла его ошибаться. Безъ особеннаго страха, не такъ какъ прежде, хладнокровно слушалъ онъ выговоры, потому что всѣ прочія чувства какъ-бы сгорѣли въ огнѣ любви, — и однажды, за свою разсыянность поплатился онъ дорого.

— Отыщите мнѣ дѣло о перемѣщеніи повѣреннаго Сосулина, сказалъ письмоводитель, обращаясь къ Ѳеодору Ѳеодоровичу.

Но онъ, вмѣсто того, чтобъ идти въ шкафъ и тамъ рыться, началъ шарить въ своихъ карманахъ и выложивъ всѣ бумажки на столъ, отвѣчалъ не глядя на письмоводителя: Нѣтъ, Парасковья Семеновна, не могъ найти вашей записочки.

Общій хохоть былъ отвѣтомъ на выходку Ѳеодоръ Ѳеодоровича, даже присутствіе письмоводителя, долго не могло сдержать этотъ смѣхъ. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ безсмысленно смотрѣлъ на всѣхъ, не понимая самъ, что такое онъ сказалъ, и только, когда тотъ довольно строго спросилъ его: «Что вы съ ума что-ли сошли, какая тутъ Парасковья Семеновна, съ вами говорю я, я приказываю вамъ отыскать бумагу, а вы врете тутъ, сами не знаете что... Да вы, батюшка, кажется, не въ своей тарелкѣ и не въ своемъ умѣ, коли не можете думать объ дѣлѣ, не служите, а то ваши глупости, нарушаютъ порядокъ. — И обратясь къ окружающимъ, произнесъ: — тише, заниматься дѣломъ. Приказаніе отыскать бумагу было отдано другому.

На другой день, послѣ этой сцены, то есть во вторникъ, своимъ порядкомъ собрались въ питейную контору писцы; немного пока-

лякали, занялись дѣломъ и настала тишина, прерываемая только скрипомъ перьевъ, да изрѣдка какой — нибудь пожилой писецъ, на время оставивъ работу, протиралъ очки, доставалъ изъ задняго кармана табакерку и шумно съ разстановками вбиралъ носомъ щепотку табаку. Письмоводитель чихнулъ, всѣ встали и въ одинъ голосъ пожелали добраго здоровья; — поблагодаривъ ихъ, онъ значительно и съ какой-то странной улыбкой посмотрѣлъ на Федоръ Федоровича, который сидѣлъ тутъ, но, казалось, былъ чуждъ всего окружающаго. Погруженный въ свою заветную думу, онъ уже минутъ десять держалъ въ одной рукѣ раскрытый ножичекъ, а въ другой перо, на конецъ котораго были устремлены его глаза.

Къ крыльцу подъехала голубая коляска, запряженная парой гнѣдыхъ, и откупщикъ вошелъ въ контору.

Послѣ обычнаго вопроса «пу, что какъ у васъ дѣла?» и отвѣтовъ на низкіе поклоны писцовъ, наклоненіемъ головы, онъ подошелъ къ Федоръ Федоровичу, спросивъ прежде письмоводителя. «Это онъ?» Послѣ утвердительнаго отвѣта откупщикъ долго смотрѣлъ на Федоръ Федоровича, который устремля на него свои глаза, страшно моргалъ и переминался съ ноги на ногу, чувствуя какую-то неловкость въ членахъ. — «Послушайте, — началъ откупщикъ, обращаясь къ Федоръ Федоровичу, — вы, сударь, не занимаетесь вашимъ дѣломъ, а здѣсь занимаетесь тѣмъ, чѣмъ не слѣдуетъ. Это не хорошо, это очень дурной примѣръ, которому я не могу потворствовать, и потому извольте получить расчетъ!

Какъ опечалились его хозяйки! Прасковья Семеновна даже ушла въ другую комнату, чтобъ поплакать тамъ объ участи горькой, несчастной своего постояльца.

— Батюшки-святые! ужъ не знаю къ кому присунуться, кого просить! — говорила, охая, Анна Семеновна. — Не сходить-ли къ капитаншъ; я прошедшій разъ у ней видѣла богатаго купца, не скажетъ-ли ему, ну, а ему ничего не значитъ помѣстить васъ къ себѣ.

— Да, Анна Семеновна, если это можно, то не оставьте съ вашей стороны ходатайствомъ, — сказалъ Федоръ Федоровичъ.

— Какъ-же, батюшка, не похлопотать мнѣ за васъ; — вѣдь изве-

стно, сказать : дѣло ваше сиротское, некому заступиться ! — некому позаботиться, говорила Анна Семеновна, вытирая рукавомъ своего платья слезы.

Когда ушла она, Ѳедоръ Ѳедоровичъ началъ ходить мѣрными шагами по комнатѣ и началъ размышлять о добродѣтельной своей хозяйкѣ, которая только изъ однихъ видовъ сродниться съ нимъ черезъ замужство сестры, или, быть можетъ, такъ только по добротѣ своего сердца, принимаетъ въ немъ живѣйшее участіе. — «Да, — я не измѣню предмету своей любви, драгоценнѣйшей Прасковьи Семеновнѣ ! отдамъ сполна ей свое сердце, пусть никто кромѣ ея не будетъ повелевать имъ, даже и...» Но тутъ онъ остановился, потомъ помедливъ немного, схватилъ себя за волосы и почти закричалъ : «Нѣтъ, невозможно ! о еслибъ могъ я сердце свое имъ обоямъ раздѣлить по ровну ! »

Пока размышлялъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, какъ пропорціонально любви и добродѣтели раздѣлить свое сердце, — въ Колгушкиномъ переулкѣ, Анна Семеновна хлопотала за него у капитанши, и та наконецъ дала слово похлопотать за Ѳедора Ѳедоровича.

Прошло двѣ недѣли съ-тѣхъ-поръ, какъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ пересталъ ходить въ контору. Сидя цѣлый день дома онъ не зналъ какъ убить время; прогуливаться казалось ему очень неудобно, потому что дождь не переставалъ хлестать въ окошки и ни одинъ хозяинъ не выгналъ-бы собаку въ такую пору. Чтожъ дѣлать ? а безъ занятія хоть кому покажется скучно. Наконецъ избралъ себѣ занятіе Ѳедоръ Ѳедоровичъ — занятіе самое эдакое, знаете-ли, неизнурительное : сидѣть подъ окошкомъ, любоваться природой, и смотрѣть какъ скачутъ дождевые пузыри на лужахъ и какъ ребятишки, украдкой вырвавшись изъ подъ надзора матерей, не обращая вниманія на дождь, который промочилъ ихъ рубашенки такъ, что они казались прилипшими къ тѣлу, бродятъ по лужамъ, спускаютъ деревянный корабль съ баластомъ, то есть съ пескомъ. Любо ему, очень любо смотрѣть, какъ Сенька скачетъ въ лужъ и далеко разлетаются брызги, по временамъ на прохожихъ. Въ этомъ невинномъ занятіи онъ проводилъ цѣлый день : съ девяти часовъ утра и до шести вечера ; но послѣ шести, ужъ были занятія другаго рода Ѳедоръ Ѳедо-

ровичъ начнетъ мърнымъ шагомъ, потупивъ голову, ходить по комнате, вслушиваться въ нестройныя симфоніи вѣтра, взводить къ потолку взоръ; взведетъ и остановится, какъ-бы ожидая отсюда чего-то. Пройдетъ минута и мысли одна за другой слетаются, какъ-бы съ потолка прямо на сердце къ нему. Вздыхать и тосковать начнетъ тогда Федоръ Федоровичъ; таинственная незнакомка и Прасковья Семеновна осаждаютъ его. Эти два призрака неотступно требуютъ у него сердца; но кому-же отдать его? —

— Да, я могъ-бы тогда назвать себя совершенно счастливымъ!... проговорилъ со вздохомъ Федоръ Федоровичъ. Но какъ приступить, — приступить дѣло великое. Какими мѣрами поддѣлаться? а тамъ наша не устоитъ. Ей не устоять противъ чувствительной записочки... И не иначе какъ записочкой, — другихъ средствъ не придумаю. — Размаслилъ, разукрасилъ, такая-эдакая, прелесть, наидражайшая, наипрелюбезнѣйшая! — Однимъ словомъ... расплатится! — Знаю-знаю я этихъ женщинъ: какъ воскъ сердца ихъ, но и переменчивы, какъ осенняя погода.

— Батюшка ужинать пора, — сказала Анна Семеновна, прерывая его размышленія.

— Хорошо-съ, иду-съ, а Прасковья Семеновна дома-съ?

— Куда ей идти въ такую пору, она и ужина не дождалась, часа два ужъ какъ легла спать; видно немочь пристала. Время-то нынче осеннее, такъ и немудрено, вышла на улицу, промочила ноги и долго-ли тутъ? — Лихорадка какъ разъ привяжется. Давеча все ознобъ, говоритъ, да жаръ; такъ въ головушку, словно кто молоткомъ стучить....

Съли за столъ, также какъ и вчера все шло своимъ порядкомъ: сперва студень съ горчицей и съ уксусомъ, потомъ щи, а послѣ щей каша просовая съ коровьимъ масломъ. Федоръ Федоровичъ дѣлалъ два дѣла: ужиналъ и мечталъ. Напрасно Анна Семеновна старалась завести разговоръ; и такъ и-сякъ подвѣзжала она, чтобъ привлечь вниманіе собесѣдника, но онъ съ аппетитомъ ужиналъ и молча, безъ особеннаго вниманія, слушалъ начатый разговоръ про француза, какъ однажды онъ собралъ своихъ подчиненныхъ два-надесять языковъ, какъ рассказывала Анна Семеновна, подражая въ слогъ своему по-

койному батюшкѣ. Послѣ ужина Ѳедоръ Ѳедоровичъ, сидя на сундукѣ, безпрестанно звалъ и наконецъ, не дослушавъ повѣтствованія, пожелалъ спокойной ночи и ушелъ въ свою комнату. Немало обидѣлась этимъ разскащица; но какъ на сонъ грядущій нейдетъ заводить ссору, замолчала и тоже пошла спать. Лишь только герой нашъ потонулъ въ перинѣ, какъ вдругъ, и все это, знаете-ли, неожиданно, сонъ улетѣлъ, какъ голубь съ крыши, испуганный камнемъ рѣзваго мальчишки. Засуетилось, закопошилось въ головѣ Ѳедоръ Ѳедоровича: со всѣхъ концовъ свѣта мысли, со всѣмъ даже незнакомыя, одна за одной въ перегонку спѣшать занять вакансію въ головѣ его. Среди этого хаоса странныхъ, небывалыхъ мыслей, являются два уже знакомые призрака и наступательно требуютъ, чтобъ тотъ, не отлагая долго, раздѣлилъ имъ поровну обѣщанное сердце, страдая его въ противномъ случаѣ какимъ-то наказаніемъ! какимъ? ужъ и самъ онъ не могъ разъяснить. — Ну, однимъ словомъ страшнымъ... Безполезны были его усилія разогнать тревожныя мысли: ворочалъ подушку, поворачивался на правую сторону, и одѣяло-то сбрасывалъ, чтобъ немножко озябнуть да заснуть, нѣтъ-таки ушелъ сонъ! — Что будешь дѣлать, — вскричалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, вставая съ постели, — коли сонъ нейдетъ такъ надо чѣмъ-нибудь развлечься. «И онъ принялся отыскивать перо и чернилъ, чтобъ написать записку. — Чернилицу съ пѣчурки поставилъ онъ на столъ, но долго не могъ найти пера. — » Куда дѣвались перья, — думалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, бросаясь во все углы. — Не Анна-ли Семеновна взяла опять на смазку пироговъ. Та-та-та! чтожъ я ищу-то по пустому — позабылъ, что въ сюртукъ цѣлый пучекъ.» Немедля, собравшись съ мыслями, принялся Ѳедоръ Ѳедоровичъ за чистописаніе.

«Дражайшая и пренаилубезнѣйшая! не знаю, какъ назвать васъ, имени и отечеству, — но пламенное сердце мое полно сочувствія къ вашему и уже знакомо съ вашимъ. О! какъ я буду счастливъ, когда любовь моя дойдетъ до ушей вашихъ и оттолкъ проникнетъ въ сердце — и такъ если угодно, сердце нижеподписавшагося будетъ вручено при семъ куплетъ.» Но последнее слово что-то Ѳедору Ѳедоровичу не понравилось.» Это, говорить, не употребляется въ любовныхъ записочкахъ, а только въ однихъ стихахъ, — и продолжалъ такимъ-образомъ: «И если желательно получить оное сердце, страж-

дущее и растерзанное горемъ, то прибѣгаю къ вамъ; изберите часъ, минуту и секунду для врученія вамъ поименованнаго сердца и для изустныхъ объясненій непорочной моей любви. — Остаюсь на вѣки такъ крѣпко прикованный къ вамъ, что никакія силы не въ состояніи разсторгнуть наши сердца. Федоръ Страннолюбовъ.

— Каково? посмотримъ, что скажетъ красавица на подобныя нѣжности... голову дамъ на отсѣченье, не устоять, право не устоять! — говорилъ Федоръ Федоровичъ, собираясь на покой. Всѣ призраки, всѣ фантазіи какъ-бы присмирѣли и сонъ сомкнулъ очи его.

На другой день погода прояснилась, изъ — за свѣрыхъ облаковъ выкатилось солнышко. — Пробудилась природа, зашумѣло, загремѣло, засуетилось все живое въ Божіемъ мірѣ... Встаютъ и Федоръ Федоровичъ, глядитъ: не скачутъ пузыри полужамъ, не барабанитъ дождикъ въ окошки, а по всему городу свѣтло и ясно. — Помолвившись Богу, онъ пошелъ безъ приглашенія пить чай въ комнаты хозяевъ. Было только пять часовъ и Анна Семеновна, и Прасковья Семеновна еще спали. «Ахъ!» воскликнула Анна Семеновна и Федоръ Федоровичъ принужденъ былъ выйти изъ комнаты и вышелъ на улицу. Народъ уже принимался за дѣло, ставни почти всюду отворялись, и лавочка, въ которой жилъ предметъ страсти отставнаго канцеляриста, давно уже была отперта. Подозвавъ къ себѣ мальчишку, который бѣгалъ еще по невысохшей лужѣ, онъ отдалъ ему письмо, съ приказаніемъ, отнести его въ лавочку, и отдать тамъ прекраснѣйшей изъ прекрасныхъ.

— Да кому-жъ это? — спросилъ мальчикъ, — хозяйну штоль?

— Нѣтъ, нѣтъ, не хозяйну, а дочери вручи его, говорилъ Федоръ Федоровичъ.

— Стало самой отдать?

— Да самой, самой! ..

Мальчишка побѣжалъ, а Федоръ Федоровичъ, смотря ему въ слѣдъ, восторженно декламировалъ. «Лети, письмо, туда, гдѣ примутъ безъ труда... Кляняйся тому, кто милъ сердцу моему.

И въ немомъ созерцаніи остался у воротъ, устремля взоръ на дверь лавочки. Но каково его было пораженіе, когда предметъ его страсти

чрезъ полчаса времени, въ странномъ гнѣвѣ и безпорядкѣ, выско-
чилъ на улицу и, обратясь къ нему, произнесъ слѣдующія слова:
«Врешь ты, рыжій, я тебя ничего не обманяла.... Ахъ, ты рыжая
фигура! Да какъ ты смѣлъ писать такія рѣчи мужней женѣ?
пойду, непременно пойду жаловаться. Пусть тебя хорошенько про-
учать.»

— Кто-бы подумалъ что она замужемъ! Такъ вотъ любовь!
къ чему ты довела, — говорилъ въ отчаяніи, ломая себѣ руки,
Федоръ Федоровичъ.

Блѣдная Прасковья Семеновна стояла за воротами, она слы-
шала все. — То дрожала она какъ въ лихорадкѣ, то вдругъ
вся кровь прилиwała ей въ голову. — Слышала она гром-
кія рѣчи Натальи Филипповны, слышала и ушамъ своимъ не въ-
рила; потомъ позвала и Анну Семеновну. Слушали объ, не довѣряя
еще ушамъ своимъ, и пошли справляться къ купчихѣ. Чѣмъ кончилась
эта сцена неизвѣстно, только на другое утро по Низменной улицѣ
вхалъ возъ, на немъ навалена была старая мебель. Клеенчатый ди-
ванъ, два стула, крѣпко связанные спинками, лежали на сундукъ оби-
томъ желзномъ. Съ лицомъ печальнымъ, какъ за гробомъ род-
наго, шелъ мужчина въ шинели нѣмецкаго сукна и клеенчатой
фуражкѣ. По рыжимъ волосамъ, по блѣдному кой-гдѣ испещренному
веснушками лицу, можно было узнать Федоръ Федоровича, прежде
веселаго и занимательнаго, который нѣсколько недель тому назадъ
сидѣлъ за чайнымъ столомъ, и слушалъ или самъ рассказывалъ какія-
нибудь веселыя занимательныя происшествія.

— Баринъ въ заюлокъ штоль? спросилъ извозчикъ.

— Да въ переюлокъ! отвѣчалъ онъ разсынно и задумчиво, слѣдуя
за возомъ. Вдругъ какъ снѣгъ на голову, предсталъ предъ нимъ учи-
тель четырехъ правилъ математики и загораживая дорогу нашему
путешественнику, вскричалъ:

— Ба, ба, ба! кого я вижу?

— Злосчастнаго сотоварища своего! отвѣчалъ сквозь слезы Федоръ
Федоровичъ.

— Эхъ, эхъ, эхъ! то-то и есть, — помнишь, помнишь.... не я-ль те-
бѣ говорилъ — не связывайся съ бабами, а ты еще и за двухъ принялся;
развѣ неизвѣстна тебѣ эта пословица: За двумя зайцами погонишься

такъ не одного не поймаешь. Полно, полно! пойдемъ лучше ко мнѣ. —

Говорятъ, что послѣ этого Федоръ Федоровичъ никогда не гонялся за двумя зайцами.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

БѢЛАЯ КАМЕЛІЯ, или МАСКАРАДЪ ВЪ ДВОРЯНСКОМЪ СОБРАНІИ. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. барона **Ө. Ө. Корфа**.

УРОКЪ МУЖЬЯМЪ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. **Г*****.

СТАРИНА. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. **М. К*****.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕРСИИ. Ералашъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. **Г. К.**

ДОЧЬ КАРЛА СМѢЛАГО, второе дѣйствіе изъ драмы **В. Р. Зотова**.

(Бенефисъ госпожи Вѣры Самойловой 2-й.)

Госпожа Вѣра Самойлова *вторая* (просимъ не смѣшивать) бесспорно, въ настоящее время, лучшая артистка русскаго театра. Въ ней соединены всѣ природныя качества со всѣми условіями, требуемыми искусствомъ. При подкупающей съ перваго взгляда наружности, ея манеры, умѣнье держаться, выразительность глазъ, лица и голоса, дополняютъ внѣшнее впечатлѣніе, которое она производитъ на зрителя при первомъ появленіи на сцену. Къ этимъ даннымъ, госпожа В. Самойлова умѣла въ краткое свое театральное поприще присоединить все то, что дается умомъ тонкимъ и проникательнымъ, талантомъ врожденнымъ, открывается артисту внутреннимъ чувствомъ, и то, что только пріобрѣтается опытною въ дѣлѣ искусства и навыкомъ къ сценѣ.

Кромѣ того, что госпожа В. Самойлова очень представительна на сценѣ, она изящна въ своихъ движеніяхъ, въ мимикѣ, въ передачѣ мелочей, которыя у другихъ выходятъ или очень грубо, или совсѣмъ исчезаютъ, но которыя придаютъ характерамъ полноту, а выраженію ихъ особенную прелесть. Два главныхъ качества госпожи В. Самойловой: *женственность* (Weiblichkeit) и *задушевность* (Innigkeit), качества, очень рѣдко встрѣчаемыя въ русскихъ артисткахъ. Къ нимъ надо присоединить третье качество, какъ неперемѣнное ихъ послѣдствіе: высокое *приличіе*. Никогда не подмѣтите вы въ игрѣ ея дѣйствія, несвойственнаго хорошему обществу, напоминающаго о закулисной непретендательности обращенія, о необразованномъ вкусѣ и дурномъ воспитаніи. Она не хватается всѣхъ и каждого, кто съ ней на сценѣ, за руки, не сдѣлаетъ лишняго жеста, не употребитъ улыбки или многозначительной мины, для большаго поясненія положенія своего партеру. Она вся принадлежитъ своей роли, она вся представляемое лицо: зрители для нея не существуютъ, у нея передъ глазами только дѣйствующія; словомъ, она не *актерствуетъ*, а живетъ и дышетъ жизнью, которую передалъ ей авторъ пьесы. Оттого игра ея всегда такъ обаятельна, такъ полна природы, истины и теплоты.

Если въ *драмѣ* иногда у госпожи В. Самойловой ощущается нѣкоторый недостатокъ средствъ физическихъ, за то въ каждой, исполняемой ею, роли видна сила постиженія, глубокая продуманность, и совершенное проникновеніе духомъ характера. Самая придирчивая критика очень рѣдко найдетъ случай замѣтить ей какой-нибудь промахъ, а тѣмъ менѣе недостатокъ. Отчетливость эта иногда даже лишаетъ ея внутреннее чувство полной свободы изліянія и дѣлаетъ выраженіе его нѣсколько холоднымъ и монотоннымъ. Разумѣется, когда все предусмотрено и напередъ рассчитано, природная энергія невольно подавляется предначертанною формою. Госпожа В. Самойлова умѣетъ замѣнять ее искусственнымъ одушевленіемъ, которое, если не слишкомъ сильно дѣйствуетъ на сердце зрителя, такъ за то вполне удовлетворяетъ его умъ и художественную требовательность. Въ другомъ артистѣ это преобладаніе формы выраженія надъ внутреннимъ, истиннымъ чувствомъ, было бы значительнымъ недостаткомъ, въ госпожѣ Самойловой второй — оно становится, нѣкоторымъ образомъ, достоинствомъ, потому что она вноситъ въ способъ своего выраженія столько простоты, естественности и задушевности,

что невольно подкупаетъ чувство зрителя. Она умѣетъ въ голосѣ своемъ отыскивать звуки теплые, обаятельные, она умѣетъ глазамъ и выраженію лица придать отпечатокъ каждаго глубокаго страданія, каждой сильной страсти и этого довольно.

Конечно, бываютъ минуты, когда мы отъ госпожи В. Самойловой въ драмѣ желали бы побольше простоты и поменьше паосса, или иначе, вычурности выраженія, *декламации*, но вспомнивъ, какъ еще недавно артистка вступила на драматическое поприще и сколько уже для него совершила, мы желаніе наше вооружаемъ терпѣніемъ и убаюкиваемъ надеждою.

И дѣйствительно, самобитное творчество, оригинальное проявленіе характера артиста въ драмѣ — дѣло очень трудное. Тутъ, на каждомъ шагу, встрѣчаютъ молодаго артиста сценическія преданія, узаконенныя временемъ; условія, нелѣпыя по себѣ, но уже принятыя старою эстетикою; reminiscenции о давно минувшихъ славахъ, которыя, при настоящихъ требованіяхъ, не были бы не только славами, но даже уважительными извѣстностями, но которыя все еще, какъ призраки, возстаютъ въ воображеніи новаго поколѣнія. Кромѣ того, онъ окруженъ талантами, подчиненными предшествовавшимъ школамъ или сохранившими часть старыхъ преданій. Трудно высвободиться совершенно изъ подъ ихъ вліянія и явиться рѣзкимъ контрастомъ между ними — съ мыслью нововведенія.

Даже европейская исторія искусства представляетъ намъ только два такіе смѣлые таланта, которые рѣшились явно свергнуть съ себя ярмо старыхъ предразсудковъ и предубѣжденій сцены. Но и они сдѣлали это не вдругъ, не съ перваго шага на сцену, а послѣ долгой борьбы съ принятыми понятіями и съ классической критикою, и притомъ сдѣлали это уже на апогеѣ своей артистической славы. Эти смѣльчакъ были Тальма и госпожа Марсъ.

Первый, при глубокомъ, самородномъ умѣ, прошелъ отличную художественную школу, которая указала ему на настоящій путь, именно, онъ, съ молодыхъ лѣтъ, изучилъ самаго человѣчнаго трагика Шекспира, въ самыхъ естественныхъ его истолкователяхъ — англичанахъ. Но и онъ, приближаясь, по возможности, къ натурѣ и простотѣ, не могъ однако-жъ отказаться отъ главной противуестественности въ каждомъ сценическомъ исполненіи — отъ *декла-*

маціи, что ясно видно изъ его собственныхъ записокъ. Въ началѣ своего поприща, онъ даже ревностно учился *декламаци* то-есть, искусству говорить напыщенно, на распѣвъ, высокопарно словомъ, не по человѣчески, у Молѣ, Флѣри и Дюгазона.

Госпожа Марсѣ счастливиѣе совершила переворотъ въ драмѣ, но за то она и средствъ имѣла къ тому больше, и самыя обстоятельства способствовали ея усилямъ. Она изъ кокетливыхъ и тонкихъ ролей Мольера и Мариво перешла въ сильные, но жизненные характеры въ новѣйшей драмѣ — Де-Виньи, Гюго и Дюма. Тутъ переходъ былъ не такъ рѣзокъ и отсутствіе паюса только рельефиѣе выдвигало полныя чувства и внутренняго содержанія фигуры новѣйшей драматической школы.

Но мы особенно уважаемъ талантъ госпожи Вѣры Самойловой въ *комедіи*. Тутъ она совершенно въ своей стихіи, и каждое ея дѣйствіе получаетъ опредѣлительный смыслъ и колоритъ. Кто только слѣдилъ за «Театральной Лѣтописью» Пантеона, тотъ вѣрно припомнитъ, какъ часто намъ приходилось говорить о мастерскомъ ея исполненіи труднѣйшихъ и многостороннихъ характеровъ комическихъ. Здѣсь невольно удивляешься ея тонкому женскому инстинкту, этой милой, не натянутой кокетливости, этимъ простымъ, но граціознымъ оборотамъ, этой умной умѣренности въ излишествахъ, непринужденной ловкости и благородству, которые характеризуютъ ея игру. Это, если можно такъ выразиться, самая изысканная шеголеватость, доведенная до самой обманчивой и обольстительной простоты.

Много способствуетъ очарованію и правильная, внятная, тоническая дикція артистки. Такая дикція, по нашему мнѣнію, выше всякой декламаци въ свѣтѣ, ибо она, не лишая рѣчи обыкновенной разговорной его простоты, въ тоже время даетъ каждому слову вѣсъ и каждой фразѣ должное значеніе. Въ комедіи мы у госпожи Вѣры Самойловой находимъ и больше теплоты, и одушевленія, и тонкой наблюдательности.

Но главное, что располагаетъ къ ней всякаго истиннаго цѣнителя искусства, это проникновеніе ролью, отсутствіе всякой видимой претензіи на *геніальность* и *первенство* отсутствіе безпрестанныхъ обращеній къ публикѣ, при удачно выполненномъ мѣстѣ, какъ-бы съ нѣмымъ вопросомъ: «А? каково? вотъ

оно — что!» и отсутствіе самолюбиваго самодовольства, выражаемаго миной, осанкой и жестомъ. Она перестаетъ быть актрисой, и дѣлается дѣйствующимъ лицомъ, предоставляя проницательности зрителя оцѣнить ея достоинства и наградить ихъ рукоплесканіями.

Къ чести госпожи В. Самойловой, мы должны сказать, что впрочемъ не замѣчали въ игрѣ ея ни малѣйшей жертвы, принесенной невѣжеству и безвкусію — на счетъ искусства. Въ этомъ отношеніи она истинная артистка и артистка, достойная глубокаго уваженія, потому что отъ этой чистой любви къ искусству страдаютъ ея личныя выгоды. За доказательствами ходить не далеко: не смотря на живой, истинный и вліятельный талантъ свой, госпожа Вѣра Самойлова оцѣняется меньше старшей своей сестрицы Н. Самойловой 1-ой, которая далеко не одарена ни природой, ни искусствомъ, тѣми достоинствами, какими обладаетъ Вѣра Васильевна, никогда не отличалась ни ея обдуманностію, ни тѣмъ постиженіемъ и эстетически вѣрнымъ исполненіемъ каждой роли, которыя ставятъ такъ высоко въ глазахъ каждаго истиннаго знатока госпожу Самойлову *вторую*. А отчего это? — Собственно оттого, что В. В. Самойлова является истинной жрицей искусства, которому служить по призванію души, какъ древняя весталка, а Н. Самойлова 1-я выбрала себѣ легкій родъ шутокъ и фарсовъ, не требующихъ ни созданія, ни особенной наблюдательности, ни чувства, ни постиженія, а только веселости, перемчивости, ловкости въ копированіи, — роли, въ которыхъ нѣтъ жизненныхъ характеровъ, а только одни образы безъ лицъ, которыя говорятъ сами за себя, и по своему складу всегда заставляютъ смѣяться непретендательную часть публики, въ уста какой-бы актрисы ихъ ни вложили.

Нынѣшній бенефисъ г-жи В. Самойловой былъ составленъ, видимо, наскоро. Однако, жертвуя разнообразію афиши, бенефисіантка не упустила изъ виду и той публики, которую могла и должна была ожидать на свой годичный праздникъ. Три пьесы ея бенефиса принадлежатъ къ пріятнымъ, благороднымъ сценическимъ явленіямъ, съ которыми образованному человѣку всегда пріятно встрѣтиться. Остальныя были обычной жертвою той части публики, для которой собственно существуютъ фарсы съ ихъ ловкими представительницами.

БѢЛАЯ КАМЕЛІЯ — собственно вовсе не комедія, это то, что фран-

цезы называютъ une pièce de salon, то есть, комнатная пьеска, состоящая изъ разговоровъ, безъ интриги, которую всегда, въ любой гостиной, могутъ разыграть два, три лица, безъ всякаго приговора и тонкости игры.

Видите-ли, Иванъ Николаевичъ получилъ записку, что его будетъ ожидать въ маскарадъ Жозефина, въ черномъ домино, съ бѣлой камеліей въ рукахъ. Иванъ Николаевичъ такъ маскѣ радъ, что даже забываетъ на столѣ ея записку. Жена его, Вѣра Васильевна, прочла ее и хочетъ наказатъ вѣтренника. Начинается между ними сцена: мужъ старается уложить жену спать, чтобы уѣхать, но та сама собирается въ маскарадъ. Мужъ хочетъ остаться, и жена не ѣдетъ. Наконецъ, ему это надоѣло и онъ повелительно проситъ Вѣру Васильевну остаться дома и лечь спать. Она идетъ въ спальню и запирается изнутри. Онъ торопится одѣться и уѣхать, но въ дверяхъ его встрѣчаетъ Жозефина, въ маскѣ и домино, съ бѣлой камеліей въ рукахъ. Наскучивъ дожидаться его въ маскарадѣ, она рѣшилась пріѣхать въ домъ *женатаго челоуька*, чтобы увести мужа въ глазахъ жены. Иванъ Николаевичъ ужасно испуганъ, но никакъ не можетъ отдѣлаться отъ своей маски. Наконецъ, боясь, что жена его застанетъ, онъ говоритъ Жозефинѣ, что терпѣть ее не можетъ, а любить жену и довольно положительно проситъ ее убираться вонъ. Въ эту минуту, Жозефина скидаетъ маску и подъ нею оказывается Вѣра Васильевна. Раскаяніе, прощеніе и миръ.

Г-жа В. Самойлова превосходно сыграла роль жены. Она умѣла въ этой маленькой, ничтожной ролькѣ соединить столько милой кокетливости и наивнаго простодушія, что сдѣлала ее значительнымъ сценическимъ созданиемъ. Мартыновъ, въ роль мужа, помогъ ей своей простой, невычурной игрою, и, благодаря обонимъ артистамъ, эта салонная блеска имѣла значительный успѣхъ.

Вторая значительная пьеса была «Старина». Это очень умная, игривая картина нравовъ Екатерининскаго вѣка, набросанная рукою талантливой дамы, со всей теплотой, изяществомъ и простодушіемъ, свойственными только женскому вдохновенію. Старички, графъ и графиня Бардовы, еще въ дѣтствѣ помолвила свою внучку, Машеньку, за маленькаго князя Радова, и такъ и росли ихъ, какъ жениха и невѣсту. Въ старину это было въ обычаѣ. Но

когда молодые люди подросли и въ сердцахъ ихъ проснулась дѣйствительная страсть другъ къ другу, старички нашли непреодолимое препятствіе къ ихъ союзу. Препятствіе это состоитъ въ томъ, что молодой князь Радовъ, кромѣ своей невѣсты, влюбился еще — въ живописъ. Онъ посѣщаетъ Академію Художествъ, онъ пишетъ картины, онъ артистъ. По стариннымъ предразсудкамъ, это званіе и занятіе почитается несомвѣстнымъ съ званіемъ дворянина. Бардовы, никогда не согласятся принять въ домъ такого зятя. По счастью, великая Екатерина увидѣла картины Радова, объявила ему свое благоволеніе, обласкала и наградила художника и тѣмъ показала, что еще выше цѣнить его дворянство, украшенное талантомъ. Бардовы сознають, что они отстаютъ отъ вѣка и соединяють молодыхъ влюбленныхъ.

Сюжетъ пьесы очень простъ и незначителенъ, не смотря на то, она производитъ сильное впечатленіе и смотрится съ большимъ удовольствіемъ. Сочинительница умѣла украсить ее остроумными подробностями, хорошо рисующими вѣкъ и нравы и двумъ главнымъ характерамъ, старичковъ Бардовыхъ, придала много типической оригинальности.

Разыграна была пьеса мастерски. Г-жа Сосницкая, въ роли старой графини, была отлична, г. Сосницкій (графъ) чрезвычайно забавенъ. Ясно видно, что это кукла, которая всегда дѣйствовала только по мановенію жены, пѣкогда имѣвшей вѣсъ и большое и влияніе и до того привыкла къ чужому руководству, что на старости не можетъ жить безъ сторонней воли, какъ безъ воздуха. Г-жа Жулева мила и наивна до нельзя въ маленькой роли Машиньки. Эта молодая артистка съ каждой новой ролью все болѣе и болѣе развиваетъ свой въ высшей степени симпатическій талантъ, и публика все больше и больше привыкаетъ признавать за нею *первое мѣсто* въ водевиляхъ — на нашей сценѣ.

УРОКЪ МУЖЬЯМЪ... Который? спроситъ читатель. — Виноваты! и счетъ потеряли. Это видите-ли, вотъ какая оказія. Помните, мы вамъ рассказали въ первой книжкѣ *Пантеона*, какъ пѣкій интересный вдовецъ, влюбясь въ свою гувернантку, въ тоже время строилъ куры шести другимъ сосѣдкамъ на Крестовскомъ Островѣ — и наконецъ, въ день своего обрученія, подвелъ ихъ всѣхъ на подпленную скамейку, и когда она крикнула подъ ними, освѣтилъ эту замысловатую картину огнемъ шкаликовъ и плошекъ.

Мы тогда-же, просмотрѣвъ пьесу, сказали вамъ, что низкія природы не въ состояніи понимать нравственной стороны высокаго чувства любви. Въ этой истинѣ убѣдились мы еще болѣе въ повомъ «Урокъ мужьямъ», который есть ничто иное, какъ продолженіе той же исторіи интереснаго вдовца, съ тѣмъ же волокитствомъ и тою же скамейкою, которая, по счастью, на этотъ разъ не подламывается. Интересный вдовецъ, и женись, не оставляетъ своихъ старыхъ привычекъ, и начинаетъ волокаться за женою своего пріятеля Горскаго. Госпожа Горская, зная очень хорошо, какъ надо цѣнить подобныхъ героевъ, рассказываетъ все своему мужу и женѣ интереснаго вдовца. Встроемъ они сговариваются проучить волокиту. Горская уговариваетъ своего мужа сдѣлать признаніе женѣ волокиты, а его самого запираетъ въ павильонъ, откуда онъ можетъ все слышать. Интересный вдовецъ не выдерживаетъ и выекакиваетъ въ окно. Что-же онъ видитъ? На той самой скамейкѣ, которая прежде такъ эффектно подломилась, онъ видитъ свою жену и Горскаго, а между ними госпожу Горскую, которая служить имъ суфлеромъ въ театральномъ ихъ объясненіи. Вотъ вамъ и урокъ, почтеннѣйшій! но мы боимся, что онъ пойдетъ не впрокъ, и г. Вильсовекій, который въ этой пьесѣ названъ Озеровымъ, явится намъ, того и гляди, опять въ какомъ нибудь водевилѣ той-же фактуры, съ новыми проказами по любовной части.

Играли лучшіе артисты, но играть было печого, за рѣшительнымъ отсутствіемъ какихъ-либо характеровъ.

За то отлично шель второй актъ изъ умной и эффектной драмы «Дочь Карла Смѣлаго.» Г-жа Самойлова 2-я, въ роли дурочки *Микаэлы*, была превосходна и заставила зрителей сожалѣть, зачѣмъ не вся драма была дана въ ея бенефисъ, вмѣсто чрезвычайно жалкаго «Воспоминанія о Персіи» и всѣмъ надоѣвшаго попури изъ «Бѣдовой дѣвушки.»

Что это за «Воспоминаніе о Персіи?» — У насъ лѣтъ десять тому вышла очень занимательная книга барона Корфа подъ этимъ названіемъ: ужъ не изъ нея ли почерпнута эта пьеса? — Нимало. Во-первыхъ, это не пьеса, это *ералаши*, — такъ назвалъ свое произведеніе самъ авторъ. Во-вторыхъ, тутъ все выражаются восточными метафорами, и русскіе отлично понимаютъ персовъ, а персы и того лучше русскіхъ. Въ-третьихъ, тутъ такое мно-

жество лицъ всѣхъ націй и званій, что просто и не поймешь, зачѣмъ они все попали въ это воспоминаніе или въ ералашъ, что одно и тоже. Дѣло-же состоитъ въ томъ, что Дмитрій Ивановичъ съ супругою Анной Петровной, ради вѣжливости и любознательности, рѣшились изъ Петербурга отдать визитъ г-ну Ахметъ-Хану, въ Тебризѣ. Для любознательности-же Дмитрій Ивановичъ идетъ на кровлю поволочиться за дочью Ахметъ-Хана, а супруга его отправляется туда-же, чтобъ научить супруга вѣжливости. Тамъ встрѣчается она въ потьмахъ съ молодымъ персіянномъ, который начинаеть ей низать самые крупные перлы. Принявъ его за Дмитрія Иваныча, она просыпаетъ его перлы, давъ ему полновѣсную пощечину. Изъ этого выходитъ страшная ералашъ, которая кончается рѣшительнымъ паденіемъ пьесы. Персы, просмотрѣвъ, всю эту *аллегорію*, кладутъ палецъ удивленія въ ротъ и восклицаютъ: челоуѣкъ! что это за рѣчи? Машъ - Аллахъ! насъ кормятъ грязью!

ЗАМОКЪ ПЛЕССИ-ЛЕТУРЬ. Трагедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, передѣланная В. А. Каратыгинымъ 1, изъ французской трагедіи *Делавиня* «Louis XI».

В. А. Каратыгинъ, извѣстный трагикъ нашъ, не находя въ современномъ репертуарѣ для себя ролей, достойныхъ его таланта, рѣшился самъ вывести себя изъ этого печальнаго бездѣйствія, которое для артиста съ истиннымъ призваніемъ, гораздо тягостнѣе, чѣмъ самое забвеніе. Для этого онъ выбралъ одну изъ лучшихъ пьесъ Казимира Делавиня «Louis XI» и, «Замокъ Плесси - Летуръ» надо причислить къ лучшимъ пьесамъ нынѣшняго нашего репертуара и можно пожелать, чтобы она еще долго прожила на сценѣ, тѣмъ болѣе, что роль Людовика XI представляетъ г. Каратыгину широкое поле для развитія всѣхъ сторонъ замѣчательнаго его дарованія.

Во всей пьесѣ на первомъ планѣ, и притомъ чрезвычайно выпукло, стоитъ фигура французскаго короля; все остальное вокругъ нея блѣднѣетъ и почти исчезаетъ передъ этимъ колоссальнымъ очертаніемъ. Значитъ весь интересъ сосредоточивается на ней, а окружающіе характеры кажутся какъ будто ея тѣнями.

Репертуаръ нашъ имѣетъ уже драму «Заколдованный домъ», въ которой также выведенъ Людовикъ XI, но тамъ онъ лицо побочное, одна изъ пружинъ вымышленнаго дѣйствія. Правда, роль его въ «Заколдованномъ домѣ» гораздо эффектнѣе, за то въ «Замкѣ Плесси-Летуръ» развито больше психическихъ сторонъ этого мрачнаго характера, и не такъ много пожертвовано историческою истиною въ пользу драмы.

Всѣмъ извѣстно, что роль Людовика XI въ «Заколдованномъ домѣ» Аффенберга, принадлежала къ лучшимъ созданіямъ В. А. Каратыгина. Очень естественно, что онъ чувствовалъ къ ней родъ пристрастія, заставившаго его передѣлать теперь пьесу, еще полнѣе обрисовывающую характеръ героя, изученнаго имъ съ такою любовью, съ такою истинно германскою подробностію. Только одинъ великій художникъ способенъ на такого рода изученія. Мало того, что г. Каратыгинъ постигъ духъ и характеръ Людовика, онъ изучилъ мельчайшія его привычки, его фізіономію, всѣ археологическія подробности его костюма, и является въ этой роли живымъ портретомъ грознаго и причудливаго французскаго короля, со всѣми отбѣнками фанатизма и предрасудковъ второй половины пятнадцатаго вѣка.

Знаменитый нѣмецкій актеръ Девріевъ, дядя нынѣшнихъ трагиковъ того-же имени, прославился одною ролью «Шейлока» въ «Венеціанскомъ купцѣ» Шекспира; еслибъ г. Каратыгинъ во всю свою жизнь не создалъ другаго характера, кромѣ Людовика XI, то имя его также никогда не умерло-бы въ лѣтописяхъ русскаго сценическаго искусства. Скажемъ болѣе: Девріеву легче было создать Шейлока, лицо вымышленное, по однимъ определеннымъ даннымъ Шекспира, чѣмъ г. Каратыгиву Людовика, потому-что нашъ артистъ, кромѣ данныхъ автора, имѣлъ ввиду лицо дѣйствительное, и выполняя требованія вымышленной драмы, долженъ былъ оставаться вѣрнымъ исторіи. Тутъ задача двойная и вдвое труднѣйшая. Г. Каратыгинъ и на этотъ разъ разрѣшилъ ее превосходно.

Скажемъ откровенно, хотя Людовикъ XI въ «Заколдованномъ домѣ» имѣетъ родственное сходство съ Людовикомъ «Замка Плесси-Летуръ» по г. Каратыгиву въ послѣдней пьесѣ, по нашему мнѣнію, гораздо выше, чѣмъ въ первой. Аффенбергъ схватилъ болѣе внѣшнюю сторону характера Людовика, между тѣмъ, какъ у

Делавина затронуты глубокія внутреннія струны этого въ высшей степени драматическаго лица. Тутъ есть внутренняя психическая борьба старости и немощи съ желаніемъ жить, есть зависть къ молодости и дарованнымъ ей возрастомъ наслажденіямъ, есть страсть къ владычеству и боязнь его утраты. Стало быть, кромѣ виѣшнихъ принадлежностей извѣстнаго историческаго лица, артисту предстояло вѣрно и правдиво передать чисто психическія страданія человѣка. И въ этой-то передачѣ г. Каратыгинъ былъ истинно великъ.

Въ двухъ актахъ преимущественно выражена эта внутренняя жизнь Людовика XI — въ третьемъ и въ четвертомъ. Въ третьемъ актѣ, сцены съ крестьяниномъ Марселемъ и его женою Мартою, особенно эффектны. Крестьянинъ этотъ, не зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло, глубоко потрясаетъ короля, говоря о томъ, что ему смерть и на умъ не приходитъ, потому что совѣсть его чиста и спокойна. — Тутъ г. Каратыгинъ превосходенъ. Вы видите, какъ каждое слово глупаго крестьянина вонзается прямо въ сердце трусливаго старика, какъ силы его физическія и нравственныя слабѣютъ: злоба, боязнь, зависть и немощь — все попеременно смѣняется на этомъ исхудаломъ лицѣ, въ этихъ потухающихъ молніяхъ глазъ. Но потомъ, когда смѣтливая Марта, для спасенія своего напваго мужа, начинаетъ увѣрять Людовика въ его бодрости, въ его неотразимой красотѣ, въ его цвѣтущемъ здоровьи, и въ томъ, что онъ долженъ прожить еще, по-крайней-мѣрѣ, сорокъ лѣтъ, — этотъ старикъ, беспильный, готовый испустить послѣднее дыханіе, на вашихъ глазахъ дѣйствительно молодѣетъ. Кажется, вся энергія физическихъ и нравственныхъ силъ одушевляетъ въ эту минуту бездушный оставъ: глаза его разгораются, начинаютъ сверкать, щеки багровѣютъ, хребетъ разгибается, электрическія судороги пробѣгаютъ по всемъ членамъ, потухшій голосъ крѣпчаетъ и сумракъ страха смѣняется полу-недовѣрчивой, полу-утѣшительной улыбкой. Это мнимо-умершій, въ минуту, когда срываютъ крышу съ его гроба. Выразить этого перехода естественнѣе, превосходнѣе не возможно. И между-тѣмъ это выраженіе при всемъ его сценическомъ эффектѣ, физиологически вѣрно. Людовикъ очень хорошо понимаетъ и чувствуетъ, что его обманываютъ, но онъ вѣритъ обману, потому что этотъ обманъ осуществляетъ всѣ мечты и желанія его души, и это-то осуществленіе на минуту возвращаетъ ему всю бодрость и энергію молодого

сти, чтобы потомъ свергнуть его въ еще ужаснѣйшее разслабленіе. Въ этой сценѣ г. Каратыгинъ неподражаемо хорошъ.

Съ такимъ же совершенствомъ исполняется имъ весь четвертый актъ — смерть Людовика XI. Предсмертная сцена съ короною, и потомъ пробужденіе изъ летаргій, когда онъ срываетъ вѣнецъ съ головы молящагося у ногъ его Дофина, при той же глубокой продуманности, съ которой ведена вся роль, при томъ же психически-вѣрномъ выраженіи, выигрываютъ еще болѣе отъ пластической красоты, которую умѣлъ имъ придать господинъ Каратыгинъ. Невольный ужасъ и благоговѣніе овладѣваетъ каждымъ зрителемъ въ этихъ сценахъ.

Мы знаемъ много ролей, въ которыхъ господинъ Каратыгинъ отличенъ, но въ этой онъ рѣшительно достигъ апогея искусства. Самая строгая, самая придирчивая критика не найдетъ мельчайшей черты въ этомъ чудномъ олицетвореніи, за которую могла бы упрекнуть артиста. Здѣсь онъ безукоризненно великъ.

Довольно сказать, что пьеса имѣла огромный успѣхъ, а она вся лежитъ на богатырскихъ плечахъ господина Каратыгина, потому что всѣ событія драмы, всѣ остальные дѣйствующія лица однѣ только тѣни, необходимыя для большого округленія и усиленія главнаго характера, Людовика XI. Великъ долженъ быть даръ артиста, когда онъ, въ теченіи четырехъ актовъ, сосредоточивъ весь интересъ на одной своей личности, умѣетъ поддержать и постепенно усиливать его до конца. Въ сценическомъ искусствѣ это истинный *tour de force*.

Особенную прелесть, въ выполненіи этой роли, игрѣ господина Каратыгина придаетъ то, что тутъ ничто не выходитъ изъ круга обыкновенной человѣческой жизни, нѣтъ трагическихъ преувеличеній, нѣтъ сценической *идеализаціи* или, какъ просто ее называютъ, *геройства*. Артистъ взялъ характеръ Людовика не съ классической точки зрѣнія, а съ человѣческой: все въ немъ просто, натурально, жизненно. Передъ вами человѣкъ, со всѣми его великими качествами и мелочностью, со всѣми стремленіями духа и немощью тѣла. Тутъ нѣтъ ни напыщенныхъ фразъ, ни излишнихъ тѣлодвиженій — но все подчинено законамъ природы и правдоподобія. И въ этой-то простотѣ и естественности характеръ этотъ становится еще величественнѣе и производитъ впе-

чатливѣе вѣрное и глубокое. Со стороны артиста въ этомъ заключается новая заслуга искусству.

Мы уже сказали, что всѣ остальные роли въ драмѣ «Замокъ Плесси-Летуръ» составляютъ тѣни главнаго лица, не менѣе того, это тѣни довольно опредѣленные, хотя и слабо набросанные. Въ каждой изъ нихъ слегка проглядываетъ своеобычный характеръ, правда, не развитый и неразработанный, но который иногда отчасти высказывается, отчасти предчувствуется. По этому вся пьеса вообще была выполнена нашими артистами довольно отчетливо. Особенно хороша была госпожа Жулева въ роль *Дюфина*. Своимъ одушевленіемъ и неподдѣльнымъ чувствомъ она выдвинула эту маленькую роль на первый планъ. Господа Каратыгинъ 2-й (*Тристанъ-Дермитъ*), Брянскій (докторъ *Коатъе*), Марковецкій (*Марсель*) и госпожи Читау (*Марія*) и Славина (*Марта*) много способствовали стройному ходу и успѣху драмы.

Мы не имѣемъ права судить эту пьесу, какъ *переводъ* Делавиневой трагедіи «Louis XI», потому что она передѣлка, или лучше сказать *заимствованіе* изъ этой трагедіи; какъ о драмѣ — мы уже высказали о ней свое мнѣніе: это не драма, а *хроника*; остается только сказать нѣсколько словъ о ея языкѣ. Вообще вся пьеса написана языкомъ правильнымъ, многіе стихи звучны и сильны, хотя нѣкоторыя выраженія и отзываются оборотами книжными. Но мы противъ этого не возстаемъ: въ сценахъ важныхъ не всегда можно употреблять обиходныя слова, иначе серьезное — легко можетъ обратиться въ тривиальное.

Du sérieux au ridicule il n'y a qu'un pas !

Какъ за передѣлку этой пьесы, такъ и за исполненіе ея, мы обязаны вдвойнѣ прекрасному дарованію В. А. Каратыгина, съ которымъ мы иногда можемъ быть несогласны въ воззрѣвіяхъ своихъ на искусство, но въ которомъ всегда цѣнимъ и глубоко уважаемъ истиннаго, сознательнаго художника.

ВЪ ЧУЖОМЪ ГЛАЗУ СУЧЕКЪ МЫ ВИДИМЪ, ВЪ СВОЕМЪ НЕ ВИДИМЪ И БРЕВНА. Шутка водевилъ, въ одномъ дѣйствиіи, передѣланная съ французскаго П. С. *Оддорповилъ*.

На масляницѣ, при заключеніи театральнаго года, совершенно

неожиданно, явилась на нашей сценѣ новая пьеска неутомимаго П. С. Ѳедорова, которая сразу заняла весь масляничный репертуаръ и заставляла зрителей хохотать до упаду. Не задолго предъ тѣмъ былъ поставленъ на французскую сцену забавный водевиль «La société du doigt dans l'œil.» Фарсъ этотъ чисто мѣстный, но, по смѣшнымъ своимъ положеніямъ, по оригинальности мысли, и по прекрасному выполненію, онъ имѣлъ большой успѣхъ. Господинъ Ѳедоровъ очень искусно умѣлъ заимствовать главную мысль, облагородить ее, и перенести на русскую почву, такъ, что она не только стала очень правдоподобна въ русскихъ нравахъ, но даже много выиграла въ своемъ пересозданіи. Дѣло вотъ въ чемъ.

Андрей Авдрепчъ Моргуновъ, записной деревенскій агрономъ и домохозяинъ, женатъ на молодой и прекрасной Надеждѣ Осиповнѣ, и живетъ съ ней, какъ горлики въ теплое гнѣздушкѣ. Къ нему въ деревню пріѣхалъ погостить племянникъ его, молодой врачъ, Дымскій. Дымскому надо разсѣять свою хандру, потому-что въ столицѣ онъ былъ влюбленъ въ молодую дѣвушку, хотѣлъ на ней жениться, велъ съ нею переписку во время своей командировки; но по возвращеніи, вдругъ узналъ, что родители отыскали ей выгоднѣе партію, и что она съ своимъ мужемъ уѣхала куда-то въ губернію. Это страшно поразило Дымскаго; онъ считаетъ бывшую свою невѣсту измѣнницею, безсердечною кокеткою, бездушною куклою, словомъ всеѣмъ, чѣмъ отвергнутые вздыхатели обыкновенно почитаютъ своихъ строгихъ возлюбленныхъ. Въ молодой тетушкѣ Надеждѣ Осиповнѣ онъ находитъ себѣ истиннаго друга и повѣренную, предъ которою можетъ излить свое горе и негодованіе. По счастью, оказывается еще, что Надежда Осиповна была пансіонерскою подругою и пріятельницею — измѣнницы. Какъ влюбленный врачъ ни ненавидитъ свою невѣсту, однакожъ, ему все-таки утѣшительно поболтать о ней. Станный народъ эти влюбленные! Надежда Осиповна, однакожъ, старается образумить своего племянника и совѣтуетъ ему возвратитъ бывшей невѣстѣ ея письма, потому-что ему вовсе неприлично держать подобныя документы у себя, когда она уже вышла замужъ. Но исполнить такой совѣтъ не легко: во-первыхъ, трудно разстаться съ этими раздушенными, розовыми бумажками, такъ поэтически испещренными изліяніемъ сердечныхъ чувствъ съ орфографическими ошибками; во-вторыхъ — куда адресовать ихъ, когда ни новая фамилія и новое мѣсто жительства коварной — неизвѣстны?

На бѣду, въ одно прекрасное утро, Моргунову докладываютъ, что къ нему проѣздомъ въ губернскій городъ, завернулъ старинный пріятель его, Ѳеодоръ Григорьевичъ Шпилькинъ. Представьте же себѣ странный случай: Шпилькинъ этотъ-тотъ самый, кто женился на невѣстѣ нелицемитаго доктора Дымскаго. Жена его съ нимъ, но она больна съ дороги и потому на сцену не является. Дымскій тотчасъ проситъ свою тетеньку возвратить ей письма и передать, какъ онъ обиженъ и несчастливъ, какъ страстно ее любилъ и какъ будетъ счастливъ, если она сохранитъ объ немъ хотя воспоминаніе. Этотъ разговоръ подслушиваетъ Шпилькинъ и тотчасъ выводитъ изъ него заключенія, невыгодныя для семейнаго счастія Моргунова. Надо вамъ сказать, что этотъ Шпилькинъ удивительный чудакъ и страшный прожектеръ. Между прочимъ, онъ придумалъ компанію на акціяхъ для застрахованія супружескаго спокойствія, и на основаніи правилъ своей компаніи внесъ уже суматоху не въ одно семейство. Онъ тотчасъ-же предлагаетъ Моргунову взять акцію, но когда тотъ смѣется надъ нелѣпостію проэкта, онъ открываетъ ему, что ему-то именно проэктъ и полезенъ, на томъ основаніи, что молодой докторъ отдавалъ его женѣ какія то записки и говорилъ о своей любви. Моргуновъ выходитъ изъ себя, начинаетъ ревновать, поднимаетъ кутерьму, выгоняетъ племянника, ссорится съ женою, словомъ, производитъ множество самыхъ уморительныхъ сценъ. Подъ конецъ, онъ узнаетъ всю правду, спѣшитъ успокоиться и поправить глупости, которыя надѣлалъ. Онъ открываетъ глаза Шпилькину и совѣтуетъ ему, вмѣсто того, чтобъ сочинять проэктъ для чужаго спокойствія, подумать о своемъ собственномъ, потому что мы всегда *въ чужомъ глазу сучекъ видимъ, а въ своемъ не видимъ и бревна.*

Пьеска чрезвычайно забавна и разыграна превосходно. Господинъ Самойловъ въ роли Шпилькина и Мартыновъ — въ роли Моргунова — представляютъ два комическіе типа, полные натуры, истины и самыхъ забавныхъ особенностей. Они внесли столько жизни въ эти два характера, что, не смотря на нѣкоторую ихъ утрировку, дѣлаютъ ихъ правдоподобными и возможными. Госпожа Жулева поддерживаетъ ансамбль своей наивной и одушевленной игрою.

Теперь слѣдовало-бы намъ поговорить о новостяхъ и возобновленіяхъ Театра — Цирка, но имъ посвятимъ мы особенную

статью, при обзорѣни сценической и драматической дѣятельности истекшаго театрального года, въ слѣдующемъ номерѣ «Пантеона.»

6. КОНИ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

СИГНАЛЫ МУЗЫКАЛЬНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ.

Что такое наша *Музыкальная пора*? — Новости нынѣшней музыкальной поры. — Начало съ конца. — Преобладаніе скрипки надъ прочими инструментами. — Еврейская и славянская скрипка. — Генрихъ Венявскій. — Русскій скрипачъ Аѳонасьевъ. — Диво-скрипачка Вильма Неруда. — Ея игра и биографія. — Казимиръ Лада. — Концертъ Латышева и трувачъ Гомидусъ. — Преизобиліе пьянистовъ всѣхъ видовъ и форматовъ. — Амалия Неруда. — Сеймуръ-Шифъ импровизаторъ. — Антонъ Рубенштейнъ. — Юли Шкульгофъ, виртуозъ и композиторъ. — Его биографическій очеркъ. — Достоинства и заслуги Шкульгофа. — Школа и характеръ его игры. — Сигналы художественные. — Эстампъ литографическій съ картины Штейбена «Христосъ на Голгофѣ», сдѣланный художникомъ Щедровскимъ и отпечатанный Подемъ-Пети. — «Художественный листокъ», издаваемый г. Тиммомъ. — Фотографическіе портреты г. Кулиша.

Ежегодно бываетъ у насъ пора, которую можно назвать пятымъ временемъ года, непредвѣднмымъ календаремъ. Природа въ это время становится неопредѣлительнаго цвѣта и названія: это ни зима, ни весна; ни тепло, ни морозъ; ни ведро, ни ненастье; это или всего понемножку, или ровно ничего. Бѣдить почти нельзя, ходить трудно, сидѣть дома душно. Сверху дождь и заморозъ, снизу вода и слякоть, спереди вѣтеръ, сзади туманъ. Колесо и полозья спорятъ объ очереди бороздить улицы, а пѣшеходы серьезно раздумываютъ объ удобнѣйшихъ способахъ переправы съ тротуара на тротуаръ. Вся же мечтають о томъ, какъ бы замѣнить недостатокъ природы чѣмъ-нибудь фактическимъ, хотя сколько-нибудь напоминающимъ лучшее время, солнце и ведро, другой воздухъ, другое небо. И въ этомъ случаѣ, суще-

ственность замѣняется звукомъ, и пора эта, составляющая промежутокъ отъ зимняго закрытія до весенняго открытія театровъ — называется у насъ музыкальною порою.

И дѣйствительно, въ это время Петербургъ потребляетъ немѣрныя массы музыки, онъ купается, онъ плаваетъ въ музыкѣ. Всѣ театры, всѣ залы общественныя и частныя, оглашаются концертами, утренними, полуденными, вечерними. Это цѣлое море звуковъ, цѣлое наводненіе скрипокъ, флейтъ, валторнъ, тромбонъ, пьано, кларнетовъ, всѣхъ возможныхъ вокальныхъ и инструментальныхъ наслажденій. Изъ всѣхъ концовъ географически-извѣстнаго міра летятъ къ намъ виртуозы, на крыльяхъ молвы, на колесѣ фортуны и на почтовыхъ тройкахъ. Всѣ они очень много мечтаютъ о славѣ, но больше о сборахъ; всѣ надѣются на громъ рукоплесканій, и еще больше на звонъ золота; всѣ ждутъ русскаго радушія, и еще больше русскаго щедрости. И вотъ Петербургъ въ одну недѣлю населяется артистами, цѣлыми легионами артистовъ, всѣхъ половъ и возрастовъ, отъ дѣтей самоучекъ, до стариковъ-недоучекъ, отъ дѣвицъ, играющихъ на скрипкѣ, до господъ, упражняющихся на тромбонѣ. Артисты растутъ изъ земли, артисты валятся съ облаковъ. Одни превозносятся до облаковъ, другіе смѣшиваются съ прахомъ, но всѣ шумятъ, гудятъ, дребезжатъ, барабаютъ, и паша врожденная музыкальная страсть удовлетворена вполнѣ, даже больше, чѣмъ вполнѣ, она удовлетворена черезъ край, удовлетворена до того, что на цѣлый годъ теряетъ всякій аппетитъ къ музыкальнымъ наслажденіямъ.

Въ нынѣшнемъ году музыкальная пора у насъ очень счастлива: мы видѣли у себя въ гостяхъ замѣчательные европейскіе таланты; мы слышали въ первый разъ «Говолію» Мендельсона-Бартольди. Не будемъ говорить о концертахъ нашихъ домашнихъ виртуозовъ, quasi артистовъ, или вовсе не артистовъ, музыкантовъ не по призванію, а по ремеслу или по случаю, о концертахъ, которые, повторяясь ежегодно, не приносятъ ничего новаго, которые постоянно дурно составлены и дурно исполнены; которые перебиваются старенькими увертюрами да цыганскими пѣснями или декламаціями; которые надо больше смотрѣть, чѣмъ слушать, и которые бьются не столько изъ хорошей музыки, какъ изъ заманчивой афишки. Они не подлежатъ критическому обсужденію, точно такъ, какъ они и не принадлежатъ музыкѣ. Это — такъ, маленькія афферы на счетъ музыкальности Петербурга.

Но намъ предстоитъ пріятная обязанность поговорить о замѣчательныхъ талантахъ, съ которыми удалось познакомиться въ

этотъ сезонъ, о важныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ, которые привелось впервые услышать. Начнемъ съ конца. Еслибъ начать съ начала, намъ пришлось бы говорить о концертѣ господина Кажинскаго, о полькахъ, о неизбѣжномъ попури изъ «Бѣдовой дѣвушки», о симфоніи господина Сеймуръ-Шифа, о декламациі В. А. Каратыгина. Но объ этомъ не говорятъ, все это не относится къ музыкѣ. И такъ начнемъ съ конца.

Нѣмцы, когда хотятъ выразить особенное счастье, говорятъ: «der Himmel hängt voll Geigen.» (*Небо наше полно скрипокъ*). Мы можемъ тоже сказать о сезонѣ пылѣшняго года: всѣ концерты наши полны скрипокъ! Скрипка рѣшительно преобладаетъ надъ всѣми инструментами, скрипка подавила все, скрипка завоевала всю публику. Никто не хочетъ слушать пѣнія, всякое пѣніе слабѣетъ, потому что ни одинъ голосъ не поетъ такъ, какъ скрипки, которыя приманиваютъ во всѣ концерты. Польша и Богемія прислали къ намъ лучшія свои скрипки на состязанія: Генрихъ Венявскій, Казиміръ Лада, Апполінарій Контекскій и Вильма Неруда спорили о пальмѣ первенства. Къ нимъ присоединились еще русскіе, господа Анопасевъ и Латышевъ. Бой былъ энергическій, живой, великолѣпный — и побѣда на этотъ разъ оказалась изумительною, невѣроятною, но — рѣшительною. Она осталась за дѣвочкою, четырнадцати лѣтнимъ ребенкомъ, въ локончикахъ и панталончикахъ съ дѣтскою рѣзвостью и младенческою улыбкою, — за Вильмой Нерудой.

До сихъ поръ первенствовала въ музыкальномъ мірѣ *еврейскія* скрипка, пронзительная, рзкая, отчетливая, но преимущественно ограниченная трудностями и фокусъ-покусами. Первый музыкальный инструментъ оркестра былъ изведенъ до гаерства. Послѣдователи Паганини, не могли наследовать его музыкальной души, переняли его дивное искусство преодолевать трудности, сдѣлали изъ инструмента послушнаго автомата, который передразнивалъ съ одинакимъ совершенствомъ и флейту, и трубу и человѣка, пѣлъ птичкою и мяукалъ кошкою.

Всѣ знаменитые еврей-скрипачи держались этой системы: Гаумацъ, Арто, Гизъ, Гаузеръ, Эрнетъ — всю главную силу своей игры полагали въ эффектахъ, въ легкомъ исполненіи величайшихъ трудностей. Съ этой цѣлью писали они и свои сочиненія для скрипки, въ которыхъ невозможностей бездна, музыки очень мало. Не инструментъ у нихъ былъ истолкователемъ музыкальной мысли, а музыка стала робкою прислужницею инструмента. Всѣ они имѣли свои достоинства, каждый свои частные недостатки и всѣ

вмѣстѣ одинъ общій недостатокъ — шарлатанство. Эрнетъ еще былъ помузыкальнѣе своихъ старшихъ собратій, но и онъ не изъять изъ числа искателей сильныхъ потрясеній или эффектовъ.

Нынѣ *славянская* скрипка должна водворить опять музыку въ ея законныхъ правахъ. Заимствуя у еврейской скрипки ея утонченный механизмъ, она благоразумно и со вкусомъ употребляетъ его для большей полноты выраженія музыкальныхъ идей. Это уже важная заслуга со стороны нашихъ одноплеменниковъ.

Г. Генрихъ Венявскій былъ уже въ Петербургѣ два года тому назадъ. Онъ хорошій скрипачъ, видимо, прошедшій отличную школу; но онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы дать своей игрѣ колоритъ оригинальности и тѣ особенныя характеристическя черты, которыя отличаютъ великихъ виртуозовъ на скрипкѣ. Духовная сторона игры всегда является послѣ механизма. Внутреннее музыкальное сознаніе, сила чувства и постиженія, развиваются въ артистѣ съ лѣтами. Только не многія артистическя натуры пользуются привилегіею преждевременнаго развитія, какъ на пр. Моцартъ. Можно въ ребенкѣ подмѣтить призваніе къ музыкѣ, страсть къ инструменту и, по этимъ врожденнымъ инстинктамъ, предсказать его будущій успѣхъ на этомъ поприщѣ. Но никакъ и не по какому поводу нельзя пророчить ему гевіяльность и значительную степень въ исторіи искусства, пока внутреннія, творческя силы въ немъ не созрѣли и не высказались положительно. Парижская Консерваторія почтила г. Венявскаго наградою, какъ талантливаго, старательнаго ученика, стоявшаго по своимъ силамъ и средствамъ выше своихъ соучениковъ и на годичномъ конкурсѣ пенмѣвшаго равнаго себѣ конкуррента. Въ этомъ смыслѣ и должно принимать эту награду, которую на будущей годъ получить, можетъ быть, другой молодой скрипачъ *, съ которымъ опять г. Венявскій будетъ не въ состояніи состязаться. Стало быть, награда Парижской Консерваторіи не есть еще патентъ на первенство между всѣми виртуозами того же инструмента. Преміи «за успѣхъ и прилежаніе» раздаются ежегодно, и еслибъ всѣ лавреаты на этихъ временныхъ и случайныхъ наградахъ основывали свои авторитеты и славу, то въ мірѣ не было бы другихъ артистовъ, кромѣ *первыхъ*. Многіе безпристрастные судьи, съ этой ложной точки *первенства* смотрѣли на игру г. Венявскаго и оставались его исполненіемъ во многомъ

* Что нынѣ и случилось съ необыкновеннымъ ребенкомъ — скрипачемъ *Полемъ-Жульеномъ*, который теперь сводитъ съ ума весь Парижъ.

недовольными. Мы смотримъ на молодого артиста снисходительнѣе: мы уважаемъ въ немъ значительную степень совершенства механическаго, чистоту игры и всё внѣшнiя данныя для хорошаго исполнителя. Но мы не отводимъ ему никакого мѣста между великими виртуозами, ибо такое мѣсто обуславливается непременно самобытностью таланта, глубиной чувства и постиженiя, оригинальностiю выраженiя. Всего этого пока въ г. Венявскомъ не замѣтно. Какъ ученикъ, г. Венявскiй—великiй, много общающiй ученикъ; какъ виртуозъ — онъ оставляетъ еще очень многое желать и ожидать отъ дальнѣйшаго его развитiя. Общанiя талантливыхъ дѣтей — не всегда сбываются. Кто не помнитъ дивныхъ мальчиковъ Эйхгорновъ, эту маленькую скрипичную механику, доведенную до высшей степенiи внѣшняго совершенства? Гдѣ они? что изъ нихъ вышло? — Ровно ничего, и мiръ забылъ объ нихъ. — Но г. Венявскiй имѣетъ самыхъ эксцентрическихъ энтузиастовъ и мы боимся, чтобъ этотъ неумѣренный восторгъ, эти перелитыя черезъ край похвалы въ нѣкоторыхъ журналахъ, не раздули въ немъ преждевременнаго тщеславiя, не погубили порывовъ впередъ — неумѣстнымъ самодовольствомъ, не стубили врожденнаго таланта — вредною самоувѣренностiю, которая такъ много блестящихъ началъ привела къ темному и безвѣстному концу.

Всѣмъ извѣстно, что великiе гении часто привѣтствуютъ зарождающiеся таланты и напутствуютъ ихъ своимъ публичнымъ одобренiемъ. Паганини при всѣхъ паль на колѣна передъ Берлиозомъ, послѣ исполненiя его симфонiи «Ромео и Джульетта»; Чимароза рукоплескала и вызывала молодого Спонтини, послѣ его оперы «Смѣшное геройство»; патеръ Мартини увѣнчалъ въ концертѣ тринадцати-лѣтняго Моцарта; старикъ Державинъ благословилъ молодого Пушкина. Въ одинъ изъ концертовъ г. Венявскаго, какой-то энтузиастъ бросилъ ему вѣнокъ. Г. Кажинскiй, извѣстный нашъ полькотоворецъ, увѣнчалъ имъ г. Венявскаго, поцѣловавъ талантливаго мальчика въ высокое чело. Эта неожиданная сцена произвела свой, весьма понятный, эффектъ.

Гораздо больше самобытной силы и гениальности, чѣмъ у г. Венявскаго, замѣтили мы въ молодомъ Аоонасеевѣ, нашемъ соотечественникѣ, хотя онъ во многомъ и довольно далеко отсталъ отъ Венявскаго. Ясно видно, что молодой нашъ артистъ не получилъ должнаго направленiя, не имѣлъ хорошей школы, и совершенно былъ предоставленъ на произволъ своей прекрасной природѣ.

Это драгоцѣнный алмазъ въ грубой корѣ своей. Дайте ему

грань и политуру и онъ загорить волшебными огнями и затмить своимъ блескомъ много артистическихъ сіяній — благопріобрѣтенныхъ или заимствованныхъ. Какъ мы слышали, Доонасьевъ родился въ глуши Сибири, никогда не имѣлъ искусныхъ наставниковъ музыки, и даже не слышалъ сколько-нибудь замѣчательныхъ исполнителей. Музыкальный даръ пробудился въ душѣ его самъ собою, и развился самобытно, безъ всякаго сторонняго посредства. Поэтому его игра вмѣстѣ поражаетъ и досадуетъ, трогаетъ душу и тревожитъ ее: это что-то дикое, энергическое, въ высшей степени поразительное, но въ тоже время неполное, неудовлетворительное, порывистое. Душа артиста такъ и рвется въ инструментъ, но ея пылъ не ограниченъ никакими условіями вкуса и художественнаго утонченія. Игра его — живопись бойкая, смѣлая, рисующая аль-фреско, широкими, рѣзкими чертами, но безъ полусвѣтовъ и тѣней, которыя придаютъ каждому художественному произведенію грацію, полноту, стройность и пріятность.

Но даже во всѣхъ этихъ недостаткахъ молодаго артиста видно столько генія, что нельзя сомнѣваться ни одной минуты, что Доонасьевъ, при дальнѣйшемъ образованіи своихъ врожденныхъ способностей, сдѣлается музыкальнымъ свѣтиломъ первой величины. Когда хорошая школа ознакомитъ его съ законами изящества, всѣ излишества, невоздержанный пылъ, порывистое увлеченіе, исчезнутъ и дадутъ въ игрѣ его мѣсто глубокому чувству, граціозному выраженію и обаятельную силу смычку, и теперь уже поразительно вѣрному и смѣлому.

Но теперь мы хотимъ поговорить вамъ объ истинномъ дивѣ, о явленіи необыкновенномъ, какія природа производитъ иногда для уничиженія артистической гордости, для того, чтобы показать, что ея дуновение выше всѣхъ успій слабаго смертнаго, что одна искра, зароненная ею въ грудь ребенка, можетъ пересилить всѣ высокія мечтанія и успѣхи, которыми тщеславятся герои искусства. Мы хотимъ поговорить вамъ о четырнадцати лѣтней Вильмѣ Неруда, феноменѣ скрипичной игры.

Представьте себѣ кудрявую дѣвочку, которая съ дѣтской улыбкою выходитъ на эстраду, смѣло беретъ скрипку подъ пухленькій свой подбородокъ, взмахиваетъ смычкомъ, заставляетъ бѣгать по ладамъ маленькіе свои пальчики — и цѣлый театръ плачетъ, смѣется, вскрикиваетъ, аплодируетъ, приходитъ въ восторгъ и умленье, и наконецъ раздражается невыдержаннымъ, неистовымъ энтузіазмомъ. Эти пальчики, этотъ смычекъ заставляютъ

скрипку плакать человѣческими слезами, пѣть голосомъ, который такъ и льется въ душу, заставляють ее своими четырьмя струнами замѣнять цѣлый оркестръ и каждый отдѣльный инструментъ оркестра; эти пальчики и этотъ смычекъ не знаютъ трудностей, для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго; самые отчаянные скачки съ верхнихъ нотъ флажіолета на самыя нижнія ноты баса — имъ ничего не значать; самыя смѣлыя арпеджіо, стакато, тремолы, пичкато, пичіарко — имъ ни по чемъ! Все это для дѣтскихъ этихъ пальчиковъ — однѣ дѣтскія грушки, однѣ шутки! Горькія шутки для артистовъ съ великими именами, которые убили цѣлую жизнь на то, чтобы достигнуть подобнаго искусства и потомъ изумлять имъ свѣтъ! Разбейте свои скрипки, господа, вашей славы конецъ! Ребенокъ, съ самороднымъ гениемъ, превзошелъ васъ, и превзошелъ прежде, чѣмъ успѣлъ развиться тѣлесно и душевно!

Но ребенокъ этотъ выходитъ изъ ряда всѣхъ дѣтей-артистовъ, это гений, которому Творецъ, вмѣстѣ съ душою вложилъ талантъ уже созрѣлый, сознательный. Только всѣ виртуозы-дѣти, но даже и совершеннолѣтніе артисты, достигшіе до послѣдней высоты своего таланта, оставляють слушателя не вполне удовлетвореннымъ. У одного не достаетъ того, у другого этого; одинъ владѣетъ вполне механизмомъ, но — безъ души; другой полонъ души, но недостаточно выработалъ механизмъ; у того — трудности составляютъ конекъ, и имъ онъ приносить въ жертву музыку; у другого преобладаетъ музыка, но онъ пренебрегаетъ средствами, открытымъ новѣйшимъ искусствомъ, называя ихъ шарлатанствомъ.

Въ Перудѣ соединены всѣ достоинства великаго виртуоза. Музыкальное чувство развито въ ней самой природою; необыкновенная сила постиженія и воспримчивости обнаруживается въ каждомъ ея исполненіи. Она сразу, какимъ то внутреннимъ инстинктомъ, умѣетъ разгадать и усвоить себѣ мысль автора пьесы, и передаетъ ее именно въ томъ духѣ, въ какомъ-бы онъ самъ ее передалъ. Оттого игра ея пріобрѣтаетъ удивительное разнообразіе и притомъ становится въ высшей степени музыкальною: все клонится къ тому, чтобы передать полнѣе, ошутительнѣе вдохновеніе композитора: каждая музыкальная фраза получаетъ опредѣленный смыслъ, а цѣлое своей оригинальностью колоритъ. Трудности, фокусъ-покусы скрипичной игры употребляются ею многообразно, для большей яркости выраженія, но безъ всякой претензіи, безъ всякаго самохвальства. Въ ея исполненіи вы

слушаете не артиста на инструментѣ, а музыку, превосходно, неподражаемо передавную. Полъ и возрастъ Вильны Неруда заставили бы предпологать, что въ ея исполненіи не можетъ быть достаточной силы. Напротивъ, сила съ которой она играетъ энергическіе мѣста, приводитъ въ совершенное изумленіе. Правда, тонъ ея не могучъ, но онъ невѣроятно пріятенъ и ровенъ во всѣхъ положеніяхъ; въ немъ много вѣги, много металла и выразительности. Притомъ необыкновенная вѣрность интонаціи и чистота звука придаютъ ему новое очарованіе. Мягкій, свободный смычекъ ея съ такимъ же искусствомъ выдѣлываетъ труднѣйшіе арпеджіо и беретъ двойныя ноты, съ какимъ вызываетъ изъ скрытки пѣніе, невольно потрясающее всѣ фибры. Смѣлость и сила смычка ея особливо поразительны въ двойномъ арпеджіо, въ тремолѣ и въ флажіо-летѣ, котораго, признаемся, мы еще ни у одного знаменитаго виртуоза не встрѣчали до такой степени выработаннымъ. Вы забываетесь совершенно и, еслибъ не видѣли собственными глазами, вѣрно были бы готовы поспорить, что это духовой инструментъ. Но главное, что удивляетъ въ перѣ Неруды и преимущественно подкупаетъ всѣхъ ея слушателей, это грація, наивная простота и непретендательность ея исполненія. Тутъ нѣтъ ни тѣни кокетства, самодовольствія, маперности, оригинальничанья, вызывающихъ на удивленіе и одобреніе, общій недостатокъ почти всѣхъ скрипичныхъ виртуозовъ, развѣ за исключеніемъ одного Вьетана. Но у Неруды есть своего рода юморъ, которымъ она сообщаетъ обыкновенную прелесть нѣкоторымъ пьесамъ, какъ, напримѣръ, «Венеціанскому карнавалу» и «Цепику» Мильднера. Вотъ главныя черты этого необычайнаго таланта, который одинаково сводитъ съ ума знатоковъ, любителей, музыкантовъ по профессіи и самыхъ простыхъ немзыкальныхъ слушателей.

Пьесы, выполняемыя ею, принадлежатъ преимущественно высшей Бельгійской школѣ. Въ особености превосходна она въ пьесахъ Беріо и Вьетана. Но тамъ, гдѣ нужно развѣжить, разстрогать сердце пѣніемъ, какъ, напримѣръ, въ «Элегіи» Эрнета, «Романсъ для скрипки» — Леонара, въ «Последней мысли Вебера» Рифстала и въ «Фантазіи на мотивы изъ Фрейшюца» — Мозера, нѣтъ словъ для выраженія того волшебнаго, обаятельнаго вліянія, которое она производитъ на слушателя. Персіяни выплываетъ скрипичныя варіаціи, какъ скрычка; Неруда, передаетъ на скрыпкѣ человеческое пѣніе лучше Персіяни. Больше мы ничего сказать не можемъ.

Но гдѣ и какъ приобрѣлъ этотъ дивный ребенокъ этотъ талантъ, это совершенство?—Въ маленькомъ, родномъ городкѣ, Брюннѣ, въ Богеміи, въ томъ самомъ, въ которомъ родился и выросъ другой поэтъ-скрипачъ — Эрнстъ; въ тѣсномъ, небольшомъ родимомъ домѣ, въ кругу небогатаго артистическаго семейства. Отецъ Вильмы, Юсифъ Неруда, былъ органистомъ въ Брюннѣ и славился, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ Дюссекка. Мать ея, итальянка, была пѣвственная пѣкогда пьянистка. Старшая дочь, Амалія, которая теперь играетъ на фортепяно, была воспитываемая матерью и посвящена въ таинства ея инструмента. Сынъ Викторъ началъ учиться музыкѣ у отца. Для начала была избрана скрипка и отецъ купилъ ему дѣтскій инструментъ въ рубль серебромъ на наши деньги. Пятилѣтняя Вильма съ жадностію слѣдила за успѣхами брата. Игрушка эта ей чрезвычайно нравилась. Едва Викторъ оказывалъ урокъ, она схватывала его скрипку и сама, по слуху, отыскивая лады, наигрывала пьесы, которыя онъ разучивалъ. Между дѣтьми стали происходить споры за этотъ инструментъ, и отецъ, для примиренія ихъ, принужденъ былъ и дѣвочкѣ купить такую-же игрушку. Съ этихъ поръ Вильма не разставалась болѣе съ своею скрипкою: цѣлый день она наигрывала на ней пѣсни, а ночью клала ее себѣ подъ подушку. И что же? Дѣвочка самоучкой превосходила своего брата, который постоянно упражнялся, подъ руководствомъ отца. Это заставило отца обратить особенное вниманіе на чудныя музыкальныя способности своей дочери. Онъ началъ ее учить. Вскорѣ обстоятельства принудили его отправиться въ Вѣну; онъ взялъ съ собою дѣтей. Здѣсь дальнѣйшимъ развитіемъ таланта Вильмы занялся извѣстный профессоръ Янса. Успѣхи ея были невмѣрныя. Семи лѣтъ она уже публично сыграла одинъ изъ труднѣйшихъ концертовъ Беріо и привела всѣхъ въ удивленіе и восторгъ. По десятому году она была представлена ко Двору, участвовала въ придворныхъ концертахъ, сдѣлалась любимицей Императорской фамиліи и получила въ подарокъ отъ Императрицы Австрійской Анны драгоценную кремонскую скрипку, работы Страдиварія, ту самую, на которой она и теперь играетъ. Съ тѣхъ поръ успѣхи и слава Вильмы Неруды росли не по днямъ, а по часамъ. Въ 1847 году счастливый отецъ этого артистическаго семейства, объѣздивъ съ дѣтьми своими Амаліей (пьянисткою), Викторомъ (виолончелистомъ) и Вильгельминой (скрипачкою) всю Германію. Они давали концерты въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Ганноверѣ, Гамбургѣ и Бременѣ и вездѣ съ одинакимъ успѣ-

хомъ. Оттуда отправились они въ Бельгію, страву великихъ скрипачей. Тутъ Вильма была удостоена истинной оваціей отъ артистовъ. Въ 1848 году Неруды прибыли въ Лондонъ. Довольно сказать, что ихъ заставили тамъ дать девятнадцать концертовъ сряду. Англичане совѣмъ обезумѣли отъ дивнаго таланта Вильмы. Королева Викторія пожелала слышать этого дива-ребенка и Вильма удостоилась чести играть въ Букингемскомъ и Виндзорскомъ дворцахъ и получить отъ ея Британскаго величества драгоценные подарки. Послѣ Англій, Неруды снова посѣтили Вѣну, Венгрію, Пруссію и наконецъ, изъ Кёнигсберга, прибыли къ намъ, восхитивъ, мимоходомъ, главнѣйшіе города нашихъ остзейскихъ губерній.

Если Амалія Неруда не стоитъ на такой высотѣ таланта и искусства, какъ ея меньшая сестра, она не менѣе того очень пріятная пѣвица, принадлежащая къ Фильдовой школѣ и выполняющая самыя трудныя пьесы отчетливо, легко и пріятно. А сыгранная ею въ четвертомъ концертѣ пьеска Вильмерса «Les clochettes» заслужила ей единодушныя рукоплесканія.

Послѣ дивной игры Вильмы Неруды, которая исключительно поглощала все вниманіе и всѣ восторги публики, разумѣется, на долю другихъ скрипачей осталось одно равнодушіе. Такъ и концертъ Казимира Лада остался совершенно пустъ и не возбудилъ ни малѣйшаго вниманія. Лада прибылъ къ намъ, но ни одинъ музыкальный журналъ никогда не произносилъ его имени и ни одна газета не заикнулась даже о его дарованіи — и новый скрипачъ не имѣлъ успѣха.

Давалъ также концертъ г. Латышевъ, первая скрипка опернаго оркестра. Объ игрѣ его распространяться нечего — она всѣмъ извѣстна. Величайшій успѣхъ въ его концертѣ принадлежалъ трубѣ, г. Гомпльусу, который превосходно сыгралъ соло, повторенное по требованію публики. Гомпльусъ великій артистъ: онъ извлекаетъ изъ своего неуклюжаго инструмента такія вѣжныя, трогательныя, пѣвучія мелодіи, что ихъ рѣшительно можно приписать за пѣніе. Это почти тоже, что обучить медвѣдя деликатному обращенію.

Если мы сказали, что музыкальный сезонъ нашъ приизобилуетъ скрипками, * то должны добавить, что и отъ пѣвцовъ не знаешь, куда дѣваться, кромѣ концертовъ знаменитаго Шульгофа.

* Контскаго мы еще не слышали; концертъ его назначенъ 28 марта, и потому мы будемъ говорить объ немъ въ слѣдующемъ номерѣ.

Иосифъ Венявскій, Амалія Неруда, братъ и сестра Пироне, Антонъ Рубинштейнъ, Сеймуръ Шифъ, Адольфъ Штанге, и многое множество дамъ и малолѣтнихъ дѣвицъ требуютъ вниманія и приглашаютъ послушать свою игру. Пьяно-форте стало до того инструментомъ обыденнымъ, что каждый почти играетъ на немъ хорошо. Но безъ высокаго творческаго таланта инструментъ этотъ всегда остается пустымъ ящикомъ, на которомъ только выколачиваютъ душу изъ Шопена и Листа, болѣе сильными или слабыми руками. Всѣ названныя лица владѣютъ механизмомъ фортепьяно, въ большей или меньшей степени, но кромѣ одного Рубинштейна, никто изъ нихъ не выходитъ изъ разряда самыхъ обыкновенныхъ явленій. Всѣ усилія ихъ устремлены на то, чтобы показать бѣглость, блескъ, силу игры, а не на то, чтобы выразить поэтическимъ образомъ музыкальную мысль композитора, дать пьесѣ художественное значеніе.

Г. Сеймуръ-Шифъ, изобрѣтая новую отрасль успѣха, довелъ даже этотъ инструментъ до того, до чего дюжинные стихоплеты довели въ Италіи поэзію: до *импровизаторства*. Любой изъ слушателей задаетъ ему тему, и онъ начинаетъ фантазировать, пустивъ ее въ начало, въ средину и въ конецъ пьесы. На такого рода импровизаціи вовсе не нужно имѣть генія, а достаточно одной хорошей памяти, потому-что вся эта импровизація, лишняя логической цѣлостности и музыкальнаго характера, составляется изъ реминисценцій, изъ клочковъ чужихъ сочиненій, изъ отдѣльныхъ фразъ разнородныхъ композиторовъ, не сходныхъ между собою ни по духу, ни по направленію своего творчества. Эта рапсодическая музыка очень близко подходитъ къ роду пьесъ, называемыхъ *попури*, т. е. музыкальными вивегретами. Она вся ешита на живую нитку изъ чужихъ лоскутьевъ, и рѣшительно противна вкусу и музыкальному чувству.

Игра господина Сеймуръ-Шифа бѣгла, бойка даже черезъ чуръ бойка, и — только, что же касается до его сочиненій, то они не могутъ назваться музыкальными вдохновеніями, а принадлежать къ роду случайностей: это или неудачныя подражанія Берлиозу и Фелпсону Давиду, или музыкальные двоирамбы, написанныя по случаю, и для людей случайныхъ, въ томъ же рапсодическомъ духѣ, въ которомъ онъ импровизируетъ.

Антонъ Рубинштейнъ испоинитель блестящій и сознательный. Недавно онъ былъ еще геніальнымъ ребенкомъ, теперь онъ общается вскорѣ сдѣлаться замѣчательнымъ композиторомъ. Въ немъ много свѣжести силъ и мыслей, но онъ еще не вполне освоился

съ своимъ талантомъ, и потому въ его сочиненіяхъ пока, между многими достоинствами, есть одинъ важный недостатокъ: онъ гоняется за оригинальностью. Оригинальность формы въ музыкальныхъ произведеніяхъ происходитъ отъ самобытности мысли и чувства и тогда только она поразительна. Придуманная оригинальность — есть усиліе, утрировка — и производитъ дѣйствіе совершенно противное тому, котораго композиторъ желалъ бы достигнуть.

Объ дѣтяхъ пѣнистахъ, этихъ лилипутахъ музыкальнаго міра, распространяться не будемъ, а перейдемъ прямо къ гиганту фортепянной игры, къ артисту гениальному, которому предназначено открыть для инструмента новую эпоху, — къ Юлію Шульгофу.

Замѣчательный этотъ артистъ родился въ Прагѣ, въ 1825 году. Съ раннихъ лѣтъ пробудилась въ немъ страсть къ музыкѣ, которую родители его поспѣшили удовлетворить. Онъ получилъ пестро классическое музыкальное образованіе. Первымъ учителемъ его былъ извѣстный Прагскій пѣнистъ Кишъ. Девяти лѣтъ Шульгофъ началъ учиться у Тедеско, а высшія музыкальныя познанія почерпнулъ подъ руководствомъ знаменитаго композитора Томашека. При такихъ средствахъ и руководителяхъ природное дарованіе и врожденный вкусъ Шульгофа скоро достигли полного своего развитія. Въ 1841 году выступилъ онъ впервые въ публичномъ концертѣ въ Прагѣ, средоточіи музыкальной Богеміи. Знайки и артисты были поражены его игрою и тутъ же посоветовали ему ѣхать въ Парижъ. Онъ отправился. Дорогою онъ рѣшился дать концертъ въ Дрезденѣ. Незвѣстное имя и молодость артиста не привлекли слишкомъ значительной публики, но между слушателями былъ одинъ, который, прислонясь къ колоннѣ, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ его игру. По окончаніи концерта, этотъ худощавый, довольно высокій и серьезный слушатель взомель на эстраду. Всѣ въ залѣ сторопились, давая ему дорогу. Онъ обнялъ молодого артиста и громко сказалъ: «Привѣтствую васъ, не какъ начинающаго, а какъ соперника: вы великій музыкантъ!» Громкія рукоплесканія покрыли его слова. Этотъ незнакомецъ былъ знаменитый пѣнистъ Делеръ. Съ этой минуты Делеръ сдѣлался другомъ, покровителемъ и наставникомъ молодого Шульгофа. Быстро разнеслось по Германіи извѣстіе о появленіи новаго музыкальнаго свѣтла. По прибытіи въ Веймаръ, Шульгофъ былъ приглашенъ ко двору. Жители упростили его пробыть нѣсколько дней въ городѣ и дать

концертъ. Съ этихъ поръ Шульгофъ въ каждомъ значительномъ пѣмецкомъ городѣ, чрезъ который проѣзжалъ, долженъ былъ давать концерты и всюду былъ провожаемъ съ энтузіазмомъ. Но это только отдаляло цѣль его стремлений. Душа его рвалась въ Парижъ. Наконецъ, онъ увидѣлъ столицу современнаго искусства. Для музыкальнаго его развитія здѣсь представилось широкое поле. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ въ Парижѣ, въ уединеніи, постоянно размышляя, упражняясь, совершенствуясь, и слѣдуя своей врожденной скромности, долго еще не вздумалъ бы выступить передъ публикою, еслибъ печальный случай, такъ сказать, не вытолкнулъ его въ свѣтъ насильно. Разъ утромъ завернулъ онъ въ магазинъ знаменитаго парижскаго инструментальнаго фабриканта Плейеля, чтобы выбрать себѣ рояль. Пока онъ осматривалъ инструменты, въ залу вошелъ человѣкъ, къ которому Плейель кинулся на-встрѣчу съ особенными знаками предупредительности и почтенія. Изъ первыхъ словъ Шульгофъ понялъ, что вошедшій былъ Шопень, знаменитѣйшій изъ фортепьянныхъ композиторовъ, представитель новѣйшей методы игры. Давно уже молодому артисту хотѣлось сблизиться съ этимъ великимъ учителемъ, но Шопень былъ недоступенъ для молодыхъ пѣвистовъ и встрѣчалъ ихъ обыкновенно довольно сурово. Шульгофъ рѣшился воспользоваться удобнымъ случаемъ. Какъ будто пробуя рояль, онъ началъ играть пьесу Бетговена. Послѣ первыхъ аккордовъ, Шопень, громко разговаривавшій, вдругъ замолкъ, началъ вслушиваться, медленно приближался къ стулу Шульгофа, и наконецъ, не вытерпѣвъ, вскричалъ: «Кто вы, молодой человѣкъ? Отчего я васъ не знаю? Вы великій артистъ и до сихъ поръ Парижъ еще не слышалъ васъ?» Они разстались друзьями, на другой день Шопень просилъ Шульгофа къ себѣ, а черезъ нѣсколько дней насильно заставилъ его появиться въ концертѣ. Слава артиста загремѣла. Всѣ журналы толковали о новомъ музыкальномъ чудѣ; Шульгофа хотѣли слушать во всѣхъ концертахъ и предпринятое имъ вслѣдъ за-тѣмъ путешествіе по Южной Франціи и Испаніи было рядомъ триумфовъ. Въ Мадридѣ, по приглашенію королевы, онъ долженъ былъ участвовать въ придворныхъ концертахъ и получилъ отъ ея величества богатый подарокъ. Изъ Испаніи онъ переѣхалъ въ Лондонъ. Здѣсь встрѣтилъ его всеобщій восторгъ. Королева Викторія пригласила его ко двору и почти каждый разъ посѣщала его концерты. Тутъ былъ съ нимъ случай, который болѣе всего характеризуетъ волшебное вліяніе его игры на сердца. Онъ имѣлъ привычку до двухъ часовъ дома

упражняться. Дѣло было лѣтомъ, окно онъ оставилъ отвореннымъ. Вдругъ, окончивъ пьесу, онъ былъ пораженъ неистовыми рукоплесканіями, раздавшимися на улицѣ. Передъ домомъ его собралась толпа прохожихъ и, увидя его у окна, кричала: «Еще, еще!» Онъ опять сѣлъ за рояль, сыгралъ пьесу, другую, третью, наконецъ взялъ шляпу и хотѣлъ выдти со двора. Ни тутъ-то было! Число безвозмездныхъ слушателей до того увеличилось, что они запрудили всю улицу и выдти не было никакой возможности. Они рѣшились дожидаться, пока артистъ снова заиграетъ. Шульгофу оставалось заключить съ ними договоръ: за три пьесы они рѣшились наконецъ его выпустить.

Въ прошломъ году, зимою, Шульгофъ посѣтилъ Вѣну. Здѣсь усѣхъ его не имѣлъ границъ. Вѣнцы давно пресытились фортепьянною игрою, потому что нигдѣ нѣтъ столько пьянистовъ, какъ въ столицѣ Австріи. Новое имя Шульгофа сначала не возбуждало большого участія. Но въ первый же концертъ онъ увлекъ слушателей. Начиная со втораго появленія его передъ публикою, за билетами на его концерты рвались; и такимъ образомъ онъ далъ пятнадцать концертовъ, не считая придворныхъ вечеровъ, гдѣ онъ долженъ былъ играть по приглашенію Императорской фамили. Это безпримѣрный фактъ въ музыкальныхъ лѣтописяхъ Вѣны. Онъ рѣшительно сдѣлался тамъ львомъ сезона. И съ этихъ поръ онъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ средѣ современныхъ музыкальныхъ знаменитостей.

Надо слышать Шульгофа, чтобы понять источникъ и чистосердечіе восторговъ, которые онъ повсюду возбуждаетъ. Это виртуозъ исключительный, самобытный. Въ немъ нѣтъ особенностей другихъ пьянистовъ; н. пр. нѣтъ щеголеватости и блеску Тальберга; нѣтъ восторженной энегій Листа; нѣтъ строгой, классической важности Дёлера; нѣтъ отуманивающего шарлатанства Дрейшока; но въ немъ есть все, что увлекаетъ и очаровываетъ слушателя, что вѣетъ поэзіею и вдохновеніемъ, что трогаетъ душу и навсегда глубоко западаетъ въ памяти. Словомъ, это гений первой величины.

При первой встрѣчѣ моей въ Шульгофомъ, не въ присутствіи приличнаго инструмента, на которомъ онъ могъ бы показать свое искусство, онъ мнѣ сказалъ: «Я вамъ дамъ понятіе объ моей игрѣ въ нѣсколькихъ словахъ: я играю все — не хуже, не лучше вѣхъ хорошихъ пьянистовъ, но играю все не такъ, какъ они, а какъ мнѣ Богъ на душу положитъ. Кто меня полюбитъ, тому игра моя понравится.»

Сначала такое мнѣніе показалось мнѣ загадочнымъ. Я, признаться, смотрю на искусство, какъ на хорошенькую женщину: надо, чтобъ она мнѣ сперва понравилась, а потомъ я полюблю ее. Но послѣ перваго концерта Шульгофа я вполне убѣдился въ справедливости его словъ. Онъ владѣетъ могуществомъ неотразимымъ, очарованіемъ приковывающимъ. Игра его Кастаньскій ключъ, который такъ и бьетъ и брызжетъ поэзіею. Онъ исполняетъ всѣ трудности новѣйшей игры, но исполняетъ ихъ съ такою скромностію и простотою, что иной несвѣдущій, пожалуй, подумаетъ, что онъ играетъ самыя легкія и ничтожныя вещи. Все въ исполненіи его направлено на выраженіе музыкальной мысли, на выраженіе ясное, полное, вліятельное. Онъ заставилъ фортепьяно не брэнчать, не перекатываться громами, не сверкать блестками, онъ заставилъ его пѣть, вопреки всѣмъ свойствамъ этого инструмента, но какъ пѣть! Очаровательно, дивно, съ полнотою чувства и души непостижимою! Желаете вы знать, къ какой школѣ принадлежитъ Шульгофъ? Къ той, которую онъ самъ создалъ и которой отнынѣ назначено быть господствующею. Въ немъ вы видите смѣсь Фильда - мечтателя, съ Делеромъ философомъ и Шульгофомъ - поэтомъ. Характеръ его школы: глубокое проникновеніе и музыкальность, мечтательность и чувство. Вотъ почему онъ преимущественно любитъ исполнять въ концертахъ свои собственныя сочиненія. Нигдѣ не найдете онъ такого соединенія всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ составляется его игра, какъ въ пьесахъ, имъ самимъ написанныхъ: это вдохновенія собственнаго его сердца, и онъ переливаетъ ихъ въ дивныя въ звуки. Клавиши подъ его пальцами становятся всѣмъ, что ему вздумается: вотъ они переливаются флейтою или рожкомъ, вотъ рокочатъ отдаленнымъ громомъ или замираютъ нѣжнымъ эхо, вотъ журчатъ фонтаномъ, вотъ звонятъ колоколами или звучатъ чистой стеклянной гармоникой; вотъ поютъ по человѣчески, поютъ такъ, что трогаютъ до слезъ. И сколько вкуса, граціи, простоты, задушевности въ этой игрѣ! Послушайте его *Баркароллу*, его *Пьень пастуха* (которую мы прилагаемъ къ этому м. Пантеона), его *Мелодію у ручья*, его *Горныя мечтанія*, его *Колыбельную пьесню* его, *Ноктюрны*, наконецъ его *мазурку*, все это созданія въ высшей степени поэтическія, способныя пробудить чувство въ самой очерствѣлой душѣ. И всѣ они проникнуты оригинальностью самобытной, посятъ на себѣ свой особенный колоритъ и требуютъ особеннаго исполненія. Нѣкоторые критики смотрѣли сперва слегка и даже съ прозіею на сочиненія Шуль-

гофа, почитая ихъ мелкими и не важными. Только въ исполненіи автора они поняли всю ихъ важность, весь поэтическій ихъ смыслъ, и всю ничтожность передъ ними этихъ винегретовъ изъ народныхъ пѣсенъ и заимствованныхъ мелодій, издаваемыхъ нѣкоторыми пьянистами подъ пышнымъ названіемъ *симфоній или музыкальныхъ путешествій*. Шульгофъ въ нгрѣ своей рисуетъ вашему воображенію цѣлыя картины, самыми яркими красками, а между тѣмъ у него нѣтъ эффектовъ, нѣтъ гаерства, безъ котораго ни одинъ изъ современныхъ исполнителей не обходится. У него все нѣжно, пріятно, изящно. Главная задача его — тронуть чувство, и она разрѣшается имъ такъ, какъ еще ни одинъ музыкантъ не разрѣшалъ ее. Шульгофъ идиллическій поэтъ на фортепьяно, поэтъ богатый фантазією, разнообразный, могучій, неистощимый въ вымыслѣ и колоритѣ, проникнутый насквозь чувствомъ. Ни одинъ пьянистъ не производилъ еще такого впечатлѣнія на публику, какъ онъ; это впечатлѣніе равняется пѣнію Рубини въ *Лючіи* или въ *Сонамбуль*: его не вырвешь изъ души. Вотъ все, что мы скажемъ объ немъ на первый случай.

Успѣхъ Шульгофа у насъ былъ громаднѣйшій и всѣ жалѣютъ только объ одномъ, что не могутъ вдоволь насладиться этого дивнаго артиста. Намъ еще придется поговорить о послѣдующихъ его концертахъ и тогда мы постараемся еще подробнѣе разобрать нгру его, во всѣхъ ея отгѣнкахъ.

На послѣдней Академической выставкѣ, между многими прекрасными произведеніями русской кисти, особенное и заслуженное вниманіе обращала на себя картина господина Штейбена: «Христосъ на Голгоѣ», художника, справедливо пользующагося Европейскою извѣстностію и славою. Это одно изъ тѣхъ прекрасныхъ созданій, въ которыхъ творческая композиція споритъ съ превосходствомъ исполненія, представляя въ цѣломъ — произведеніе высокохудожественное, отмѣченное новизною мысли и одушевленіемъ. При взглядѣ на это созданіе, воскресаютъ въ памяти христіанина Святыя дѣянія Искупителя и его неопѣнимыя, удивительныя жертвы за падшихъ. Здѣсь уловленъ тотъ моментъ, когда Богочеловѣкъ, преданный въ руки гонителей, готовится испить грозную чашу искупленія. Изображеніе Христа, окруженнаго жадными врагами — скорбныя лица Богоматери, Марѣи, Магдалины и Юанна, представляютъ истинное совершенство гениальной кисти господина Штейбена. Трудно не прочесть въ святомъ вѣзорѣ Спасителя, устремленномъ къ небу — всей силы христіанскаго самоотверженія и молитвы за враговъ и мучителей своихъ.

Трудно оторваться взглядомъ и мыслию отъ общаго эффекта и единства этой картины, въ которой все дышетъ согласіемъ композиціи съ жизнью.

Такое высокое произведеніе, появляясь въ эстампѣ, не могло не обратить на себя общаго вниманія. И мысль и смѣлость перевести его на камень могли быть только доступны художнику вполне талантливому, вполне увѣренному въ своемъ карандашѣ. Этотъ пріятный и смѣлый трудъ взялъ на себя господинъ Щедровскій. Онъ выполнилъ труды съ удивительнымъ успѣхомъ: единство и общность эффекта совершенно сохранились въ эстампѣ, на камень перешла вся жизнь, вся прелесть композиціи картины господина Штейбена. Мы должны сознаться, что карандашъ господина Щедровскаго подаетъ большія надежды къ успѣхамъ нашей отечественной литографіи, такъ недавно выступившей изъ ряда посредственности. Но и успѣхи художника очень важны, если взглянуть кстати на первый и впрочемъ весьма умный трудъ его, именно, на уже извѣстный публикѣ альбомъ: «Вотъ наши съ патуры!»*.

Мы не можемъ рекомендовать лучшаго подарка къ наступающему празднику, какъ эстампъ господина Щедровскаго, изумительный и, можно сказать, небывалый по величинѣ своей, такъ вѣрно и творчески сохранившій все достоинство гениальнаго труда господина Штейбена и вышедшій подъ усовершенствованнымъ станкомъ дѣятельнаго и добросовѣстнаго литографа Поля-Петти.

Говоря о произведеніи г. Щедровскаго, мы не можемъ умолчать о томъ занимательномъ и отрадномъ явленіи какой представляеть въ настоящее время изданіе «Художественнаго листка» В. Тимма, такъ знакомаго просвѣщенной публикѣ своими смѣлыми и даровитыми литографическими произведеніями. Мысль этого изданія вполне должна заслужить признательность всякаго русскаго, любящаго свою родину и все отечественное — т къ часто заключающее въ себѣ высокія воспоминанія доблестной жизни нашихъ отцевъ, или умилительныя событія настоящаго. До сихъ поръ со всѣмъ отечественнымъ и съ мѣстностію нашей родины мы знакомились только чрезъ одни описанія, теперь изданіе Художественнаго Листка, подъ редакцію челоуѣка, изучившаго Россію почти на всемъ ея пространствѣ, снявшаго въ рисункахъ — ея обычаи,

* Альбомъ этотъ заключаетъ въ себѣ двадцать оригинальныхъ рисунковъ и въ непродолжительномъ времени выдетъ тетрадями съ приложеніемъ текста.

мѣстность, костюмы, нравы, знакомитъ насъ ближе съ предметами столь интересными и такъ богатыми разнообразіемъ. Программа Листка — обширная и интересная — уже съ первыхъ номеровъ выполняется съ отчетливымъ успѣхомъ и вѣрностію.... Нѣкоторые предметы, набросанные даровитымъ карандашомъ г. Тимма, привлекаютъ къ себѣ полное вниманіе — вызываютъ любопытныя воспоминанія. Поэтому въ слѣдующемъ номерѣ Паптеона мы обѣщаемся поговорить подробнѣе о нѣкоторыхъ рисункахъ «Художественнаго листка», который смѣло рекомендуемъ теперь, тѣмъ болѣе, что подписная цѣна его доступна всѣмъ и каждому.

Въ заключеніе скажемъ вѣсколько словъ о г. Кулишѣ....(*) Онъ дѣлаетъ чудные портреты. Честь усовершенствованія снимковъ дагеротипныхъ портретовъ принадлежитъ въ настоящее время ему. Прежде такіе портреты можно было имѣть только на металлической дощечкѣ.... Но непрочность такого снимка — обижала всякое микроскопическое самолюбіе.... Черезъ три или два года воздухъ и время оставляли только одну доску, съѣдая личность.... Изобрѣтеніе свѣтописной бумаги поправило теперь эту маленькую неприятность — и г. Кулишъ можетъ за самую умѣренную цѣну подарить васъ вѣковѣчнымъ портретомъ. Его приготовленіе свѣтописной бумаги доведено до такого совершенства, придуманными имъ химическими процессами, что смѣло можно поставить портреты его наравнѣ съ портретами г. Даутендея.

(*) На углу большой Садовой и Гороховой, въ домѣ Генерала Яковлева.

С М Ъ С Ь.

МУЗЫКАЛЬНО-ХОРЕГРАФИЧЕСКІЙ ПРАЗДНИКЪ ПРИ ДВОРѢ КОРОЛЯ ГЕНРИХА III.

Вотъ чрезвычайно любопытное описаніе одного изъ первыхъ и знаменитѣйшихъ балетовъ, данныхъ въ Европѣ, въ началѣ XVI вѣка.

Въ 1582 году Генрихъ III, выдавая Маргариту Лоренскую за любимца своего герцога Жуаёза, далъ по этому случаю, въ Демутьерскомъ замкѣ великолѣпный праздникъ, продолжавшійся двѣ недѣли. При этомъ былъ исполненъ весьма замѣчательный спектакль, представлявшій смѣшеніе музыки, плясокъ, поэзіи, пѣнія и живописи. Стихи были написаны Ронсаромъ и Банфомъ; Болье и Сальмонъ вмѣстѣ сочинили музыку, а рисунки костюмовъ и декораціи нарисовалъ Іаковъ Патень, знаменитый живописецъ, составившій при дворѣ Генриха. Роли были исполнены знатнѣйшими лицами двора.

17 октября огромная толпа любопытныхъ окружала зданіе, гдѣ должно было происходить представленіе, оно могло вмѣстить *шесть тысячъ* зрителей. Къ десяти часамъ вечера собрался весь дворъ и представленіе началось. Одинъ изъ придворныхъ, Ларошъ, запыхавшись, выбѣжалъ на сцену; онъ представлялъ юношу, укрывающагося отъ преслѣдованій волшебницы Цирцеи; преклонивъ колѣна, онъ произнесъ стихи, въ которыхъ поручалъ себя защитѣ

короля. Затѣмъ показалаъ и Цирцея, она была въ бѣшенствѣ, что не могла настигнуть юношу и въ стихахъ выразила свой гнѣвъ и любовь. Сирены, сіявшія красотой и великолѣпнымъ нарядомъ, вышедъ на сцену, пропѣли трію и обойдя кругомъ, ушли, уступивъ мѣсто двѣнадцати наядамъ. Наяды эти были: сама королева, принцесса Водемонъ, герцогиня—Меркеръ, де-Гизъ, де-Неверъ, д'Омалъ и де-Жуаёзъ, супруга маршала Ретца, г-жа Ларшо и дѣвицы Деспонъ, де-Бурдейль и де-Синьоррръ; изящество и роскошь ихъ нарядовъ превосходили всякое описаніе, вмѣстѣ съ ними вышли восемь тритоновъ, игравшихъ на лирахъ, арфахъ и на флейтахъ, за ними выступили двѣнадцать пажей, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, вышитомъ золотомъ; каждый держалъ въ рукахъ по два факела изъ благаго воска. Они приблизились къ королю, пропѣли стансы, потомъ принялись танцовать, составляя попеременно двѣнадцать геометрическихъ фигуръ. Къ концу балета, которымъ оканчивался первый актъ, скрипки заиграли веселую пѣсенку «Колокольчикъ», бывшую тогда въ большой модѣ. Услышавъ мотивъ Колокольчика, Цирцея, въ величайшемъ гнѣвѣ, вышла изъ своего сада, она поочередно прикоснулась своимъ жезломъ ко всѣмъ пѣвцамъ и плясунамъ, и нимфамъ, и скрипачамъ и они сдѣлались неподвижны. Цирцея съ торжествомъ удалась въ свои чертоги. Вдругъ загрѣмѣлъ громъ и на облакахъ спустился Меркурій, посланный Юпитеромъ разрушить очарованіе Цирцеи; пропѣвъ нѣсколько куплетовъ, онъ опрыскалъ живой водой окаменѣвшую группу; въ минуту они ожили и въ доказательство того, что къ нимъ воротились всѣ чувства, они снова принялись пѣть и плясать. Но грозная Цирцея, опять явилась среди ихъ; она еще разъ прикоснулась къ нимъ своимъ жезломъ и затѣмъ все исчезло. Послѣдовала перемѣна декорацій и взорамъ зрителей представились роскошные сады Цирцеи; сама она сидѣла у входа своихъ чертоговъ; Меркурій безъ признаковъ жизни лежалъ у ея ногъ. Сады были напоены слонами, львами, тиграми и другими животными, въ которыхъ она превратила не больше и не меньше какъ людей. Второй актъ заключался интермедіей, гдѣ участвовали восемь сатировъ; они играли на флейтѣ и пѣли куплеты.

Третій актъ открылся появленіемъ четырехъ нимфъ, посланныхъ Дианой. Одна изъ нихъ, дѣвица де-Витри, пропѣла длинный куплетъ и затѣмъ сцена опять перемѣнилась; вышелъ богъ Панъ, его представлялъ королевскій конюшій, Жуванъи, — замѣтивъ нимфъ, онъ принялся играть на свирѣли. Одна изъ нимфъ, стала

просить, чтобъ онъ освободилъ Меркурія изъ подъ обаянїя Цирцеи. Панъ, давъ имъ слово, ушелъ со своей свитой и на сцену вышли четыре добродѣтели. Особы, представлявшїя ихъ были въ туникахъ лазуреваго цвѣта, устланныхъ золотыми звѣздами, первая имѣла на головѣ колонку, вторая вѣсы, третья змѣю и четвертая воду; двѣ первыя играли на лютнѣ, а вторыя пѣли.

Когда онъ кончили свое пѣніе, показалась великолѣпная колесница, въ которую былъ запряженъ огромный змѣй; на колесницѣ стояла дѣвица *Шомонъ*, представлявшая Минерву, по обѣимъ сторонамъ несли сто свѣтильниковъ. Добродѣтели присоединились къ свитѣ Минервы и покуда колесница приближалась къ королю, пѣли и играли. Минерва произнесла королю привѣтствіе и потомъ, обратившись къ Юпитеру, стала молить его наказать Цирцею. Громъ снова загремѣлъ подъ облаками и за тѣмъ показалась колесница, тихо спускавшаяся на землю; въ ней сидѣлъ Юпитеръ. Сойдя на сцену, онъ объявилъ, что готовъ наказать Цирцею, если это будетъ угодно французскому королю. Онъ приказалъ Пану и его сатирамъ отправиться въ чертоги Цирцеи и захватить ее. Волшебница замѣтивъ ихъ, рѣшилась защищаться и принялась звонить въ колоколъ. Раздался ревъ, стонъ и вой многихъ животныхъ. Цирцея запѣла арію, въ которой выразила, что намѣрена сопротивляться и Юпитеру, и всѣмъ богамъ и уступить только желанію французскаго короля. Панъ, не желавшій терять даромъ золотаго времени бросается на Цирцею; Юпитеръ грозитъ ей безпримѣрнымъ мщеніемъ, но видя, что она не сдастся, онъ поражаетъ ее громовымъ ударомъ; Цирцея лишается чувствъ; Минерва беретъ ее за руку, подводитъ къ королю и вручаетъ ему золотую вѣтвь волшебницъ. Юпитеръ также пользуется этой минутой, чтобъ представить ему Меркурія и Минерву, и всѣ эти божества преклоняютъ передъ Генрихомъ колѣна, въ знакъ того, что онъ превосходитъ ихъ мудростію и краснорѣчіемъ.

Представленіе заключилось прелестными балетами; наяды, нимфы, Панъ и сатиры плясали и, становясь въ группы, представили въ дѣйствіи сорокъ геометрическихъ фигуръ.

Празднество это обошлось въ пять милліоновъ ливровъ, что, по нынѣшнему счету, составляло около двадцати милліоновъ франковъ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОСА.

(Разсказъ Генриха Берту.)

Въ одной парижской улицѣ, на углу узкаго переулка, года два тому назадъ, фланеры, имѣющіе похвальную привычку зѣвать поэтажамъ домовъ, не могли не замѣтить небольшого окошечка, заставленнаго цвѣтами и убраннаго зеленью. Настурцій, клематиты, душистый горохъ и другія вьющіяся растенія составляли живую, изумрудную раму съ наружной стороны окошка, въ которомъ, по временамъ, показывалась прехорошенькая головка молоденькой дѣвушки.

Дѣвушка эта была олицетвореніемъ красавицы, воспѣтой господиномъ Этьенемъ Арно въ романсѣ «Швея Женци», который уже цѣлый годъ, не сходитъ съ языка парижанъ и успѣлъ появиться на всѣхъ столичныхъ шарманкахъ. Блестящіе черные волосы, прелестные голубые глаза и особенно носъ, какіе попадаются только въ Парижѣ, и выражающіе въ одно и тоже время и веселость и лукавство; все это сообщало Наннетѣ невыразимую прелесть и ребяческую миловидность, которыя могутъ представиться только развѣ досужему воображенію поэта. вмѣстѣ съ этимъ, Богъ знаетъ отчего, при взглядѣ на Наннету на сердцѣ дѣлалось какъ-то грустно. Бѣдность и горе прежде времени согнали румянецъ съ ея прекрасныхъ щекъ. Юность свою она провела въ трудахъ и вѣчныхъ лишеніяхъ и развивалась очень медленно; сидячая жизнь и бессоонныя ночи, значительно разстроили ея и безъ того уже слабый организмъ. Словомъ Наннета, какъ двѣ капли воды, походила на свои цвѣтки, которые вянули и изсыхали отъ недостатка свѣжаго воздуха и солнца.

Нанета была сирота; и если вѣрять сосѣдямъ, родители ея были нѣкогда богаты, но по волѣ судьбы, изъ роскоши богатства, всѣдствие какихъ-то несчастій, впали въ нищету и умерли съ горя. Въ цѣломъ свѣтѣ она была совершенно одна; безъ ропота, рѣшилась она приняться за тяжкій трудъ; и цѣлые дни проводила за шитьемъ. Единственными развлеченіями и забавой ея были — цвѣты, да птичка, прилетающая иногда къ ней на окошко, да еще пѣсни, которыя она пѣвала своимъ сладкимъ голоскомъ, стараясь сократить длинныя часы одинокой своей жизни. Голосъ ея невольно волновалъ каждого, кому хоть разъ удавалось ея послушать и вызывалъ на глаза слезы.

Наннета выходила только по утрамъ къ магазинщицѣ, на которую работала, относила ей сшитое бѣлье и брала другое. Она

не посѣщала ни гулявій, ни танцклассовъ, и знакомство ея съ сосѣдями ограничивалось поклонами и привѣтливимъ «здрѣствуйте», при встрѣчѣ въ сѣняхъ или на лѣстницѣ. Она только и показывалась, что въ своемъ окошкѣ или, по праздникамъ, въ сосѣдней церкви.

Какъ разъ напротивъ окошечка Наннеты, помѣщалась мастерская мебельщика, гдѣ работала молодой человекъ, лѣтъ тридцати и весьма красивой наружности. По временамъ онъ обращалъ свои черные, умные глаза на окошечко Наннеты. Никто въ цѣломъ Парижѣ не былъ искуснѣе Жоржа, въ дѣлѣ рѣзбы и точенія красиваго, палисандроваго или ореховаго дерева. Онъ скорѣе былъ художникъ нежели мастеровой. Многие изъ знаменитѣйшихъ нашихъ антикваріевъ обращались къ нему съ заказами возобновить мебель XVI вѣка или какой-нибудь сундукъ временъ Людовика XI.

Жоржъ былъ родомъ нидерландецъ, то есть человекъ совершенно преданный своему занятію, но тѣмъ не меньше — мечтатель. Обдѣлавая кусокъ дерева или вырѣзая на немъ разныя украшенія, онъ мысленно носился въ области фантазій. Чаше всего представлялась его воображенію небольшая комната, убранная просто, но со вкусомъ, и въ ней двое малютокъ дѣтей и женщина совершенно похожая на Наннету. Словомъ сказать, если Жоржъ не былъ еще совершенно — влюбленъ, такъ уже начиналъ понемногу влюбляться, или, по-крайней-мѣрѣ, не сознавалъ еще своей любви.

Какъ-бы то ни было, по каждое утро Жоржъ приходилъ въ свою мастерскую на разсвѣтѣ и дождался пока отворится окошко его прелестной сосѣдки; онъ также всегда находилъ предлогъ оставаться тамъ до тѣхъ-поръ, пока окно затворится снова. Часто, по нѣсколькимъ часамъ кряду, простаивалъ онъ у своего окна, смотря какъ, сквозь опущенную стору, свѣтятся огонекъ у его хорошенькой сосѣдки. Каждый разъ, наконецъ, когда Наннета проходила мимо его мастерской, Жоржъ снималъ фуражку и взоромъ привѣтствовалъ дѣвушку, которая съ ласковой улыбкой — возвращала ему поклонъ.

Дѣла текли въ томъ же самомъ порядкѣ, цѣлый годъ, по томъ, въ привычкахъ Нанеты произошли замѣчательныя перемѣны. Она рѣже стала отворять свое окно, перестала играть съ птичкой и голосъ ея, проливавшій въ сердце Жоржа столько сладкихъ ощущеній не раздавался болѣе. Наконецъ, она стала выходить съ своей работой, уже только по вечерамъ, и при этомъ

старалась спрятать свое лице въ складкахъ платка; поклоны Жоржа приводили ее въ трепетъ; она уже на нихъ не отвѣчала какъ прежде; разъ даже, при встрѣчѣ съ Жоржемъ, она зарыдала и бросилась отъ него бѣжать.

Всего этого было слишкомъ много, чтобы заставить Жоржа призадуматься. Онъ ломалъ голову, строилъ разные предложенія, разумѣется одно нелѣпѣе другаго, но тѣмъ не меньше они раздирали его сердце. Такая жизнь едѣлась для него просто невыносима и онъ, однажды, рѣшился прямо пойти къ Наннетѣ, потребовать объясненія ея быстрой и непонятной переменны и предложить ей свою руку.

Онъ былъ застѣнчивъ и перѣштителенъ отъ природы, и цѣлыхъ два дня посвятилъ на обсужденіе и обдумываніе своего намѣренія. Рѣшившись идти къ Наннетѣ въ субботу, онъ, неизвѣстно почему отложилъ свой визитъ до воскресенья. Наступило и воскресенье; Жоржъ надѣлъ новый, праздничный сюртукъ и отправился къ дому, гдѣ жила его красавица. Подойдя къ нему, онъ поднялъ глаза, чтобы въ знакомомъ окошечкѣ почерпнуть доброты и вдохновенія. Но хоть это было лѣтомъ и на колокольнѣ ближней церкви пробило уже десять часовъ, а окошко было еще заперто.

Наннета больна! Была первая мысль, мелькнувшая въ его головѣ; однимъ почти прыжкомъ, онъ миновалъ лѣстницу; едва переводя духъ, остановился у двери и осторожно постучался.

Отвѣта не было.

Онъ постучался снова, еще и еще; за дверью было все тихо по прежнему.

Онъ соединилъ обѣ ладони у рта, на подобіе рупора и представивъ ихъ къ замочной скважинѣ, почтительно окликнулъ Наннету, произнесъ свое имя; спросилъ не больна-ли она и безусловно ли позвать кого-нибудь изъ сосѣдей.

Прежнее упорное и робовое молчаніе.

Не знаю, что думалъ въ это время Жоржъ, только онъ съ силой ударилъ ногой въ дверь, сшибъ ее съ петель и вошелъ въ комнату.

Комнатка была пуста, мебель вся вынесена и цвѣтки, стоявшіе на окошкѣ начали уже вянуть, а желтые, полусохшіе листья ихъ и лепестки частію опали и рассыпались по полу.

Ударъ вижалъ въ сердце Жоржу былъ бы менѣе чувствите-

лень впечатлѣнія, произведеннаго на него видомъ опустѣвшей комнатки.

Въ бѣдныхъ домикахъ почти никогда не бываетъ дворниковъ, и онъ не зналъ къ кому обратиться, у кого спросить: куда исчезла Наннета. Все, что онъ могъ узнать о ней отъ сосѣдки, вышедшей на лѣстницу, въ то время когда онъ разламывалъ дверь, заключалось въ томъ, что Наннета уѣхала какъ-то на дняхъ, утромъ, въ наемной каретѣ, продавъ всю свою мебель сосѣднему купцу.

Жоржъ выкупилъ эту мебель и размѣстилъ ее въ пустой комнаткѣ, которую нанялъ въ тотъ-же день и поселился тамъ. Теперь онъ чувствовалъ, что страстно любилъ Наннету; онъ плакалъ, рыдалъ и горько упрекалъ ее въ измѣнѣ.

Вечеромъ того-же печальнаго дня, блуждая по уединеннымъ кварталамъ, окружающимъ церковь Парижской Богоматери, онъ встрѣтился съ фіакромъ, въ которомъ сѣла женщина; увидѣвъ Жоржа, эта женщина закрыла лице руками и громко вскрикнула. Онъ бросился къ каретѣ, остановилъ ее и подошелъ къ дверцамъ.

— Мадмозель Наннета, — сказалъ онъ рыдая, — Богу извѣстно сколько перенесъ я за васъ горя!

Она еще болѣе закрывала свое лице и прошептала чуть слышнымъ голосомъ.

— Жоржъ; не спрашивайте меня ни о чемъ. Я умру съ горя, если вы узнаете мою тайну.... Прощайте! На всегда!

— Боже мой! Кто-бы могъ подумать, — произнесъ онъ съ совершеннымъ отчаяніемъ, — кто-бы могъ подумать, чтобъ она, такое чистое, непорочное созданіе, сама призналась, что недостойна моей любви! Прощайте же; я васъ больше не удерживаю. Богъ воздастъ вамъ за все зло, которое вы мнѣ сдѣлали.

Съ этими словами онъ отошелъ отъ кареты и скоро скрылся за угломъ. Наннета отерла слезы и велѣла кучеру ѣхать. Карета тронулась и, проѣхавъ немного, остановилась у подъезда Hôtel-Dieu; Наннета вышла изъ кареты и скрылась подъ темными сводами больницы.

На другой день, часу въ осьмомъ утра, мужчина, украшенный орденомъ почетнаго легіона, проходилъ по обширнымъ палатамъ скорбнаго дома, останавливался передъ каждой кроватью, разспрашивалъ больныхъ, дѣлалъ замѣчанія толпѣ студентовъ, тѣснившихся вокругъ него и жадно ловившихъ его слова, и диктовалъ фельдшеру необходимыя предписанія. Подойдя къ послѣдней кро-

вати, онъ осторожно раздвинулъ занавѣсъ и сказалъ тихимъ голосомъ.

— Ну, что же, дитя мое; надѣтесъ-ли вы на себя?

— Надѣюсь, отвѣчалъ слабый женскій голосъ.

Онъ снова опустил занавѣсъ и, обратившись къ слушателямъ, сказалъ:

— Весной прошедшаго года было произведено здѣсь разсѣченіе носа; нынче, въ то же самое время, мягкія части поздрей покрылись язвами. Какой-то шарлатанъ, взявшись лечить ѣдкими веществами только больше растравилъ язвы. Теперь передняя часть носа отпала, поздри разрушились, также какъ и часть носовой перегородки; но, по какому-то счастливому случаю, уцѣлѣлъ только хрящъ. Гноеніе теперь прекратилось; между тѣмъ кожа окружающихъ носъ частей сохранилась совершенно; здоровье больной находится въ хорошемъ состояніи; субъѣкту всего двадцать лѣтъ отъ роду. Я намѣренъ подвергнуть ее *ринопласти* по индѣйскому способу.

Сказавъ это, онъ отправился въ амфитеатръ, куда вслѣдъ за нимъ двѣ сестры милосердія ввели и Наннету; онъ тихо молился за нее.

Не снимая покрывала, которымъ была завѣшена голова бѣдной дѣвушки, докторъ поднесъ къ ея лицу большую губку, напитанную хлороформомъ, и молча устремилъ на нее взоры, ожидая, когда обнаружится дѣйствіе снотворнаго вещества. Смуглое лицо доктора, его спокойный взглядъ, густые черные волосы, и бѣлый передникъ въ родѣ туники древнихъ, все это сообщало ему наружность безсмертнаго Данте, въ эту минуту, когда тотъ шелъ къ воротамъ печальнаго пріюта, на которыхъ было начертано: *Оставь за собой всякую надежду.*

Мало-по-малу Наннета стала лишаться чувствъ; голова ея откинулась назадъ и она заснула тихимъ и глубокимъ сномъ.

Докторъ поднялъ покрывало, скрывавшее лице дѣвушки, и ропотъ ужаса пробѣжалъ между присутствовавшими при видѣ отвратительной язвы, обезобразившей прекрасное лице Нанкеты.

Докторъ не теряя минуты, твердой рукой смѣло взявъ скальпель, обвелъ имъ по краямъ язвы и очистилъ ее; вырѣзалъ съ обѣихъ сторонъ носа мясо, на подобіе двухъ треугольниковъ, соединилъ ихъ по срединѣ лица, обрѣзалъ, выровнялъ и скрѣпилъ булавками; прорѣзалъ отверстіе для поздрей и вставилъ въ няхъ двѣ серебряныя трубочки.

Едва успѣлъ онъ кончить эту операцію, какъ Наннета начала

пробуждаться ; ее осторожно перенесли на кровать, и тамъ двѣ сестры милосердія принялись, по приказанію доктора, прикладывать ей компрессы съ холодной водой.

Черезъ четыре дня уже булавки были вынуты ; у Наннеты обнаружилась легкая лихорадка, но впрочемъ опасности не было никакой.

Прошло два мѣсяца. Срошеніе совершилось благополучно, только вдоль носа видна была узкая красноватая линія.

Спокойный сонъ и удовлетворительный аппетитъ служили вѣрнымъ ручательствомъ за выздоровленіе Наннеты.

Наннета еще при началѣ своей болѣзни, такъ ужасно обезобразившей ее, рѣшилась подвергнуться операціи ; она полагала, что между ею и Жоржемъ было кончено все ; и потому она намѣревалась оставить Парижъ навсегда и удалиться куда нибудь въ провинцію, чтобы тамъ и окончить свое безотрадное существованіе. Потому-то, передъ отправленіемъ своимъ въ больницу, она и продала свою мебель.

Она оставалась вѣрною своему рѣшенію и послѣ операціи, и нетерпѣливо ожидала выздоровленія, чтобы поскорѣе оставить Парижъ, гдѣ ей тяжело было оставаться каждый лишній часъ.

Разъ утромъ, когда она, сидя на своей кровати, мечтала о Жоржѣ, о счастьи, которое было такъ близко и теперь сдѣлалось не возможно, главный докторъ пришелъ для обычнаго осмотра больныхъ. Онъ подошелъ къ Наннетѣ и принялся разспрашивать ее о малѣйшихъ подробностяхъ хода болѣзни ; результаты операціи превзошли его ожиданіе.

— Что же, милое дитя ; надѣюсь, вы на меня не сердитесь ; я, сколько было возможно, сохранилъ вашу красоту ?

— Я не смѣла еще посмотрѣться въ зеркало, сказала она и отвернулась, чтобы скрыть свои слезы.

— Подайте, сестра, намъ зеркало.

Лице Наннеты покрылось смертной блѣдностью ; она въ величайшемъ волненіи сложила руки, потомъ перекрестилась, прочтала краткую молитву и дрожащимъ голосомъ сказала :

— Подайте, докторъ.

Зеркало выскользнуло у нея изъ рукъ и упало на постель ; по она въ ту же минуту подняла его, и радостно вскрикнула, увидя, что лице ее вовсе не было обезобразено.

И точно впадины на щекахъ, откуда было вынуто мясо, для образованія носа, мало-по-малу заросли совершенно, осталась

только небольшая краснота. Да и та, начавъ понемногу блѣднѣть, скоро совершенно исчезла, такъ-что не осталось и признаковъ. Наннета осталась такою-же какъ и была, только при внимательномъ наблюденіи можно было замѣтить, что носъ ея перемѣнилъ форму, но впрочемъ совершенно гармонировалъ съ ея чертами. Казалось только, что лице ея какъ будто сдѣлалось выразительнѣе, и голубые глаза получили болѣе блеска.

— Докторъ, докторъ,—сказала Наннета—да благословить васъ Богъ; вы сохранили мнѣ красоту...

Она остановилась и лице ея покрылось яркимъ румянцемъ.

— Простите меня,—продолжала она,—но я радуюсь не за себя... а за него...

Тутъ она еще больше зарумянилась.

Впрочемъ мы находимъ это движеніе Наннеты весьма извѣстнымъ. Да и чья голова не пойдетъ кругомъ при мысли, что красота ея сохранилась въ то время, когда она считала ее погибшею.

Въ тотъ-же вечеръ, Жоржъ, воротившись домой, сѣлъ въ кресло и принялся придумывать средства, какъ бы истребить Наннету изъ своей памяти и любовь изъ сердца; но успія его оставались напрасны, потому что страсть его достигла уже значительной степени и заглушить ее было невозможно. Онъ хотѣлъ заставить себя полюбить другую и не могъ; онъ желалъ залить свою страсть виномъ; сталъ посѣщать холостыя пирушки товарищей; но вино не имѣло на него дѣйствія.

Напрасно старался онъ увѣрить себя, что Наннета по собственному призванію, была недостойна его любви; голосъ сердца заглушалъ его обвиненія.

Долго сидѣлъ онъ, погруженный въ глубокое раздумье.... Вдругъ въ двери кто-то тихо постучался; онъ поспѣшно отворилъ—на порогъ стояла Наннета; она заговорила, и голосъ ея обнаруживалъ чрезвычайное волненіе....

— Жоржъ, Жоржъ; любите-ли вы меня?

Отчаяніе, подозрѣніе, все было забыто въ эту блаженную минуту; онъ бросился къ ногамъ Наннеты и покрывалъ руки ея орчачими поцѣлуями.

Въ девять часовъ женихъ и невѣста разстались. Жоржъ отправился почевать къ пріятелю; Наннета съ невыразимымъ удовольствіемъ снова вступила въ обладаніе прежней своей комнаткой и мебелью.

На слѣдующее утро, комиссіонеръ, изогнувшійся подъ тяжестью

ноши, принесъ Наннетъ столько цвѣтовъ, что она могла украсить ими не только окно, но и уставить еще всѣ стулья и столы.

Черезъ три недѣли въ предметѣхъ была сыграна свадьба.

ДИКАРКА.

Въ сентябрѣ 1731 года маленькая дѣвочка, лѣтъ девяти, или десяти, томимая жаждою, пришла въ сумерки въ деревню Соньи, находящуюся въ четырехъ или пяти льѣ отъ Шалона въ Шампани. Ноги у ней были босыя, тѣло покрыто лоскутьями и кожами звѣрей; голова — чѣмъ то въ родѣ шапки или лѣсной тыквы, а руки и лицо казались такъ черны, какъ у негрятянки. Она была вооружена короткой, но толстой дубинкою. Крестьяне въ страхѣ убѣжали отъ нея съ крикомъ — и поспѣшно заперли свои ворота и закрыли окна. А одинъ изъ нихъ спустилъ на нее большую собаку, въ ошейникѣ съ желѣзными гвоздями. Дѣвочка выждала ее безстрашно, держа дубинку надъ головою, обѣими руками. Какъ только собака подбѣжала къ ней, она такъ сильно ударила ее въ голову, что собака тутъ же упала мертвою къ ея ногамъ. Послѣ этого она попыталась отворить ворота, но не получивъ въ томъ успѣха, выбралась въ поле, гдѣ протекаетъ рѣчка, влѣзла на дерево и тамъ уснула.

Слухъ о такомъ необыкновенномъ происшествіи тотчасъ дошелъ до помѣщика, виконта д'Эпиноа, бывшаго въ то время въ замкѣ своемъ, въ Соньи. Виконтъ приказалъ пастуху немедленно искать дикарку, — и ее нашли вскорѣ на яблонѣ. Задача была — заставить ее слѣзть: для сего, по совѣту одного крестьянина, вынесли ведро воды и поставили у дерева, на которомъ находилась дѣвочка — въ томъ предположеніи, что она, вѣроятно, захочетъ пить, — а между-тѣмъ всѣ спрятались, окруживъ дерево и неусыпно наблюдая за нею. Дикарка дѣйствительно слѣзла и начала пить въ нападку, но лишь только услышала шумъ стерегущихъ ее, то въ одно мгновеніе влѣзла на самый верхъ дерева, откуда уже никакъ нельзя было ее достать. Та-

кимъ образомъ, эта первая стратагема не имѣла успѣха — нужно было придумать другое средство, чтобы взять въ плѣнъ маленькаго непріятеля. Тотъ-же крестьянинъ, который далъ первый совѣтъ, предложилъ, чтобы какая-нибудь женщина съ дѣтми ходила вокругъ дерева, — потому-что дикіе бѣгаютъ только отъ мужчинъ; при этомъ нужно также, чтобы дѣти и женщина показывали веселой видъ. Сказано, сдѣлано: одна крестьянка, съ ребенкомъ на рукахъ, взявъ двѣ рыбы и кореньевъ, начала ходить около дерева, показывая ихъ дикаркѣ, и дѣйствительно возбудила въ той охоту получить эти вещи, такъ что дѣвочка спустилась-было на нѣсколько вѣтвей, но поднялась опять. Женщина продолжала свои убѣжденія, показывая ей всевозможные знаки дружбы, съ видомъ радостнымъ и чрезвычайно ласковымъ, — указывала себѣ на сердце, чтобы показать, что очень ее любить и что не сдѣлаетъ ей никакого зла и наконецъ успѣла внушить ей довѣріе, такъ-что дикая спустилась на землю и подошла получить рыбу и корни. Въ это время женщина начала нечувствительно отступать и тѣмъ дала возможность сторожившимъ поймать дѣвочку. Ее отвели въ замокъ Соныи и, до полученія приказаній господина д'Эпиноа, помѣстили въ кухню. Первые предметы, привлекшіе взоры и вниманіе дикарки, были какія-то птицы, приготавлиаемыя поваромъ; она бросилась на нихъ съ такою быстротою и жадностью, что поваръ замѣтилъ это тогда уже, когда она держала ихъ въ зубахъ. — Между-тѣмъ пришелъ сюда господинъ д'Эпиноа. Увидя, что она ѣсть, онъ приказалъ дать ей кролика, котораго она тотчасъ-же ободрала и съѣла. Всѣ, видѣвшіе ее тогда, полагали, что ей должно быть лѣтъ девять, и думали, что она чернаго цвѣта; но, когда она вымылась нѣсколько разъ, то оказалось, что кожа ея только смугла, а по природѣ имѣетъ бѣлый цвѣтъ.

Замѣчательно, что пальцы рукъ ея, особенно большіе, были чрезвычайно велики, относительно остальныхъ частей рукъ, которыя были сложены довольно хорошо. Она объяснила послѣ, что величина и сила пальцевъ были необходимы въ ея кочевой жизни среди лѣсовъ; потому-что, если, будучи на деревѣ, она желала переселиться на другое не спускаясь на землю, то, когда вѣтви этого дерева были близки къ ней, она опиралась двумя большими пальцами на вѣтви занимаемаго ею и бросалась на другое какъ бѣлка. Можно судить, сколько силы и упругости было въ ея пальцахъ!

Господинъ д'Эпиноа поручилъ ее надзору пастуха, имѣвшаго домъ въ самомъ замкѣ. Пастухъ этотъ рѣшился ее образовать, но въ деревнѣ едва считали ее человѣкомъ, въ разговорахъ обыкновенно называли ее «пастуховымъ звѣремъ». Нужно было держать ее взаперти, но она нашла средство влѣзть на крышу, по которой бѣгала также ловко, какъ по землѣ, и съ невѣроятнымъ искусствомъ пролѣзала въ самыя малыя отверстія. Одинъ разъ такимъ образомъ она убѣжала скрытно въ поле и спряталась на деревѣ. Опасаясь гнѣва господина д'Эпиноа, вся деревня высыпала въ поле, чтобъ сыскать ее, и наконецъ нашли ее на деревѣ, на которомъ она сидѣла какъ на насѣсти.

Много прошло мѣсяцевъ съ-тѣхъ-поръ, какъ малютка прибыла къ Соньи, а она выучилась произносить только нѣсколько словъ по-французски. Нѣкоторыя произносимыя ею слова, кажется, принадлежали къ естественному ея языку. Такъ напримѣръ, питку (filet) она называла debily, вмѣсто того, чтобъ сказать: bonjour fille, — она говорила Yas, yas fioul, и откликалась на такой зовъ: Riam, riam, fioul. Но кромѣ этихъ словъ для выраженія различныхъ понятій она употребляла еще гортанные звуки, которые, впрочемъ, имѣли въ себѣ нѣчто ужасное особенно, когда выражали страхъ или гнѣвъ, и еще болѣе, когда приближался къ ней кто-либо незнакомый, и хотѣлъ ее схватить.

Пріѣзжая въ Соньи съ гостями, господинъ д'Эпиноа любилъ, чтобъ дитя это находилось въ бесѣдѣ; оно мало-по-малу начинало уже образовываться, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе оставляло свои дикія и звѣрскія привычки. Хотя съ большимъ трудомъ, однако-жъ отучили наконецъ ее отъ употребленія сырой пищи. Первые опыты пріучить ее къ кушаньямъ, въ которыхъ была мука и соль, — были для нея очень мучительны, ибо причиняли жестокую боль въ животѣ. Одинъ разъ, бывши въ замкѣ на большомъ обѣдѣ, она замѣтила на столѣ все вареное и сдобное, и ничего такого, что ей особенно нравилось. Съ быстротою молнии она выскочила изъ-за стола, побѣжала на прудъ, и набравъ въ фартукъ лягушекъ, принесла ихъ и щедро разложила по тарелкамъ всѣхъ присутствовавшихъ, весело крича: tien man, man; done tien! Можно судить о послѣдствіяхъ: иные повыскакали изъ-за стола, а другіе побросали гадинъ на полъ; но дикарка опять подобрала ихъ и бросила на столъ.

Неизвѣстно, по-какому побужденію господинъ д'Эпиноа рѣшилъ

ся помѣстить эту дѣвочку въ главный Шалонскій госпиталь, называемый *Renfermerie*, куда принимались для воспитанія бѣдные дѣти своего пола. Здѣсь она была крещена въ церкви Святаго Сульпиція и названа Маріей-Анжеликой-Мемми. Впрочемъ и послѣ ея, обыкновенно, называли мадмуазель Лебланъ (*Mademoiselle Le Blanc*). Въ госпиталѣ она находилась довольно времени и разъ нѣсколько ѣздила отсюда въ замокъ Соньи, который всегда прѣдставляла съ особеннымъ удовольствіемъ.

Бывши здѣсь, она однажды бросилась въ прудъ во всей одеждѣ, плавала по немъ, и остановившись на одномъ маленькомъ островѣ, поймала нѣсколько лягушекъ, которыхъ преспокойно съѣла.

Изъ госпиталя она перешла въ монастырь *Communauté de Regents*. Здѣсь видѣлъ ее герцогъ Орлеанскій на возвратномъ пути изъ Меца, и, сострадая къ ней, опредѣлилъ ей пенсію.

Въ 1737 году она была представлена одной принцессѣ, проѣзжавшей чрезъ Шалонъ въ герцогство Лоррэну, — причемъ принцесса замѣтила, что звуки ея голоса произительны; рѣчи кратки и прерывисты; движенія фамиліарны и похожи на дѣтскія, а манеры дѣйствій показываютъ, что она не умѣетъ еще различать, кто больше оказываетъ ей ласкъ. Впрочемъ принцесса осыпала ее ласками, и когда ей сказали, что дѣвушка эта чрезвычайно легко бѣгаетъ, то она пожелала взять ее съ собою на охоту. Увидѣвъ себя среди лѣсовъ и вспоминая прежнее свое житье-бытье, Мемми быстро гоцилась за зайцами и кроликами, ловила ихъ и приносила принцессѣ. Принцесса выразила желаніе взять ее съ собою, и помѣстить въ монастырѣ въ Нанси, но лица, коимъ была она поручена для воспитанія и образованія, не согласились ее отпустить. Молодая дѣвушка представила принцессѣ множество искусственныхъ цвѣтовъ собственной работы, — въ выдѣлкѣ копѣхъ она была чрезвычайно искусна; она дѣлала также очень хорошо обои.

Въ 1747 году Мемми не захотѣла оставаться болѣе въ настоящемъ своемъ жилищѣ. Причиною сего былъ стыдъ, который она чувствовала при непрестанныхъ сношеніяхъ съ тѣмъ, кто звалъ прежнюю дикую ея жизнь, — при томъ же лица эти обходились съ нею грубо. Она получила позволеніе переселиться въ монастырь *Saint-Menehould*. Здѣсь видѣлъ ее Кондаминъ, членъ Академіи Наукъ; въ проѣздъ свой чрезъ это мѣсто, и предложилъ

множество вопросовъ. Она выразила ему, между прочимъ, сожалѣніе, что не воспользовалась предложеніемъ герцога Орлеанскаго, обѣщавшаго перемѣстить ее въ одинъ изъ парижскихъ монастырей. Кондаминъ сказалъ ей, что герцогъ, если она захочетъ, и теперь можетъ исполнить свое обѣщаніе. — Дѣйствительно, она вскорѣ переселилась въ Парижъ, въ монастырь Nouvelles-Catholiques, въ улицѣ Sainte-Anne. Ударъ въ голову, причиненный ей паденіемъ камня, подвергалъ на-долго жизнь ея опасности, — и по сему случаю она помѣщена была на излѣченіе въ госпиталь въ предмѣстіи святаго Марка, гдѣ пробыла очень много времени въ крайней слабости и изнеможеніи. Между тѣмъ герцогъ Орлеанскій умеръ и она осталась безъ покровителя.

Здѣсь біографическія свѣдѣнія объ этой несчастной дѣвушкѣ прерываются и дальнѣйшія извѣстія о ней мы находимъ уже тогда, когда, будучи около сорока лѣтъ и потерявши здоровье, она жила у одной благотворительной особы, которая давала ей комнату.

Съ-тѣхъ поръ, какъ эта бѣдняжка выучилась понимать и говорить по-французски, старалась всѣми силами узнать отъ нея, откуда и какъ пришла она во Францію: но не могли получить подробныхъ свѣдѣній. Она рассказывала только, что дня за два или за три до того, какъ прибыла въ Соньи, съ ней была еще другая дѣвочка немного по-болѣе ея, и что какъ обѣ онѣ плавали въ одной рѣчкѣ (вѣроятно въ Марнѣ) и, ныряя, ловили рыбу; какой-то охотникъ замѣтивъ ихъ черныя головы, принявъ ихъ издали за дикихъ утокъ и выстрѣливъ въ нихъ изъ ружья; но къ счастію онѣ нырнули и такимъ образомъ избѣгли смерти, а потомъ скрылись въ тростникѣ. Вышедъ изъ рѣчки, они нашли на берегу стеклярусъ и подрались изъ-за него: меньшая была сильнѣе и стеклярусъ достался ей. Ссора эта была поводомъ къ ихъ разлукѣ.

Часто настоятельно требовалъ, чтобъ Мемми вспоминала что-нибудь о своемъ младенчествѣ. Но, сличая всѣ рассказы ея, пришли только къ предположенію, что она родилась на сѣверѣ Америки, у Эскимосовъ, откуда была перевезена на Антильскія острова, а потомъ во Францію. Она, дѣйствительно, увѣряла, что два раза переѣзжала обширныя водяныя пространства, и, кажется, какое-то смутное воспоминаніе раждалось въ ней, когда ей показывали какія-нибудь произведенія Антильскихъ острововъ или видъ лодокъ и судовъ эскимосскихъ. Кромѣ сего, она хоро-

шо помнила, что принадлежала какой-то госпожѣ, которая ее очень любила, но что мужъ этой госпожи, не терпя ее, прогналъ отъ себя.

Бѣдное это существо возбудило живой интересъ во Франціи въ половинѣ минушаго вѣка. Объ немъ писали въ *Mercure de France* 1731 года, и еще въ 1755 году вышло небольшое сочиненіе, изъ котораго и заимствованы всѣ вышеизложенныя свѣдѣнія.

МЕЛОЧИ.

Соединенные Штаты потеряли одну изъ своихъ прекраснѣйшихъ ученыхъ знаменитостей: Джонъ Джемсъ Одюбонъ (*Audubon*), первый орнитологъ новѣйшихъ временъ, скончался, на 71 году отъ рожденія, въ своемъ мѣстопробываніи на берегу Гудзона, въ двухъ или трехъ миляхъ отъ Нью-Йорка.

Наука обязана ему великолѣпнымъ сочиненіемъ о птицахъ Америки, по случаю появленія котораго Кювье не побоялся сказать въ полномъ собраніи Французской Академіи Наукъ: «Твореніе Одюбона есть великолѣпнѣйшій памятникъ, какой когда-либо искусство сооружало природѣ». Послѣ «*Птицъ Америки*», Одюбонъ началъ, вмѣстѣ съ докторомъ Бахманомъ, изданіе «*Четвероногихъ Америки*», послѣдніе выпуски котораго вышли нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Потомъ, удовлетворенный этимъ двойнымъ памятникомъ, который онъ воздвигъ наукѣ, Одюбонъ тихо скончался, въ то время, когда, въ первый разъ, хотѣлъ предаться покою. Онъ оставилъ двухъ сыновей, бывшихъ сначала его учениками, а въ послѣдствіи, въ теченіи многихъ лѣтъ, сотрудниками.

Въ одномъ изъ французскихъ журналовъ напечатано на дняхъ письмо французскаго миссіонера господина *Нюеллы* о неслыханномъ бѣдствіи, случившемся въ китайскомъ городѣ *Учанъ Фу*, въ ночь на 1 января 1850 года. Извлекаемъ изъ этого письма слѣдующія подробности.

Велѣдъ за наводненіемъ, постигшимъ *Учанъ Фу*, главный городъ китайской провинціи *Гу-Куангъ*, тамъ случилось другое,

гораздо ужаснѣйшее бѣдствіе, — пожаръ безпримѣрный въ лѣтописяхъ исторіи. Онъ произошелъ на судахъ, стоявшихъ на якорѣ вдоль береговъ рѣки Кiangа, и представлявшихъ собою отдѣльный плавающий городъ, потому что число этихъ судовъ простиралось до *тридцати тысячъ*. Въ ночь на 1 января 1850 года надъ этимъ безчисленнымъ флотомъ провесся страшный ураганъ, и во время происшедшаго смятенія, загорѣлась одна изъ джонокъ. Пламя, раздуваемое сильнымъ вѣтромъ, съ быстротою молніи перешло на прочія суда, изъ которыхъ многія были наполнены разными горючими матеріалами: огонь и вихрь въ одно мгновеніе разорвали кабельтовы, и суда, объята пламенемъ и оторвавшіяся отъ берега, разнесли повсюду ужасъ и разрушеніе: все, къ чему только ни приближались они, мгновенно воспламенялось и чрезъ нѣсколько минутъ пожаръ распространился по всему флоту. Это былъ гигантскій костеръ, въ которомъ безчисленное множество людей боролись въ одно время съ огнемъ, бурей и волнами, со всѣхъ сторонъ потрясали воздухъ страшные крики отчаянія, со всѣхъ сторонъ пламень и волны охватывали суда и безпрестанно поглощали цѣлыя тысячи жертвъ.

Въ теченіе трехъ часовъ все погибло, и суда, и люди. Первыхъ, какъ мы уже сказали, было около *тридцати тысячъ*; число послѣднихъ съ достовѣрностію неизвѣстно, но если принять въ соображеніе, что на подобныхъ судахъ рождаются, живутъ и умираютъ цѣлыя семейства и что на нѣкоторыхъ изъ нихъ было отъ 40 до 60 человекъ, то не трудно вообразить, какъ велико было число несчастныхъ погибшихъ при этомъ случаѣ. По окончаніи пожара, вынуто было изъ воды *семьдесятъ тысячъ труповъ*, а сколько еще жертвъ унесены были теченіемъ воды или совершенно сгорѣли въ огнѣ! Большая часть кораблей были нагружены товарами и принадлежали китайцамъ изъ разныхъ провинцій, а потому этотъ пожаръ распространилъ ужасъ и отчаяніе почти по всей имперіи. — Удивительно, что въ иностранныхъ журналахъ нѣтъ еще полныхъ, обстоятельныхъ свѣдѣній объ этомъ ужасающемъ бѣдствіи, которому до сихъ поръ еще не бывало подобнаго.

Въ Берлинѣ, министръ торговли, по повелѣнію короля, опредѣлилъ, что всѣ фабриканты, мануфактуристы и мастера, которые, отправляясь на Всемирную Лондонскую Выставку и возвращаясь назадъ, будутъ проѣзжать по желѣзнымъ дорогамъ, при-

надлежащимъ государству, въ каретахъ втораго и третьяго разряда, будутъ платить только двѣ трети обыкновенной цѣны за мѣста въ этихъ каретахъ. Это же будетъ сдѣлано и для тѣхъ, которые отправятся по желѣзнымъ дорогамъ, принадлежащимъ частнымъ компаніямъ: послѣднія, по договору, заключенному ими съ министромъ торговли, получать отъ государства денежное вознагражденіе за сдѣланное ими пониженіе цѣны за мѣста.

ВАЛАГУРЪ.

БАТАЛЬНЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ.

Одинъ молодой солдатъ, переведенный въ Версальскій отрядъ, вздумалъ послать на родину, къ своей невѣстѣ, портретъ свой въ полной формѣ.

— Скажи, пожалуйста, — сказалъ онъ своему товарищу, — не знаешь-ли ты живописца, который пишетъ военные портреты?

— Какъ не знать! — отвѣчалъ бывалый, — онъ и съ меня писалъ и вотъ съ многихъ изъ нашихъ. Только поставитъ, да не велитъ моргать пять минутъ — и готово. Да вѣдь какъ выльетъ, какъ живаго!

— А гдѣ онъ живетъ?

— Да вотъ здѣсь близехонько, въ красивомъ-то домѣ съ узорчатою голубятней. Орасъ Верне прозывается.

— А по чемъ онъ пишетъ?

— Да по тридцати су. (т. е. 37 коп. сер.)

Извѣстно, что свои батальныя картины Верне обыкновенно пишетъ въ живыхъ солдатъ, за что платитъ имъ всегда по 30 су на брата.

Солдатъ тотчасъ-же отправился къ знаменитому живописцу. Онъ спросилъ г. Ораса Верне. Привратникъ указалъ ему дорогу въ мастерскую.

— Здравія желаю! Здѣсь пишутъ военныхъ людей?

— Здѣсь, любезный! отвѣчаетъ ему артистъ съ улыбкою.

— Такъ нельзя-ли вотъ меня изобразить въ полной формѣ.

Только заманчивѣе, знаете: это я невѣстѣ готовлю въ гостиницѣ.

— Хорошо! Становись.

И великій художникъ беретъ загрунтованное полотно и въ четверть часа списываетъ съ солдата превосходный портретъ.

— Готово, — говоритъ онъ ему, — вотъ взгляни, похожъ-ли?

— Чудо, чудо! — восклицаетъ солдатъ; — она такъ и ахнетъ! Вотъ ужъ подлинно удружили! Не жаль денегъ!

Съ этимъ словомъ онъ вынимаетъ свои тридцать су мѣдными деньгами и подаетъ ихъ артисту.

— Это что значить? спрашиваетъ изумленный Верне.

— А какъ же! Вѣдь вы всегда по тридцати су списываете портреты, мнѣ товарищи сказывали....

— Да! — говоритъ Верне, смѣясь, — это справедливо, давай. Но какъ портретовъ не дарятъ такъ просто невѣстамъ, такъ вотъ тебѣ двадцать франковъ на рамку.

Солдатъ былъ въ восторгѣ и, въ простотѣ души, отправился благодарить товарища, за то, что онъ отрекомендовалъ живописца, который такъ дешево беретъ за портреты и такъ щедро платитъ за рамки.

Даму, которая, не смотря на свои пожилыя лѣта, не оставляла претензій на молодость и красоту, разъ въ обществѣ спросили: который ей годъ?

— Двадцать-восьмой! отвѣчала она, не запинаясь. — А вамъ сколько лѣтъ? спросилъ любопытный у ея сына. — «Мнѣ-съ? отвѣчалъ сынъ, да я однимъ только годомъ старше маменьки.»

Одинъ острякъ исчислилъ, сколько порядочный человекъ въ теченіе года понапрасно теряетъ времени въ жизни. Вотъ его выкладка:

Отъ дождей, снѣга, вѣтровъ, грязи	3 мѣсяца.
На пустыя поздравленія и визиты	1. "
На скуку въ театрахъ и концертахъ	1. "
Отъ неаккуратности своей и другихъ	2 недѣли.
На бритье	2 недѣли.
На звонъ и жданье у чужихъ дверей	2 недѣли.
На переѣзды, раздѣванье и одѣванье	2 недѣли.
На сонъ	4 мѣсяца.
Отъ надоѣдалъ и вздорныхъ болтуновъ	1 мѣсяць.

Все остальное время онъ употребляетъ на наслажденіе жизнью.

Людвикъ XIV сказалъ разъ Мольеру: «Я слышалъ у тебя есть домашній докторъ: каковъ онъ?» — Отличный, Ваше Величе-

ство! отвѣчалъ Мольеръ. Когда я болѣнъ — онъ пріѣзжаетъ, мы болтаемъ, онъ прописываетъ лекарство, я его не принимаю, онъ не обращаетъ на это вниманія — и я — выздоравливаю!»

Въ Брюсселѣ одинъ парикмахеръ недавно напечаталъ слѣдующее объявленіе : «Честь имѣю извѣстить почтеннѣйшую публику, что я нынѣ открылъ способъ дѣлать совершенно невидимые парики. Желашіе, могутъ ихъ видѣть въ моемъ магазинѣ.»

Одинъ промотавшійся жуиръ, потративъ послѣднія деньги, рѣшился обратиться къ своему брату, богатому помѣщику. Онъ написалъ ему :

«Любезный братъ!

Скажу тебѣ только пять словъ : я *пожилъ*, *прожилъ*, *ничѣмъ жить* ! Объ остальномъ ты самъ догадаешься.»

Покойный актеръ Булаховъ, о которомъ мы сообщали уже нашимъ читателямъ столько анекдотовъ, иногда бывалъ чрезвычайно разсѣянъ. Однажды, когда портной снималъ съ него мѣрку для новой бекеши, онъ сказалъ ему : «Пожалуйста, братику-сударику, сдѣлай мнѣ попросторнѣе, а то у меня опять разболются мозоли.»

Скряга, плохо кормившій своего воспитанника, спросилъ его разъ, при гостяхъ : «Чѣмъ хочешь ты быть, Саша?» — Сытымъ! — отвѣчалъ мальчикъ.

Объ одномъ плохомъ и назойливомъ сочинителѣ сказалъ книгопродавецъ : «Онъ очень похожъ на свои сочиненія : ни его, ни ихъ не сбудешь съ рукъ!»

Знаменитый Тальма, играя однажды роль Сиды, говорилъ очень тихо. «Погромче!» закричалъ какой-то пьявица въ партеръ. — Потише! — отвѣчалъ ему знаменитый трагикъ.

Въ Валлисѣ, который подверженъ очень частымъ наводненіямъ, поставленъ высокій столбъ, на верху котораго прибита слѣдующая предостерегательная надпись : «Когда эта надпись затопится водою, — воспрещается всѣмъ и каждому ходить и ѣздить по этой дорогѣ.»

Какой-то забавникъ, впрочемъ человѣкъ умный и честный, имѣлъ страсть острить. Въ задушевной бесѣдѣ, пріятель однажды сказалъ ему: «Что это ты, братъ, нынче не шутишь?» — «Да что, любезный, отвѣчалъ острякъ, вышелъ изъ довѣрія: на-медни сталъ серьезно доказывать, что ты умень, а всѣ въ одинъ голосъ кричать: Шутишь!»

Слуга въ осеннюю, дождливую ночь провожалъ домой свою барыню. Дорогой она жаловалась, что въ темнотѣ ничего не видитъ и часто ступаетъ въ грязь. «Ничего, сударыня, — сказалъ слуга, — не извольте беспокоиться, я завтра вычищу ваши ботинки!»

Слѣпецъ Милтонъ много терпѣлъ отъ сварливости своей жены. Вильфридъ однажды говорилъ ему, что жена есть роза, брошенная человѣку на пути жизни. — Да, — отвѣчалъ авторъ *Потеряннаго Райа*: — по ея шипамъ — я чувствую, что вы правы!»

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 3.

ДЪВУШКА-МОРЯКЪ

ИЛИ

СВАХА ВЪ НОВОМЪ РОДѢ.

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

Соч. Т. и Б.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Даниловичъ Тросовъ, отставной морякъ,
живущій въ деревнѣ.

Надипька, дочь его.

Варинька Зорина, подруга ея; сосѣдка.

Петръ Андреевичъ Штормовъ, лейтенантъ,
женитъ Надипьки.

Андрей, денщикъ его.

Г-нъ Григорьевъ 1.

Г-жа Левкѣева.

Г-жа Самойлова 1.

Г-нъ Смирновъ 2.

Г-нъ Мартыновъ 1.

Дѣйствіе происходитъ въ помѣсть Тросова.

Театръ представляетъ комнату, въ деревенскомъ господскомъ домѣ; направо отъ зрителей окно; направо и въ срединѣ двери. На первомъ планѣ, направо, столъ съ кушеткою.

I.

Надинька (*вбѣгаетъ съ альбомомъ*). Батюшка!... И здѣсь его нѣтъ!... (*отворяетъ среднюю дверь и заглядываетъ въ нее*.) А, ружья нѣтъ: онъ пошелъ на охоту. Не понимаю, что за удовольствіе убивать несчастныхъ птичекъ?... Безжалостные охотники!... Можетъ быть, онъ убьетъ хорошенькую птичку; ее будетъ оплакивать другая, которая ее любила.... бѣднейшая! она станетъ ждать, будетъ звать — и нѣтъ отвѣта!... Еслибъ у меня отняли моего Пьера, я стала-бы точно также скучать и, кажется, умерла бы съ тоски!... (*открываетъ альбомъ*.) Вотъ онъ, мой милый Пьеръ.... какъ похожъ!... (*садится за столъ*.) Ротикъ — совершенно его, очень похожъ!...

II.

НАДИНЬКА и ВАРИНЬКА, подходятъ къ ней незамѣченной и становятся за кушеткою.

Надинька (*продолжая разсматривать*). Глаза — вылитые!... Волосы — и говорить нечего!... Я бы не воображала, что мнѣ удастся схватить такъ вѣрно его профиль, и его миленькую, добрую улыбку!... Лѣвый усикъ немного коротокъ.... (*поправляетъ*) кажется, и эполеты неровны....

Варинька. И звѣздочки одной не достаетъ!...

Надинька (*поспѣшно закрываетъ альбомъ, въ смущеніи*). Ахъ, Варинька.... ты видѣла.... какъ ты меня перепугала!...

Варинька. Что ты думала?

Надинька. Ничего особеннаго! я.... я....

Варинька. Я, я.... скажи лучше однимъ словомъ: я не хочу, чтобъ Варинька знала, что я влюблена въ Штормова.

Надинька. Другъ мой, и ты можешь это думать?...

Варинька. Я думаю, если видѣла у тебя въ альбомѣ его портретъ. Но, Бога ради, ты не думай, что я стану требовать отъ тебя признанія: не хочешь сказать, значитъ — имѣешь свои причины на то.

Надинька. Ну, милая Варинька, не сердись, что я молчала до-сихъ-поръ о счастьи, которое, быть можетъ, меня ожидаетъ; я, право, не виновата въ томъ.

Варинька. Помилуй, могу-ли я сердиться?... Это тайна сердечная, которая не разглашается всякому.

Надинька. Однакожь, выслушай меня. Тебѣ извѣстно, что Штормовъ, застигнутый ненастьемъ и непогодой, остановился у насъ по предложенію моего батюшки. Непринужденность въ обращеніи, открытый и веселый нравъ нашего гостя нравились мнѣ; мы съ нимъ сблизились.

Варинька. Ну, видишь-ли, какъ это обыкновенно?...

Надинька. Короче, — я его полюбила!

Варинька. А онъ тебя въ свою очередь: это понятно.

Надинька. Да, кажется. Онъ сталъ просить моей руки.

Варинька. Значитъ не *кажется*, а онъ тебя дѣйствительно любилъ.

Надинька. Ты не ошиблась. Батюшка мой, однакожь, не далъ ему положительнаго отвѣта: сказалъ ни да, ни нѣтъ. Между-тѣмъ я узнала, что онъ писалъ въ Петербургъ къ одному изъ своихъ друзей, котораго просилъ узнать о Штормовѣ. «Если о немъ отнесутся — говорилъ онъ мнѣ на дняхъ, — какъ о благородномъ человѣкѣ и рачительномъ офицерѣ, я охотно соглашусь на вашъ бракъ; но, въ противномъ случаѣ, прошу и не думать о томъ: вотъ почему я и прошу тебя, Надинька» — были его слова — «до полученія отвѣта не разглашать о томъ по сосѣдамъ.» — Вотъ это только и заставляло меня скрывать отъ тебя мою сердечную тайну: я исполняла волю родительскую.

Варинька (*цѣлуя ея*). Полно, дружочекъ, беспокоиться обо мнѣ: я и не думала вовсе на тебя сердиться, хотя очень ясно замѣчала привязанность, которую ты оказываешь Штормову. — А что, скажи, скоро отецъ твой надѣется получить отвѣтъ? Да развѣ онъ самъ нисколько не зналъ до-сихъ-поръ Штормова.

Надинька. Въ томъ то и дѣло, что нѣтъ. Батюшка говорить, что еслибъ онъ самъ былъ человѣкъ бѣдный, то нисколько не сомнѣвался бы въ искренномъ влеченіи Штормова ко мнѣ. Но у меня есть *деньги* — говорилъ онъ, — и потому очень не мудро, что молодой человѣкъ, ослѣпляя самого себя, ищетъ не по-други на всю жизнь, а жаждетъ одного золота. — Но каково-же, согласишь, милая Варинька, мнѣ-то?... Жду, жду — и не могу дожидаться отвѣта!...

Варинька. Ну, что-жь дѣлать, дружокъ; учишь быть терпѣливою: оно, говорятъ, необходимо для супружескаго счастья.

Надинька. Хорошо совѣтовать!...

Варинька. Что-жь дѣлать!... Впрочемъ, знаешь, мнѣ пришла въ голову счастливая мысль.... *Ce sera parfaitement amusant* и будетъ имѣть вѣрный успѣхъ! Но...

Надинька. Что такое?...

Варинька. Точно-ли ты увѣрена въ Штормовѣ?... Любить-ли онъ тебя?... Можетъ, онъ дѣйствительно ищетъ твоего золота, а тебя беретъ такъ.... въ придачу?...

Надинька. *Fi done, mon amie!* какъ ты можешь такъ думать : онъ прекрасный человѣкъ, умный, образованный и строгихъ правилъ.

Варинька. Въ такомъ случаѣ прекрасно : мы исполнимъ мой планъ.

Надинька. Какой?

Варинька. Узнаешь послѣ. — Скажи, человѣка Штормова зовутъ, кажется, Андреемъ?

Надинька. Да ; а на что тебѣ?...

Варинька. Его нужно будетъ предварительно кое о чемъ спросить....

Надинька. Его?... Ха, ха, ха!... Да онъ не въ состояннн тебѣ сказать двухъ словъ порядочно : и заикается, и говоритъ какъ-то не по-русски. Ты его не поймешь, — повѣрь мнѣ!...

Варинька. Все равно, позови его ; я привыкла говорить съ моряками, знаю отчасти смыслъ терминовъ, къ которымъ они иногда прибѣгаютъ въ разговорахъ.

Надинька. Изволь ; но, зная твой легкомысленный характеръ, я должна тебя предупредить, чтобъ ты не накуралесила чего-нибудь. Обдуманъ-ли у тебя планъ шутки, которую ты думаешь разыграть?...

Варинька. Не беспокойся : у меня выйдетъ все обдуманно.

Надинька (*съ боковую дверь*). Наташа ! Наташа !... Позови ко мнѣ Андрея !... (*Варинькѣ*.) Но ты Расскажи мнѣ по-крайней-мѣрѣ, что ты намѣрена дѣлать?...

Варинька. Это теперь ни къ чему не поведетъ : пустое любопытство ; послѣ все узнаешь. Дѣло въ томъ, что я даю тебѣ честное слово испросить сегодня-же согласіе твоего отца на бракъ съ Петромъ Андреевичемъ : посмотри, какъ мнѣ это удастся.

III.

ТЪ-ЖЕ И АНДРЕЙ.

Варинька. Здравствуй, голубчикъ !

Андрей. Здравія ж лаемъ, ваше благородіе, то есть сударыня.

Варинька. Мнѣ нужно съ тобою поговорить.

Андрей. Не могу знать, ваше благородіе; есть воля ваша.

Варинька. Давно-ли ты служишь во флотъ?...

Андрей. Съ рекрутства, ваше благородіе; годокъ, никакъ, девятнадцатый на утѣкъ.

Варинька. Ого! Ты, значить, малый бывалый. — Ну, а скажи, любишь ты море, а?

Андрей (*смѣясь отъ удовольствія*). Примѣрно сказать, ваше благородіе, да какъ же и не любить-то его — я съ измалѣтства, ваше благородіе, съ родимымъ не расшивахъ по Волгѣ хаживаль; такъ вода те мнѣ не чужая, а сестра родная.

Варинька. Ну, и весело, поди-ка, плавать на корабляхъ?

Андрей. И ужасъ какъ, сударыня. Какъ разведетъ пучину, да учнетъ расправлять сѣдыми валами, — такъ вотъ пѣна-те въ обѣ стороны отъ корабля гудомъ гудить!... А корабликъ-то, словно баричъ какой въ пуховникахъ, такъ и барахтается, да узелковъ десять нѣтъ одиннадцать, а почитай и двѣнадцать на фордавинъ садить, да и знать и вѣдать ничего не хочетъ!...

Варинька. Что значить *фордевиндъ*?

Андрей. Фордаинъ? Да, то есть.... известно что, ваше благородіе. Вотъ изволите видѣть.... то есть.... да такъ сказать, ваше благородіе, по-береговому.... то есть просто фордакъ: чешеть себѣ на прямую!...

Надинька (*Варинькѣ*). Не предсказывала-ли я тебѣ ясность его отвѣтовъ?...

Варинька (*ей*). Надо имѣть терпѣніе! (*ему*). Прекрасно: фордакъ. Но что же это такое, о чемъ вы ведешь рѣчь; расскажи мнѣ яснѣе.

Андрей. Ме могу знать, ваше благородіе.

Варинька. Какъ не можешь? Да вѣдь ты-же знаешь, что значить фордевиндъ?

Андрей. Дѣло известное, ваше благородіе; знать-то знаю, какъ не знать!... То есть, изволите видѣть: тамъ корабль-ли, фрегатъ-ли, шлюбка-ли какая, аль другая какая ни-на-есть посудина повѣтру садить: вотъ ужъ это и будетъ фордакъ.

Варинька. Ну, видишь-ли, какъ хорошо: вотъ я и повяла. — А какую погоду вы лучше любите на морѣ?

Андрей. Известно какую: какая задуетъ.

Варинька. Ну, однако же?

Андрей. Вѣстимо, ваше благородіе, чтобъ вѣтеръ сподручный былъ, да ведра.

Варинька. А офицеры ваши, что дѣлають?

Андрей. Если работъ нѣтъ, такъ ничего не дѣлають: разговаривають, шутятъ между собой.

Варинька. А матросы, что дѣлають?

Андрей. Нашему брату когда работа: нето клѣтень поправить, сплѣсень сдѣлать, палубу подмести — да мало-ли: дѣло извѣстное.

Варинька. Будто ужъ безъ работы не сидите?

Андрей. И то бываетъ. Забьешься подъ бакъ, да и царяпнешь пѣсенку... любо-дорого!... Ужъ и запѣвало-то у насъ былъ молодчина: артилериць Плаксинъ. Да вотъ, по осень, лиселя ставили, такъ....

Варинька. Лиселя?... что это такое?

Андрей. Э! (*махнувъ рукой*) такая вотъ парусина: чуть по-свѣжей погодушка, — такъ ихъ ужъ и убирай!... То-ли дѣло марселя-те, ваше благородіе, изволите ихъ знать?

Варинька. Знаю, знаю; такъ что-же?

Андрей. Да то, сударыня, погода хошь волкомъ вой, а они и смѣны не знаютъ: круговая вахточка!... станетъ посвѣжѣ! рѣфы прихвагомъ, — да и гуляй веселѣй, ходи ходома не робѣй!...

Варинька. Вотъ и рѣфы — слово мнѣ незнакомое.

Андрей. Статочное дѣло, сударыня: оно вамъ и не въ укоръ: на флотѣ служить не изволили.

Надинька (*Варинькѣ*). Какъ тебѣ правится наивность его?...

Варинька (*поспѣшно*). Однако, слышишь?... папа твой идетъ и Петръ Андреевичъ!...

Надинька. Да, да, это его голосъ! уйдемъ!... Ты приходи къ намъ, Андрей! (*Объ уходятъ въ дверь нальво.*)

IV.

АНДРЕЙ, потомъ ТРОСОВЪ и ШТОРМОВЪ.

Андрей. Вишь, быстроглазья! словно за дѣломъ зовутъ: есть тутъ когда лясничать съ ними. (*Вынимаетъ тавлинку и нюхаетъ табакъ, но все это очень машинально.*)

Тросовъ (*за кулисами*). Смотри, Ермошка: ружья вычистить хорошенько, а косаго на кухню, къ ужину. (*Входя на сцену.*) А!... Андрей Тимофеевичъ!...

Андрей (*вытянувшись*). Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Штормовъ (входя). Что ты тутъ дѣлаешь? пошелъ вонъ!...
(Андрей уходитъ.)

—

У.

ТРОСОВЪ и ШТОРМОВЪ.

Тросовъ. Ну-ка, любезнѣйшій Петръ Андреевичъ, бросимъ-ка якоря, да — того — присядемъ. Не много-же я сегодня настрѣ-лялъ: что-то ноги залѣнились, усталъ.

Штормовъ. Да и я, отчасти, Иванъ Данилычъ.

Тросовъ. Что ты? стыдись!... Мнѣ, старику, простительно, — а ужъ вашему брату грѣхъ. Посмотрѣлъ-бы ты на меня, когда я былъ въ твоихъ лѣтахъ!... Да, летитъ время!... А хотѣлось бы мнѣ, признаться, побывать у васъ на Котлинѣ. Въ наше время было тамъ не то, что нынче; теперь раздолье!... Ну, а какъ твоя шкуна? бойка на ходу?...

Штормовъ. Да, она одна изъ лучшихъ въ нашемъ флотѣ. Но, признаться, въ настоящую минуту я думаю совершенно о другомъ....

Тросовъ. Именно, о чемъ же?

Штормовъ. Когда вы отдадите мнѣ подъ команду вашу любимую яхту....

Тросовъ. Э, братъ!... Ты, какъ я посмотрю, не любишь лежать невыгодными галсами: какъ бы поскорѣе на вѣтеръ!... Ха, ха, ха!...

Штормовъ. Это обязанность всякаго обстоятельнаго моряка.

Тросовъ. Разговаривай! ха, ха, ха!... Нѣтъ, шутки на сторону, Петръ Андреевичъ: разсуди самъ.... Ты, человѣкъ мнѣ совершенно незнакомый, за исключеніемъ того времени, что провель у меня.

Штормовъ. Разумѣется, это совершенно справедливо.

Тросовъ. Узнать человѣка въ такое короткое время — трудно, даже невозможно. Я не скрываю: ты нравишься мнѣ, очень нравишься. Но у меня, видишь-ли, есть своя причины, по которымъ я хочу узнать тебя нѣсколько покорооче: ты не спрашивай о нихъ, это моя тайна. Какъ-же, разсуди, не зная человѣка, отдать ему то, что составляетъ для меня величайшую драгоценность, для которой я жилъ, живу и буду жить?...

Штормовъ. Безспорно, Иванъ Данилычъ, я нисколько не опровергаю вашей предусмотрительности....

Тросовъ. Всякая тѣнь малѣйшаго несчастія, которую ей пришлось-бы въ такомъ случаѣ испытать — убила-бы меня, какъ

отца, которому надлежало сперва узнать того, кому онъ ввѣрилъ всю будущность и судьбу своего единственнаго дѣтища!... Извини меня, впрочемъ, Петръ Андреевичъ, въ излишней откровенности: вѣдь другой бы тебѣ этого не сказалъ; но я люблю жить и дѣйствовать на распашку, нисколько не стѣсняя себя, въ подобныхъ случаяхъ, условіями этикета: говорю безъ обиняковъ, потому что ихъ нѣтъ у моряковъ!

Штормовъ *(подаетъ ему руку)*. Повѣрьте, Иванъ Данилычъ, я вполне вамъ сочувствую....

Тросовъ. Ты, братъ, добрый малый, лихой, благородный... я убѣжденъ въ этомъ!... да, душка ты мой, повремени... немного!... *(скрывая слезы.)* Вѣдь Надя у меня одна, мое сокровище!... Ну, да стой такъ: довольно объ этомъ! *(Смотритъ на часы.)* Настаетъ адмиральскій: не худо бы перехватить чего-нибудь; какъ ты думаешь?...

Штормовъ *(не отказываясь изъ вѣжливости)*. Я ни чуть не прочь: какъ вамъ угодно.

Тросовъ. А у меня же, братъ, есть дивная наливка, которой ты еще не пивалъ у меня. Да вотъ, ни какъ, стряпунъ мой распорядился: завтракъ ужъ несутъ: очень кстати! *(Двое слугъ приносятъ на двухъ большихъ подносахъ завтракъ, бутылку вина и прочія принадлежности.)* Ну, присядемъ, Петръ Андреевичъ! *(Оба садятся къ столу.)*

Штормовъ. Мнѣ нравится образъ жизни, который вы ведете, Иванъ Данилычъ.

Тросовъ. А что?

Штормовъ. Да такъ. Лѣто — проводите на поляхъ, озабочены хлѣбопашествомъ, земледѣліемъ.... пользуетесь чистымъ, ароматнымъ воздухомъ, а зимою — имѣете развлеченіе на охотѣ, въ кабинетѣ, въ хозяйствѣ!... Право я вамъ завидую!...

Тросовъ. Вотъ вздоръ: и служить весело....

Штормовъ. Я не спорю....

Тросовъ. Знаю, братъ, я; самъ былъ молодъ!... Скучно, правда, провелъ время мичманства — а?...

Штормовъ. Ну, знаете, если сказать откровенно, такъ и не совсѣмъ весело?... Можно ли назвать годы вѣтренности счастливыми?... Сегодня счастливъ, блаженствуешь, доволенъ, — а завтра, недѣлю, мѣсяцъ, три — скучаешь!...

Тросовъ. Вотъ тебѣ на! это отчего?

Штормовъ. Отъ вѣтренности, а потому и отъ безденежья!... Вѣдь мы, бывало, какъ жили:

Только жалованье въ руку —
 И пошли мы всё мотать :
 Тутъ въ столицу — злую скуку
 Каждый бѣдетъ разгонять !
 Тамъ проживъ денька четыре :
 Видѣлъ оперу, балетъ,
 Да въ отличнѣйшемъ трактирѣ
 Бшь роскошнѣйшій обѣдъ.
 Срокъ пройдетъ, и долгъ служебный
 Торопливо мчитъ назадъ,
 Какъ повѣса прелюбезный —
 Весь въ долгахъ летишь въ Кронштадтъ !
 Съ грознымъ недугомъ кармана,
 На діэтѣ тутъ сидишь —
 И, сквозь пасмурность тумана,
 На минувшее глядишь !...
 Такъ до слѣдующей трети
 Все скучаешь и грустишь, —
 Треть прошла — и въ тѣ-же сѣти
 Съ восхищеніемъ летишь !...

Тросовъ. Ну, видишь-ли, какъ весело — ха, ха, ха !... Да, братъ : какъ годы молодости, подь-часъ, и не трудны, — а воспоминаія о нихъ всегда пріятны !... (*Штормовъ встаетъ.*) Куда-жь ты это вѣтаешь ?... посиди, поболтаемъ....

Штормовъ. Нѣтъ, извините, Иванъ Данилычъ : я готовлю маленькій сюрпризъ къ именинамъ Надежды Ивановны, а времени до завтра не много впереди; вужно поторопиться докончить....

Тросовъ. Ну, ну ступай; не держу тебя. А я вотъ еще пройду по чарочкѣ.... (*пьетъ.*)

Штормовъ. До свиданья ! (*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

VI.

ТРОСОВЪ, одинъ, продолжаетъ завтракать.

Нѣтъ, точно славный малый !... Но все-же дождусь отвѣта отъ пріятеля : таковъ-ли онъ тамъ, какимъ кажется здѣсь ?... Досадно вотъ только, что отвѣта нѣтъ : вѣдъ шуточное дѣло, когда я ему писалъ !... Ужъ я начинаю терять терпѣніе, — а бѣднымъ влюбленнымъ поди-ка куда какъ тошнохонько !...

VII.

ТРОСОВЪ и НАДИНЬКА, изъ лѣвыхъ дверей.

Тросовъ. Что это, Надинька, тебя не видать цѣлое утро?...

Надинька. Я кончала начатой воротничекъ.

Тросовъ. А Варинька?... Уфъ! вотъ это называется, по нашему, позавтракать!... (*встаетъ.*)

Надинька (*съ поспышностью*). Она не была сегодня здѣсь...

Тросовъ. Что, поди-ка, поссорились — ха, ха, ха!...

Надинька. Нѣтъ, папа!... (*про себя.*) Необходимо нужно обмануть батюшку; но какъ это тяжело!...

Тросовъ. Ну, ужъ вѣрно!... Ты, что-то, грустна сегодня?... вѣроятно, какія-нибудь причины?...

Надинька. Особенныхъ я не знаю. Мнѣ скучно только, что Варинька уѣхала....

Тросовъ. Уѣхала?... съ кѣмъ?

Надинька. Съ отцомъ.

Тросовъ. Что за чудеса!... Да я вчера былъ у Зорина: онъ ни слова мнѣ не говорилъ.

Надинька (*лукаво*). Очень не мудрено: эта поѣздка состоялась у нихъ печально; они поѣхали навѣстить больнаго.... знаете?..

Тросовъ. А, Матвѣя Осипыча!... да, да!

Надинька. Завтра утромъ будутъ назадъ....

Тросовъ (*лаская ее*). Ну, такъ и горевать нечего!... У насъ и кромѣ Вариньки есть люди, которые любятъ тебя не менѣе ея!...

Надинька. Вѣрю, папа; но эта мучительная безызвѣстность...

Тросовъ. Ну, полно; я съ часу на часъ жду добрыхъ вѣстей.

Надинька. Ахъ, батюшка!... Если-бъ вы могли только понять мое положеніе!...

Давно ужъ я совѣтъ не знаю —

Покойныхъ, счастливыхъ мнунтъ,

И съ тайной грустью ожидаю,

Что дни блаженства не придуть!...

Боюсь довѣриться надеждѣ,

Чтобъ послѣ вдвое не тужить;

Ахъ! много бѣдненькой Надеждѣ

Осталось грустныхъ дней прожить!...

Тросовъ. Полно тосковать: все сбудется по-твоему. Сегодня же приходитъ къ намъ почта, можетъ.... чу!... что это?... (*подходитъ къ окну.*) Э!... тройка!... Да какъ мчится: по нашему!...

Вѣрно какой-нибудь военный!...

Надинька (*про себя*). Это она!... что-то будеть!...

Тросовъ (*смотритъ въ окно*). Что это?... къ намъ.... привораживаетъ къ намъ!.. Кого это Богъ даетъ?... Такъ и есть: подѣхали къ подѣзду. (*Отходя отъ окна*.) Ужъ не самъ-ли Иванъ Лукичъ, вмѣсто отвѣта — ха, ха, ха!...

Надинька (*притворно*). Чего добраго! (*про себя*.) Выдержитъ-ли она свою роль? я вся въ страхѣ!...

Тросовъ. Прикажи-ка прибрать со стола. (*Надинька распоряжается; слуги убираютъ завтракъ*.) Вѣрно какой-нибудь добрый человекъ вспомнилъ о днѣ твоего ангела и нагрянулъ!...}

VIII.

ТѢЖЕ И АНДРЕЙ.

Андрей (*съ поныховъ, заикаясь*). Ваше Вы — сокоблагородіе! то-есть.... такъ скать.... его благородіе, мичманъ: не то Ротовъ.... аль Роковъ: не забралъ хорошенько въ голову.

Тросовъ. Ну?...

Андрей. Проситъ, то-есть, видѣться съ вашею милостью.

Тросовъ. Такъ проси.... зови!

Андрей. Просить что-ли, о чемъ хочеть: наговорилъ такую околесную, что и не разберешь его!... Съ полозомъ, кажись, что случилось....

Тросовъ. Да полно, братецъ, болтать вздоръ! (*толкаетъ его въ спину*.) Ступай.... бѣги.... проси.... скажи, что молъ очень рады!..

Андрей. Слушаю, ваше высокоблагородіе, слушаю!... (*уходитъ*.)

IX.

ТѢЖЕ БЕЗЪ АНДРЕЯ; ПОТОМЪ ВАРИНЬКА, ВЪ КОСТЮМѢ МИЧМАНА.

Тросовъ. Слышишь, Надинька: мичманъ, говорятъ, какой-то!.. Флотяга — ха, ха, ха!...

Варинька (*быстро входя, съ ловкостью*).

Если я не ошибаюсь —

Вы хозяинъ!...

Тросовъ.

Такъ и есть!

Варинька.

Къ вамъ я съ просьбою являюсь....

Тросовъ.

Я сочту себя за честь.

ВАРИНЬКА.

Изъ числа моихъ вопросовъ
Первый — имя ваше какъ?...

ТРОСОВЪ.

Я-съ, Иванъ Данилычъ Тросовъ,
Отставной вашъ братъ — морякъ.

ВАРИНЬКА.

О тѣмъ лучше, посмотрите...

ТРОСОВЪ.

Но и я желалъ-бы знать?...

ВАРИНЬКА.

Мое имя? извините:

Чуть забылъ его назвать.

Я Степанъ Петровичъ Роконъ,

Честь имѣю доложить, —

Службу началъ безъ упрековъ

И привыкъ безъ горя жить!

Къ вамъ зайти меня заставилъ:

Поврежденный экипажъ;

Вашъ приемъ мнѣ честь доставилъ —

Я слуга покорный вашъ!...

Вы теперь не откажите

Вашей помощью почтить:

Экипажъ мой, прикажите

Вашимъ людямъ починить!...

ТРОСОВЪ.

Я сейчасъ вѣлю приняться,

Ни минуты не терять;

Но, прошу не обижаться,

Съ часикъ надо подождать.

ВАРИНЬКА.

Я охотно ожидаю

Сутки, даже; а не часъ, —

Если только не мѣшаю

И не связываю васъ!...

Тросовъ (*жметъ ему руку*). Помилюте, Степанъ Петровичъ, я очень, очень радъ: кто морякъ — тотъ мнѣ и братъ. Пожалуй-ста безъ лишнихъ церемоній!... (*Въ среднія двери, за кулису*.) Сказать Пронькѣ, чтобъ исправилъ все нужное въ изломанной кибиткѣ!

Варинька. Покорно васъ благодарю!... Если не ошибаюсь, имѣю удовольствіе видѣть вашу дочь?...

Тросовъ. Такъ точно-съ: моя Надинька.

Варинька. Вашъ радушный пріемъ даетъ мнѣ надежду, что и Надежда Ивановна не откажется принять меня въ число добрыхъ знакомыхъ. — Не такъ-ли, сударыня?...

Надинька (*удерживаясь отъ смѣха*). Мнѣ особенно пріятно приобрести ваше знакомство....

Тросовъ. Давно вы изъ Петербурга, Степанъ Петровичъ?

Варинька. Второй день. Боже мой! какъ можно сравнить поѣздку моремъ съ береговой ѣздой: она на первой-же верстѣ чуть-было не вытрясла мнѣ душу; серьезно!... Случалось-ли вамъ, сударыня, *ходить* когда-нибудь моремъ?...

Надинька. Какъ-же, но я была очень мала — шести лѣтъ.

Тросовъ. Да, она сдѣлала въ послѣдніе годы моей службы два рейса изъ Кронштадта въ Ревель и обратно. Да дрянъ такая: чуть по-свѣжѣе — она и хохлится!... а если, этакъ, рифа въ два — такъ и больна цѣлый день!...

Варинька. Ну, что-жъ дѣлать: такая организація человѣческаго тѣла; не всякій можетъ перенести качку.

Тросовъ. Вы, вѣроятно, нынѣшняго выпуска?...

Варинька. Нѣтъ-съ: второй годъ на службѣ.... (*Про себя*.) То есть второй *часъ*; ну, да все равно!... (*ему*.) Извините, если я закурю папиросу.... (*закуриваетъ*.)

Тросовъ. Сдѣлайте милость. Да не желаете-ли трубочки?

Варинька (*смѣется*). Нѣтъ-съ, благодарю васъ.

Тросовъ. Сигарочки?...

Варинька. Не курю, рѣшительно не курю....

Тросовъ. А замѣчаешь ты, Надинька, какое разительное сходство имѣетъ Степанъ Петровичъ съ нашей Варинькой?...

Варинька. Можетъ-ли быть?...

Тросовъ. Какъ двѣ капли воды!... Разумѣется, у васъ голое по-грубѣе.

Надинька (*про себя*). Каково: не узнаетъ!...

Варинька. Это замѣчательно, потому-что рѣдко когда встрѣчаешь сходство между посторонними лицами. Мнѣ надо будетъ какъ нибудь постараться увидать эту особу.

Тросовъ. Непремѣнно. И посмотрите, какъ я справедливъ!... Да васъ обоихъ перерядить, такъ можно спутаться: васъ принять за нее, а ее за васъ; право!

Варинька. Ха, ха, ха!... Вѣря вашимъ словамъ, я совершенно съ вами согласенъ. Это должна быть пріинтересная особа для меня.

Тросовъ. А ужъ какая хорошенькая!...

Варинька. Вы желаете меня конфузить, Иванъ Данилычъ?...

Тросовъ. Полноте, пожалуйста; говорю такъ, какъ есть.

Варинька. Зная, однако, свою физиономію, могу въ этомъ сомнѣваться....

Тросовъ. Скромность украшаетъ юношей!... А что бы, и впрямь, вамъ ошвартовиться у меня на нѣкоторое время?...

Варинька (*про себя*). Впервые слышу это выраженіе: не знаю, что отвѣчать!...

Тросовъ. Право не пожалѣли-бы!... Не стали-бы горевать!...

Здѣсь, стѣна обѣ стѣну со мной,
Живетъ помѣщикъ пребогатый!...
Есть дочка — ангельчикъ собой! —
А человекъ вы не женатый,
Такъ вотъ-бы вы за этотъ домъ
Свои швартовы закрѣпили,
И, я готовъ ручаться въ томъ:
Вы непременно-бъ полюбили!...

Варинька. Ха, ха, ха!... Вы хотите, чтобъ я сталъ свататься на ней и женился?...

Тросовъ. И право не пожалѣли-бы; зажили-бы съ нею, что называется, душа въ душу.

Варинька. Въ послѣднемъ я не сомнѣваюсь....

Надинька. И я тоже, Степанъ Петровичъ.

Варинька. И вы тоже, сударыня?... Ха, ха, ха! нѣтъ-съ, благодарю васъ; жениться мнѣ никакъ нельзя....

Тросовъ. Отъ чего-же?

Варинька. Да оттого.... Во-первыхъ, видите-ли, надо, чтобъ я былъ менѣ вѣтренъ: это важное условіе. Во-вторыхъ.... словомъ сказать, по собственному убѣжденію, я еще слишкомъ молодъ, чтобъ составить счастье такой прекрасной дѣвицы.

Тросовъ. Ну, это, пожалуй, справедливо; именно—сперва нужно перебѣдиться, а ужъ потомъ, жениться. — Куда-жъ это вы, если смѣю спросить, ѣдете?...

Варинька. Я командированъ въ Черное море.

Надинька. Какъ далеко!...

Тросовъ. Въ Черное море?...

Варинька. Да-съ.

Тросовъ. Что вы, батинька, помняуйте!... Да вы ѣдете не по тому тракту?!

Варинька. Знаю, знаю-съ. Но это вышло вотъ почему. Мнѣ необходимо заѣхать въ помѣсть моего искренняго друга: я хо-

чу съ нимъ проститься на долгую разлуку. Вы, можетъ-быть, его знаете: онъ, отчасти, сосѣдъ вамъ по помѣстьямъ: верстѣ до трехъ-сотъ въ сторонѣ.

Тросовъ. Фамилія?

Варинька. Штормовъ.

Тросовъ (*съ радостнымъ удивленіемъ*). Штормовъ!?... } вмѣстѣ.
Надинька (*приторно*). Штормовъ?...

Варинька. Такъ точно. Это собственно и повело къ тому, что я, торопясь и дорожа временемъ, повредилъ свою повозку. Но судьба захотѣла подшутить надо мной: вмѣсто того, чтобъ выиграть время, прогадалъ только.

Тросовъ. Ха, ха, ха, ха!... Да вы напрасно претендуете на случай: ему-то и обязаны вы, что увидите съ Петромъ Андреемъ гораздо ранѣе, чѣмъ полагали.

Варинька. Можетъ-ли быть?!...

Тросовъ. Да я вамъ говорю!... (*Надинькѣ*.) Вотъ удачное стеченіе обстоятельствъ!...

Надинька. Именно. (*Варинькѣ*.) Петръ Андреечъ у насъ, онъ гостить....

Варинька. Что вы говорите!?!...

Тросовъ. Хотя сейчасъ-же велю позвать. — Вотъ оно, что-съ: вы, значить, друзья съ нимъ?

Варинька. Друзья и сослуживцы: все, что вамъ угодно. Это единственный другъ мой. Нельзя не любить такого человѣка: самыхъ благородныхъ правилъ!... Вотъ, кстати, Иванъ Давылычъ: посватайте-ка ему хваленую вами Вариньку: онъ достоинъ такой подруги.

Тросовъ. Хе, хе, хе! да-съ.... того.... ха, ха, ха!

Варинька. Повѣрьте, это рѣдкій человѣкъ. Къ тому-же, человекъ опытный, пожившій на свѣтѣ... Будетъ добрымъ, примѣрнымъ семьяниномъ....

Тросовъ. Да-съ, хе, хе, хе!

Варинька. А не то, что нашъ братъ вѣтренникъ!... Ему предлагали превыгодныя партіи; но онъ отказывался, потому-что ищетъ не деньги, а подругу, съ которою могъ-бы прожить счастливо свой вѣкъ. Онъ за частую мнѣ, бывало, говорилъ: раньше не женюсь — покуда не елюблюсь!... Не забудьте, онъ говорилъ это не для пустой рюмы, пѣтъ; но потому, что дѣйствительно такъ думаетъ поступить. И я впольнѣ убѣжденъ, что онъ будетъ однимъ изъ счастливѣйшихъ семьяниновъ!... (*Надинькѣ, въ полѣ*

голоса.) Что-жь ты мнѣ не помогаешь?... Не видны-ли локоны изъ подъ парика?...

Тросовъ. Не сомнѣваюсь, Степанъ Петровичъ, не сомнѣваюсь.

Надинька (*нальво*). Какъ не сомнѣваетесь, папа?...

Тросовъ. Тшъ!...

Варинька. Что это такое?

Тросовъ. Нѣтъ-съ.... того... .

Варинька (*съ разстановкою*). Такъ.... вы.... сомнѣваетесь.... ба! вы покраснѣли, сударыня?... что это значитъ?...

Тросовъ (*про себя*). Эхъ! ей-Богу, вышелъ изъ вѣтра!...

Варинька (*неотвязчиво*). Позвольте: неужели?... Надежда Ивановна.... Иванъ Данилычъ.... извините, впрочемъ, моей нескромности.... но, если не ошибаюсь.... нѣтъ, нѣтъ! я не могу ошибаться.... смятеніе Надежды Ивановны.... глаза ваши, Иванъ Данилычъ, говорятъ мнѣ, что другъ мой Петръ нашелъ наконецъ ту, которую искалъ съ давнихъ поръ!... Будьте откровенны, сознайтесь, если я хоть частью могу заслужить вашего довѣрія?...

Тросовъ. Ну, что ты будешь дѣлать!... ха, ха, ха!... Видно моряка: ловко подрѣзалъ подъ-корму!...

Варинька. Ну, говорите: да?

Тросовъ. Дѣлать нечего; напали на слѣдъ: да!

Варинька. Поздравляю васъ, сударыня; душевно радъ, и тѣмъ болѣе, что я могу вамъ предсказать счастливое супружество: это не челоуѣкъ, а золото!... Ну-съ, такъ когда-же сватьяба?...

Тросовъ. Вотъ горячая голова: ужъ и сватьяба!... Да еще и сговору не было....

Варинька. Э, Боже мой! что-жь вы медлите, Иванъ Данилычъ?...

Надинька. Ну, спросите вотъ папашу!...

Варинька. Не грѣшно-ли это вамъ, Иванъ Данилычъ, томить влюбленныя сердца! (*тормошитъ его*) полноте, серьезно, что вы это! Зовите Штормова.... да ну-же, какъ вамъ не стыдно....

Тросовъ. Прошу покорно!... Да вы меня хоть съ абордажа готовы взять!...

Варинька. Прикажите, пусть онъ сойдетъ.... помолвите ихъ.... я буду свидѣтелемъ!... Послушайте, если вы этого не сдѣлаете, такъ я просто заплачу!...

Тросовъ. Ха, ха, ха! вотъ прекрасно!... Мичманъ.... слышите: мичманъ хочетъ плакать — ха, ха, ха!...

Варинька (*Надинькѣ*). Каково проболталась? (*ему*) ничего шѣтъ-мудреного: я принимаю живѣйшее участіе въ положеніи лю-

блещихъ сердець. Ну, душевника Иванъ Данилычъ, прошу васъ, умоляю... сдѣлайте это для меня!...

Тросовъ (*про себя*). Вотъ дѣтская-то откровенность: упрощаетъ меня какъ ребеночекъ, какъ красная дѣвушка!...

Варинька. Прикажете позвать Штормова: обрадуйте его вашимъ согласіемъ на бракъ.... сдѣлайте одолженіе.... я вамъ просто не дамъ покою!...

Тросовъ. Бѣдовый вы человекъ, Степанъ Петровичъ!... Да что вамъ то за польза, помолвлены-ли они или нѣтъ?...

Варинька. Помилуйте! я вовсе не такой эгоистъ, чтобъ хлопоталъ только о самомъ себѣ. Я не скрываю: мнѣ будетъ особенно пріятно потанцовать на сватѣхъ Надежды Ивановны. Посмотрите, какъ я развернусь: всевозможныя польки, транбланъ, мазурки.... вы танцуете, Надежда Ивановна, польку-мазурку?...

Надинька. Очень плохо; почти разучилась.

Варинька. Она не трудна; позвольте, я вамъ покажу всѣ приемы (*подходитъ къ ней*).

Тросовъ (*про себя*). Лихой, лихой молодчикъ!... то-было собирался плакать, а теперь и танцовать готовъ.... ха, ха, ха!...

Варинька. Позвольте. (*Становятся въ позицію*) Вы держите себя свободнѣе, чтобъ оно походило, что вы танцуете отъ души: это необходимое условіе для граціозности танца. Начнемте-же. (*Напѣваетъ мотивъ польки-мазурки и танцуетъ; оркестръ аккомпанируетъ*).

Тросовъ (*отодвинувъ столъ и диванъ, восхищается*). Славно!... прекрасно!... ай-да Степанъ Петровичъ, ловчакъ!...

Варинька (*прекративъ танецъ*). Ну! видите, какъ эта мазурка не трудна.

Надинька. Разумѣется, при вашемъ умѣнии управлять дамою, съ вами не трудно танцовать....

Варинька. Пожалуйста, безъ комплиментовъ: я ихъ не заслуживаю. Протанцуйте теперь разъ изъ простой польки; онъ тоже довольно милъ. Начнемте (*исполняетъ и напѣваетъ мотивъ*). Нѣтъ, нѣтъ: не такъ. Не торопитесь. Начнемте снова. (*Начинаютъ, оркестръ аккомпанируетъ*).

ВАРИНЬКА.

Разъ, два, три, четыре!

Наклоняйтесь:

Въ право; въ лѣво: точно такъ;

Вы танцуете, какъ полька —

Я скажу вамъ, какъ полякъ!...

Надинька.

Чудный танецъ!
 Въ восхищенъ
 Я отъ васъ и отъ него;
 Лучше этого
 Испанецъ
 Не станцуетъ ничего!...

Тросовъ.

Браво, мичманъ!
 Браво, Надя!
 Ты танцуешь лучше всѣхъ;
 Ну, довольно, полойдите:
 Разцѣлю за успѣхъ!

Х.

ТѢЖЕ и ШТОРМОВЪ, изумленный останавливается въ дверяхъ.

Тросовъ. Вотъ, братъ Петръ Андреичъ, узнаешь-ли?...

Варинька. Здравствуй, любезный Штормовъ! *(тихо ему)* не удивляйтесь: не то все пропало!

Штормовъ *(не понимая)*. Здравствуйте.... здравствуйте....

Тросовъ. Да чтожъ ты? не узнаешь, что-ли Степана Петровича Рокова?...

Штормовъ. Какъ не узнаю: *узнаю!* и удивляюсь....

Варинька *(поспѣшно)*. Помилуйте: нечему удивляться!... *(ему)* Если вы не перемѣните вашъ предательскій тонъ, я буду на васъ сердита.

Тросовъ. Да, братъ; такихъ друзей, немного въ нынѣшнемъ вѣкѣ!... Другой-бы удралъ себѣ въ Черное море, да и не вспомнилъ-бы о товарищѣ; а Степанъ Петровичъ не таковъ: пріѣхалъ проститься съ тобою!... Это добрая черта, пріятельская!...

Штормовъ *(Варинькѣ, тихо)*. Извините: вамъ самимъ угодно наложить на меня обязанность говорить вамъ «ты». *(Тросовъ говоритъ съ дочерью)*.

Варинька *(ему, тихо)*. Ради Бога не стѣсняйтесь и будьте бойчѣе.

Штормовъ. Такъ ты отправляешься въ Черное море?...

Варинька. Да, другъ; по назначенію. Однако, не въ томъ дѣло. Позволь тебя поздравить.

Штормовъ. Съ чѣмъ?

Варинька *(Надь)*. Знаете, Надежда Ивановна, еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, я разсердился-бы за это на Пьера:

Штормовъ. За что?

Варинька. Какъ за что? тебя поздравляютъ какъ жениха прелестной Надежды Ивановны, а ты....

Штормовъ (*бросаясь къ Тросову*). Батюшка!... что я слышу?!.. Такъ вы точно меня ошастливили вашимъ драгоцѣннымъ сокровищемъ?...

Тросовъ (*почти со слезами*). Такъ ты точно любишь мое единственное сокровище, мою неоцѣненную Надю?...

Штормовъ. Батюшка! отбросьте тѣбѣ малѣйшаго сомнѣнія!.. (*обнимаетъ его*).

Тросовъ (*шутливо погрозивъ*). Ну, ужъ млчмапъ мнѣ этотъ только: проказникъ!..

XI.

ТѢЖЕ, и АНДРЕЙ (*съ письмомъ*).

Андрей. Ваше благородіе!.. (*передаетъ письмо*) принесли, то есть, приказано отдать вашей милости.

Тросовъ. Отъ кого?

Андрей. Не могу знать; человекъ то есть, кажись, что отъ Зорина.

Варинька (*про себя*). Теперь все пропало!

Надинька (*тоже*). Какая обида: не быть успѣху!

Тросовъ (*радостно, пробѣжавъ письмо*). Кетати.... превосходно!... На, Надинька, прочти мой секретъ.

Варинька. А мои просьбы вы оставили, кажется, въ тунѣ?...

Тросовъ. Какой, батюшка, въ тунѣ: со всѣмъ отдаю ему мою Надиньку, потому-что дѣйствительно убѣжденъ, что онъ любить ее. (*Штормовъ и Надинька благодарятъ его за согласие*.)

Варинька. Вотъ, это дѣло, Иванъ Данилычъ!... Поздравляю васъ всѣхъ!... Теперь остается только выждать день сватьбы....

Тросовъ. Какъ не сожалѣю, Степанъ Петровичъ, — а долженъ ее отерочить недѣли на двѣ, потому-что у меня не было еще никакихъ приготовленій.

Варинька. О, помилуйте! теперь это для меня рѣшительно все равно. Я радъ тому, что безызнѣтность участи любящихъ пришла наконецъ къ концу. Что-же касается до сватьбы, я буду ее ожидать хотя годъ.... два, три года — и все-таки не уѣду изъ вашего сосѣдства. Позвольте, я васъ разочарую; видите-ли почему произошла эта перемѣна:

Потому-что въ Черномъ морѣ —

Я увѣренъ напередъ —

Меня встрѣтятъ скука, горе

И тоску лишь наведетъ.

А!... васъ это изумляетъ;

Что сказалъ противъ себя?...

Пусть Иванъ Данилычъ знаетъ:

Что подъ этой маской — я!... (снимаетъ усы и парикъ; локоны ниспадають на эполеты. Тросовъ показываетъ видъ изумленія. Штормовъ и Надинька отъ души хохочать. Андрей, переминаясь съ ноги на ногу, также посмѣивается).

Тросовъ. Какъ?... Не вѣрю своимъ глазамъ!... Неужели это ты шалунья, Варинька?...

Варинька. Какъ видите, Иванъ Данилычъ. Но вы, пожалуйста, не сердитесь на меня за эту шутку...

Тросовъ. Ахъ ты, проказница!... Откуда-же ты достала этотъ сюртучекъ?...

Варинька. Отъ брата моего, Валеріана.

Тросовъ. И въ самомъ дѣлѣ!... Ну, шалунья!...

Штормовъ. Однакожъ, какъ натурально была разыграна роль!...

Тросовъ. Да чего братецъ: я и въ толкъ не взялъ!... одурачила на старость лѣтъ!... Да скажи мнѣ на милость, проказница, къ чему это ты устроила этотъ маскарадъ?...

Варинька. Цѣль состояла въ томъ, чтобъ уговорить васъ на бракъ Надиньки; но тутъ подоспѣло письмо!...

Тросовъ. Ну, скажи пожалуйста!... Ну — мастерица - хитрица — ха, ха, ха!... Однакожъ, пойдѣте къ столу, и потолкуемте тамъ о приготовленіяхъ къ свадьбѣ.

Надинька. Ахъ, какъ я рада! какъ рада!...

Тросовъ. Не торопитесь радоваться: понравится-ли ваша шутка здѣсь (показываетъ на публику).

Надинька (къ публикѣ).

Теперь очередь за мною

Вамъ за автора сказать,

Что готовъ онъ всей душою

Завсегда вамъ угождать.

Вы его не ободрите-ль?...

Онъ трепещетъ, мой бѣднякъ:

Правится-ль вамъ, добрый зритель,

Наша Двеушка-Морникъ?...

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

MUSÉE MUSICAL,

на Невскомъ проспектѣ, въ Пассаждѣ, подь № 35, въ теченіе
1850 года издаю:

Для фортепiano въ четыре руки.

Кажинскій, В. Торжественный Маршъ. (60 с.)

Lévy, Ch. Gondoliera. (60 с.)

—— Saltarella. (1 р.)

—— «Les Viennoises.» Valses. (1 р. 50 с.)

Для фортепiano въ две руки.

BEETHOVEN, L. van. Marche à la turque des «Ruines d'Athènes», arrangée
par A. Rubinstein. (60 с.)

BERTINI, H. «La gentille fermière.» Pastorale. (60 с.)

BURGMÜLLER, F. «La danse des esprits.» Chansonnette. (60 с.)

ДАМСКЕ, В. «Le Réveil du printemps.» Idylle. (75 с.)

—— L'Ondine. Chansonnette. (50 с.)

—— Rondoletto sur un thème de l'opéra «Les Guelfes et les Gibelins.»
(50 с.)

DÜTSCH, O. Trois Impromptus: Op. 13. (1 р.)

GUNG'L, JOH. Grosses militairisches Marsch-Potpourri. Op. 56. (1 р. 15 с.)

—— Caméléon musical. Grosses Potpourri. (1 р. 50 с.)

HENSELT, A. «Отъ чего?» Romance du Comte Michel Wielhorsky
transcrite. (85 с.)

KULLACK, Th. «La Coquette.» Pièce caractéristique. (85 с.)

- LÉWY, Ch. Petite Fleur des champs. Intermezzo. (50 c.)
 — Mazurka. (75 c.)
 — Berceuse. (85 c.)
 — «Lidie-Polka.» (50 c.)
- LISZT, Fr. Mélodies Polonaises. (60 c.)
- LITOLFF, H. Tarantelle Calabraise. (85 c.)
- LUMBYE, H. C. «Traumbilder.» Fantaisie. (85 c.)
- MAYER, Ch. Polka. (30 c.)
- MEYERBEER, G. Krönungs-Marsch aus der Oper: «Der Prophet.» (60 c.)
 — Walzer aus der Oper: «Der Prophet.» (50 c.)
- PRUDENT, E. «Une fleur délaissée.» Cantabile. (50 c.)
- TSCHERLITZKY, Alez. Fantaisie russe sur la romance de M. Glinka «Кро она и гдѣ она?» (85 c.)
- VOSS, Ch. «Douleur et Joie.» Romance mélancolique et Allegro gioioso Op. 42. (75 c.)
 — «L'Étourdi Intermezzo. (50 c.)
 — «Les Patineurs.» Intermezzo. (50 c.)
 — «Schiffer-Ständchen.» Romanze. (50 c.)
 — «Ein flüchtiger Blick.» Mélodie. (40 c.)
- WIELHORSKY. Capriccio sentimental. (50 c.)
 — «Отъ чего?» Romance transcrite par Ad. Henselt. (85 c.)

Танцы.

- ALEXANDROFF, A. «La modeste.» Polka-Mazurka. (40 c.)
- FRITSCH, F. Ponomareff-Polka. (40 c.)
- GUNG'L, Joh. «Frühlingszauber-Walzer.» Op. 54. (85 c.)
 — Quadrille sur des thèmes favoris du ballet: «Catarina.» Op. 55. (75 c.)
 — Militairisches Marsch-Potpourri. Op. 56. (1 r. 50 c.)
 — Hommages à Fr. Chopin. Mazurka. Op. 57. (40 c.)
 — «Adèle-Valse.» Op. 58. (85 c.)
 — Quadrille sur des thèmes favoris de l'opéra: «Les Guelfes et les Gibelins» de G. Meyerbeer. Op. 59. (75 c.)
 — Cameleon musical. Grosses Potpourri. Op. 60. (1 r. 50 c.)
 — «Minnelieder-Walzer.» Op. 61. (85 c.)
 — «Nabucco-Marsch.» Op. 62. (50 c.)
 — «Zeneide-Polka.» Op. 63. (50 c.)
 — «Namenlose-Polka.» (Безыменная Полька.) Op. 64. (50 c.)
 — Quadrille sur des thèmes favoris de l'opéra: «Le Prophète» de G. Meyerbeer. (75 c.)
- GUNG'L, Jos. Ungarischer Marsch. Op. 1. (40 c.)
- GUNG'L Jos. «Die Magyaren.» Walzer. Op. 18 (85 c.)
 — «Klänge aus der Heimath.» Oberländer. Op. 31. (50 c.)
 — «Vagabonden-Polka.» Op. 55. (50 c.)

- «Matrosen-Polka.» Op. 71. (50 с.)
- «Abschied von Berlin.» Walzer. Op. 77. (85 с.)
- «Träume auf dem Ocean.» Walzer. Op. 80. (85 с.)
- «Immortellen zur Erinnerung an Joh. Strauss.» Walzer. Op. 82. (85 с.)
- «Yankee-Galop.» Op. 83. (60 с.)
- «Andorra-Quadrille. Op. 84. (60 с.)
- «Klänge vom Delaware.» Walzer. Op. 89. (85 с.)
- «Benefice-Polka.» Op. 93. (50 с.)
- «Reussenlieder-Walzer.» Посвященный Ея Императорскому Высочеству Великой Княгини Марии Николаевны. Op. 94. (85 с.)
- «Erinnerung an Peterhoff.» Walzer. Посвященный Ея Императорскому Высочеству Государыне Императрице Александры Фёдоровны. Op. 95. (85 с.)
- JOSSE, J. M. «Le Tagc.» Quadrille. Посвященный Ея Императорскому Высочеству Великой Княгини Марии Николаевны. (60 с.)
- KASCHEWSKY, N. Le Départ. Polonaise. (60 с.)
- KAZYNSKI, V. Grisi-Polka. (60 с.)
- LANNER, JOS. «S'Hoamweh.» Steirische Tänze. Op. 202. (75 с.)
- LEVINO, J. «Le Californien.» Quadrille. (60 с.)
- LÉWY, Ch. Lydie-Polka. (50 с.)
- LIADOFF, Alex. Улыбка-Полька. (40 с.)
- LIADOFF, Const. Масляница-Галопъ. (40 с.)
- LIADOFF, Mich. Quadrille sur des thèmes favoris du ballet: «La filleule des fées.» (60 с.)
- LUMBYE, H. C. Amoretten-Galop. (30.)
- «Bellona-Galop. (40)
- «Flora-Polka.» (30 с.)
- «Vigorosa-Walzer.» (85 с.)
- «Traumbilder.» Fantasie. (85 с.)
- MATIATIN, A. Шалуныя-Полька. (40 с.)
- MAYER, Ch. Polka. (50 с.)
- MELTZER, J. E. Hommage à Carlotta Grisi. Quadrille brillant sur des motifs du ballet, «Le diable à quatre.» (Своерправная жена.) Op. 53. (50 с.)
- NADOFF, Alexandrine. «Marie-Polka.» (30 с.)
- NAWOSKOFF, P. Redowa. (40 с.)
- «Favoriten-Polka.» (40 с.)
- PHILIPPOFF, Vold. Самёвнка-Полька. (40 с.)
- PISTHOLCORS, L. de. Marche des lanciers. (40 с.)
- PUGNI, Cesare. Le diable à quatre. (Своерправная жена.) Ballet de Mr. Perrot. № 1. La Cracovienne, dansée par Mlle. Andrejanoff et Mr. Perrot. (40 с.)

2. Polka-Mazurka (40 c.), } dansées par Mlle. Carcotta Grisi
 3. Polka (60 c.), } et Mr. Perrot.
 4. Galop (60 c), dansé par le corps de ballet.
 5. Valse, dansée par Mlle. Carlotta Grisi. (60 c.)
 6. Marche. (60 c.)
 7. Quadrille, composée par Joh. Gung'l. (75 c.)
 8. Quadrille, composée par J. E. Mellzer. (60 c.)
- ROUSSEAU, Th.** Tête-à tête. Polka-Mazurka. (40 c.)
SACHS, «Maximilian.» «Anne-Polka.» (40 c.)
 — Quadrille sur les meilleurs motifs de l'opéra: Les Guelfes et les Gibelins.» (60 c.)
SCHEWITSCH, M. «Les Rêves.» Valses. (60 c.)
SCHILOVSKY, Mme. Marie de. Souvenir de Péterhoff. Polka. (40 c.)
SCHINDLER, W. Récréation-Polka. 50 c.)
SCHOULTZ, A. Annette. Polka-Mazurka. (40 c.)
STRAUSS, Joh. Louisen-Quadrille. Op. 234. (60 c.)
 — «Damen-Souvenir-Polka.» Op. 236. (30 c.)
 — «Des Wanderers-Lebewohl.» Walzer. Op. 237. (85 c.)
 — «Alice-Polka.» Op. 238. (50 c.)
 — «Friderika-Polka.» Op. 259. (40 c.)
 — «Friedensbothen.» Walzer. Op. 241. (85 c.)
 — Manövrir-Marsch der Spanischen Nobelgarde. (40 c.)
STRAUSS, Joh. Sohn. «Die Sanguiniker.» Walzer. (85 c.)
 — «Bachus-Polka.» (50 c.)
 — «Die Sängerbahnen.» Walzer. (85 c.)
WALTZ, F. «Echo-Quadrille.» Op. 2. (60 c.)
 — «Соловей-Полька.» Op. 4. (40 c.)
 — «Souvenir d'Amitié.» Polka. Op. 12 (40 c.)
 — «Max-Sutaine-Galop.» Op. 14. (60 c.)
 — «Douchinka-Walzer.» Op. 15 (85 c.)
WALDE, A. Кавказская Полька. (40 c.)
WEBER, F. A. «Erinnerung an Moskau.» Polka. (50 c.)

Для пѣнія.

- ВІЕЛЬГОРСКИЙ, Графъ Мих.** «Отъ чего? Романсъ.» (50 c.)
ДАМСКЕ, В. Sechs Lieder für 4 Männerstimmen. (3 r.)
КУГУШЕВЪ, Князь Г. В. Романсы: № 1. «Пойду я къ окну.» № 2. «Душные кудри и черные очи.» № 3. Падушая звѣзда.» № 4. «Нѣтъ ли между вами мѣста для меня.» № 5. «Бываютъ дни.» (1 r.)
КУЗМИНСКИЙ. Романсъ: «Ахъ уймитесь злые люди.» (40 c.)
LÉWY, Ch. «Bonjour, bonsoir.» Romance du comte Sollogonb. (75 c.)
МАЛЬЧУГИНЪ, А. Русская пѣсня: «Въ полѣ вѣтеръ воетъ.» (50 c.)

Библиотека
 А. В. ЛУНАЧАРЪ

9817

18238

«ПАНТЕОНЪ»

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца. Въ „Репертуаръ Русской сцены“ печатаются всѣ лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, и картинки.

Цѣна за 12 книгъ „Пантеона“, при нихъ 12 *л. л.* „Репертуара Русской сцены“, съ картинками и нотами:

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Издатель долгомъ считаетъ увѣдомить, что даже и тѣмъ лицамъ, которыя подписались бы на „Пантеонъ“ не въ началѣ года, журналъ этотъ будетъ доставленъ *вполнѣ*, начиная съ перваго нумера и со всѣми приложеніями.

Кто пожелалъ бы имѣть „Пантеонъ“ за 1848 и 1850 годы, оба года вмѣстѣ, или каждый отдѣльно, оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, тотъ можетъ получить ихъ изъ „Главной Конторы Пантеона“ въ С. Петербургѣ. Для новыхъ-же подписчиковъ на 1851 годъ, съ этихъ изданій дѣлается, по сношенію съ Главной Конторой журнала, уступка. (Въ 1849 г. Пантеонъ не издавался.)

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просить обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.